

Министерство образования и науки Украины
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

СИНЕРГЕТИКА В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Монография

Под общей редакцией проф. Л. С. Пихтовниковой

Харьков – 2015

УДК
ББК

Рецензенты:

Ю. А. Зацный – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода с английского языка Запорожского национального университета;

В. И. Карабан – доктор филологических наук, профессор, професор кафедры теории и практики перевода с английского языка Института филологии КНУ имени Тараса Шевченко;

И. Е. Фролова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода английского языка ХНУ имени В. Н. Каразина.

*Утверждено к печати решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № _____ от 26 декабря 2014 года)*

Синергетика в филологических исследованиях. Монография / Т. И. Домброван, С. М. Еникеева, Л. С. Пихтовникова, А. Н. Приходько, Е. А. Семенец, В. И. Силантьева, Е. Г. Фоменко; С. Н. Коринь, О. Н. Гончарук, И. М. Яремчук, А. Н. Судья, Н. Н. Пильгуй, Е. В. Богатырева, М. В. Залужная / Под общ. ред. проф. Л. С. Пихтовниковой. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2015. – 340 с.

В коллективной монографии представлены основные направления синергетических исследований в филологии, заложенные украинскими лингвистами и литературоведами. Базовые понятия синергетики использованы для выявления механизмов самоорганизации в языковой системе и дискурсе, в проявлении идиостиля авторов литературных произведений.

Предпосылки самоорганизации в языке и речи во всех работах монографии описаны на уровне, позволяющем применить для дальнейших исследований весь инструментарий синергетической парадигмы и выявить конкретные механизмы самоорганизации в объектах изучения филологии. Монография отражает как новаторские разработки известных украинских ученых, так и работы их последователей – молодых исследователей, развивающих далее синергетическую парадигму в филологии.

Для научной работы филологов; преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов филологических специальностей.

Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина, 2015
Домброван Т. И., Еникеева С. М.,
Пихтовникова Л. С. и др., 2015
Дончик И. Н., макет обложки, 2015

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
Основные положения и понятия синергетики в применении к филологии. Базовые и инструментальные понятия синергетики (Пихтовникова Л. С.)	9
Глава 1. Синергетика в лингвистических исследованиях	26
1.1. История английского языка как объект исследования в диахронической лингвосинергетике (Домброван Т. И.).....	26
1.2. Синергетические параметры структурной организации и развития словообразовательной системы современного английского языка (Еникеева С. М.).....	77
1.3. Самоорганизация дискурса и отдельных типов дискурса (Пихтовникова Л. С.).....	112
1.4. Самоорганизация речевого произведения в информационном аспекте (Пихтовникова Л. С.).....	130
1.5. Самоорганизация концептивных систем и межкультурный трансфер концептов (Приходько А. Н.).....	173
1.6. Синергетика модальностей поетичної творчості (Семенец Е. А.)....	197
Глава 2. Синергетика в литературоведении и искусствознании	231
2.1. Феномен переходности в искусстве: Литературоведческий и синергетический подходы к проблеме (Силантьева В. И.).....	231
2.2. Синергетическое напряжение в идиостиле Джеймса Джойса (Фоменко Е. Г.).....	264
Глава 3. Синергетика в исследованиях молодых ученых	296
3.1. Дискурс и метаметафора в синергетическом аспекте (Пихтовникова Л. С., Коринь С. Н.).....	296
3.2. Дискурс байки у синергетичному аспекті (на матеріалі англомовної прозової байки) (Піхтовнікова Л. С., Гончарук О. М.).....	306

3.3. Дискурс притчі у синергетичному аспекті (Піхтовнікова Л. С., Яремчук І. М.).....	318
3.4. Контекстуальна синонімія прикметників як синергетичний феномен (на матеріалі німецькомовного публіцистичного дискурсу) (Суддя А. М.).....	327
3.5. Синергетичний аспект дослідження англомовного наукового агротехнічного дискурсу (Пільгуй Н. М.).....	338
3.6. Специфічні екстралінгвальні фактори реалізації англомовних передвиборчих політичних дебатів у синергетичному аспекті (Богатирьова Є. В.).....	358
3.7. Лінгвосинергетичні характеристики німецькомовної новели (діахронічний аспект) (Чередниченко В. П.).....	369
3.8. Лингвосинергетические аспекты реализации принципа неопределенности (на материале художественных текстов британских постмодернистов) (Залужная М. В.).....	384
Глоссарий основных понятий синергетики (для филологов) (Пихтовникова Л. С.).....	411
Наши авторы.....	419
Рецензии.....	431

ПРЕДИСЛОВИЕ

Филологи уже давно стали понимать, что объекты их изучения – языковая система, литературные произведения, речевая деятельность – содержат в себе потенциал самоорганизации и саморегулирования. Однако до второй половины XX века адекватного научного языка для описания механизмов самоорганизации не существовало. Положение изменилось с появлением науки синергетики и ее бурной экспансией во многие сферы, богатые самоорганизованными системами. Одна из таких сфер – филология: выяснилось, что многие ее базовые понятия допускают наряду с традиционным употреблением также и синергетическую трактовку, если изучать становление и эволюцию объектов филологии.

Закономерным результатом смены научных парадигм стало появление в конце XX – начале XXI века достаточно представительной украинской школы, внедряющей синергетику в филологию. Успехи этой научной школы обусловлены ее стремлением к строгому обоснованию синергетических заимствований в филологии, к новому взгляду на известные лингвистические явления. Достоинством работ школы является также их ясная научная перспектива развития, дающая возможность продолжать лингвосинергетические исследования ученикам и последователям.

Исходя из содержания и концепций представленных в монографии работ, можно с определенностью сказать, что украинская школа лингво- и литературоведческой синергетики развивается в таких основных направлениях: диахроническая лингвосинергетика (Т. И. Домброван); синергетика словообразования (С. М. Еникеева); синергетика дискурса, самоорганизация в эволюции стиля и жанра (Л. С. Пихтовникова); самоорганизация концептосферы (А. Н. Приходько); синергетика поэтического творчества (Е. А. Семенец); синергетика в пространстве литературоведения и искусствознания (В. И. Силантьева); самоорганизация постмодернистского романа и идиостиль (Е. Г. Фоменко).

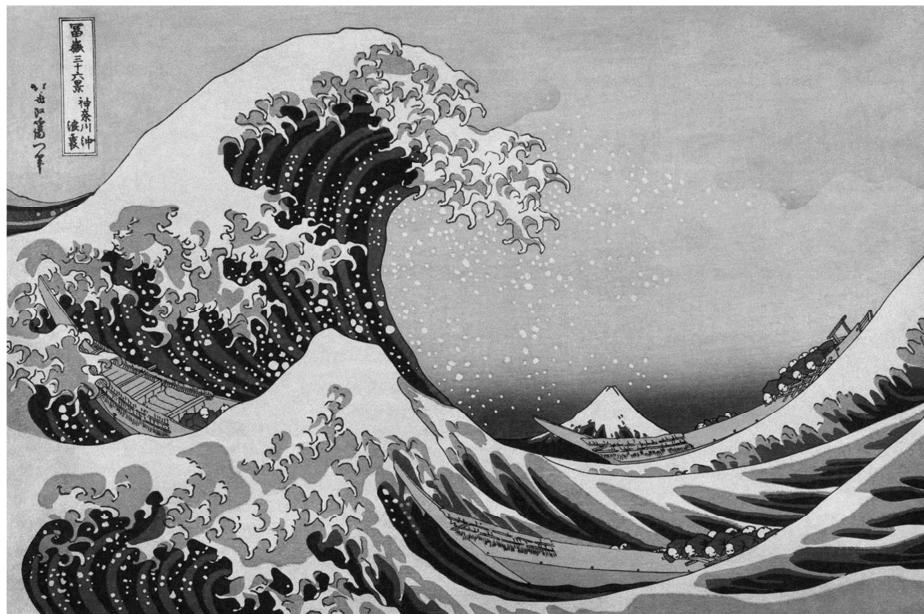
Настоящая коллективная монография дает представление о направлениях исследований синергетических процессов в украинской филологии, но не является перечнем всего достигнутого на данный момент.

Выражаю глубокую благодарность тем ученым, которые на рубеже столетий поддержали первые ростки синергетики в филологии Украины: Г. В. Ейгеру, Г. Коллеру; А. Д. Беловой, Л. И. Сахарчук,

В. И. Чередниченко; В. Д. Демченко, В. И. Карabanу, Т. Р. Кияку, В. В. Козловскому, В. Д. Наривской, А. М. Науменко.

Светлая память тем из них, кого уже нет с нами: Г. Г. Почепцову, К. А. Шаховой, О. П. Пророченко, Л. Ф. Омельченко.

Лидия Пихтовникова

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПОНЯТИЯ СИНЕРГЕТИКИ В ПРИЛОЖЕНИИ К ФИЛОЛОГИИ. БАЗОВЫЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ СИНЕРГЕТИКИ

Пихтовникова Л. С.

Синергетика изучает самоорганизацию сложных систем различной природы и назначения. Как правило, такие системы состоят из разнородных элементов, связанных между собой структурно и / или функционально. Однако на микроуровне в этих системах обычно обнаруживается однородный «строительный материал» – в некотором смысле неразличимые между собой кирпичики, т. е. кванты. В самоорганизующихся системах (далее **С-системы**) квантами являются, например, частицы песка в самодвижущихся барханах, единичные организмы в биоценозе, отдельные слова в языковой системе.

Термин «синергетика» введен в науку Г. Хакеном сначала для исследования самоорганизации физико-химических явлений, затем он спроектировал наблюдения за самоорганизацией на природные (биологические) и социальные системы [Хакен 1991]. С конца XX века активно разрабатывается синергетическая парадигма в лингвистике [Ейгер 1992; Герман 2000; Кёлер 2007; Москальчук 2003; Пиотровский 1996; Пихтовникова 1999, 2000, 2008], однако она зародилась еще ранее в исследованиях самоорганизации различных языковых явлений [Том 1975; Николис 1989; Фуко 1994].

Базовые понятия синергетики

В окружающем мире присутствует достаточно много таких материальных и идеальных объектов, которые создают сами себя и поддерживают свое существование так же самостоятельно, без чертежей и планов, вольно выбирая свою конструкцию и поведение. Такие объекты изобретательно приспособляются к внешним ограничениям и демонстрируют замечательную адаптацию к окружающей среде. Они взаимодействуют с внешней средой, но от нее автономны и при этом сохраняют способность к относительной свободе поведения, развития и самовосстановления.

Примеры подобных объектов – рынок, экологическая система, городская община, отдельный живой организм, развивающаяся наука и многие другие. Самоорганизующейся и эволюционирующей является

система знаний и система передачи знаний в процессе общения, т. е. дискурс. Как сложный объект идеальной природы, дискурс имеет достаточно полное определение, охватывающее все его аспекты.

Синергетика изучает самоорганизующиеся объекты во всех сферах, где они существуют. При этом каждый объект изучения остается в поле зрения традиционных наук, но синергетика добавляет свои представления, терминологию и выводы. Синергетика исходит из того, что любой объект ее внимания является системным. **Системой** принято называть такую совокупность объектов одинаковой или разной природы, которые находятся во взаимной связи, и за счет этого совокупность приобретает свойство цельности, т. е. новые функции и качества, не вытекающие из функций и качества составляющих частей совокупности. Системой является, например, любой инструмент, объединяющий в себе хотя бы два элемента. Тогда между ними возникает физическая, информационная, функциональная или другие связи, создающие новое системное качество. Если система имеет много элементов, то связи между ними множатся в геометрической прогрессии и определить их влияние на системное качество компонентным анализом не удастся. Здесь требуются другие идеи, которые предоставляет синергетика.

Системным объектом является также язык. Языковая система есть иерархическая организация языковой компетенции, которая состоит из инвариантных единиц (фонем, морфем, лексем, граммем, предложений, текстом), структурирована на основе синтагматических, парадигматических и эпидигматических связей между этими элементами на всех языковых уровнях и служит для реализации номинативной, коммуникативной, познавательной, фатической, волюнтативной, аккумулятивной, трансляционной, эмотивной и др. функций [Сучасна лінгвістика 2006].

Системное использование языка порождает различные стили и жанры, в том числе литературный жанр. Литературоведческое описание эволюции жанра, идиостиля отдельных авторов в их становлении также является предметом синергетических исследований. Во-первых, эволюция жанров и литературных течений происходит в конфликте старого и нового, при смене ценностей социума. Во-вторых, выразителем этой смены часто оказывается одна гениальная личность – писатель, художник или композитор. Его идиостиль становится указующим, задает новое направление искусству и символизирует пройденную литературой, живописью или музыкой точку бифуркации. В понятиях синергетики такие явления поддаются адекватному описанию (образцы приведены в данной монографии), однако требуют необходимого баланса. Корпус понятий синергетики исключает неточ-

ности и предполагает у исследователя ясное понимание концептуальной метафоричности многих терминов этой науки. В то же время, модель эволюции жанра или отдельного стиля не должна в угоду математической точности дефиниций выхолащивать содержание этих объектов исследования; на наш взгляд, в синергетико-литературоведческих разработках данной монографии этот баланс соблюден.

Система всегда имеет цели, иначе говоря, некоторую целеустремленность поведения. Связи между элементами системы и упорядоченная совокупность ее функций составляют **организацию** системы. Полезно сравнить понятия: **система, комплекс, конгломерат**.

Комплекс – это совокупность объектов с их взаимными связями. В отличие от полноценной системы, цели комплекса (если они есть), его связи и функции выражены слабо и статично. Поэтому, если в каком-либо исследовании объявлено «комплексное (а не системное) исследование объекта», то можно ожидать статическое описание его состава. **Конгломерат** есть механическое объединение элементов без взаимных связей.

Суть самоорганизации той или иной системы может быть понята в различных вариантах одного и того же смысла. Система функционирует на основе самоорганизации, если она самостоятельно способна адекватно реагировать на внешние изменения, воздействия, изменяя самостоятельно свои параметры, структуру, функции и тем самым, сохраняя себя. Ответ системы – не обязательно пассивный (самоадаптация), он может изменять ее положение и влиять на внешнюю среду.

В технических науках систему, действующую на основе самоорганизации, обычно называют **самоуправляемой**. В гуманитарной сфере одной из самых объемных самоуправляемых систем является, видимо, языковая система, включающая в себя языковые личности и языковую картину мира. Эта система способна организовывать свои элементы в блоки, служащие для построения дискурса. При этом на каждом этапе построения из блоков-участников также образуются самоуправляемые системы. Масштабы дискурса и этапы его образования диктуют состав блоков-участников. Подробнее механизмы образования дискурса рассмотрим далее (гл. 1, п. 1.3). Суть коллегиальной работы блоков поясним при введении синергетических понятий аттрактора и репеллера.

С позиций синергетики основными факторами, способствующими созданию и саморазвитию системы, являются ее **иерархичность, неравновесное состояние**, а также свойство **диссипативности**.

Установленным в науке является тот факт, что система любой природы и сложности всегда имеет цель, или предназначение для своего существования. При этом с инженерной точки зрения проще

понять такую систему, в которой цель четко детерминирована, а конструкция системы (элементы и связи) и ее поведение не допускают изменений. Такая система называется **замкнутой** и не имеет ничего общего с самоорганизацией. В противоположном случае относительно свободной перестройки конструкции и поведения, обмена веществом и / или информацией с внешней средой мы говорим об **открытой системе**, способной к самоорганизации, к эволюции. Открытость системы выражается в ее **диссипативности**, т. е. способности обмениваться энергией, информацией с окружающей средой и внутри своей конструкции. **Иерархичность** необходима для самоорганизации по той причине, что в этом случае уровни (само)управления системы также создаются самостоятельно.

Примером открытой системы является языковая система. Любой естественный язык регулярно пополняется новой лексикой и фразеологией, иногда в нем быстро эволюционирует синтаксис и морфология (например, явление так называемой креолизации языка).

Неравновесное состояние системы также является необходимым условием самоорганизации и заключается в том, что малые изменения ее состояния (т. е. небольшие отклонения величин ее параметров) приводят к значительной трансформации ее устройства и поведения. Этот же феномен можно трактовать как свойство **нелинейности развития**: при линейном развитии малые изменения параметров системы вызывают незначительные отклонения в ее состоянии, происходит затухание возмущений; при нелинейном развитии малые изменения параметров вызывают большие отклонения.

Иллюстрацией к сказанному о равновесных / неравновесных состояниях С-системы может служить следующая ситуация в языковой системе. Говоря несколько упрощенно, равновесным было бы такое идеализированное состояние языковой системы, в котором все имена и предикаты имели бы строго очерченные и неизменные семантические поля. Таков язык математики, язык инструкций, справок, руководств, постановлений.

Любое, даже малейшее отклонение от очерченного смысла, любое введение нового понятия тут же поясняется в прежних терминах. Таким образом, малое отклонение от устойчивых, неизменных семантических полей тотчас же затухает; состояние системы устойчиво.

Микроструктура большинства С-систем, как сказано выше, состоит из многих элементов, в некотором смысле однородных и неразличимых между собой по форме и / или по своим функциям. Иногда этот феномен именуют «эффектом муравейника». Элементы способны к активному взаимодействию между собой и с внешней средой. Здесь уместно вспомнить о свойстве реактивности слов в языковой системе

(М. М. Бахтин). Каждое слово в тексте и дискурсе предполагает последующие слова и является откликом на предыдущие. В терминах синергетики это свойство названо выше диссипативностью С-системы.

На микроуровне все процессы в С-системах являются массовыми. Поэтому открытость, диссипация и нелинейность – глобальные свойства С-систем, заложенные в их природе.

Оппозиционные понятия устойчивость / неустойчивость (синонимы равновесного / неравновесного состояния) имеют свои критерии и могут быть уточнены в таких представлениях теории динамических систем, как **принцип положительной и отрицательной обратной связи**.

Следует также кратко упомянуть представление синергетики о вариантах развития С-систем, подробнее освещая эту тему далее. Саморазвитие сложной системы возможно только при ее состояниях, далеких от устойчивости (в положении равновесия нет никакого развития).

Неравновесные состояния возникают в С-системах различной природы единообразным путем. Отклонения в системе накапливаются и приводят ее в неустойчивое состояние, в так называемые **точки бифуркации**, в которых происходит выбор одного из дальнейших путей развития системы. Образно говоря, точки бифуркации являются началом отсчета для необратимого перехода С-системы к новому равновесию.

Бифуркация (от лат. *bifurcus* – «разветвление») означает, что из этого положения С-система имеет возможность развития в нескольких направлениях; реальный выбор системой одного из них обычно непредсказуем, однако это является лишь следствием наших неполных знаний и недетерминированности окружающего мира. Тем не менее, в синергетике имеется инструментарий для объяснения выбора пути развития С-системой (см. далее).

Мы обсудим также далее, в какой мере в лингвосинергетике, равно как и в других дисциплинах филологии, оправдан традиционный термин «точка бифуркации», а не «состояние выбора системой дальнейшего пути развития». Точки бифуркации обладают одним замечательным свойством: «вблизи» них возможности системы явно фокусируются и ограничиваются изменением немногих параметров, остальные параметры «уходят в тень», их влияние на систему незначительно.

Инструментальные понятия синергетики

Приведенный выше очерк достаточно сложного феномена системной самоорганизации дополним описанием инструментария, с помощью которого она осуществляется.

Уточним введенное ранее понятие «параметры системы». В точных науках это понятие не вызывает вопросов: параметрами являются время, скорость, концентрация раствора, количество электронов в ато-

мах. Параметр есть постоянная или изменяющаяся характеристика объекта, которая может принимать то или иное значение в определенном диапазоне. Параметры могут быть непрерывными (скорость, размеры) и дискретными (электрический заряд атома, химическая валентность). В обоих случаях речь идет о количественных параметрах, которые измеримы, и значения их могут быть выражены в числах. Встречаются также и качественные параметры, которые не измеримы приборами, но своим изменением влияют на наши чувства и состояние.

Например, благовония (духи), запах которых в сущности является системным объединением запахов их составляющих. Детально определить и оценить этот запах (сильный, слабый, оттенки) можно только качественно с помощью эксперта-дегустатора. Эксперт в области интерпретации текста, толкования синонимов и т. п. принципиально отличается от эксперта из предыдущего примера только объемом переработанной информации. Большинство языково-компетентных людей легко справляются с задачей упорядочения ряда синонимов сходного смысла, находят их «ядро» (1–2 наиболее употребляемые слова с нейтральным стилистическим значением) и «периферию» – в разной степени стилистически окрашенные слова. Таким образом, появляется возможность поместить ряд синонимов на воображаемую шкалу, на которой видно «расстояние» каждого синонима от ядра. «Расстояние» является тем качественным параметром, степень отклонения которого от центра устойчивости (нормы) можно проследить.

Вернемся к примеру об устойчивом состоянии языковой системы в текстах инструкций, справок, указов, а также в математических текстах. Параметрами и их малыми отклонениями здесь можно считать «расстояния» от ядер семантических полей каждого понятия текста. Если в подобных текстах появляется наименование, отклоняющееся от нормы (от ядра какого-либо семантического поля) или совсем новое понятие, то дается объяснение функциональной необходимости такого отклонения. Неизбежное сравнение с ядром при этом указывает расстояние от него. Можно сказать, что тем самым норма расширяется, а вся языковая система сохраняет прежнюю устойчивость.

Как утверждалось выше, параметрами физических и идеальных объектов считаются их устойчивые характеристики, которые могут изменять значения, не теряя своей определенности. Однако, для идеальных объектов возникает много вопросов в отношении их параметров: диапазон изменения, дискретность или непрерывность, тип шкалы качественных оценок. Общим ответом на данные вопросы являются уже давно разработанные методы шкалирования и обработки разнотипных эмпирических данных [Боровиков 2001; Лбов 1981]. В лингвистике такие методы лишь начинают прокладывать себе путь.

Тем не менее, идея параметризации языковых и речевых систем, когнитивных феноменов оказывается плодотворной [Фуко 1994; Пихтовникова 1999, 2009; Приходько 2008: 83–84].

C-система может иметь мало или много устойчивых состояний, однако все их множество дискретно. Иначе говоря, одно устойчивое состояние заметно и измеримо отличается от другого своим уникальным набором параметров и их диапазоном значений. Этот набор в синергетике принято называть аттрактором. Этимология данного слова ясна: attract – притягивать (к устойчивому положению). Притяжение к устойчивому положению может ассоциироваться у нас с наличием внешне заданной цели для системы – соответствовать определенному набору параметров. Однако, здесь легко впасть в заблуждение: устойчивые состояния C-системы не задаются извне, а имманентны ее природе (что не всегда объяснимо из-за ограниченности наших знаний). «Притяжение» к аттрактору происходит не в силу его пожеланий, а потому, что траектория, путь системы к нему – через наименьшие затраты ресурсов. В силу иерархичности C-системы в ней присутствует не один аттрактор, а целая их иерархия, подобная структуре системы.

Рискуя более усложнить изложение, все же добавим некоторые комментарии к сказанному об аттракторах. Из предыдущих высказываний может сложиться впечатление, что цель, предназначение C-системы как бы тождественны ее устойчивому состоянию, выраженному набором параметров системы и ограниченным диапазоном их изменения. Утверждалось, что этот набор и диапазон являются содержанием аттрактора.

Критическое отношение к изложенному о целях, устойчивых положениях и аттракторах C-системы приводит к выводу о том, что все сказанное выше описывает не более чем формально-содержательный, т.е. информационный аспект всевозможных реальных целей и состояний устойчивости C-систем. В самом деле, «готовность» системы реализовать свою определенную цель формально является некоторым набором ее параметров в допустимом работоспособном диапазоне. Положение равновесия также есть формально выраженный набор параметров системы и допустимый набор их изменения. Аттрактор имеет своим содержанием эти наборы и диапазоны, тем самым он является информацией, которая существует так же реально, как и цели и устойчивые положения реальных C-систем. Совпадает ли информационное выражение цели C-системы с информационным выражением ее устойчивого состояния – вопрос открытый для наших антропоцентрических представлений. Задание, формулирование цели для какой-либо системы всегда связывается нами с наличием субъекта целеполагания, а реализация цели системой – с наличием объекта целеполагания.

В разнообразных процессах самоорганизации систем различия между субъектом и объектом целеполагания трансформируются. С синергетической точки зрения субъект, задающий цели системы (например, автор художественного произведения) просто включается своими параметрами в аттрактор С-системы как мыслящая личность, в частности, писатель – как языковая личность. Уровни и параметры языковой личности в лингвистике четко определены (см. далее гл. 1, п. 1.3, 1.4). Реально каждая С-система лишь поэтапно стремится к своим состояниям устойчивости, а с антропоцентрической точки зрения это стремление выглядит как «цель». В буквальном смысле тождество «цель = устойчивому состоянию» имеет место лишь в С-системах с участием человека.

Исходя из изложенной трактовки аттрактора как информационного объекта, можно считать концептуальной метафорой многочисленные утверждения в синергетической литературе о том, что он «притягивает» С-систему к устойчивому положению, содержит в себе какой-то телеологический потенциал. Однако, наравне с другими авторами мы будем для удобства и наглядности употреблять эту метафору, имея в виду простую информационную суть аттрактора.

Понятию «**аттрактор**» противостоит понятие «**репеллер**» – набор параметров и их значений, которые «отталкивают» С-систему от положения равновесия в том смысле, что он вводит ограничения различной природы на свободу стремления С-системы к цели, к равновесию. Если аттрактор обозначает то состояние равновесия С-системы, к которому она стремится, то репеллер выражает своим содержанием все ограничения и запреты для системы. Например, при возникновении дискурса содержанием репеллера являются нормы изложения, традиции жанра, объем, экстралингвистические условия, архетипы коммуникантов и пр. Содержанием аттрактора выступают характеристики автора дискурса как языковой личности, встроенные в языковую картину мира социальные ожидания на результаты реализации дискурса.

Иерархичное устройство С-системы приводит к иерархии аттракторов; то же самое можно утверждать об иерархии репеллеров.

Большинство реально существующих сложных систем нечетко определены, и их параметры находятся в сложных взаимосвязях. По этой причине в С-системах часто наблюдаются острые противоречия между требованиями к поведению системы со стороны аттракторов и со стороны репеллеров.

Противоречивые требования к С-системе со стороны аттракторов и репеллеров не приводят к ее распаду благодаря тому, что она иерархична. Несколько схематизируя ситуацию, можно утверждать, что разные составляющие иерархии в процессе самоорганизации приобре-

тают противоположные качества. Одни удовлетворяют требованиям аттракторов, другие – репеллеров. В целом, С-система, сохраняя свою структуру и цели, приобретает полярно противоположные свойства и возможность альтернативного поведения. Явления поляризации в различных типах дискурса рассмотрим в главе 1 (п. 1.3).

Поляризация составляющих С-системы – один из главных критериев ее саморазвития. Поляризация оригинальным образом сохраняет С-систему в режиме динамической устойчивости. Этот феномен можно пояснить следующим важным постулатом синергетики: **в информационном отношении составляющие С-системы способны моделировать друг друга и окружающую среду. Служа взаимными моделями, составляющие с полярными свойствами дополняют друг друга и обеспечивают достижение целей системы несколькими альтернативными путями.**

В каждой составляющей С-системы модель окружающей среды или другой составляющей не обязательно возникает как результат «интеллектуальных усилий». В силу диссипативности на микроуровне всех частей С-системы моделью может служить отпечаток формы (самозаливка природной смолой своих повреждений у деревьев), цветовая мимикрия (осьминог, хамелеон). Диссипативное взаимодействие частей С-системы может создавать и более сложные модели. При этом учитываются лишь существенные свойства моделируемой составляющей, что неизбежно вводит взаимную оценку составляющих С-системы. «Интеллектуальный уровень» оценки также может простираться от операций простого сравнения по физическим / физиологическим критериям до аналитических выводов на основе принятия / отвержения гипотез о пригодности модели. Подобный уровень наблюдается при взаимном моделировании текста и подтекста. Тексту обычно присуще изложение фактуальной информации, описание событий, эксплицитная их оценка. Подтекст создается при переосмыслении текстовой информации, придании ее элементам иного веса и значения. При этом элементы информации текста выступают кодами иносказания (или недосказанного) для соответствующих элементов подтекста. Такое соответствие в терминах науки о системах есть изоморфное или гомоморфное соответствие, т. е. **модель**. О взаимном моделировании текста и подтекста, например в басне, речь пойдет в гл. 1 (п. 1.3).

Основным инструментальным понятием синергетики является понятие «**параметр порядка**». Этим термином назван **наиболее подвижный, изменчивый параметр С-системы**. Его динамика обусловлена относительной независимостью от других параметров. Согласно представлениям синергетики параметр порядка подчиняет себе остальные параметры системы и приводит их диапазон изменения в соответствие с требованиями аттракторов и репеллеров.

Слова «подчиняет, приводит в соответствие с требованиями ...» являются метафорами. Олицетворение параметра порядка и приписывание ему собственной воли и целеустремленности – лишь удобная трактовка реальных событий в С-системе. На самом деле параметр порядка в силу своей подвижности и независимости просто наиболее легко стимулирует большие необратимые отклонения С системы от равновесия, и она стремится с наименьшими затратами ресурсов к новому положению равновесия, выраженному значениями ее параметров в аттракторе. У внешнего наблюдателя создается впечатление, что «все это устроил параметр порядка, хотя ему и неизвестно, куда он приведет систему».

Принцип отрицательной обратной связи – это общий принцип управления сложными системами. Его суть состоит в том, что любые отклонения системы от желательного идеального ее состояния формируют управляющее воздействие, направленное на достижение идеального состояния [Словарь по кибернетике 1979: 357]. Это напоминает «пристрелку» к цели: на каждом шагу процесса анализируется результат (близко – далеко, хуже – лучше), и следующий шаг для улучшения результата выбирается, следуя определенной тактике. Последовательное приближение к цели, согласно этому принципу, означает такой же последовательный уход системы из области, в которой цель отсутствует. Если цель – положение устойчивости, то С-система ищет ее, последовательно приводя свои параметры к нужному диапазону изменения.

Суть **принципа положительной обратной связи** противоположна сути принципа отрицательной обратной связи. Здесь любое отклонение системы от положения равновесия стимулирует еще большие отклонения. Однако, это вовсе не означает, что С-система движется к распаду. Состояния, далекие от равновесия, для самоорганизации плодотворны.

Упомянув ранее о **точках бифуркации** С-системы и необычном поведении параметров системы вблизи них, мы затрагиваем не простую, но очень важную для синергетики тему. Реально такие точки, именуемые точками бифуркации, существуют в геометрических пространствах математической синергетики, а в расплывчатых, нечетких системах (например, в языковой системе) точки бифуркации метафорически привлекаются для наглядности. Узкие диапазоны значений параметров, в которых нечетко определенная С-система стоит перед выбором дальнейшего пути развития, существуют объективно. Однако такие области не являются точечными. Имея это в виду, мы все же оставляем в употреблении метафору.

Роль точек бифуркации не ограничивается их наглядностью. В этих точках в процессе самоорганизации в системе действует наименее

устойчивый (т. е. наиболее подвижный) параметр, который в синергетике называют параметром порядка. Остальные параметры системы вблизи точек бифуркации не играют «судьбоносной» роли для системы, не участвуют в выборе дальнейшего пути развития. Что может это означать, например, при организации текста?

Один и тот же объем информации (прагматической, эстетической) можно в тексте передать различными способами. Допустим, система контекстовых аттракторов и репеллеров (нормы, интенции и пр.) заставляет автора текста выбрать эпический способ передачи информации как наиболее адекватный. Это означает, что по мере создания текста (а затем по мере прочтения его адресатом) в тексте проявляется все больше элементов и подсистем, имеющих эпический признак.

Эпичность есть сборный фактор, который по А. Васильевой организуется путем взаимной корреляции различных текстовых элементов [Васильева 1983: 140]. Корреляция происходит под непосредственным воздействием этого фактора, а точнее – целевого аттрактора, рефлексирующегося в голове автора как эпический текст. Эту же мысль иначе можно высказать таким образом. Вся система аттракторов и репеллеров для цели создания эпического текста группируется в интенциях автора в единый аттрактор. Он содержит в себе нормы и инновации эпичности, и отбор элементов текста происходит при сравнении с содержимым этого аттрактора.

Обычно, наиболее подвижными текстовыми элементами, обеспечивающими эпичность, являются соответствующие пространственные композиционно-речевые формы (КРФ), составленные из номинативных единиц, прилагательных и пр. Видимо, определенный тип КРФ и является параметром порядка для организации эпического текста.

Логически возможными являются относительно быстрое и относительно медленное действие параметра порядка в С-системе, т. е. быстрый или медленный режим самоорганизации. Такие возможности реализуются и в действительности в литературных жанрах, а на уровне текстов – в виде пространственных и кратких текстов. Быстрый или медленный режим самоорганизации соответственно, связан с динамичностью или статичностью художественного произведения. Медленно проявляющий себя параметр порядка означает, что структура, стиль, композиция текста реализуется относительно медленно. Сжатие информации аттракторами производится, в основном, с помощью рекурсии, уточняющей и сужающей выбор. В результате, как правило, появляются пространственные тексты с большим количеством пояснений, уточнений, в которых преобладает статика. Такие тексты вполне могут иметь художественную ценность. Примерами служат многие немецкие басни XVIII века с длинными рассуждениями, а также тексты некоторых авторов, доводящих

рекурсию до художественного совершенства. В качестве образца можно привести роман Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол».

Быстро проявляющийся параметр порядка создает в тексте, как правило, ситуацию обострения интриги, неожиданную кульминацию. Примеры – короткие динамические немецкие басни и притчи XVIII–XX вв., микро-юморески, другие образцы малых жанров. Быстрый параметр порядка характерен для юмористических текстов, детективов и пр.

Изложенный материал дает некоторое, далеко не полное представление о применении синергетики в филологии, в первую очередь в лингвистике. Практически вне рассмотрения остались: 1) синергетика самого языка и речи; 2) статистический аспект синергетики, связанный со стилем и прагматикой; 3) синергетическое направление философии языка. По п. 1) полезна ранняя работа М. Фуко [Фуко 1994], в которой без упоминания синергетических понятий рассмотрены механизмы саморазвития языка и речи; п. 2) освещен в работах Г. Г. Москальчук [Москальчук 2003] и В. В. Налимова [Налимов 1979]; п. 3) описан в таких работах, как [Киященко 2000; Герман 2000].

Несмотря на фрагментарность всего изложенного выше, становится ясной суть синергетической парадигмы в лингвистике и литературоведении, а также значительные изменения в способах описания объектов и явлений в современной науке. На смену стремлению к подбору четких дефиниций для каждого объекта приходит обобщенно-метафорическое описание целой группы разнородных объектов, играющих единую роль в организации системы [Налимов 1993]. Таковыми в данном очерке являлись аттракторы и репеллеры, параметр порядка и пр. В математической синергетике и областях ее допустимого количественного применения эти понятия имеют четкие дефиниции. В областях качественного описания (филология – одна из них) эти понятия играют роль плодотворных концептуальных метафор. Их применение в других областях – условие развития науки, однако, каждый раз такое применение нуждается в обосновании [Піхтовнікова 1999: 14–15].

Таким образом, можно утверждать о чрезвычайной наукоемкости новой синергетической парадигмы и одновременно о начальной стадии ее внедрения в лингвистику и в другие области филологии (как и в другие приложения, кроме физики и химии, где начальная стадия уже пройдена).

Литература

1. Боровиков В. В. STATISTICA для профессионалов / В. В. Боровиков. – С-Птб. : Питер, 2001. – 656 с.
2. Васильева А. Н. Художественная речь / А. Н. Васильева. – М. : Русский язык, 1983. – 256 с.

3. Герман И. А. Лингвосинергетика / И. А. Герман. – Барнаул : Алтайская акад. экономики и права, 2000. – 188 с.
4. Ейгер Г. В. Язык и синергетика / Г. В. Ейгер // Вісник Харківського університету ім. В. Н. Каразіна. – Харків : ХНУ, 1992. – № 372. – С. 131–137.
5. Келер Р. Синергетическая лингвистика [Электронный ресурс] / Р. Келер. – Режим доступа: <http://ubt.opus.hbz-nrw.de/volltexte/2007/413/pdf/synling.pdf>.
6. Киященко Л. П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка) / Л. П. Киященко. – М. : ИФРАН, 2000. – 199 с.
7. Лбов Г. С. Методы обработки разнотипных экспериментальных данных / Г. С. Лбов. – Новосибирск : Наука, 1981. – 160 с.
8. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – М. : УРСС, 2003. – 294 с.
9. Налимов В. В. Вероятностная модель языка / В. В. Налимов. – М. : Наука, 1979. – 277 с.
10. Налимов В. В. В поисках иных смыслов / В. В. Налимов. – М. : Прогресс, 1993. – 263 с.
11. Николис Дж. Динамика иерархических систем. Эволюционное представление / Дж. Николис. – М. : Мир, 1989. – 178 с.
12. Пиотровский Р. Г. О лингвистической синергетике / Р. Г. Пиотровский // НТИ. – 1996. Серия 2. – № 12. – С. 1–12.
13. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагмастилистическом аспекте / Л. С. Пихтовникова // Вісник Харк. нац. унту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2009. – № 848. – С. 48–52.
14. Піхтовнікова Л. С. Еволюція німецької віршованої байки: Жанрово-стилістичні аспекти : дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук : спец. 10.02.04 «германські мови», 10.01.04 «зарубіжна література» / Л. С. Піхтовнікова. – К.: КНУ ім. Тараса Шевченка, 2000. – 427 с.
15. Піхтовнікова Л. С. Синергія стилю байки: німецька віршована байка 13–20 ст. : [монографія] / Л. С. Пихтовникова. – Х. : Бізнес Інформ, 1999. – 220 с.
16. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.
17. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2006. – 716 с.
18. Словарь по кибернетике / под. ред. В. М. Глушкова. – К. : УСЭ, 1979. – 623 с.
19. Том Р. Топология и лингвистика / Р. Том // Успехи математических наук. – М., 1975. – № 30.1. – С. 199–221.
20. Фуко М. Слова и вещи / М. Фуко. – М. : Мир, 1994. – 144 с.
21. Хакен Г. Информация и самоорганизация / Г. Хакен. – М. : Мир, 1991. – 240 с.

ГЛАВА 1

СИНЕРГЕТИКА В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. История английского языка как объект исследования в диахронической лингвосинергетике

Домброван Т. И.

Введение

Современная интеграция частнонаучных дисциплин и неизбежное в этой связи расширение понятийного аппарата способствовало появлению так называемых маргинальных наук и междисциплинарных направлений, размывающих границы между отдельными науками. По словам академика В. И. Вернадского, специализация «по проблемам» позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой – расширять охват его со всех точек зрения [Вернадский 1988: 73], что, несомненно, выводит исследователя на качественно новый уровень научной рефлексии.

Наука о языке, медленно выходящая из методологического кризиса [Паршин 1996], в котором она оказалась в конце XX века, также переживает этап интеграции и эпистемологического обновления. «Фокус исследовательского интереса закономерно смещается с изученного центра на проблемную периферию и закрепляется на стыке областей научного знания, <...> внутри которых процесс междисциплинарного синтеза и симбиоза продолжается» [Воркачев 2001: 64].

В современном языкознании исследователи считают возможным выделить два направления интеграционных процессов. Первое направление связано с пониманием того, что наука о языке не является конгломератом разобобщенных лингвистик: «не может быть разных лингвистик (по крайней мере, без ущерба для адекватного понимания сущности языка как эмпирического феномена), поскольку их всех объединяет общность объекта» [Кравченко 2006: 220]. Из этого следует необходимость рассматривать язык комплексно, во всем многообразии его свойств и функций. Второе направление интеграционных процессов

непосредственно обусловлено сложной природой языка (физической, биологической, социокультурной), что «с неизбежностью предполагает междисциплинарность в исследованиях языка, когда на арену выходит весь комплекс наук о человеке» [там же].

Являясь основой когнитивной деятельности человека, язык не может не быть объектом исследования ряда отдельных наук, однако «именно междисциплинарный подход к исследованию языковых явлений позволяет объяснить их сложную и комплексную природу» [Фурс 2012: 368], предлагает новые формы систематизации и интерпретации накопленных фактов, способствует значительному приращению знаний об объекте, позволяет представителям разных научных дисциплин не только говорить на едином языке, но и перейти от анализа к синтезу и, в конечном итоге, подводит современного исследователя к выработке холистического (целостного) взгляда на изучаемую проблему.

Целостный взгляд на проблему, однако, достигается не *упрощением*, а *интеграцией* новейших достижений современного знания. Такая интеграция – задача весьма насущная, и для ее решения необходима соответствующая база [Ласло 1995: 94].

Усилить экспланаторный потенциал науки о языке представляется возможным в результате конструктивного приложения к лингвистическим исследованиям методологии и категорий новой научной парадигмы – синергетической, сфокусированной на изучении закономерностей развития и функционирования сложных систем любой онтологии. Напомним, что под научной парадигмой обычно понимают систему взглядов на объект изучения и совокупность соответствующих этой системе (или определенной доминирующей теории) принципов исследования.

Здесь мы считаем уместным привести слова Дж. Гринберга о том, что «больше не существует причин, которые некогда побудили лингвистов искать автономный и самодостаточный объект изучения. В наши дни лингвистика, бесспорно, занимает свое законное место среди других наук и у нее есть четко определенный объект и методология. <...> Догма автономности лингвистики выполнила свою полезную функцию. <...> *важно сохранять необходимую степень свободы маневрирования и обращаться к любым переменным, независимо от их источника, если они понадобятся для объяснительной теории*» (курсив наш – Т. Д.) [Гринберг 2009: 212– 213]. Такие переменные, как нам представляется, предлагает синергетика.

Синергетика не является принципиально новым, революционным течением в науке. Мы разделяем мнение тех ученых, которые рассматривают синергетику как особое направление системных исследований, как очередной этап в развитии теории систем, направленный

на раскрытие природы изменчивости, выявление механизмов перехода системы в качественно новое состояние, «распаковывание» понятия «диалектического скачка» в эволюционном развитии сложной системы.

Первые серьезные попытки привлечения понятийного аппарата иметодологического подхода синергетики к изучению фактов языка уже сделаны в работах Р. Г. Пиотровского, И. А. Герман, С. М. Еникеевой, Л. С. Пихтовниковой, В. А. Пищальниковой, Е. В. Пономаренко и немногих других исследователей. Работы этих ученых заложили прочный фундамент для нового интегративного междисциплинарного направления в науке о языке – лингвистической синергетики, или лингвосинергетики.

Лингвистическая синергетика, или лингвосинергетика, возникшая как междисциплинарное направление в изучении языка с использованием категориального аппарата и методов синергетики, определяется нами как ***один из методологических подходов к описанию динамического пространства языка, представляющего собой последовательную смену во времени состояний изменчивой языковой мегасистемы.***

Не отрицая системной организации языка, лингвосинергетика дополняет филологическую традицию положениями о языке как об открытой, нелинейной, изменяющейся, самоорганизующейся системе. «Происходит весьма симптоматическое смещение односторонних структурного и когнитивного векторов описания в сторону системно-энергетических, онтологических ориентиров» [Тимирханов 2011: 108], обращение к системному познанию «когерентных процессов естественного языка как биопсихического, семиотического, когнитивного, социального и культурного феномена» [Алефиренко 2009: 229].

Наши наблюдения показывают, что на современном этапе в рамках общей лингвосинергетики наиболее активно разрабатываются частные проблемы синергетики *текста* [Москальчук 2010; Белоусов 2008; Моисеева 2007; а также Глазунова 2012 и др.] и *дискурса* [Алефиренко 2008 и др.; Муратова 2011; Пихтовникова 2009 и др.; Пономаренко 2007; Словицова 2008 и др.], менее разработаны проблемы синергетики *перевода* [Кушникова 2011], *идиолекта* [Семенец 2004, 2005], синергетики *речевых девиаций* [Пашковский и др., 2013], *словообразования* [Еникеева 2011 и др.]. При этом, как отмечает Ф. С. Бацевич, овладения аппаратом синергетики для изучения *языка* пока не произошло [Бацевич 2009: 38].

Диахроническая лингвосинергетика: цель, задачи и базовые понятия

Автор этих строк развивает новое направление в рамках лингвосинергетики – **диахроническую лингвосинергетику**. Обращение к си-

нергетике в процессе исследования *истории развития языковой системы* является полностью оправданным, поскольку обусловлено признаками языка как динамичной, сложноорганизованной синергетической системы.

Синхрония и диахрония представляют собой две неотъемлемые плоскости исследовательского процесса, и, наверное, невозможно отдать предпочтение какой-либо одной из них. Они состоят в отношении комплементарности, полного дополнения (так сказать, лингвистические *инь* и *ян*). Безусловно, очень важным является знание современного состояния и функционирования исследуемой системы либо ее фрагмента (назовем это «знанием *вширь*»). Однако не менее существенным представляется проникновение в историю становления и изменения системы, выявление закономерностей ее (само)организации, объяснение ее поведения на том или ином этапе существования, очерчивание тенденций и возможных путей развития в будущем (назовем это «знанием *вглубь*»). На наш взгляд, диахронию можно представить в виде парадигмы синхронических разновременных срезов, своеобразным генеалогическим древом состояний системы, в котором ветви выступают траекториями движения системы, а места разветвления – точками бифуркаций, в которых система находилась перед решающим для нее на тот момент выбором пути дальнейшего развития.

Исследование языка как синергетической системы, к сожалению, остается вне внимания широкого круга лингвистов. Более того, как констатирует М. Г. Сенів [Сенів 2002: 181], в последние десятилетия основное внимание в лингвистических исследованиях уделялось синхроническому описанию явлений, вследствие чего диахронический аспект отошел на второй план. Однако, как известно, «наиболее полное раскрытие протекания изменения в любом языке с точки зрения источников, процессов и механизмов перехода возможно только путем сопоставления нескольких его состояний, а не начальной и конечной точек трансформаций. <...> Особый интерес и актуальность имеют причины, условия и следствия изменений, а также многочисленные переходные процессы, градационные пространства, зоны и механизмы, благодаря наличию и действию которых при непрекращающемся обновлении структурных элементов языка и их отношений, на всех уровнях сохраняется этапность ближайших отрезков ее истории» [там же].

Важным, по мнению И. Р. Бунятовой [Буніятова 2003: 8], является установление корреляции внутренних и внешних факторов и анализ с этих позиций соответствующих изменений, которые происходили в системе языка на разных этапах ее развития. Рассматривая современные теории языковых изменений, И. Р. Бунятова приходит к выводу о перспективности обращения к теоретическим моделям и кон-

цепциям естествознания (в том числе и к синергетической концепции Ильи Пригожина) для последовательного объяснения природы языковых явлений [Буніятова 2012: 11].

Вполне очевидно, что «привлечение диахронического аспекта позволяет многое понять в природе языка, <...> но обращение к диахронии на практике происходит гораздо реже, чем следовало бы» [Плунгян 2010: 8].

Основную **задачу диахронической лингвосинергетики** мы видим в выявлении, описании и объяснении механизма внутренней динамичной структуры языка с привлечением принципов исследования и категориального аппарата синергетики как парадигмы сложности.

Мы считаем, что **объектом исследования в диахронической лингвосинергетике** являются, прежде всего, переходные явления в языке, языковая система в состоянии «критичности» ее развития, в режиме «с обострением». С нашей точки зрения, диахроническая лингвосинергетика должна сосредоточиться на процессах, предшествующих точке бифуркации и происходящих в ней самой, акцентируя внимание на факторах случайности альтернатив дальнейшего развития (выбор аттрактора), на флуктуациях и на влиянии внешних факторов воздействия на данный выбор. Изучение многовекторного спектра альтернатив в системе вблизи обострения поможет спрогнозировать возможные пути развития системы языка в пределах заданного пространственно-временного диапазона.

Полагаем, что **основная цель диахронической лингвосинергетики** заключается в «схватывании» и осмыслении именно состояний становления, в моделировании эволюции конкретной языковой системы с прогнозированием вариантов ее дальнейшего изменения в зависимости от многовекторных бифуркаций и многообразия потенциальных аттракторов. Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить ряд важных методологических задач, среди которых – выделение и определение основных понятийных категорий диахронической лингвосинергетики, формирование новой категориальной сетки как основы для анализа неравновесной саморазвивающейся языковой мегасистемы, определение пространственно-временных координат (размерности) процессов самоорганизации, выделение критериев масштабности в многоуровневой иерархии изучаемой сложной мегасистемы и некоторые другие.

Основная идея диахронической лингвосинергетики, на наш взгляд, заключается в том, что различные составляющие языковой мегасистемы характеризуются различными темпами и многовекторностью изменения, а поэтому эволюционный процесс нельзя пред-

ставлять в виде линейно развертывающейся ленты либо устремляющейся вдаль лестницы.

Представляется, что диахроническая лингвосинергетика станет новым ракурсом исследования динамической языковой системы, а освоение новых для филологии принципов синергетического анализа позволит внести важные дополнения в теорию эволюции открытой, неравновесной, неустойчивой, нелинейной, саморазвивающейся мегасистемы, какой является естественный язык.

Моделирование синергетических процессов

Синергетическая система – это открытая, динамичная, адаптивная, самоорганизующаяся система, состоящая из множества сложно-организованных коэволюционирующих в разном темпе подсистем, управляемых определенными параметрами порядка. В ряде работ [Домброван 2011, 2013, 2014 и др.] мы показали, что (английский) язык также является синергетической системой.

Под **синергетическим процессом** в нашей работе понимается нелинейное, неравномерное изменение характеристик и свойств синергетической системы во времени и пространстве. Освещаемые в последующем изложении отдельные исторические изменения в английском языке представлены как синергетический процесс.

Что же есть модель и моделирование в синергетике?

Традиционно *модель* (от лат. *modulus* – мера, образец, норма) определяют как абстрактный и идеализированный знаковый образ (формулы, графики, схемы, рисунки, последовательности символов и т. п.) упрощенного представления определенного объекта-оригинала (предмета, явления, процесса), искусственно созданный исследователем с использованием языков конкретных наук (физики, химии, биологии, математики и т. д.) с целью изучения свойств и составных частей этого объекта, а также способов его существования и функционирования [Селіванова 2006: 386; Безручко и др., 2010: 35–40].

Синергетическая модель – это модель *эволюционирующего* объекта, в нашем случае – естественного языка. Синергетическая модель отражает не столько характеристики оригинала как такового либо иерархию его составляющих, сколько *смену режимов* его существования. Синергетическая модель английского языка, в частности, представлена фазовыми переходами системы от одного состояния к другому, что в истории английского языка может быть продемонстрировано на примере типологической трансформации английского языка [Домброван 2012, 2013, 2014].

При моделировании эволюционирующего объекта важно не только, чтобы множество свойств полученной модели пересекалось с мно-

жеством свойств оригинала в области, существенной для достижения цели моделирования [Безручко и др., 2010: 35], но и чтобы модель отражала динамику смены режимов существования изучаемого объекта-оригинала. В то же время модель не может заменить собой объект, взятый во всем комплексе свойств и отношений со средой, откуда следует некоторая гносеологическая ограниченность характера моделирования, его вторичность по отношению к реальности. «Научное объяснение, математическая схема, механическая модель, значительная часть «законов природы» представляют логические подходы, как бы рационалистическую сетку, которую наш разум набрасывает на сложный, эмпирически научно охваченный Космос, – писал В. И. Вернадский, – по существу это есть неизбежное орудие нашей научной работы, но в то же время это есть искаженное выражение реальности, если мы будем принимать только его во внимание, говоря о науке, научном мировоззрении, научном творчестве» [Вернадский 1988: 218].

Метод моделирования получил широкое применение в синергетике, поскольку обладает огромным эвристическим потенциалом и приближает исследователей к пониманию механизмов самоорганизации и развития сложных нелинейных систем. Наиболее удивительное в области моделирования усматривают в том, что небольшое число сравнительно простых математических моделей дает ключ к пониманию и исследованию огромного количества различных явлений [Малинецкий 2012: 9].

В синергетике выделяют две стратегии построения моделей: 1) «сверху – вниз» и 2) «снизу – вверх». При построении моделей «сверху – вниз» исходят из предполагаемой математической модели природной системы и выводят поведение этой системы путем решения соответствующих динамических уравнений при определенных начальных и граничных условиях. При этом решения представляют геометрически как траектории в фазовом пространстве динамической системы. Обратная стратегия моделирования – «снизу – вверх» – начинается со сбора данных в неизведанной области исследований, построения и анализа временных рядов [Майнцер 2009: 110–111]. На практике эти две стратегии, как правило, комбинируются.

Несмотря на признание необходимости «опираться на строгие математические результаты» [Анищенко 2008: 55], в гуманитарных областях знания, в частности в лингвистике, строгое математическое моделирование затруднительно в силу того, что «семантические признаки, приписываемые единицам языка и речи в процессе компонентного анализа, далеко не всегда исчерпывают их содержания» [Глазунова 2012: 42]. Поэтому «когда математизация невозможна,

синергетические модели могут плодотворно применяться в качественном виде» [Князева, Курдюмов 2010: 13].

Моделирование языка в рамках синергетической парадигмы связано с определением последовательности смены состояний языковой системы, через которые данная система проходит при воздействии внешних факторов изменения. Основные состояния, через которые проходит система в своем развитии, образуют циклическую спираль и включают такую линейную последовательность: состояние устойчивости → потеря устойчивости под воздействием флуктуаций → зона неравновесности системы с точкой бифуркации → переход в новое устойчивое состояние. Если переход в новое состояние устойчивости не происходит, система может разрушиться.

Одним из первых лингвистов, применивших принципы синергетики для моделирования языковой системы, был выдающийся ученый современности Р. Г. Пиотровский. Он предложил следующую схему синергетического преобразования лингвистической системы, которая принята за основу в нашей работе:

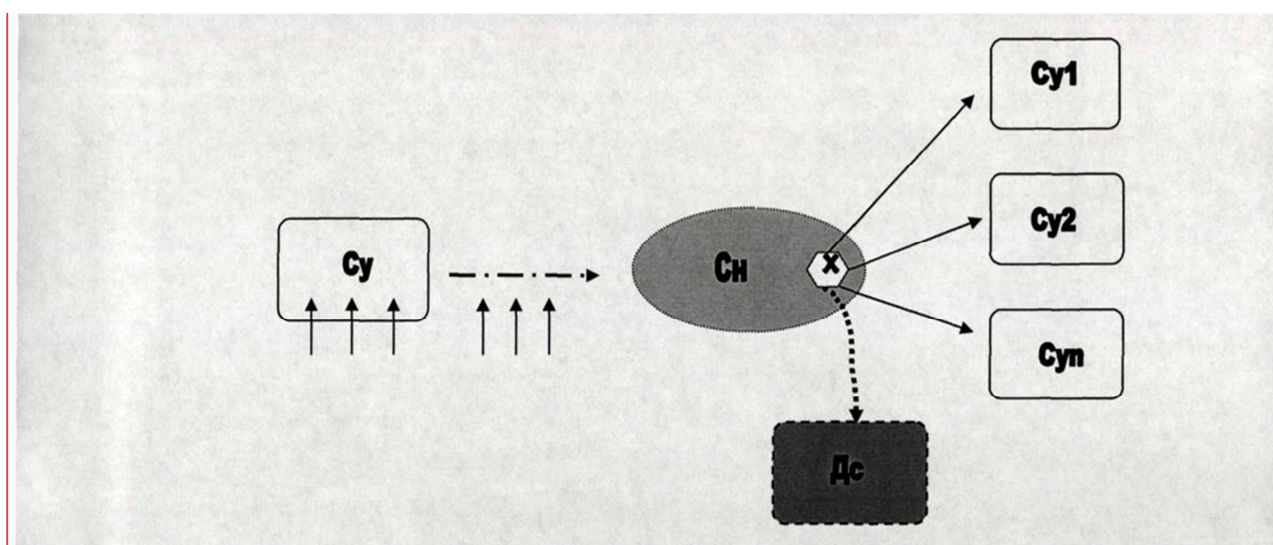

Рис. 1.1.1. Синергетические преобразования лингвистической системы [Пиотровский 2006: 7]

Условные обозначения к схеме:

Су – районы равновесности систем;

Сн – зона неравновесности систем;

Дс – район дезингрессии систем;

Х – критическая точка в районе бифуркации;

Стрелками обозначены переходы системы:

- в неравновесное состояние – пунктирная с точкой;
- в новое устойчивое состояние – сплошная;
- в район дезингрессии системы – в виде последовательности точек;

Короткими вертикальными стрелками ($\uparrow\uparrow\uparrow$) обозначены флуктуации.

Приведенная схема требует пояснений.

Предположим, что имеется некая относительно устойчивая система, которая начинает подвергаться внешним воздействиям. Система выводится из состояния относительной стабильности и входит в зону неравновесности, в которой достигает района бифуркации. В критической точке района бифуркации происходит реализация одного из потенциально многих сценариев дальнейшего развития системы (поэтому точнее, на наш взгляд, было бы в термине *бифуркация* заменить приставку *би-* на приставку *поли-*, указывающую на множественность вариантов развития): система переходит в одно из возможных новых состояний (на схеме обозначены символами S_{y1} , S_{y2} , S_{yn}) или разрушается, попадая в район дезингрессии (Дс). Данная схема представляет собой фрагмент непрерывной циклической смены состояний синергетической системы, фактически – алгоритм ее изменения.

В своем развитии язык, будучи открытой, динамичной самоорганизующейся системой, проходит аналогичные стадии. Так, изучение истории английского языка позволяет в первом приближении выделять следующие этапы в его развитии:

- 1) разобщенные германские племена англосаксов и ютов после поселения на Британских островах и образования враждующих королевств всё же организуются в единое государство. Языки данных племен образуют основу для диалектов древнеанглийского языка;
- 2) под влиянием скандинавских языков викингов, переселившихся на северо-восточную часть Британских островов, древнеанглийский язык входит в зону неравновесности (иначе – перемешивающий слой) и продвигается к точке бифуркации, из которой направляется к новому району относительной устойчивости, что в проекции на грамматическую организацию системы проявляется в ускорении процесса отсеивания (диссипации) категориальных флексий и в постепенной смене типологического строя;
- 3) катализатором начавшихся изменений в грамматическом строе английского языка выступили флуктуации вследствие очередного существенного внешнего воздействия на рассматриваемую языковую систему, а именно – вследствие норманнского завоевания Британии и резкого изменения лингвистической ситуации в стране. Длительное (более трех веков) сосуществование трех языков – французского норманнского (как государственного языка), латыни (как языка церкви, науки и просвещения) и английского (как языка «низов») оказало заметное влияние на дальнейшее развитие практически всех подсистем английского языка;

- 4) внешние факторы (политические – в т. ч. Столетняя война с Францией (1337– 1454), социальные – в т. ч. резкое падение престижности французского языка и возрождение национального самосознания) вывели языковую систему через бифуркации к новому стабильному состоянию – к так называемой реставрации английского языка как государственного и стандартизации норм его употребления;
- 5) новые внешние факторы (в частности политика имперской колонизации, начавшаяся в XVII в.) вызвали центробежный вектор в развитии английского языка – появление региональных и территориальных вариантов английского языка. Английский становится языком международного общения;
- 6) новейшие (современные) внешние факторы (политические, социально-экономические, образование единого информационного пространства и т. п.) способствуют повсеместному распространению английского языка в масштабах планеты и превращению его в *Global English*, который мы рассматриваем в качестве нового периода в истории английского языка.

Выделенные этапы – лишь один из возможных вариантов периодизации истории английского языка. Этот вариант базируется на смене состояний языка как синергетической системы.

Периодизация истории английского языка представляет нерешенную до сих пор проблему, суть которой заключается в выборе критериев периодизации – либо экстралингвальных факторов, повлиявших на развитие языка, либо учет произошедших изменений в состояниях языковой системы. Одни исследователи выделяют три основных периода, другие – четыре, при этом делаются оговорки о возможной более детальной градации каждого из выделяемых периодов.

В табл. 1.1.1 приводятся варианты периодизации истории английского языка по данным четырех источников.

Как видно из приведенной таблицы, древнеанглийский период у одних авторов начинается с вторжения германцев на Британские острова (450-е гг.), другие связывают начало этого периода с появлением письменных памятников (VII в.). Э. Гельдерен объясняет причину выбора даты 1150 г. в качестве рубежа между древне- и среднеанглийскими периодами тем, что в текстах, написанных начиная с этого времени, большинство флексий уже утеряно и широкое использование получают служебные слова [Gelderen 2006: 10]. Год 1476 знаменателен введением книгопечатания в Британии, а год 1500 маркирует границу среднеанглийского периода потому, что большинство грамматических изменений к этому времени уже произошли, и началось Великое передвижение гласных. Это также время распада феодального государства и перехода к абсолютной монархии. Ряд ученых выделяют в качестве

отдельного периода ранненовоанглийский, датируя границу годом 1700 как временем завершения Великого передвижения гласных; другие же включают ранненовоанглийский в современный период.

Таблица 1.1.1.

Периодизация истории английского языка

Источники		Иванова И.П. и др. (1999:7)	Ильиш Б.А. (1958: 38)	Baugh A. and Th.Cable (2002: 52)	The Cambridge History of the English language	Gelderen Elly (2006:10)
Периоды в истории английского языка	I.	VII– XI вв. Древне-английский	450–1100 Древне-английский	450–1150 (Old English)	450–1066 (Old English)	450– 1150 (Old English)
	II.	XII– XV вв. Средне-английский	1100–1500 Средне-английский	1150– 1500 (Middle English)	1066– 1476 (Middle English)	1150– 1500 (Middle English)
	III.	XVI– XVII вв. Ранненово-английский	1500 – по настоящее время Современный английский	1500– (Modern English)	1476 – 1776 (Early Modern English)	1500– 1700 (Early Modern English)
	IV.	XVI в. – до наших дней Современный английский	–	–	1776 – (Modern English)	1700– (Modern English)

Очевидно, что в основе предлагаемых вариантов периодизации истории английского языка лежат разные подходы: учитывающие либо лингвистические, либо экстралингвальные факторы, либо те и другие. Следует признать условный характер любой периодизации в силу невозможности полного охвата изменений во всех подсистемах языка, к тому же эти изменения происходили с различной скоростью и по-разному в разных региональных диалектах английского языка, имели неодинаковую длительность и зачастую приводили к разным результатам в цепи изменений, сохраняя диалектные особенности.

О природе и сущности фонетических изменений в английском языке с позиций диахронической лингвосинергетики

Фонетический строй английского языка на протяжении полутора тысячелетий претерпел значительные изменения. И если древнеанглийский язык все еще проявляет общие черты с другими древними

языками германской группы, то в средний период его истории и, в особенности, в последующие века траектория развития английского языка резко уходит «в сторону». По словам Дж. Гринберга, «более древние формы современных германских языков – древневерхне-немецкий, древнесаксонский, англо-саксонский, древнескандинавский – обнаруживают гораздо больше сходства друг с другом, чем современные германские языки; в самый древний период, когда они были зафиксированы, их фактически можно было считать диалектными вариантами одного языка» [Гринберг 2009: 131].

Наблюдения над историческим развитием фонологической системы английского языка свидетельствуют о том, что в системе гласных происходили как количественные, так и качественные изменения. Так, гласные в безударном положении ослаблялись и в конечном итоге редуцировались и / или утрачивались. Ряд гласных в ударных слогах дифтонгизировались, в то же время существовавшие дифтонги превратились в монофтонги, а вокализация согласных спровоцировала появление новых дифтонгов. Менее кардинальным изменениям подверглись согласные. Эти изменения сводятся, главным образом, к процессам ассимиляции.

В нашем обзоре исторических изменений, имевших место в фонологической системе английского языка, используются фактические данные, представленные в [Бруннер 1955; Иванова и др. 1999; Ильиш 1958; Смирницкий 1998 (1955); Barber et al., 2009; Baugh 2006; Hock 1991; Gelderen 2006; Jespersen 1905; Mugglestone 2006; Mitchell and Robinson 1997 и др.].

Изменения в системе гласных. Историки английского языка в качестве характерной черты древнеанглийского вокализма отмечают устойчивость гласных заднего ряда и подвижность комбинаторных изменений у гласных переднего ряда. Замечено, что краткие гласные переднего ряда отличаются особой подвижностью; они дифтонгизируются по преломлению, велярной перегласовке, после палатализованных согласных [Иванова и др. 1999: 68].

В древнеанглийском языке в ударной позиции встречались:

- а) краткие монофтонги: a, æ, e, i, o, u, y;
- б) долгие монофтонги: ā, ǽ, ē, ī, ō, ū, ý;
- в) краткие дифтонги: ea, eo, io, ie;
- г) долгие дифтонги: ēa, ēo, īo, īe.

Представляется важным, что древнеанглийские дифтонги были нисходящими, т. е. с ударным первым элементом. Восходящие дифтонги (т. е. дифтонги с ударением, перенесенным на второй элемент) были крайне неустойчивы и редуцировались в монофтонги либо переходили в обычные нисходящие дифтонги [Смирницкий 1955: 102].

Наличие кратких и долгих монофтонгов, а также долгих дифтонгов характерно для всех германских языков. Особенностью древнеанглийского языка, по нашим наблюдениям, являются краткие дифтонги, возникшие из исконно кратких монофтонгов в определенном звуковом окружении. Их появление К. Бруннер объясняет таким образом: «перед определенными звуками развивались пазвуки (глайды), которые были настолько отчетливы, что их нельзя было не учесть в написании» [Бруннер 1955: 177]. К среднеанглийскому периоду они исчезли.

Интересно отметить, что уже в древнеанглийском языке гласные (по своему происхождению – общегерманские) не всегда имели регулярные соответствия в готском или древневерхненемецком. Другими словами, уже в начале древнеанглийского периода (приблизительно VI в.) намечается «ответвление» фонологической системы английского языка от систем близкородственных ему германских языков. Вероятно, одним из факторов, способствовавших подобной фонологической дифференциации, выступила географическая удаленность германских племен, поселившихся на Британских островах, от их континентальных сородичей, что привело к значительному ослаблению коммуникации между представителями единой лингвальной группы.

Так, в древнеанглийском языке перед носовыми согласными *m* и *n* вместо герм. *e*, *o*, *a* употреблялись *i*, *u*, *o* соответственно, что можно видеть из следующих примеров:

em > im: др.-в.-нем. *nēman* > др.-англ. *nīman* «брат»;
om > um: др.-в.-нем. *kōman* > др.-англ. *cūman* «приходить»;
on > un: др.-в.-нем. *donar* > др.-англ. *pūnor* «гром»;
a n > an / on: др.-в.-нем. *mān* > др.-англ. *mān*, *mōn* «муж»;
 др.-сакс. *land*, др.-в.-нем. *lant* > др.-англ. *land*, *lond* «земля»;
ān > ōn: др.-сакс. *mānuth*, др.-в.-нем. *mānōd* > др.-англ. *mōnad* «месяц».

Своеобразие древнеанглийского вокализма проявилось также в дифтонгизации гласных переднего ряда перед [rr], [r+consonant], [ll], [l+consonant], [h]. Данное фонетическое явление получило название «преломление» [Бруннер 1955: 181; Иванова и др. 1999: 63]. Примеры:

гот. *stairno*, др.-в.-нем. *sterno* > др.-англ. *steorra* «звезда»;
 гот. *arms*, др.-в.-нем. *arm* > др.-англ. *earm* «бедный»;
 гот. *hairto* > др.-англ. *heorte* «сердце»;
 др.-в.-нем. *alt* > др.-англ. *eald*, *ald* «старый»;
 гот. *ahtau*, др.-в.-нем. *ahto* > др.-англ. *eahta* «восемь».

Особенностью древнеанглийского языка по сравнению с готским, древневерхненемецким и древнесаксонским языками также является

фонетическое явление стяжения, при котором в результате выпадения интервокального *h* /*χ*/, /*χ'*/ соседние гласные стягивались в долгий дифтонг, как, например:

a + h↓ + a → ēa: гот., др.-в.-нем. *slahan* – др.-англ. *slēan* «бить», др.-в.-нем. *zahar* – др.-англ. *tēar* «слеза»;

e + h↓ + a → ēo: др.-в.-нем. *sehan* – др.-англ. *sēon* «видеть», гот. *tehan*, др.-в.-нем. *zehen* – др.-англ. *tēon* «десять»;

i + h↓ + a → ēo: др.-сакс. *thīhan* – др.-англ. *pēon* «процветать»;

e + h↓ + u → ēo: др.-в.-нем. *swehur* – др.-англ. *swēor* «свекор».

Следует, однако, заметить, что фонетические изменения в древнеанглийском языке не происходили однообразно и по «единому сценарию» во всех диалектах. Так, в англских диалектах вместо дифтонгов, ожидаемых в результате преломления перед *h*, остаются монофтонги: вместо *ea* стоит *æ*, вместо *ēo* – *ē*, вместо *io* и *īo* – *ī*: [Бруннер 1955: 187]:

англск. *æhta* «восемь» – уэсс. *eahta*,

англск. *nēh* «близко» – уэсс. *nēah*,

англск. *līht* «легкий» – уэсс. *līoht*, *lēoht*,

англск. *bīrce* «береза» – уэсс. *bierce*.

Дополнительным доказательством разновекторного развития фонемного строя в истории английского языка служит, например, велярный умлаут (VIII в.), который был более характерен для англских диалектов, чем, скажем, для уэссекского [Иванова и др. 1999: 66; Бруннер 1955: 186]. Суть этого явления состояла в дифтонгизации гласных переднего ряда *a*, *e*, *i* в слоге, предшествующем гласному заднего ряда *u*, *o*:

a > ea: *caru* > *cearu* «забота»; *alod* > *ealu* «пиво»;

e > eo: *hefon* > *heofon* «небо»;

i > io: *silufr* > *siolufr* > *siolfor* «серебро».

С другой стороны, только для уэссекского диалекта отмечается дифтонгизация после палатализованных согласных /*γ'* > *j*/, /*k'*/, /*sk'*/ [Иванова и др. 1999: 66]:

мерс. *gefān* «давать» – уэсс. *giefan*,

мерс. *cald* «холодный» – уэсс. *ceald*,

мерс. *scæł* (shall) – уэсс. *sceal*,

мерс. *sceld* «щит» – уэсс. *sciēld*.

Однако, по свидетельству историков языка, в конце древнеанглийского периода в уэссекском диалекте нередко встречаются формы с монофтонгами на месте прежних дифтонгов. Данное явление можно

объяснить с синергетического ракурса таким образом: фонетическая система английского языка, представлявшего собой конгломерат отдельных диалектов разобщенных междоусобицами королевств, в рассматриваемый период находилась на стадии становления, т. е. в хаотическом состоянии, в состоянии поиска устойчивости и стабильности; при этом сказалось отсутствие каких-либо внешних (силовых) параметров, призванных упорядочить разнонаправленные флуктуации, привести содержание в единую норму и, соответственно, стандартизировать единичное, отобразив его из множественного. Отсюда и «метания» самоорганизующейся системы по фазовому пространству возможных состояний.

В среднеанглийский период произошли такие основные изменения в системе ударных гласных:

- исконно долгие гласные сократились перед удвоенными согласными и перед комбинацией из двух разных согласных, например: *næddre* < др.-в.-нем. *nātara*, др.-сакс. *nādra* «гадюка» [Бруннер 1955: 191].
- древнеанглийские краткие дифтонги полностью исчезли;
- древнеанглийские долгие дифтонги *ēa*, *ēo*, *īo* также исчезли;
- древнеанглийский монофтонг *æ* исчез;
- оставшиеся древнеанглийские дифтонги монофтонгизировались (не позднее XI в.);
- развились новые дифтонги: *ai*, *ei*, *au*, *ou*, *eu*;
- из французского языка заимствованы дифтонги *oi* и *ui*.

Используя данные в [Бруннер 1955; Смирницкий 1955; Иванова и др. 1999; Barber et al. 2009; The Cambridge History of the E.La., V.2; Gelderen 2006], процесс изменения в системе английских ударных гласных обобщаем в виде таблиц (см. ниже).

Таблица 1.1. 2.

Динамика в системе ударных монофтонгов в английском языке

Ударные гласные	Германская форма	Др.-англ.	Ср.-англ.
Монофтонги краткие	a >	a	a
	*a >	æ	–
	e >	e	e
	i, e >	i	i
	û >	o	o
	*û, e >	u	u
	û > u >	y	–
Монофтонги долгие	*ai >	ā	ā
	*ē > *ā >	ǣ	–
	ē >	ē	ē
	*ei > ī >	ī	ī
	*ē > *ā > ō >	ō	ō
	ū >	ū	ū
	*û > ū >	ý	–

/ Звук ʊ варьировался в произношении между [u] и [o], [Смирницкий 1955: 109]; знак * используется для восстановленных сравнительно-историческим методом фонем /

Таблица 1.1. 3.

Динамика в системе ударных дифтонгов в английском языке

Ударные гласные	Германская форма	Др.-англ.	Ср.-англ.
Дифтонги краткие	$\text{æ} > \text{æo} >$ также: $\text{a} > \text{ea} >$	ea	– (> $\text{æ} > \text{a}$)
	e >	eo	– (> $\text{ö} > \text{e}$)
	i > iu >	io > eo	–
	e > ie >	ie	–
Дифтонги долгие	* $\text{aũ} > \text{áo} >$ также: $\text{æ} > \text{áo} >$	$\bar{\text{e}}\text{a}$	– (> $\text{æ} > \bar{\text{e}}$)
	$\bar{\text{e}} >$	$\bar{\text{e}}\text{o}$	– (> $\text{ö} > \bar{\text{e}}$)
	$\bar{\text{i}} > \bar{\text{i}}\text{u} >$	$\bar{\text{i}}\text{o} > \text{e}\bar{\text{o}}$	– (> $\bar{\text{e}}$)
	$\bar{\text{e}} > \bar{\text{i}}\bar{\text{e}} >$	$\bar{\text{i}}\bar{\text{e}}$	–
Дифтонги нормальные			ai
			au
			ou
			eu
			iu
			oi
			ui

Взаимозаменяемость древнеанглийских дифтонгов [ie], [īe] с краткими и долгими монофтонгами [y], [ý], [i], [ī] (например, в: *nieht, niht, nyht; geliefan, gelyfan*) свидетельствует о том, что уже в древнеанглийском периоде указанные дифтонги находились в процессе дефонологизации [Иванова и др., 1999: 69], что и способствовало, в конечном итоге, их исчезновению к началу среднеанглийского периода.

Появление новых дифтонгов в среднеанглийском периоде связывают с вокализацией w и палатального и велярного g , стоявших после гласного, а также с развитием глайдов (пазвуков) между гласными и последующим палатальным или велярным h [χ]. Так, в результате вокализации палатального g и возникновения пазвуков перед палатальным χ развиваются дифтонги со вторым элементом i . В результате вокализации w , вокализации велярного g и возникновения пазвуков перед велярным χ развились дифтонги со вторым элементом u [Бруннер 1955: 194]. Примерами могут служить:

др.-англ. $\text{æ} + \text{палатальный } g = \text{ai}$: др.-англ. *dæg* → ср.-англ. *dai* «день»,

др.-англ. $\text{a} + \text{палатальный } g = \text{au}$: др.-англ. *dragan* → ср.-англ. *drauen, drawen* «тянуть»,

др.-англ. *o* + палатальный *g* = *ou*: др.-англ. *boga* → ср.-англ. *boie*, *bowe* «лук».

Процесс утери старых дифтонгов и параллельного формирования новых дифтонгов относят по времени к концу древнеанглийского и к началу среднеанглийского периода. Используя метаязык синергетики, можно сказать, что фонологическая подсистема языка в указанный промежуток времени проходила через точку бифуркации, «освобождаясь» (диссипируя) от старых компонентов и приобретая новые. Утеря ряда фонем стала причиной нарушения симметрии фонологической системы языка, что, в свою очередь, вызвало необходимость скорейшего переструктурирования системы с целью выхода из сложившегося состояния неравновесности.

Интересно также отметить (и это видно из данных табл. 1.1.3), что в смене отдельных фонем вырисовывается некоторая цикличность. Так, например, германская форма *e*, из которой в древнеанглийском языке развился дифтонг *eo*, в среднеанглийский период через промежуточные стадии возвращается к первоначальному состоянию. То же характерно и для долгого *ē*. Такая цикличность может быть интерпретирована как движение системы (или ее компонентов) по определенному пространству состояний (форм).

Очевидно, что траектории фонетических изменений, несмотря на разно- и многообразие вариантов, всё же имеют количественные ограничения возможных состояний и стадий перехода к ним. Такой подход отчасти объясняет отмеченный историками языка факт, что например, «гласный *a* хотя, вообще говоря, и может перейти постепенно в любой другой гласный, но прежде всего он может развиваться только либо по направлению к *i*, либо же по направлению к *u*» [Пауль 1960: 79]. Можно предположить, что одним из факторов, ограничивающих стохастические метания системы по пространству состояний, здесь выступают физиологические особенности производства звуков, в том числе место их образования, высота подъема, ударная / безударная позиция, сила артикуляции и т. д.

В пользу нашего предположения о существовании **пространства состояний фонетической системы**, в котором какие-либо изменения в вокализме или консонантизме носят закономерный характер, обусловленный особенностями конкретного языка, свидетельствует также **направленность** качественных изменений гласных в дописьменном древнеанглийском языке. Иллюстрацией может служить явление палатальной перегласовки, или *i*-умлаут. Суть этого фонетического явления в том, что задние гласные и гласные низкого подъема (краткие и долгие) *u*, *o*, *a* в позиции перед *i* частично ассимилировались

и выдвигались вперед, реализуясь как *y, e, æ* (краткие и долгие) соответственно [Barber et al. 2009: 122; Gelderen 2006: 53; Hog (ed.) I-2005: 113], что схематично может быть представлено следующим образом:

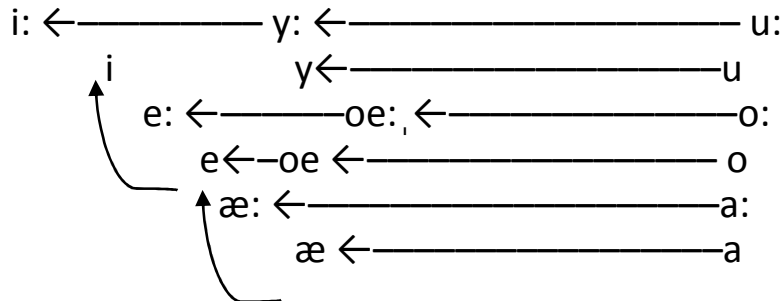

Рис. 1.1.2. Направление палатальной перегласовки гласных (*i*-умлаут).

Примеры: **brūdi* > *brȳd* 'bride'; **mūsiz* > *mȳs* 'mice';
 **fōtiz* > *fēt* 'feet'; **oli* > *e*le 'oil'.

Явление перегласовки отражено в современных нерегулярных формах множественного числа существительных (*man – men, mouse – mice, louse – lice, foot – feet, goose – geese, tooth – teeth*) и во втором компоненте следующих пар: *food – feed, blood – bled, long – length, doom – deem, fall – fell, full – fill, gold – gild, knot – knit, Canterbury – Kent, tale – tell* и др.

Вполне естественно, что фонетические изменения в языке происходили территориально неравномерно, что нашло соответствующее отражение в диалектах. Сопоставление системы гласных в северных и южных диалектах английского языка XII – начала XIII вв. позволило выявить такие отличия: в южных диалектах отсутствовал долгий [a:], в то время как в северных диалектах не было гласного [ɔ:] :

Южные диалекты				Северные диалекты			
i:	i	u	u:	i:	i	u	u:
e:	e	o	o:	e:	e	o	o:
ɛ:			ɔ:	ɛ:			
a				a:	a		

Рис. 1.1.3. Различия в вокализме северных и южных диалектов среднеанглийского периода (взято из [Lass 2006: 47])

В XIII в. происходит количественное изменение гласных – удлинение кратких гласных нижнего [a] и среднего [e], [o] подъемов в первом открытом слоге двусложных слов:

др.-англ. [a] > ср.-англ.[a:]: *nama* [nama] > *nāme* [namə] > [na:mə];

др.-англ. [e] > ср.-англ. [ɛ:]: *mete* [mete] > *mete* [mɛ:te] > [mɛ:tə];
 др.-англ. [o] > ср.-англ. [ɔ:]: *nosu* [nosu] > *nose* [nosə] > [no:zə].

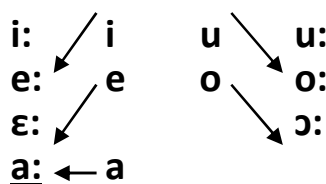
Гласные верхнего подъема [i] и [u], удлиняясь, расширяются и переходят в ближайшую по раствору фонему, т. е. [e:] и [o:] соответственно [Иванова и др. 1999: 77], например:

др.-англ. [i] > ср.-англ. [e:]: *wicu* [wiku] > [wikə] > *weeke* [we:kə];

др.-англ. [u] > ср.-англ. [o:]: *wudu* [wudu] > [wudə] > *wode* [wo:də].

Ход фонетического процесса удлинения гласных в открытом слоге графически может быть представлен следующим образом:

Южные диалекты

Северные диалекты

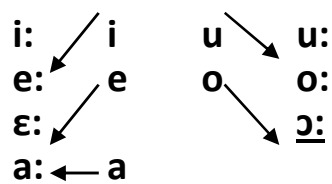

Рис. 1.1.4. Количественные изменения гласных (удлинение в открытом слоге) в южных и северных диалектах английского языка в XIII в. (взято из [Lass 2006: 48])

Из приведенной схемы видно, что в результате количественного изменения гласных в открытом ударном слоге в северных и южных диалектах произошли идентичные сдвиги гласных. Это наводит на мысль о *направленном характере* изменений в фонетическом пространстве языковой системы. Иначе говоря, фонетическое пространство конкретной языковой системы имеет (потенциально конечное) число возможных траекторий движения, своеобразных «русел» изменения, что удерживает систему от хаотических метаний и беспорядочного позиционного перескакивания.

Еще одним важным следствием феномена удлинения в открытом слоге считаем факт появления в рассматриваемых диалектах «недостающих» фонем (на рис. 1.1.4. они подчеркнуты и выделены жирным шрифтом). Произошло своеобразное выравнивание, симметризация вокализма двух территориально удаленных диалектных областей, что, безусловно, свидетельствовало о вхождении фонетической системы английского языка в состояние устойчивости.

Устойчивость, однако, не означает «неподвижность», скорее, это динамическая стабильность, когда в системе наличествуют незначительные флуктуации.

Следует отметить, что фонетическая система любого языка подвержена непрекращающимся изменениям под действием множества факторов внешнего характера. При этом отдельные изменения в системе могут спровоцировать по типу цепной реакции широко-масштабную перестройку данной системы.

Особенно ярко процесс градуального изменения отражен в феномене так называемого Великого передвижения гласных (The Great Vowel Shift), начавшегося, по мнению исследователей, в XV в. и длившегося на протяжении нескольких веков (одни ученые считают, что в основном процесс передвижения гласных завершился в XVII в., другие настаивают, что данный процесс продолжается и в настоящее время [см., например: Мильруд, эл. ресурс; Kerswill 2002: 195, 212]). Сдвигу подверглись все долгие гласные, при этом гласные верхнего подъема [ī] и [ū] дифтонгизировались в [ai] и [au] соответственно, а гласные среднего и низкого подъема продвинулись вперед [Иванова и др. 1999: 81; Blake 1996: 342].

В таблице 1.1.4 ниже, заимствованной из [Буніятова 2009; она же 2011], показаны изменения в фонетической системе английского языка конца среднеанглийского периода и в ранненовоанглийский период. Единственным дополнением, которое мы внесли в предлагаемую И. Р. Бунятовой таблицу, было введение в третий столбец термина «ранненовоанглийский», поскольку явление передвижения гласных, традиционно датируемое XV–XVII вв., как уже отмечалось, всё же приходится на *этот* период, хотя и было подготовлено предшествующим среднеанглийским периодом:

Таблица 1.1. 4

Великое передвижение гласных в английском языке (XV–XVII вв.)

Место образования	Подъем	Ср.-англ. → Ранненовоанглийский	Современный английский
Гласные переднего ряда	Высокого подъема	/i:/ > /ii/ > /ei/ > /æi/ > /ai/	→ /ai/
	Среднего подъема (закрытые)	/e:/ > /æ:/ > /ɛ:/ > /i:/	→ /i:/
	Низкого подъема (открытые)	/æ:/	→ /e:/ → /i:/
Гласные центрального ряда	Низкого подъема	/a:/ > /æ:/ > /ɛ:/ > /e:/ >	→ /e:/
Гласные заднего ряда	Высокого подъема	/u:/	→ /au/
	Среднего подъема (закрытые)	/o:/	→ /u:/
	Низкого подъема (открытые)	/au/	→ /o:/

Общая тенденция рассматриваемого единого фонетического феномена, охватившего систему гласных в языке ранненовоанглийского

периода, видится в сужении долгих гласных и дифтонгизации гласных верхнего подъема. Изменения в произношении не отразились на письме, поскольку к этому времени орфография уже стабилизировалась. Отсюда берет начало несоответствие между современным произношением и написанием в английском языке.

Для ранненовоанглийского периода также характерно возникновение новых дифтонгов в результате вокализации [r] в конце слова и перед согласным. Суть процесса состояла в том, что гласный звук перед [r] практически не мог сузиться. Ср.: *moor* [mo:r] > [miə], но *moon* [mo:n] > [mu:n].

Данный фонетический процесс (равно как описанный выше сдвиг гласных) в синергетическом ракурсе может быть интерпретирован как градуальный тип эволюции, поскольку такого рода изменения происходят в результате ряда точечных мутаций [о типах эволюции см.: Чернавский 2009: 157]. Градуальность возникновения новых дифтонгов в результате вокализации [r] представлена ниже:

- [e:] > [i:] > [iə], e.g. *here, steer*;
- [ɛ:] > [e:] > [ɛə], e.g. *wear, bear*;
- [ɛ:] > [e:] > [iə], e.g. *clear, fear*;
- [a:] > [ei] > [ɛə], e.g. *care, fare*;
- [o:] > [u:] > [uə], e.g. *poor, moor*.

Заслуживает внимания тот факт, что в древнеанглийском языке фонема [r] также вызвала появление кратких дифтонгов. Можно предположить неслучайность данного совпадения. Вероятно, эта фонема создает определенные предпосылки для образования дифтонгов.

Количественные изменения гласных в средне- и ранненовоанглийский период (в том числе – удлинение кратких *a* и *o* перед [f], [θ], [s], [ʃ], [tʃ]; сокращение долгих *ē* и *ō* перед сочетанием согласных и перед смычными, в третьем слоге от конца, а также в односложных словах и др.) обусловлены, по мнению лингвистов, тенденцией кратких гласных, особенно гласных среднего подъема, удлиняться в конце речевого такта и перед звонкими согласными, а с другой стороны – тенденцией долгих гласных и дифтонгов среднего подъема сокращаться перед глухими согласными [Бруннер 1955: 259].

Наличие тех или иных тенденций в изменении количества и / или качества звука, на наш взгляд, подтверждает наше предположение о том, что все возможные **фонетические изменения происходят на определенном пространстве состояний языковой системы.**

ГЛАСНЫЕ

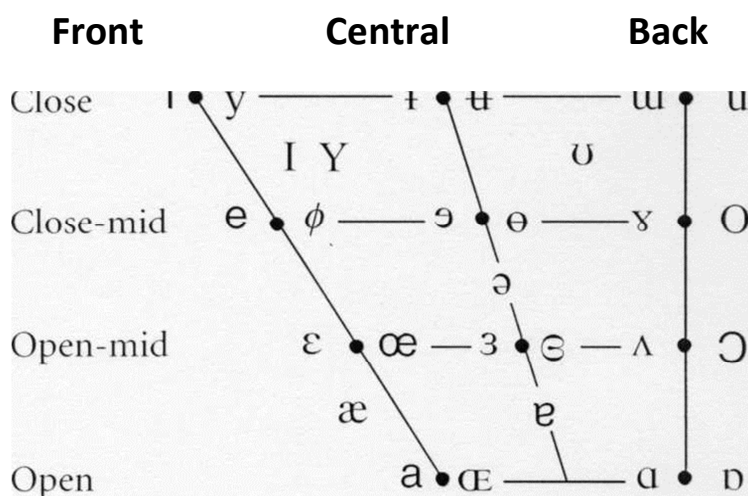

Рис. 1.1.5. *Пространство состояний системы гласных звуков английского языка (на основе Международного фонетического алфавита. См.: Muggleston 2006: XII)*

Мы считаем, что пространство состояний фонетической системы языка ограничено физиологическими особенностями производства звуков. Отмеченная цикличность в смене гласных свидетельствует в пользу тезиса о том, что *возможные пути изменений в системе, несмотря на их множественность, всё же количественно безграничны*. В продолжение нашей мысли приведем слова Е. Н. Князевой: «Принято думать, что природа бесконечно разнообразна, что она ничем не ограничена в варьировании своих эволюционных механизмов и форм организации. Но синергетика демонстрирует обманчивость такого взгляда» [Князева, Курдюмов 2011: 106].

Предлагаемое в нашей работе понятие пространства состояний фонетической системы позволяет объяснить наличие стадий перехода из одной позиции в другую и отсутствие каких-либо резких скачков, минуя промежуточные этапы.

В частности, Великое передвижение гласных также возможно представить графически и показать закономерный характер тех или иных промежуточных переходов (см. рис. 1.1.6):

Выше были кратко рассмотрены основные исторические изменения гласных в ударном слоге, выступавшем, как правило, корневой морфемой.

Следует особо заметить, что в древнегерманских языках ударение имело экспираторный (силовой) характер, что не могло не сказаться на судьбе гласных в безударных слогах. Ударение, падавшее на корень слова, являлось главным ударением. Иногда ударными были приставки

существительных, прилагательных и производных от них слов. Второстепенное ударение приходилось на корневой слог второй основы сложного слова. Интересно, что как только слово переставало восприниматься как сложное, в котором составные его компоненты сохраняют свое самостоятельное значение, второй компонент терял второстепенное ударение, становился безударным, что, в свою очередь, вело к редукции гласного в безударном слог. Яркой иллюстрацией сказанному выступают слова с десемантизированным вторым элементом, превратившимся из некогда полнозначного слова в суффикс: *-dom* «состояние, достоинство» (например, *wisdom, freedom*), *-hood* «способ» (*manhood, childhood*), *-ly* «тело» (< *-lic, -līc*, MnE *friendly* < OE *frēond-līc*) [Бруннер 1955: 260; Смирницкий 1955: 62]. Современные ученые квалифицируют данный феномен как процесс реинтерпретации на морфологическом уровне [например: Носк 1991: 177].

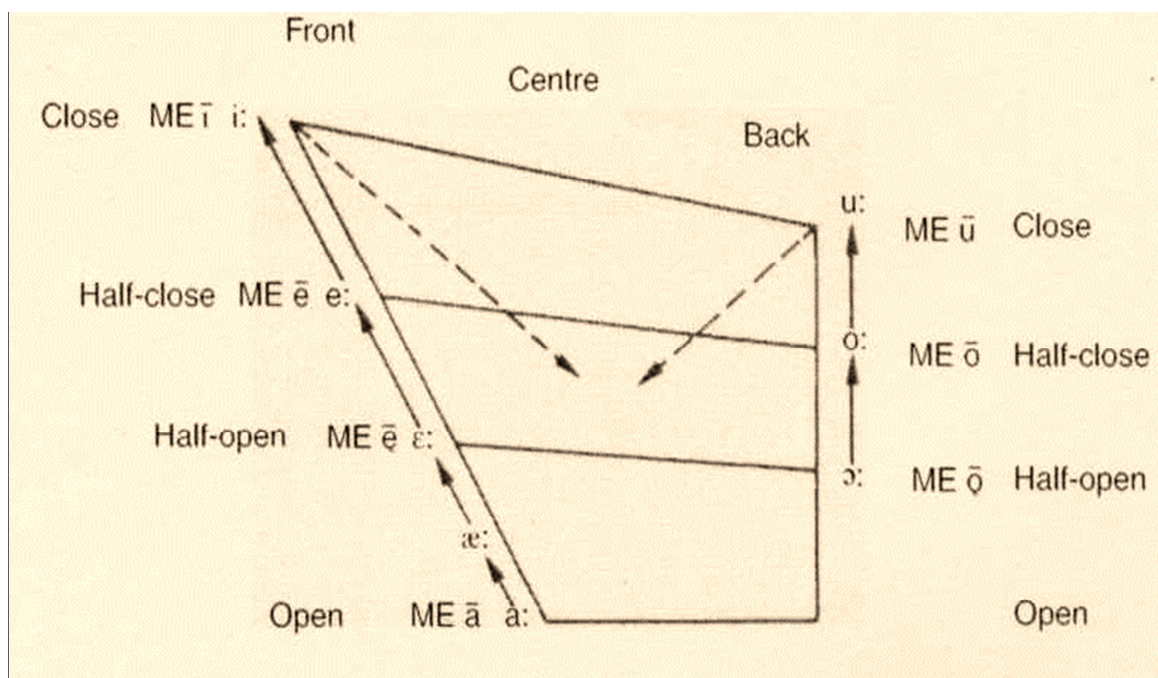

Рис. 1.1.6. Направление изменений при Великом передвижении гласных (из: [Barber et al., 2009: 202])

Обратимся теперь к изменениям гласных в безударном слог.

Отличительной чертой древнеанглийского языка (по сравнению, например, с древневерхненемецким) является отсутствие в безударных слогах долгих гласных (они сократились) и дифтонгов (они монофтонгизировались). Данный факт может рассматриваться как еще одно подтверждение (дополнительно к изложенным в начале этого подраздела) тому, что уже на самом раннем этапе древнеанглийский язык «выбрал» свой собственный путь развития. Вероятно, одним из факто-

ров, подтолкнувшим древнеанглийский язык на чуть отклонившуюся (от других германских языков) траекторию развития, послужила географическая удаленность от континентальных носителей германских языков и, как следствие, ослабление интенсивности общения с родственными носителями языка. Давно замечено, что непосредственное, «живое» общение выступает средством нивелировки различий в узусе: «чем менее интенсивно общение, тем больше возникает и накапливается различий. Возможность дифференциации усиливается еще больше, когда непосредственного общения уже нет вообще, а существует лишь косвенная связь через промежуточные звенья» [Пауль 1960: 61].

Уже в древнеанглийском языке краткие гласные в безударной позиции были частично ослаблены: *æ* и *i* перешли в *e*, безударное *u* через промежуточную ступень *o* перешло в *a*. В уэссекском диалекте основы на *-jo* и на *-i* в именительном, родительном, дательном и винительном падежах ед. числа имели единое окончание *-e*: *hierde* (ср. с др.-сакс. *hiridi*), *sele* (ср. с др.-сакс. *seli*). Отмечено, что в нортумбрийских текстах X в., которые не придерживались стандартной уэссекской орфографии, безударные гласные *e*, *æ*, *o* выступали как взаимозаменяемые; перед *t* иногда используются *u* и *o*, а перед *sc*, *g*, *s*, *ð* – встречается *i*. Отсюда предположение, что все гласные, за исключением позиций перед названными согласными, редуцировались в слабое *ə* [Бруннер 1955: 261].

В конце двусложных слов после долгого ударного корневого слога гласные, как правило, редуцировались и исчезали. Краткие гласные, стоявшие после долгого ударного слога и перед безударным слогом, синкопировались. Например: др.-англ. *mægden* «девушка» (ср. с др.-в.-нем. *magatīn*); род. п. ед. ч. *hēafdes* от им. п. *hēafod* «голова», род. п. *micles* от им. п. *micel* «большой, много».

Развитие новых безударных гласных, по нашим наблюдениям, носило компенсаторный характер, ибо они возникали перед согласными (чаще *r* и *l*), после которых отпали конечные гласные, например: др.-англ. *winter* (ср. с гот. *wintrus*), др.-англ. *hungor* (ср. с др.-исл. *hungr*). Эта тенденция продолжалась и в среднеанглийском периоде, в результате чего отмечены формы *burowe*, *burewe*, *borough* (< др.-англ. *burg*, совр. англ. *borough*), *swalowe*, *swalewe* (< англск. *swalwe*, совр. англ. *swallow*). Очевидно, что ослабление и последующее исчезновение гласных в безударной позиции вызывало нарушение симметрии в фонетической системе языка, что всегда чревато выведением системы из состояния стабильности и равновесия. Для возврата в устойчивое состояние язык как синергетическая система запускает механизмы самоорганизации, в рассматриваемом случае – компенсаторное развитие гласных в предфинальной позиции (перед финальным согласным

слова). Подобное переструктурирование не только способствует появлению нового качества, но и стабилизирует состояние системы. Наш вывод основывается на наблюдении И. Р. Пригожина и И. Стенгерс, согласно которому «система эволюционирует к равновесию» [Пригожин, Стенгерс 2009: 32].

В среднеанглийский период тенденция к ослаблению гласных в безударном слоге усиливается [Бруннер 1955: 262 и сл.]. В конце слова и в окончаниях гласные *a*, *o*, *u* редуцировались в *e* [э]. Вообще говоря, финальная позиция считается «уязвимой» как для гласных, так и для согласных, что неоднократно отмечалось историками языка [“*Word-final position is as vulnerable an environment for vowels as it is for consonants and consonant clusters.*” Hock 1991: 92]. Тенденция к ослаблению финального слога вытекает из энергетической структуры слова, которая характеризуется восходяще-нисходящим движением энергии. Экспериментально-фонетические исследования энергетичности гласных и согласных (в зависимости от их позиционных характеристик) на материале германских языков свидетельствуют о том, что граница слова характеризуется падением напряженности [подробнее см.: Таранец 1981].

С XII в., как принято считать, в английском языке конечное *-e* стало исчезать, что отразилось как в написании слов, так и в их рифмовке. Известно, что в произведениях Дж. Чосера (XIV в.) в зависимости от метрики стиха *-e* может читаться и может пропускаться. Так, в «Кентерберийских рассказах» находим притяжательное местоимение *mine*, которое по-разному читается в одной и той же строке:

- (1) ‘***Mine*** hert is also mouled as ***mine*** heeres’ [“The Reeve’s Prologue”, line 16], ‘my heart is mouldy (=aged) as my hair’,

где притяжательное местоимение *mine* в словосочетании ‘*mine hert*’ звучит как [mi:n], т. е. конечный гласный *-e* здесь не читается, но произносится во втором случае – ‘*mine heeres*’: [‘mi:nə].

Наблюдалась тенденция опускать безударный конечный *-e* в тех случаях, когда этот звук не произносился, что, в свою очередь, вело к вариативности словоформ.

Например, в «Кентерберийских рассказах» находим:

wold – wolde:

- (2) And gladly **wold** he lern and gladly teeche. [The General Prologue, l. 308].

- (3) She was so charitable and so pitous
She **wolde** weep if that she saw a mous
Caught in a trap, if it were deed or bledde. [ibidem, lines 143–145];

coud – coude:

- (4) He **coud** in litel thing have suffisaunce [ibidem, line 490];

(5) *He moste preech and well afffile his tonge*

*To winne silver, as he full well **coude** –*

Therefore he song the murrierly and loude. [ibidem, lines 712–714];

(6) *Short was his gown, with sleeves long and wide.*

*Well **coud** he sit on horse and faire ride.*

*He **coude** songes make, and well endite* [ibidem, lines 93–95].

tell – telle:

(7) *By God, I hope I shall you **tell** a thing*

That shall by reson been at your liking!

For though myself be a full vicious man,

*A moral tale yet I you **telle** can* [The Pardoner's Prologue, l. 129–132].

Очевидно, что Дж. Чосеру удалось «схватить» фазу нестабильности фонетической системы современного ему английского языка.

Суффикс абстрактных существительных сохранил в начале среднеанглийского периода обе древнеанглийские формы, имевшие диалектные различия, – *-nis(se)*, *-nes(se)*. Однако, поскольку «языку чуждо какое бы то ни было излишество» [Пауль 1960:301], постольку тенденция к стандартизации языка и, соответственно, унификации орфографических и орфоэпических норм, привела к устранению параллельных способов выражения и к сохранению в итоге лишь одной формы, здесь: *-nes(se)* (совр. англ. *-ness*). Выбор формы *-nes(se)*, а не *-nis(se)*, по сути, случаен и не является предопределенным результатом какой-либо причинно-следственной цепочки. С современной точки зрения случайность (в том числе и случайность выбора вариантов эволюции) лежит в основе развивающихся открытых систем, функционирование которых характеризуется несколькими (или множеством) переменных [см.: Анищенко 2008; Климонтович 1995; Николис, Пригожин 2008; Олемской 2009]. Естественный язык также следует рассматривать как сложную систему с несколькими переменными, которые «работают» на различных уровнях языковой мегасистемы и определяют ее дальнейшее развитие.

Некоторую устойчивость в рассматриваемый период сохраняет безударный *-i*: как правило, в словообразовательных суффиксах, например: *-isch* (<др.-англ. *-isc*, совр. англ. *-ish*), *-y* (<др.-англ. *-ig*, совр. англ. *-y*), *-ing*, а также в суффиксе причастия I южного диалекта *-inde* (<др.-англ. *-ende*).

Феномен синкопы гласных отмечается, главным образом, на стыке основ сложных слов, например: *Sunday* «воскресенье» (<др.-англ. *sunnandæg*), *kindom* «родство» (< др.-англ. *cynedom*). Гласный не синкопировался, если в результате сокращения могло образоваться труднопроизносимое звукосочетание. В некоторых случаях, следуя принципу аналогии, к первому компоненту присоединяли *-n-*, как в ср.-

англ. *nightingale* «соловей» (< др.-англ. *nihtegale*) [примеры из: Бруннер 1955: 265]. Эти наблюдения в целом подтверждают слова Г. Пауля о том, что одним из важных факторов, определяющих выбор того или иного варианта, является удобство произношения: «Удобство произношения, прежде всего, во многом зависит от количественных отношений и акцентуации, как экспираторной, так и музыкальной. Одно дело удобство произношения в случае долгого слова, другое – в случае короткого, одно дело – ударенный слог, другое – неударенный» [Пауль 1960: 76].

Сходный фонетический процесс наблюдаем в ранненовоанглийском и современном английском языке: ослабление неударных гласных в срединном слоге (то есть после ударного слога и перед безударным) приводит не только к сокращению количества звука, но в итоге к его практически полной утрате. Например: *seventy* ['sev·^əntɪ], *several* ['sev·^ər·^əl], *travelling* ['træv·^əl·ɪŋ], *distillery* [di'stil·^əri], *tantalise* ['tæn·t^əl·aɪz] и др. Но поскольку орфографические нормы уже установлены, то на письме изменения в произношении слов не отражаются.

Изменения в системе согласных. Древнеанглийский консонантизм включал такие согласные и полугласные звуки:

- смычные звонкие [b], [d], [g], [g'];
- смычные глухие [p], [t], [k], [k'];
- фрикативные (щелевые) [f-v], [θ-ð], [s-z], [χ-χ'], [h];
- плавные [l], [r];
- носовые [m], [n];
- геминаты (долгие согласные) [pp], [bb], [tt], [dd], [gg], [g'g'], [kk], [k'k'], [ff], [θθ], [ss], [χχ], [χ'χ'], [ll], [rr], [mm], [nn];
- полугласные [w], [j].

Характерной чертой системы согласных в рассматриваемый период является геминация – фонетическое явление удлинения согласных как результат ассимиляции фонемы [j] с предшествующим ей согласным. Отсюда возникло противопоставление древне- и среднеанглийских согласных по количеству звука на краткие и долгие (геминаты). Для геминат присуща интервокальная позиция. Примеры: д.-а. *sittan* < **setjanan*, гот. *satjan*, д.-исл. *sitia* «сидеть», д.-а. *tellan* < **taljanan*, д.-исл. *telia* «рассказывать».

Противопоставление согласных по долготе отразилось в уникальной системе правописания (по сути – фонетической орфографии), разработанной и использованной монахом по имени Орм в стихотвор-

ном произведении «The Ormulum» (ок. 1200 г.), отрывок из которого с подстрочным переводом приводится ниже:

- (8) *Nu wile icc here shæwenn 3uw;*
 (Now want I here to show / tell you)
Off ure laffdi3 mar3e.
 (Of our Lady Mary)
Off – hu 3ho barr þe laferrd crist;
 (of – how she gave birth to Lord Crist)
Att hire rihhte time.
 (at her right time)
Swa þatt 3ho þohh þæraffterr wass;
 (So that she was thought after that)
A33 ma33denn þweorrt ūt clene!
 (Always Maiden completely pure!) (Ormulum: Homily vii, lines 3264 –69).

«Сейчас я хочу рассказать вам о нашей Госпоже Марии, о том, как она родила Христа-Бога в назначенное время. И после этого её величали навеки Пречистой Девой!»

В конце среднеанглийского периода удвоенные согласные в основном упростились, что отразилось в произношении слов и реже – в их орфографии.

Заслуживает внимания факт наличия в древнеанглийском языке палатализации согласных, из которых впоследствии в среднеанглийском периоде развиваются аффрикаты – глухой [tʃ] и звонкий [dʒ]. Также в конце древнеанглийского периода подверглось палатализации сочетание *sc*, приблизившись к звуку [ʃ]. Данный фонетический процесс называется ассибилацией. Примеры:

Др.-англ. *cild* [k'i:ld] > ср.-англ. *child* [tʃi:ld] > совр. англ. *child* [tʃaɪld].

Др.-англ. *scip* [sk'ip] > ср.-англ. *scip, ship* [ʃip] > совр. англ. *ship* [ʃip].

Ассибилация интересна для нас тем, что *среднеязычные* по месту артикуляции [k'], [k'k'], [g'], [g'g'] в результате данного явления «продвигаются» вперед и становятся *переднеязычными*. Очевидно, движение «вперед» для согласных и движение «вперед» и «вверх» для гласных – это основные магистральные траектории фонетических изменений в пространстве состояний фонологической системы языка.

Известно, что в древнеанглийском языке признак голоса не выступал фонологически релевантным для переднеязычных щелевых: звонкость / глухость щелевых определялась исключительно позицией согласного в слове. Так, в позиции между двумя гласными или между звонкими звуками глухой щелевой озвончался, в финальной позиции – оглушался. Например: *fif* [f] – *fife* [v] «пять», *wulf* [f] – *wulfōs* [v] «волк»,

ofer [v] «над»; *hūs* [s] «дом», *rīsan* [z] «расти» и др. Это – фонетическое явление ассимиляции, уподобления разных звуков в границах слова, когда одни звуки влияют на другие соседние. Рассматриваемые случаи представляют собой пример регрессивной ассимиляции – фонетического уподобления, вызванного в результате влияния последующего звука на предыдущий. Физиологически ассимиляция обусловлена соображениями удобства произношения, в том числе и экономией артикуляционных усилий. Это хорошо иллюстрируется на примере прилагательного *scant* «скудный», которое ранее выглядело как *skamt*, но звук [m] ассимилировался в [n] под влиянием последующего [t], что оказалось более целесообразным, поскольку звуки [n] и [t] имели общее место артикуляции, в отличие от губного [m]. Современный пример ассимиляции приводит Ч. Барбер – произношение *football* как *foopball* [Barber et al., 2009: 42].

Нефонологичность голоса, характерная для переднеязычных щелевых, к концу древнеанглийского периода распространилась на задние и среднеязычные щелевые [χ] и [χ']: непалатализованный звонкий оглушается в конце слова (*slōg* → *slōh*, прош. от *slēan* «убивать»), а палатализованный звонкий переходит в конце слова в [j] и тем самым *уходит из класса щелевых* [Иванова и др., 1999: 56]. Данный пример служит еще одной иллюстрацией количественно-качественной динамики внутри фонемных групп.

В древнеанглийском языке часто встречается явление метатезы – перестановки *r* и соседнего гласного, откуда возможны варианты: *r* + гласный либо гласный + *r*: *birda* и *bridda* «третий»; *irnan*, *yrnan* и *rinnan* «бежать».

Фонетическая сущность процесса метатезы остается не до конца ясной. Так, Б. А. Ильиш предполагал, что гласный, стоявший после согласного *r*, ослабевает и исчезает, так что сонант *r* становится на некоторое время слогообразующим: *br̥da*, *r̥nan*. Затем гласный вновь появляется, но теперь уже не после согласного, а перед ним [Ильиш 1958: 55–56].

По мнению Г. Пауля, причина метатезы, как и ассимиляции, имеет психофизиологическую основу, что сближает эти фонетические процессы с обмолвками. Многократно повторяясь в речи младшего поколения в том или ином варианте, случайно выбранная форма имеет шансы закрепиться в узусе: «Известно, что местоположение слов, слогов и отдельных звуков в процессе речи часто сдвигается, поскольку какой-либо элемент может слишком рано появиться в сознании. <...> Нельзя, таким образом, отрицать, что существуют условия, благоприятствующие оговоркам определенного рода, вследствие чего они повторяются у разных лиц. Оговорки, распространяясь на младшее по-

коление, могут с течением времени стать нормальным произношением» [Пауль 1960: 86].

В проекции на синергетическую плоскость изучения естественного языка можно предположить, что метатеза является одним из проявлений флуктуаций системы в переходной стадии, иначе говоря – в фазовом переходе, т. е. на пути к более устойчивому режиму. Появляющиеся на этой стадии варианты (здесь: *r* перед или после гласного) могут рассматриваться как своеобразные аттракторы, в поле притяжения которых система попеременно попадает.

Очевидно, что фонетические процессы – ассимиляции, ассибилляции, метатезы и др., следует рассматривать как *фазовые микропространства* фонетической системы языка, в которых соответствующие языковые единицы движутся по определенным траекториям (вспомним сдвиг гласных или ассибилляцию согласных). Здесь практически исключены какие-либо случайные, хаотические, нерегулярные движения «в сторону». Траектории движения направляют систему в определенное русло. При этом система, будучи всегда подвижной, динамичной, отличается неравновесностью – характеристикой (вызванной присущей языковой системе асимметрией), обеспечивающей системе возможность движения от одного аттрактора к другому. Роль аттракторов здесь выполняют варианты – фонемы, комбинации фонем и т. п., между которыми система делает выбор, часто случайный, не всегда поддающийся логическому объяснению.

Режимы состояний любой эволюционирующей системы, в том числе и языковой, подвержены смене, что образует основу спиральной цикличности в развитии данной системы.

Сменой режимов состояний системы на микроуровне возможно объяснить следующее фонетическое изменение: [ð] → [d], [d] → [ð]. По наблюдениям ученых, др.-англ. звук [ð] в позиции перед неслоговыми *m*, *n*, *l*, *r* уже в раннем среднеанглийском перешел в [d]. Отсюда ср.-англ. *broder* «брат» (< др.-англ. *brōdor*), ср.-англ. *birden*, *burden* «ноша» (< др.-англ. *byrden*), а также совр. англ. *fiddle* «скрипка» (< др.-англ. *fidele*), совр. англ. *spider* «паук» (< др.-англ. *spīdra* из **spinþra* – от глагола *spinnan* «прясть»). В позднем среднеанглийском (XV в.) [d] после гласного и перед слоговым *r* перешел в [ð], что объясняет современные формы: *mother* «мать» (< др.-англ. *mōdor*), *father* «отец» (< др.-англ. *fæder*), *gather* «собирать» (< др.-англ. *gadrian*, ср.-англ. *gaderen*), *together* «вместе» (< др.-англ. *togædere*), *weather* «погода» (< др.-англ. *weder*), *wither* «увядать» (< др.-англ. *widereian*), включая несколько устаревшие на сегодня наречия *hither* «сюда» (< др.-англ. *hider*) и *thither* «туда» (< др.-англ. *þider*), сохранившиеся, главным обра-

зом, в устойчивом сочетании *Hither and thither* [детальнее см.: Бруннер 1955:287].

Более ранним примером цепного изменения в системе фонем может служить комплекс взаимосвязанных изменений индоевропейских согласных в германских языках – так называемое первое передвижение согласных (Закон Гримма), характерное для древнего периода. Сопоставление слов германских языков с их индоевропейскими параллелями выявило, что индоевропейским звонким придыхательным *bh*, *dh* и *gh* в германских языках соответствуют звонкие смычные (взрывные) *b*, *d*, *g*; и.е. звонким смычным *b*, *d*, *g* соответствуют герм. глухие смычные *p*, *t*, *k*; а и.е. глухим смычным *p*, *t*, *k* соответствуют герм. глухие щелевые *f*, *θ*, *h*. Общая направленность передвижения согласных имеет следующий вид (см. рис. 1.1.7):

придыхательные → звонкие → глухие смычные → глухие щелевые

<i>bh</i> → <i>b</i>	<i>b</i> → <i>p</i>	<i>p</i> → <i>f</i>
<i>dh</i> → <i>d</i>	<i>d</i> → <i>t</i>	<i>t</i> → <i>θ</i>
<i>gh</i> → <i>g</i>	<i>g</i> → <i>k</i>	<i>k</i> → <i>h</i>

Рис. 1.1.7. Первое передвижение согласных в германских языках

В среднеанглийский период отмечено многочисленное выпадение согласных в различных дистрибутивных паттернах. Например:

- *w* выпал перед *u*, например: ср.-англ. *suche*, *such* (<др.-англ. *swylc*);
- *l* утерян перед [tʃ], как в: ср.-англ. *swich*, *suche*, *such* (<др.-англ. *swylc*);
- начальное *h* отпало в словах на *hl-*, *hn-*, *hr-*, например: ср.-англ. *lōrd* (<др.-англ. *hlāford*), ср.-англ. *nute* (<др.-англ. *hnutu*), ср.-англ. *ring* (<др.-англ. *hring*);
- в ранненовоанглийский период происходит выпадение *l* перед *k*, *m*, *f*, *v*, например: *talk*, *palm*, *calf*, *halves*;
- также *l* выпал перед *d* в обычно безударных глаголах *should*, *would* и *could*;
- происходит упрощение сочетаний согласных: [mb] > [m] (*lamb*, *climb*); [mn] > [m] (*solemn*, *column*, *autumn*); [stl] > [sl] (*castle*, *whistle*); [stn] > [sn] (*listen*, *fasten*) и др.

Любое избавление системы от «лишних» элементов рассматривается в синергетике как диссипативный процесс – отсекание неоднородностей и вывод их за границы системы. Более того, в диссипации даже видят аналог биологического фактора естественного отбора. Некоторые ученые сравнивают диссипацию с «молотком скульптора,

которым тот отсекает все лишнее от глыбы камня, создавая скульптуру» [Белавин, Курдюмов, Князева, эл. ресурс]. Наличие диссипативных процессов на фонетическом уровне языка свидетельствует об открытости системы.

Диссипации противопоставляется процесс заимствования как результат внешнего воздействия на систему со стороны других языков. Ниже кратко рассматривается вопрос об иноязычном влиянии на фонологическую систему английского языка.

Иноязычное влияние на фонетическую систему английского языка

Язык, будучи открытой системой, взаимодействует со средой. С синергетического ракурса среду следует рассматривать как один из важнейших параметров, определяющих изменения в системе. В понятие «внешней среды», или просто «среды», входят многие компоненты – прежде всего, общество и все общественные институты, которые обслуживаются языком. Внешняя среда оказывает значительное влияние на язык, что отражается на изменениях лексического состава языка, сдвигах в произносительных нормах и т. п. По словам В. А. Звегинцева, от общества язык получает стимулы для своего развития, и стимулы эти носят определенный характер, поскольку они рождаются в конкретно-исторических условиях [Звегинцев 2009: 278].

Межъязыковые контакты также могут оказать существенное влияние на различные системы языка.

Общеизвестно, что в ходе исторического развития английский язык подвергся существенному влиянию иностранных языков, причем это влияние не ограничилось традиционным пополнением словарного запаса языка, но в конечном итоге способствовало изменению типологических характеристик английского языка в целом.

Наблюдения показывают, что скандинавское влияние на фонетическую систему английского языка было весьма незначительным. Это объясняется, вероятно, тем, что фонетические системы языков были близки, а также тем, что ко времени скандинавских завоеваний древнеанглийский консонантизм и вокализм уже сложились.

Влияние скандинавских языков на английский сводится, главным образом, к заимствованию лексики, которая появилась в письменных памятниках в среднеанглийский период. Более того, как показывают исследования, слова, заимствованные в древнеанглийский из норвежского и датского, подвергались ассимиляции – некоторые оригинальные звуки и соответствующие буквы заменялись на английские. Подобная «замена» рассматривается нами как действие управляющих параметров системы-реципиента. О. Есперсен приводит такие при-

меры: др.-норв. *skipta* получило в др.-англ. языке форму *shift*; др.-норв. *brúðlaup* 'wedding' стало в др.-англ. *brydlop* (ОЕ *bryd* 'bride'), соответственно, др.-норв. *tíðende* приобрело форму *tiding(e)*, а др.-норв. *þjónusta* 'service' обрело формы *þeonest*, *þenest*, *þegnest*. Важный факт, касающийся морфемного уровня: заимствование префикса с негативным значением. Др.-норв. префикс *ú* приобретает в английском языке форму *un-*, e.g. *untima*, *unbain*, *unrad* [Jespersen 1905: 65–66] и вплоть до настоящего времени сохраняет свою функциональность.

Важным представляется и тот факт, что скандинавские поселения были в северной и северо-восточной части страны и практически не распространились на южные области, из которых, главным образом, дошли до наших дней письменные памятники древнеанглийского языка. В современных северных диалектах отмечается значительное число лексем скандинавского происхождения.

Норманнское завоевание также оставило незначительный след в английской фонетической системе. Так, в системе среднеанглийских гласных появился дифтонг *oi*, который вошел в язык-реципиент в составе заимствованных слов французского происхождения типа *point*, *joint*, *poise*. Известно, что в древнеанглийском языке такой дифтонг не существовал, и, по словам Б. А. Ильиша, не было звуков / звукосочетаний, из которых он мог бы развиваться [Ильиш 1958: 188].

В системе среднеанглийского консонантизма влияние норманнского французского сводится, прежде всего, к следующему. Древнеанглийские [f] и [v], выступавшие вариантами единой фонемы, под влиянием французских заимствований превращаются в самостоятельные фонемы. Это происходит благодаря заимствованию французских слов, начинающихся звонким согласным [v], который сохраняет свою звонкость в английском языке и обозначается на французский манер буквой *v*. Примеры: *veune* «жилка», *vice* «порок», *vain* «тщетный». «В этом пункте количество фонем английского языка при переходе от древнего периода к среднему выросло на одну единицу: вместо единой фонемы, обозначавшейся в древнеанглийском языке буквой *f* и являвшейся в двух вариантах – глухом и звонком, в зависимости от положения в слове – в среднеанглийском мы находим две отдельные фонемы: глухое [f] и звонкое [v]» [Ильиш 1958: 189].

Изменения в орфографии связаны, прежде всего, с тем, что французский язык вытеснил английский из школьного преподавания, что привело к постепенному забыванию древнеанглийской письменной традиции. Английские тексты стали писать, исходя из звукового значения букв во французском (англо-нормандском) и в латинском языках. Изменение шрифта в английских рукописях привело к замене

некоторых древнеанглийских знаков французскими, например, *q, g, k, qi* [см., например: Бруннер 1955: 148].

В целом, по мнению К. Бруннера, влияние французских произносительных навыков на фонетический строй английского языка крайне маловероятно и связано с относительно незначительным числом французов-переселенцев в Англию, чьи потомки освоили английское произношение [Бруннер 1955: 165].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фонетическая система английского языка сформировалась самостоятельно и, в отличие от других подсистем языка (например, лексической), практически не изменилась под влиянием других иностранных языков.

Здесь с целью дальнейшего обсуждения вопроса об иноязычном влиянии нам представляется уместным ввести термин ***анизотропия языковой системы***.

Термин *анизотропия* (англ. *anisotropy*) происходит от греческих слов *ánisos* «неравный» и *trópos* «направление» и обозначает зависимость свойств вещества или материала от направления воздействия на него. Анизотропия основывается на пространственной упорядоченности структуры той или иной субстанции. Этот термин широко используется в естествознании, особенно в материаловедении. Анизотропию рассматривают как характерное свойство кристаллов, обусловленное различной плотностью расположения атомов и молекул в кристаллической решетке в различных направлениях. Предполагается, что при упорядоченном расположении атомов, молекул или ионов силы взаимодействия между ними и межатомные расстояния оказываются неодинаковыми по различным направлениям [Словарь...; Энциклопедия...]. Простым примером проявления анизотропии может также служить бревно, которое легче расколоть вдоль волокон и сложнее перерубить поперек.

Совсем недавно в философии появилось сочетание «анизотропия времени» для выражения существования необратимых процессов.

В филологии термин *анизотропия* находим у З. Я. Тураевой в связи с исследованием метафоры и динамики семантики слова [Тураева 2011: 13]. Автор выделяет первичную анизотропию как онтологический признак метафоры и вторичную анизотропию, порождаемую текстом. В слове, по мысли З. Я. Тураевой, сталкиваются две тенденции – одна к статичности и изотропии, другая к динамичности и анизотропии. Первая есть отражение стабильности языкового кода, вторая обнаруживает стремление к его постоянному обновлению в результате расширения познания как движущей силы прогресса [там же].

В контексте нашего исследования предлагаем использовать термин ***анизотропия языковой системы***, понимая под ним скалярное

свойство языковой системы противостоять (тогда можно говорить о низкой степени анизотропии) или поддаваться в той или иной мере внешним воздействиям, т.е. влиянию среды (в этом случае говорим о средней/ высокой степени анизотропии). Частным случаем анизотропии можно считать степень «сопротивляемости» *различных подсистем* языка к чужеродным элементам.

Можно предположить, что различные подсистемы языка обладают различной анизотропией – проявляют разную степень устойчивости (если использовать термин синергетики) к внешним «уколам». Так, история английского языка показывает, что фонетическая система английского языка обладает низкой степенью анизотропии, поскольку проявляет известную устойчивость к иноязычному влиянию и сохраняет относительно равновесное, динамичное состояние. Фонетическая подсистема английского языка обладает потенциально конечным множеством элементов, ограниченным физиологическими особенностями звукопроизводства. Элементы множества этой подсистемы определенным образом связаны друг с другом: отклонение в артикуляции тех или иных звуков может спровоцировать серию соответствующих изменений в других (пример – великое передвижение гласных). Высокая степень когерентности элементов фонетической подсистемы предопределяет бóльшую устойчивость этой подсистемы к внешним воздействиям. В области фонетической подсистемы (имеется в виду фонемный состав, а не произносительные нормы) английский язык проявляет низкую степень анизотропии.

Самая высокая степень анизотропии характерна для лексической системы английского языка [см.: Домброван 2012, 2013]. Внутри этой подсистемы лексические единицы связаны друг с другом разнообразными семантическими и парадигматическими отношениями, образуя определенные кластеры, которые в совокупности придают языку характер сетевой безмасштабной структуры. Кластеры не являются замкнутыми образованиями, они обладают возможностями разновекторного расширения. Именно поэтому лексическая подсистема английского языка является наиболее динамичной: способной принять новые элементы (тем самым увеличить размеры кластера), отсеять устаревшие и / или заменить старые элементы новыми.

Выводы и перспективы

Специфика предлагаемого в нашей работе подхода к изучению структурной организации английского языка, а также процессов его развития и функционирования заключается в применении новой методологической платформы при обращении к проблеме диахронии – синергетической, которая предоставляет возможность рассматривать

объект анализа в нескольких системах координат. Проведенное исследование и полученные новые данные подтвердили правомерность выбранного междисциплинарного подхода к изучению английского языка как самоорганизующейся синергетической системы.

Краткие выводы сводятся к следующему:

1. Наличие тех или иных тенденций в изменении количества и / или качества звука подтверждает наше предположение о том, что все возможные *фонетические изменения происходят на определенном пространстве состояний системы*. Считаем, что пространство состояний фонетической системы языка ограничено физиологическими особенностями производства звуков. Отмеченная цикличность в смене гласных свидетельствует в пользу тезиса о том, что *возможные пути изменений в системе, несмотря на их множественность, всё же количественно безграничны*. Движение «вперед» для согласных и движение «вверх» для гласных – это основные магистральные траектории изменений в пространстве состояний фонетической системы языка.

2. Рассмотрение в новом ракурсе процесса заимствования как одного из механизмов языкового изменения привело к необходимости введения специального термина для обозначения скалярного свойства устойчивости / неустойчивости языковой системы к внешним воздействиям. Предложен термин «анизотропия языковой системы».

3. Различные подсистемы английского языка обладают различной анизотропией – проявляют разную степень устойчивости к внешним воздействиям. Так, фонетическая система английского языка обладает низкой степенью анизотропии, поскольку проявляет известную устойчивость к иноязычному влиянию и сохраняет относительно равновесное, динамичное состояние. Напротив, высокая степень анизотропии характерна для лексической подсистемы языка.

Диахроническая лингвосинергетика позволяет переместить проблему становления и развития сложной языковой мегасистемы в центр исследовательских интересов. Освоение новых для филологии принципов синергетического анализа позволяет внести важные дополнения в теорию эволюции естественного языка как открытой, неравновесной, неустойчивой, нелинейной, саморазвивающейся мегасистемы и открывает новые перспективы для дальнейших исследований в намеченном русле. В частности, представляется возможным определить такие основные векторы дальнейших исследований в рамках диахронической лингвосинергетики на материале не только английского, но и других языков:

- хаос и порядок в процессе межъязыковой интерференции;
- вариативность в языке и ее границы;

- фрактальность в историческом словообразовании;
- типологизация силового переструктурирования сложной системы;
- разработка алгоритма прогнозирования дальнейших изменений в отдельных подсистемах языка и в языковой мегасистеме в целом;
- феномен «переключения кода» (code switching) и языковая политика в условиях глобализации, а также многие другие.

Рассмотрение процессов развития и изменения английского языка в свете предлагаемой лингвистической теории вносит определенный вклад в создание современной теории эволюции языковой мегасистемы.

Хочется выразить надежду, что настоящая работа будет способствовать кристаллизации понятий, положений и методов исследования, которые обязательно войдут в обиход современного филолога и дадут мощный импульс для новых интересных изысканий.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК; под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Краснодар : РАЛК, 2008. – Вып. 6. – С. 20–26.
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокогнитивная синергетика: истоки, принципы, сущность / Н. Ф. Алефиренко // *Studia linguistica cognitiva: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания.* – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – Вып. 2 – С. 228–255.
3. Анищенко В. С. Знакомство с нелинейной динамикой / В. С. Анищенко; предисл. Г. Г. Малинецкого. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
4. Бацевич Ф. Духовна синергетика рідної мови: лінгвофілософські нариси : монографія / Ф. Бацевич. – К. : ВЦ «Академія», 2009. – 192 с.
5. Безручко Б. П. Путь в синергетику: экскурс в десяти лекциях / Б. П. Безручко, А. А. Короновский, Д. И. Трубецков и др.; предисл. С. Мирова, Г. Г. Малинецкого. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 304 с.
6. Белавин В. А. Режимы с обострением и законы коэволюции сложных систем [Электронный ресурс] / В. А. Белавин, С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева. – Режим доступа : <http://spkurdyumov.narod.ru/Belavin.htm>.
7. Белоусов К. И. Синергетика текста: От структуры к форме / К. И. Белоусов. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. – 248 с.
8. Бруннер К. История английского языка / К. Бруннер; под ред. Б. А. Ильиша, пер. с нем. С. Х. Васильевой. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – Т.1.–324 с.
9. Бруннер К. История английского языка / К. Бруннер; под ред. Б. А. Ильиша, пер. с нем. С. Х. Васильевой. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – Т.2.– 392 с.
10. Буніятова І. Р. Еволюція гіпотаксису в германських мовах (IV-XIII ст): монографія / Ізабелла Рафаїлівна Буніятова. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2003. – 327 с.

11. Буніятова І. Р. Типологія мовних змін в історичній перспективі [Електронний ресурс] / І. Р. Буніятова // Вісник КНЛУ: Сер. Філологія. – 2009. – Вип. 1. – Режим доступу : www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vknlufil/2009_1/8/pdf.
12. Буніятова І. Р. Шляхи розвитку мовних систем: еволюція і катастрофа / І. Р. Буніятова // МАГІСТЕРІУМ. Сер. : Мовознавчі студії. – К. : Аграр Медіа Груп, 2011. – Вип. 43.– С. 3–8.
13. Буніятова І. Р. Причини зрушень у складних відкритих системах: з досвіду історичного дослідження мов / І. Р. Буніятова // Studia Philologica (Філологічні студії): зб. наук. пр. – К. : Київ.ун-т імені Б. Грінченка, 2012. – Вип. 1. – С. 5–12.
14. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1988.– 520 с.
15. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Электронный ресурс] / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – Вып. 1. – С. 64–72. – Режим доступа : <http://lincon.narod.ru/lingvocult.htm>.
16. Глазунова О. И. Синергетика творчества: опыт анализа художественного текста / О. И. Глазунова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 344 с.
17. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: вводный курс / Дж. Гринберг. – Иркутск : Едиториал УРСС, 2009. – 224 с.
18. Домброван Т. И. История языка как объект синергетического анализа: к постановке проблемы / Т. И. Домброван // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Сер. : Романо-германська філологія. Методика виконання іноземних мов. – Х. : Харк. нац. ун-т, 2011(а). – № 973 (Вип. 68). – С. 30–34.
19. Домброван Т. И. Синтаксическая деривация как синергетический процесс / Т. И. Домброван; за ред. І. М. Колегаєва // Записки з романо-германської філології. – Одеса: КП ОГТ, 2011(б). – Вип. 27. – С. 36–44.
20. Домброван Т. І. Синергетичний підхід до вивчення історії мови / Т. І. Домброван // Мова. Культура. Комунікація: Семіосфера у динаміці : ІІ міжнар. наук. конф., 28 квітня 2011. – Чернігів : ЧНПУ імені Т. Г. Шевченка, 2011(в). – С. 69–72.
21. Домброван Т. И. Фрактальный принцип организации языковой мегасистемы / Т. И. Домброван // Нова філологія: зб. наук. пр.– Запоріжжя : ЗНУ, 2012(а). – № 54. – С. 161–165.
22. Домброван Т. И. Эволюция языка сквозь призму параметров управления / Т. И. Домброван; за ред. І. М. Колегаєва // Записки з романо-германської філології ОНУ імені І. І. Мечникова. – Одеса : КП ОГТ, 2012(б). – Вип. 28. – С. 35–42.
23. Домброван Т. И. Язык как синергетическая система / Т. И. Домброван // Перспективы развития современной филологии: VI междунар. научн. конф., 10 ноября 2012. – Петрозаводск : ПетроПресс, 2012 (в). – С. 109–113.
24. Домброван Т. И. Изучение истории языка с позиций постнеклассической научной парадигмы / Т. И. Домброван // Perspektywy rozwoju nauki (Перспективы развития науки), 28–30 ноября 2012. – Gdansk, 2012 (г). – С. 48–52.
25. Домброван Т. И. Язык в контексте синергетики : монография / Т. И. Домброван. – Одесса: КП ОГТ, 2013. – 346 с.
26. Домброван Т. И. Диахроническая лингвосинергетика: развитие языка как синергетический процесс / Т. И. Домброван // Грані сучасної лінгвістики : кол.

- монографія; за ред. О. Г. Фоменко, В. К. Харченко (Росія). – Запоріжжя : Класичний приватний університет, 2014 (а). – С. 87–115.
27. Домброван Т. И. Лингвосинергетика: Язык как синергетическая система: монографія / Т. И. Домброван. – Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2014 (б). – 308 с.
28. Домброван Т. И. Философская компонента синергетического стиля научного мышления / Т. И. Домброван // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях. – М. : ИД «Международные отношения», 2014 (в). – С. 42–49.
29. Еникеева С. М. Фрактальность микросистем словообразования (на материале английского языка) / С. М. Еникеева // *Studia Linguistica*. Язык в логике времени: наследие, традиции, перспективы. – СПб. : Политехника-сервис, 2011. – Вып. XX. – С. 107–118.
30. Єнікєєва С. М. Системність і розвиток словотвору сучасної англійської мови: Монографія // С. М. Єнікєєва. – Запоріжжя : Запорізьк. нац. ун-т, 2006. – 303 с.
31. Єнікєєва С. М. Принципи синергетики як методологія дослідження словотвірної системи (на матеріалі англійської мови) / С. М. Єнікєєва // *Нова філологія: зб. наук. праць*. – Запоріжжя : ЗНУ, 2008. – № 29. – С. 223–230.
32. Єнікєєва С. М. Система словотвору сучасної англійської мови: синергетичний аспект (на матеріалі новоутворень кінця ХХ – початку ХХІ століть) – АДД, 10.02.04 / С. М. Єнікєєва. – К. : Київський національний лінгвістичний університет, 2011. – 35 с.
33. Єнікєєва С. М. Синергетичний аспект словотворчих процесів сучасної англійської мови / С. М. Єнікєєва // *Грані сучасної лінгвістики: кол. монографія; за ред. О. Г. Фоменко, В. К. Харченко*. – Запоріжжя : Класичний приватний університет, 2014. – С. 373–401.
34. Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию / В. А. Звегинцев. – М. : URSS, 2009. – 384 с.
35. Иванова И. П. История английского языка. Учебник. Хрестоматия. Словарь / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян, Т. М. Беляева. – СПб. : Изд-во «Лань», 1999. – 512 с.
36. Ильиш Б. А. История английского языка / Б. А. Ильиш. – М. : ИЛИЯ, 1958. – 367 с.
37. Князева Е. Н. Основания синергетики: синергетическое мировидение / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 256 с.
38. Князева Е. Н. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов; вступ ст. Г. Г. Малинецкого. – М. : КомКнига, 2011. – 272 с.
39. Кравченко А. В. От анализа к синтезу / К. А. Владимирович // *Культура народов Причерноморья*. – Симферополь, 2006. – № 82 (1). – С. 219–221.
40. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине ХХ века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // *Язык и наука конца ХХ века*. – М. : ИНИОН РАН, 1995. – С. 144–238.
41. Кушнина Л. В. Основные принципы синергетики перевода / Людмила Вениамивновна Кушнина // *Вестник Удмурдского университета. Сер. : История и филология*. – Ижевск : Удмуртский Государственный университет, 2011. – Вып.4. – С. 173–177.

42. Ласло Э. Век бифуркации: постижение изменяющегося мира / Э. Ласло // Путь. – 1995. – № 1. – С. 3–129.
43. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез / К. Майнцер; под ред. и с предисл. Г. Г. Малинецкого. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 464 с.
44. Малинецкий Г. Г. Математические основы синергетики. Хаос, структуры, вычислительный эксперимент / Г. Г. Малинецкий. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 312 с.
45. Мильруд Р. П. Есть ли в хаосе языка грамматический порядок? [Электронный ресурс] / Р. П. Мильруд – Режим доступа : www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/01/image/38-48pdf.
46. Моисеева И. Ю. Синергетическая модель текстообразования. – АДД: 10.02.19 / М. И. Юрьевна. – Челябинск : Челябинский гос. ун-т., 2007. – 39 с.
47. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – М. : Едиториал УРСС, 2010. – 296 с.
48. Муратова Е. Ю. Лингвосинергетика поэтического текста / Е. Ю. Муратова. – Мн. : Изд-во «Простобук», 2011. – 219 с.
49. Николис Г. Познание сложного: введение. / И. Пригожин, Г. Николис; пер. с англ., предисл. Г. Г. Малинецкого. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 352 с.
50. Олемской А. И. Синергетика сложных систем. Феноменология и статистическая теория / А. И. Олемской. – М. : Изд-во ЛКИ, 2009. – 384 с.
51. Паршин П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П. Б. Паршин // Вопросы языкознания. – М. : Издательство «Наука», 1996. – № 2. – С. 19–42.
52. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 500 с.
53. Пашковский В. Э. Психиатрическая лингвистика / В. Э. Пашковский, В. Р. Пиотровская, Р. Г. Пиотровский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 168 с.
54. Пименова М. В. Концептуальные исследования. Введение : учеб. пособ. / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2011. – 176 с.
55. Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы / Р. Г. Пиотровский. – СПб. : С.-Пб. гос. ун-та, 2006. – 160 с.
56. Піхтовнікова Л. С. Синергія стилю байки: німецька віршована байка ХІІІ-ХХст. : монографія / Л. С. Піхтовнікова. – Х. : Бізнес Інформ, 1999. – 220 с.
57. Пихтовникова Л. С. Языковые фильтры: неравновесные состояния и развитие языка / Л. С. Пихтовникова // Нова філологія. – Запоріжжя : ЗДУ, 2002. – № 1(12). – С. 33–38.
58. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагматилистическом аспекте / Л. С. Пихтовникова // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х. : ХНУ, 2009. – № 848. – С. 48–52.
59. Пихтовникова Л. С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений: монография / Л. С. Пихтовникова – Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2012. – 180 с.
60. Пихтовникова Л. С. Научный дискурс в свете основных положений синергетики / Л. С. Пихтовникова // Науковий вісн. Волинського нац. ун-ту імені Лесі Українки. Сер. : Філологічні науки. – Луцьк : Волинський національний університет імені Лесі Українки, 2012. – № 24 (249). – С. 99–105.

61. Плу́нган В. А. Общая морфология: введение в проблематику / В. А. Плу́нган. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 384 с.
62. Пономаренко Е. В. О принципах синергетического исследования речевой деятельности / Е. В. Пономаренко // Вопросы филологии. – М. : Московский институт иностранных языков, 2007. – № 1. – С. 14–23.
63. Пригожин И. Время. Хаос. Квант: к решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ.; под ред. В. И. Аршинова – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
64. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
65. Семенець О. О. Синергетика поетичного слова / О. О. Семенець. – Кіровоград : Імекс ЛТД, 2004. – 338 с.
66. Сенів М. Г. Деякі аспекти становлення прийменникової системи у контексті створення теоретичної граматики класичних мов / М. Г. Сенів // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. праць. – К. : Прайм-М., 2002. – № 6 (2). – С. 174–86.
67. Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://thesaurus.rusnano.com/wiki/article517>.
68. Слови́кова Е. Л. Перспективы исследования смысловой синергии / Е. Л. Слови́кова // Вестник Пермского ун-та. Сер. : Российская и зарубежная филология. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. – Вып. 1. – С. 38–42.
69. Слови́кова Е. Л. Динамика рекламного дискурса. Энергия образа, слова и смысла / Е. Л. Слови́кова. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2008. – 209 с.
70. Слови́кова Е. Л. Синергетические категории дискурса (на материале рекламного дискурса) / Е. Л. Слови́кова, М. Н. Ельцова // Вестник Пермского ун-та. Сер. : Российская и зарубежная филология. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2012. – Вып. 2(18). – С. 67–73.
71. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык /А. И. Смирницкий. – М. : МГУ имени М. В. Ломоносова, 1998 (1955). – 319 с.
72. Таранец В. Г. Энергетическая теория речи / В. Г. Таранец. – К.-Одесса: Вища школа, 1981. – 150 с.
73. Тимирханов В. Р. Синергийная методология в языкознании: имяславие и современность / В. Р. Тимирханов // Вестник ВЭГУ. – Уфа : ВЭГУ, 2011. – № 4 (54). – С. 107–113.
74. Тураева З. Я. Язык и социальное взаимодействие / З. Я. Тураева // Studia Linguistica. Язык в логике времени: наследие, традиции, перспективы. – СПб. : Политехника-сервис, 2011. – Вып. XX. – С. 9–28.
75. Фу́рс Л. А. Форматы метакогнитивного знания / Л. А. Фу́рс // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: I межд. научн. конференции, 5–7 октября 2011; под ред. И. Ю. Колесова. – Барнаул : АлтГПА, 2012. – С. 368–369.
76. Чернавский Д. С. Синергетика и информация (динамическая теория информации) / Д. С. Чернавский.– М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 304 с.
77. Энциклопедия «Википедия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

78. Aitchison J. Language Change: Progress or Decay? / J. Aitchison; 3rd ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001.– 320 p.
79. Barber Ch. The English Language: A Historical Introduction / Ch. Barber, J. C. Beal, Ph. A. Shaw. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 322 p.
80. Baugh A. C. A History of the English Language / A. C. Baugh, T. Cable. – Routledge, 2006. – 448 p.
81. Blake N. F. A History of the English Language / N. F. Blake. – Basingstoke & London : MacMillan Press Ltd, 1996.– 382 p.
82. Bryson B. The Mother Tongue. English. How it got that way / B. Bryson. – N.Y. : William Morrow and Co., Inc., 1990. – 270 p.
83. Burnley D. Lexis and Semantics / D. Burnley // The Cambridge History of the English Language; ed. by N. Blake. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – Vol. II (1066–1476) – P. 409–499.
84. The Cambridge History of the English Language / ed. by N. Blake. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – Vol. II (1066–1476) – 699 p.
85. Campbell L. Historical Linguistics: An Introduction / L. Campbell. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1998. – 452 p.
86. Dombrovan T. The Semantics of Modern English Personal Names of Celtic Origin / T. Dombrovan // Записки з ономастики. – Одеса : Астропринт, 2011. – Вип. 14. – С. 57–70.
87. Gelderen E. A History of the English Language / E. van. Gelderen. – Amsterdam : John Benjamins Publ. Co., 2006. – 344 p.
88. Hock H. H. Principles of Historical Linguistics / H. H. Hock; 2nd ed., rev. and updated. – Berlin; New York; Amsterdam : Mouton de Gruyter, 1991. – 745 p.
89. Hogg R. M. The Cambridge History of the English language. The Beginnings to 1066. / R. M. Hogg. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – Vol. 1 – XXIII + 589 p.
90. Hughes G. A History of English Words / G. Hughes. – Oxford : Blackwell Publishers, 2000. – 430 p.
91. Jespersen O. Growth and Structure of the English Language / O. Jespersen. – Leipzig : Teubner, 1905. – 274 p.
92. Kerswill P. Models of linguistic change and diffusion: new evidence from dialect levelling in British English [Electronic resource] / P. Kerswill // Reading Working Papers in Linguistics 6. – Reading : University of Reading, 2002. – P. 187–216. – Access : www.reading.ac.uk/AcaDepts//ll/app_ling/internal/wp6/kerswill.pdf.
93. Lass R. Phonology and morphology / R. Lass // The Cambridge History of the English Language; ed. by N. Blake. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – Vol. II (1066 – 1476) – P. 23–155.
94. Mitchell B. A Guide to Old English / B. Mitchell, F. C. Robinson; 5th ed. – Oxford : Blackwell Publishers Ltd., 1997. – 376 p.
95. Mugglestone L. The Oxford History of English / L. Mugglestone. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 485 p.
96. Oxford English Dictionary online [Electronic resource]. – Access : <http://www.oxford-online-dictionary>.
97. The Ormulum / The Ormulum Project. [Electronic resource]. – Access : <http://www2.english.su.se/nlj/ormproj/ormulum.htm>.

1.2. Синергетические параметры структурной организации и развития словообразовательной системы современного английского языка

Еникеева С. М.

В современной лингвистике не теряют актуальности проблемы, связанные с установлением принципов системной организации словообразования, определением его статуса в составе языковой системы, выявлением путей и способов её развития. Новые возможности в изучении указанных аспектов открывает синергетическая методология, ранее не применявшаяся в исследованиях словообразовательных явлений.

Синергетика как новая междисциплинарная сфера научных знаний, изучающая процессы самоорганизации и упорядочения в сложных неравновесных нелинейных системах различной природы, открывает неограниченные возможности для познания как целостной картины мира, так и отдельных ее звеньев. Широкое применение синергетического подхода можно наблюдать в различных отраслях науки, в том числе и в лингвистике.

Актуальность исследования синергетических параметров языковой системы обусловлена общенаучной направленностью на преодоление редукционизма между естественными и гуманитарными науками, нацеленностью на разработку трансдисциплинарной методологии исследования сложных открытых нелинейных систем. Актуальность нашего научного поиска подтверждается также ориентацией лингвистических исследований на комплексное изучение особенностей структурной организации языковой системы, способов ее самоорганизации и саморегуляции в процессе эволюции. Важность данной работы определяется функциональной ролью, которую играет словообразование в развитии и обогащении англоязычного лексикона, и необходимостью всестороннего исследования словообразования современного английского языка как синергетической системы, способной к саморегуляции, саморазвитию и самосовершенствованию.

Целью нашего исследования является выявление общих закономерностей системно-структурной организации, функционирования и развития словообразования современного английского языка в синергетическом аспекте. Для достижения поставленной цели были решены такие **задачи**: доказана релевантность базовых идей и прин-

ципов синергетики к изучению особенностей структурной организации и закономерностей развития языка в целом и словообразования в частности; определён статус словообразования в системе современного английского языка, исходя из природы его конститuentов, механизмов деривационных трансформаций и вербокративной направленности словообразовательных актов; охарактеризована внутрисистемная организация словообразования через таксономию его конститутивных единиц и выявление иерархических и однопорядковых связей между ними; осуществлена классификация комплексных единиц словообразования и уточнена природа организации и особенности строения словообразовательных гнезд и словообразовательных рядов как синергетических микросистем; выяснены механизмы самоорганизации и «размножения» деривационных микросистем как фрактальных объектов; определена роль функциональной трансориентации лингвальных единиц в обогащении арсенала словообразовательных средств и совершенствовании механизмов вербокративности; проанализированы способы и механизмы формирования словообразовательных элементов в современном английском языке.

Таким образом, **объектом** нашего исследования является система словообразования современного английского языка, а **предметом** анализа – словообразовательная система современного английского языка как синергетический феномен. **Материалом** для анализа послужили новые лексические единицы, лексико-семантические варианты и словообразовательные средства, которые были созданы в течение последних трех десятилетий (в конце XX – начале XXI веков).

Методологической основой исследования является синергетический подход к интерпретации языковых явлений, процессов и закономерностей развития словообразовательной системы, вызванных интра- и экстралингвальными факторами. Она включает комплексный системно-функциональный анализ новообразований, появляющихся в современном английском языке (прежде всего, на его лексико-семантическом и морфологическом уровнях), с опорой на синергетическую парадигму, общенаучные принципы и методы которой были разработаны в трудах отечественных и зарубежных ученых: И. Пригожина, Р. Г. Баранцева, В. Г. Буданова, В. В. Васильковой, С. П. Капицы, Ф. Капры, Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова, Г. Хакена, Г. Г. Малинецкого, Б. Мандельброта, И. Стенгерс и др. Выбор методологической базы обусловлен необходимостью исследования эволюции словообразовательной системы с позиции синергетики, необходимостью определения природы и сущности вербокративных процессов как факторов саморегуляции и самоорганизации этой системы. Методологическую базу исследования составляют также философские законы:

диалектическая связь динамического и статического, системности (устойчивости) и развития; соотношение формы и содержания, единичного, особенного и общего; связь и иерархические отношения между микро-, макро- и суперсистемами; неразрывное единство в любом объекте и процессе противоположностей как принципа существования и источники развития. Исследование объекта осуществлялось также с учетом комплексного характера языка и словообразования путем объединения ономаσιологического, семасиологического, структуралистского и функционального подходов.

Синергетический подход к исследованию языка

Синергетика как новая научная парадигма, изучающая процессы самоорганизации и самодезорганизации (перехода от хаоса к порядку и наоборот) в сложных открытых неравновесных нелинейных системах различной природы [Князева 2007: 239] позволяет путем интеграции концептуального аппарата естественных и гуманитарных наук выявить и исследовать общие закономерности, действующие в рамках конкретных наук, и синтезировать универсальные методологические принципы научной когниции системных явлений различной природы. Одним из направлений экспансии синергетики в последнее время стала лингвистика.

Система языка является сложным объектом, «массой систем» [Крушевский 1883: 109]. В соответствии с синергетической терминологией мы используем термины «суперсистема» для обозначения всей системы языка, «макросистема» – для номинации ее иерархически организованных подсистем (фонетической, лексической, словообразовательной, синтаксической и т. п.). Термин «микросистема» применяется для характеристики определенным образом организованных конститuentов, которые формируют системы более низкого относительно макросистем порядка.

Характерной особенностью языка как синергетической системы является ее открытость – способность обмениваться с другими системами и с окружающей средой материей, энергией, информацией [Бранский 2000: 114; Василькова 1999: 18–19], что может привести к хаосу на отдельных участках системы и вывести ее из состояния равновесия. Такая энтропия (беспорядок) в случае усиления может вызвать перестройку и реорганизацию всей системы, или же в случае уменьшения ее интенсивности постепенно исчезнуть, вернув систему в прежнее состояние. Синергетика интерпретирует хаос как конструктивное, генеративное явление [Буданов 2006; Князева 2003; Малинецкий 2005; Пригожин 1986, 2000; Хакен 1985], поскольку он приводит к рождению нового порядка, т. е. самоорганизации системы.

Под самоорганизацией понимают «спонтанное зарождение новых структур и форм поведения в далеких от состояния равновесия открытых системах» [Капра 2003: 103].

Открытие законов саморегуляции, саморазвития, самосовершенствования языковой системы и словообразования, как ее составляющей, становится возможным путем применения следующих основных идей синергетики: о равновесии и хаосе как характеризующих признаках «живой», функционирующей системы; о флуктуации – случайном отклонении в пределах системы, стремящейся к достижению состояния идеального равновесия; о линейности и нелинейности связей между элементами как определяющих характеристиках структурной организации системы; об автопоэзе (автопоэзисе) – способе существования и развития сложных структур, позволяющем им постоянно достраиваться [Буданов 2006; Василькова 1999; Капра 2003; Князева 2007; Пригожин 1986; Varela 1997].

Синергетика, делая акцент не на бытии, а на процессуальности, инициировала пересмотр традиционного понимания структуры как устоявшегося упорядоченного устройства системы, предложив ее видение в виде «локализованного в определенных участках среды процесса» [Князева 2002: 31]. Именно «процессуальность» языка, проявляющаяся в его функционировании и изменении, является залогом его существования и развития. Языковая система всегда находится в состоянии гомеостаза – поддержания относительной стабильности (динамического баланса), в то время, когда отдельные ее конститuentы колеблются в допустимых пределах [Капра 2003: 59–60].

В процессе функционирования языка на отдельных участках его системы могут возникать девиации – отклонения от традиционных, нормированных алгоритмов поведения ее конститuentив, которые вызывают хаос на микроуровне и проявляются во флуктуации – отклонении системы от состояния равновесия [Василькова 1999: 19; Князева 2007: 240]. Флуктуации на разных участках языковой суперсистемы могут проявляться в формировании и функционировании различных окказиональных образований. Если лингвальная инновация становится единицей перманентно необходимой для удовлетворения коммуникативных потребностей носителей языка, то она узуализируется и со временем может стать обычным конститuentом языковой системы. Если же лингвальная инновация служит лишь ситуативной, «случайной» единицей коммуникации, то она быстро исчезает, поскольку потребности в ней оказываются не столь сильными, чтобы вызвать энтропию и разрушение существующего в языковой системе порядка.

Находясь в состоянии относительной стабильности (гомеостаза), языковая суперсистема выполняет обычные линейные, прогнози-

руемые функции, прямопропорционально реагируя на воздействие внешней среды. Однако действие внеязыковой среды может вызвать нелинейную, «непропорциональную» реакцию системы, тогда в процессе речевой репрезентации лингвальные единицы и модели способны изменить обычный для них алгоритм поведения. В результате флуктуации языковая суперсистема приближается к точке бифуркации, где должна определиться дальнейшая судьба инноваций, которые вывели ее из состояния равновесия. Наличие точек бифуркации – точек ветвления возможных путей эволюции системы [Василькова 1999: 19; Князева 2007: 237] является признаком ее нелинейности – многовариантности путей эволюции, наличия выбора альтернативных направлений развития, необратимости эволюции [Цикин 2003: 22].

Главной чертой языка как высокоорганизованной системы является сочетание принципа высокой упорядоченности детерминистского типа со стохастическим, т. е. вероятностным, принципом функционирования. Определенная упорядоченность и структурированность такой системы, детерминированность поведения ее конститuentов обеспечивают ее устойчивость и относительную стабильность, преемственность эволюционных процессов, а стохастические отклонения от заданного алгоритма могут, при условии их усиления, интенсификации, вызвать самоорганизацию всей языковой суперсистемы. Динамика развития языка характеризуется чередованием случайных, стохастических диссипативных процессов с периодами выхода на структура-аттрактор – максимально устойчивое состояние системы. Континуальность и непрерывность лингвальных явлений обусловлены ядерно-периферийной организацией уровней языковой суперсистемы. Такая «зональная» организация – наличие четкого ядра (традиционных конститuentов и моделей) и «размытой», «аморфной» периферии (вероятных и случайных лингвальных единиц и окказиональных речевых реализаций языковых конститuentов) – обеспечивает ее относительную стабильность и одновременное развитие.

По своим параметрам язык является классическим примером синергетической системы. Именно поэтому синергетика как методология является релевантной для исследования языка и открывает новые возможности для комплексного познания закономерностей ее организации и эволюции. Базовые идеи и понятия синергетики (открытость системы, нелинейность, неравновесность, конструктивный хаос, флуктуации, точки бифуркации, структура-аттрактор) позволяют описывать условия самоорганизации и саморазвития как языковой суперсистемы в целом, так и отдельных ее макросистем.

Статус словообразования в системе английского языка

Статус словообразования определяется характером его интралингвальных взаимоотношений с другими эндосистемами языковой суперсистемы. Поскольку роль словообразования заключается в выполнении трансформационной функции преобразования исходных материальных единиц различных уровней языка (морфем, слов, словосочетаний) в единицы лексического уровня, поэтому оно приобретает трансуровневый характер.

Словообразование современного английского языка является трансуровнем языковой суперсистемы, имеющим своеобразную структурную организацию и включающим в свой состав как элементы материальной природы (словообразовательные средства, производные слова), так и идеальные конститuentы (словообразовательные модели, механизмы, категории). Путем использования разноплановых механизмов вербокреации, единицы различных уровней языковой суперсистемы превращаются в производные лексем. Таким образом, словообразование, проникая в различные макросистемы языковой суперсистемы, интегрирует их в единый функционально-языковой механизм или транссистему.

Установка трансуровневого статуса словообразования позволяет глубже исследовать проблему его системности, выявить механизмы саморегуляции и самоорганизации этой сложной макросистемы. Своеобразие словообразования оказывается в разноплановости и неоднородности лингвальных единиц, служащих его конститuentами, в тесной «многовекторной» связи с различными уровнями языковой системы.

Производящей основой для осуществления актов вербокреации могут служить единицы разных уровней языковой системы: морфемы, лексем, синтаксические конструкции. Именно эти конститuentы и формируют генеративную базу словообразования. Разнообразные механизмы вербокреации, действующие в процессе создания производных номинативных единиц (реализуясь через трансформацию материальных единиц языка), выполняют в цепочке преобразований функцию трансформатора. «Потребителем» лексем, созданных в результате словообразовательных актов служит лексическая система языка, которая, таким образом, выполняет функцию ресивера.

Итак, словообразование оказывается не просто «промежуточным ярусом» [Кодухов 1974: 146; Киров 1990: 26] языковой системы, оно фактически является трансуровнем, интегрирующим в единый комплекс различные уровни языковой системы. Трансуровневый статус словообразования определяется именно характером его связей с другими эндосистемами языковой суперсистемы.

Создание модели деривационных отношений между конститuentами языка «генератор → трансформатор → ресивер» делает возможным моделирование языковой суперсистемы, с включением в ее состав подсистем механизмов трансформации констиuentов более низкого уровня (генератора) в единицы высшего уровня (ресивера). Такое строение языковой суперсистемы свидетельствует о ее синергетичности, поскольку сложность (иерархичность) и открытость на всех уровнях ее организации являются признаками именно синергетической системы.

Таким образом, выявление всего комплекса взаимосвязей словообразования с другими языковыми **эндосистемами** позволило определить его статус как транссистемы.

Архитектоника словообразовательной системы современного английского языка

Разноуровневые конститuentы английского языка, которые служат материальной базой для вербокреации и выполняют словообразовательные функции, являются элементарными единицами словообразования. Их предлагается называть термином-гиперонимом "вербоформант". В зависимости от выполняемой ими функции вербоформанты делятся на базовые и служебные. К первым относятся производящие основы (лексемы, словосочетания, предложения), которые служат базой для словообразования, а ко вторым – словообразовательные средства (аффиксы, аффиксоиды), с помощью которых осуществляется вербокреативная модификация производящей основы.

Словообразование как процесс и результат создания единиц вторичной номинации (производных лексических единиц) на базе и с помощью вербоформантов по существующим в языке способам вербокреации предлагается называть вербокреативной деривацией. Вербокреативная деривация осуществляется путем образования совершенно новых по форме и содержанию языковых знаков (лексем) с использованием конститутивных единиц языка как строительного материала (вербокреация), или путем лишь структурной трансформации или только семантической модификации лингвальных единиц (верботрансформация). Механизмы вербокреативной деривации отражают отношения, в которые вступают конститутивные единицы (вербоформанты) в процессе вербокреации или верботрансформации.

Способами вербокреации является словосложение и аффиксация. К формообразованию – виду верботрансформации, предусматривающему модификацию плана выражения исходной языковой единицы (базового вербоформанта) – следует отнести аббревиацию и акронимию. Семообразование как вид верботрансформации, который осуществляется путем модификации плана содержания базового

вербоформанта, просходит при семантической деривации и конверсии. Телескопия как комплексный способ словообразования интегрирует механизмы формообразования (сокращения исходных основ) и вербокреации (соединения базовых элементов).

Конечным продуктом словообразования является производное слово, поскольку именно оно является реализацией словообразовательной формы и словообразовательного значения, «материальным воплощением» определенной словообразовательной модели, отражением способа осуществления вербокреативного акта. Производное слово (или дериват) является результатом действия механизмов словообразовательной системы, венцом вербокреативного акта, в процессе осуществления которого элементарные (образующие) лингвальные единицы трансформируются по существующим в данном языке правилам. Поскольку дериват сам образуется на базе производящих лингвальных единиц, его следует рассматривать как комплексную единицу, отражающую определенный тип системных отношений между элементарными конститuentами словообразования.

Вместе с производящей основой дериваты, в свою очередь, организуются в значительные по объему единства, формируя в лексиконе собственные системные образования – словообразовательные цепочки, словообразовательные гнезда, словообразовательные ряды. Отношения последовательно упорядоченной производности, объединяющие производные основы и их дериваты, отражаются в словообразовательных цепях и гнездах. Специфическими признаками словообразовательного гнезда являются единство базовой непроеводной единицы как исходного компонента для всех направлений деривации; общность корня (тождество ядерной лексики во всех преобразованиях); «живые» синхронные связи между производными единицами; упорядоченность и иерархия отношений в соответствии с направлениями производности.

Для современного английского языка характерно формирование словообразовательных гнезд вокруг новых слов. Такую тенденцию можно объяснить перманентностью когнитивно-номинативной деятельности носителей языка в определенных сферах жизни англоязычного социума. Расширение «границ познанного» вокруг новых явлений, процессов, объектов бытия, вызывает образование неологизмов. При формировании новых вербальных знаков носители языка, как правило, опираются на лингвальный материал, уже существующий в языке. Таким образом, на базе только что созданных неологизмов начинают формироваться дериваты. Так произошло, например, с лексемой **Google** – «поисковая система в Интернете; компания, обеспечивающая работу этой системы», ставшей настоящим «вербокреативным эпицентром» (см. рис. 1.2.1).

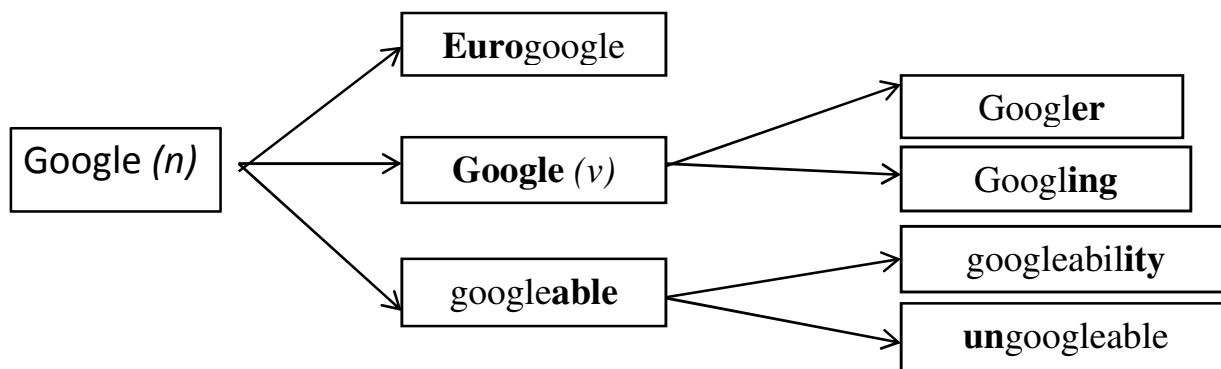

Рис. 1.2.1. Словообразовательное гнездо с вершиной **Google**

Кроме неологизмов, представленных в схеме словообразовательного гнезда, с участием лексемы **Google** был создан целый ряд телескопизмов, например: **Gmail (Google + e-mail)** – «электронная почта, работающая в система Гугл», **Gphone (Google + telephone)**– «телефонная связь, осуществляемая через Гугл», **Googleplex (Google + complex)** – «компания Гугл со всей своей инфраструктурой», **Googleverse (Google + universe)** – «товары, услуги и технологии, связанные с системой Гугл»; «веб-сайты, тематические новости и другие материалы, зарегистрированные в поисковой системе Гугл», **Noogler (new + Googler)** – «новый сотрудник компании Гугл», **Xoogler (ex + Googler)** – «бывший работник компании Гугл».

Структура производных лексем, созданных неморфологическими способами, отличается отсутствием служебных вербоформантов и формальной или семантической тождественностью базисного вербоформанта и созданного на его основе деривата. Несмотря на различную природу вербокративных механизмов, все они направлены на порождение новых лексем на базе уже существующих. Следует также отметить, что производные лексемы, созданные неморфологическим путем, могут служить основой для дальнейшего морфологического словообразования, тем самым «продолжая» словообразовательные цепочки (например, **severe acute respiratory syndrome → SARS → SARS-free, get out of my backyard → GOOMBY → GOOMBYism**) и развивая гнезда (см. рис. 1.2.2).

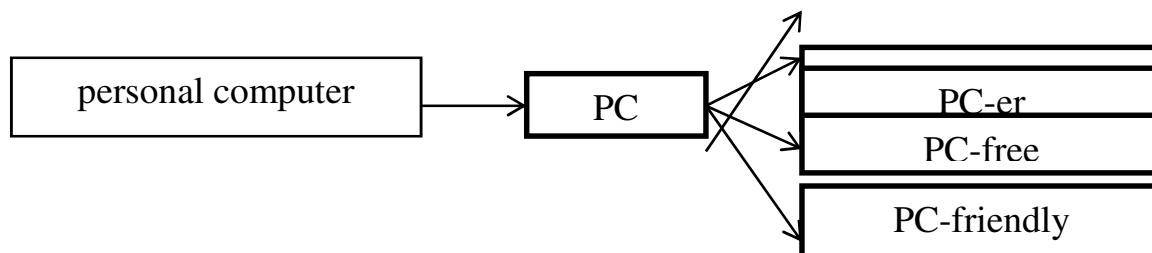

Рис. 1.2.2. Словообразовательное гнездо, созданное на базе исходного словосочетания **personal computer**

Лексические инновации, пролонгирующие словообразовательные цепочки и расширяющие пределы гнезда, «заставляют» тем самым всю эту микросистему меняться, развиваться. Отражая динамику словообразовательных процессов, происходящих в языке на определенном синхронном этапе ее существования, словообразовательное гнездо, с одной стороны, демонстрирует устойчивость и стабильность определенной иерархии отношений между всеми деривативами, созданными на базе образующей производной единицы, а с другой стороны, может изменяться, включая в орбиту «внутригнездовых» отношений новые производные слова. Словообразовательное гнездо можно считать динамическим осмыслением синхронных деривационных отношений между образующими и производными единицами.

В отличие от словообразовательного гнезда в словообразовательном ряду моделирование деривационных отношений происходит на парадигматической оси. Словообразовательный ряд как совокупность дериватов, созданных по образцу определенного абстрактного паттерна, является словообразовательной микросистемой, которую можно считать равноценно-противоположной словообразовательному гнезду (они позиционируются по признаку доминирования или производящей основы, или словообразовательного форманта).

Все элементы словообразовательного ряда соотносятся друг с другом общностью словообразовательного форманта и отличаются по базовой образующей основой. Кроме общности служебного вербоформанта в основе объединения производных лексем в единую микросистему словообразовательного ряда лежит их структурно-семантическое сходство, частичечная принадлежность производящих и производных лексем (что отражается в соответствующих словообразовательных моделях, например: $N + ism \rightarrow N$ (abstr.), $N + ize \rightarrow V$, $V + ee \rightarrow N$). Новые члены словообразовательного ряда формируются по аналогии с уже существующими словами, тем самым изменяя и развивая эту микросистему.

Общность производных слов, созданных определенным морфологическим способом, является словообразовательным типом, тождественным по своей сути словообразовательному ряду. В случае присутствия в составе структурно-семантической схемы построения производных слов материально выраженного форманта (префикса, суффикса, афиксоида), все дериваты этого типа формируют словообразовательный ряд. В основе нашей типологизации микросистем «нульформантных» дериватов, созданных неморфологическими способами, лежат механизмы формирования единиц вторичной номинации. Так, семантические дериваты возникают в результате «смещения» значение образующих лексем с применением различных механизмов

модификации – метафоризации, метонимизации, расширения и сужения значения исходного слова. А в основе формирования функциональных транспозитов лежит морфолого-синтаксическое преобразование исходных лексем, в результате которого производное слово переходит в другой лексико-грамматический класс (часть речи).

Учёные отмечают, что словообразовательные гнезда и ряды часто демонстрируют сложные переплетения двух форм организации [Аликаева 1995: 57], образуя более сложные и значительные по объёму единицы – аллигатуры. Аллигатуры представляют собой совокупности рядов или гнезд, объединённых связующими элементами, которые в составе гнезда являются словами с несколькими корнями, а в составе рядов – словами с несколькими аффиксами. Таким образом, эти комплексные словообразовательные системы можно разделить на аллигатуры гнезд и аллигатуры рядов.

Аллигатуры рядов объединяются словами, включающими в свой состав несколько деривационных аффиксов. Например, словообразовательный ряд с суффиксом *-ize* формирует аллигатуру вместе с рядом производных с префиксом *de-*, поскольку их объединяют такие производные лексем, как *dehooliganize*, *de-industrialize*, *derecognize*.

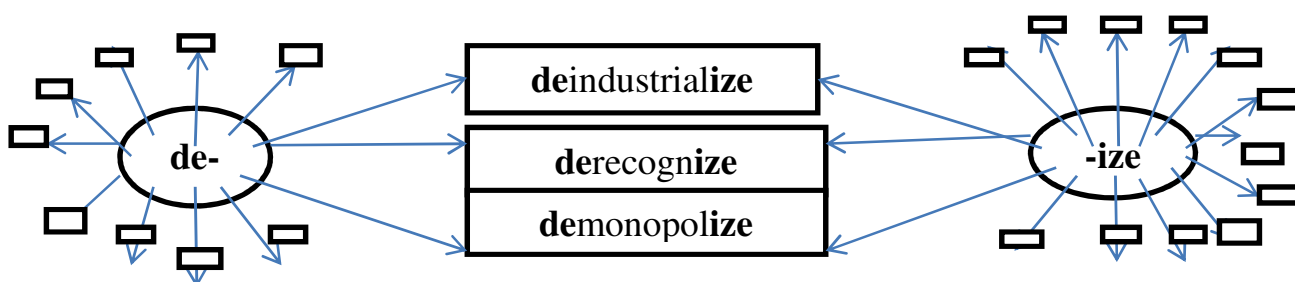

Рис. 1.2.3. Аллигатура словообразовательных рядов, образуемых префиксом *de-* и суффиксом *-ize*.

Аллигатура гнезда является конечным множеством иерархически упорядоченных элементов, связанных сложными словами. План выражения аллигатуры гнезд является конечным множеством иерархически упорядоченных элементов, связанных композитами, одновременно входящие в несколько (по количеству компонентов композита) словообразовательных гнезд [Аликаева 1999: 35]. Например, сложное слово *crowdworker* формирует двучленную аллигатуру, состоящую из англоязычных словообразовательных гнезд, вершинами которых являются основа-существительное *crowd* и производящая основа-глагол *work* (см. рис. 1.2.4 *в гнезда были включены лишь основные узואльно закреплённые производные лексем).

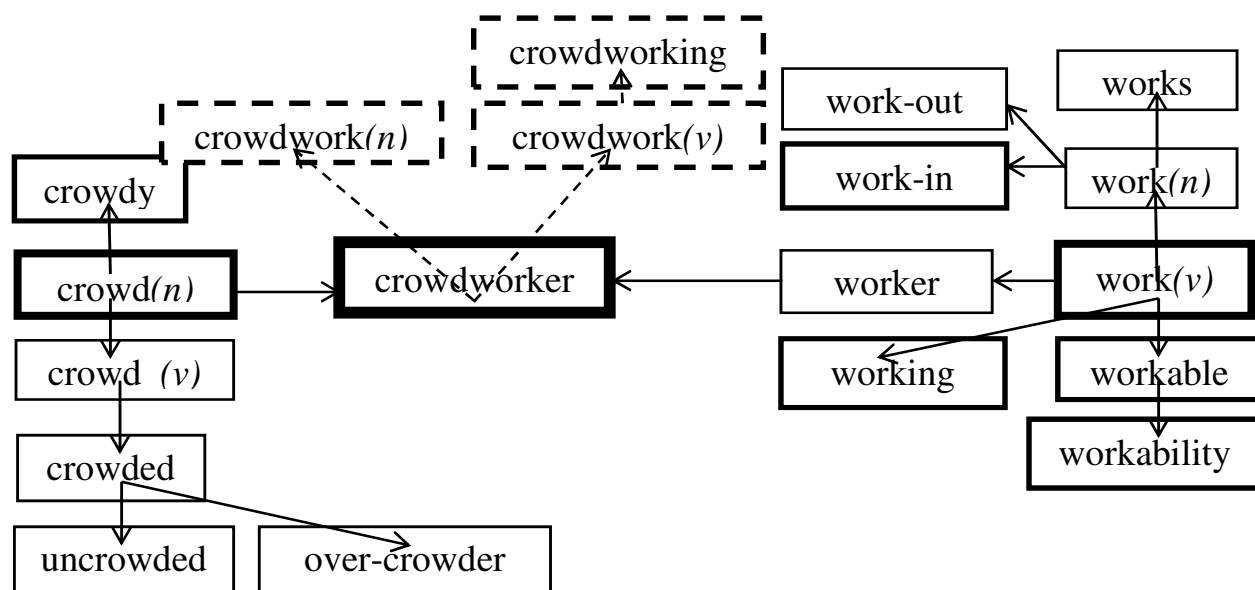

Рис. 1.2.4. Аллигатура словообразовательных гнёзд, вершинами которых являются производящие основы **crowd** и **work**.

Следует отметить, что композит **crowdworker** – «человек, выполняющий незначительную по объёму малооплачиваемую или неоплачиваемую работу, которая является составляющей большого проекта», соединяющий словообразовательные гнёзда в аллигатуру, сам стал основой для дальнейшей вербокреации: способом дезафиксации (обратной деривации) было создано существительное **crowdwork** и глагол **to crowdwork**, от последнего образовалась форма причастия I – **crowdworking**. Таким образом, композит не только образует аллигатуру словообразовательных гнёзд, но и может служить исходной основой для дальнейших деривационных актов, тем самым демонстрируя открытость аллигатуры как словообразовательной макросистемы.

Новым подходом к осмыслению когерентности словообразовательной макросистемы стало привлечение к изучению ее структурной организации принципов фрактальной геометрии. Теория фракталов рассматривается как составляющая синергетической научной парадигмы, **исследующая** топологические размерности сложных открытых неравновесных систем. Учеными было установлено, что процессы, которые порождают разнообразные природные структуры, происходят по принципам фрактального самоподобия [Мандельброт 2002], что фрактальность является фундаментальной сущностью, аналогичной таким фундаментальным сущностям, как пространство, время, стохастичность [Богатых 2007: 27]; благодаря этому привлечение фрактальной геометрии с учетом ее раздробленной (фрактальной) размерности позволяет осмыслить более «тонкие» топологические свойства объектов, которые исследуются.

Фракталами называют объекты, имеющие свойство самоподобия или масштабной инвариантности, то есть отдельные фрагменты структуры которых строго повторяются через определенные пространственные промежутки [Князева 2007: 240]. Процессы, отражающие фрактальное самоподобие, основываются на принципе обратной связи, когда результат одной итерации становится начальным значением следующей. Под «итерацией» следует понимать акт порождения «производной» микросистемы структурно подобной «образующей» и макросистемы в целом [Богатых 2007: 28]. Формы фракталов как особых геометрических множеств характеризуются масштабностью, самоподобием на микро- и макроуровнях, автоподобием. Фрактальность является проявлением изоморфизма форм и структур системных объектов. Результат систематизации производных лексем по признаку тождества словообразовательного форманта и механизма вербокреации на словообразовательные ряды и типы, а за тождеством производящей основы для всех последовательных деривационных шагов – на словообразовательные цепочки и гнезда, свидетельствует об изоморфизме строения этих комплексных единиц, а это, в свою очередь, дает основание говорить об их фрактальной размерности.

С точки зрения фрактальной геометрии, вся словообразовательная система может быть представлена как огромный «макрофрактал», структурно подобных «микрофракталов» – комплексных словообразовательных микросистем (словообразовательных рядов, словообразовательных цепочек, словообразовательных гнезд и аллигатур). Микрофракталы словообразовательных моделей, рядов, гнезд аллигатур являются относительно автономными стереоскопическими объектами, изоморфными по принципам строения каждого типа словообразовательных микросистем. Эти микросистемы различаются между собой разной степенью сложности, динамикой развития.

Так, словообразовательные модели, как схематические образы определенных вербокреативных шагов, являются простейшими фракталами, находящимися в однородном состоянии равновесия, и аттрактором для них служат новые структурно однотипные дериваты, которые создаются по заданному образцу. Например, модели **N + dom → N** и **N + wide → Adj** являются схемами, по которым образуются простые линейные микрофракталы, аттракторами которых служат производные лексемы *broker + dom → brokerdom, yuppie + dom → yuppiedom; city + wide → city-wide, economy + wide → economy-wide, planet + wide → planet-wide*.

Более сложными по степени организации микрофракталами являются словообразовательные ряды, характеризующиеся тождеством последнего деривационного шага производных слов, тождеством кате-

гориального значения словообразовательного форманта и общим словообразовательным значением. Поскольку количество производных лексем, входящих в состав словообразовательных рядов может быть разным, поэтому они дифференцируются по степени сложности структуры. Анализ фактического материала свидетельствует о том, что длина словообразовательного ряда зависит от «возраста» словообразовательного форманта, от его производительности, от наличия / отсутствия других аффиксов с синонимичным значением и т. д.

В процессе вербокреации происходит не только пополнение существующих словообразовательных рядов, но и образование новых. Важную роль в формировании ряда подобных по своему словообразовательному значению дериватов играет словообразование по аналогии **к конкретному слову**. Так, по аналогии со словом *psychobabble* – «жаргон психологов и психотерапевтов» – была создана целая серия неологизмов *ecobabble*, *edubabble*, *designer-babble*, *neurodabble*, *technobabble*, в которых элемент *babble* фактически выполняет функцию суффикса и имеет модифицированное значение «слишком терминологизированный язык определенной сферы деятельности, жаргон определенной социальной среды или местности». Дериваты, в состав которых входит этот аффиксоид, формируют словообразовательный ряд, структурно подобный тем, что существуют в языке.

Исследование типологии фракталов дало нам возможность установить их корреляцию с типологией словообразовательных микросистем. Словообразовательные пары и цепочки можно рассматривать как относительно простые линейные фракталы, для которых характерна ограниченная по сравнению со сложными фракталами динамичность, незначительные бифуркации и «периодический» аттрактор. Так, словообразовательная пара *fragile* → *fragility* или словообразовательная цепочка *glamour* → *glamorous* → *glamourously* по формальным признакам относятся к простым фракталам, поскольку векторы деривации **в** них имеют линейный характер, спектр деривационных шагов в точках бифуркации незначительный (вследствие того, что его ограничивает детерминированная сочетаемость производящей основы со словообразовательными аффиксами); аттрактор, учитывая линейность деривационных шагов, является предсказуемым.

В то же время открытость этих словообразовательных микросистем предопределяет их потенциальную способность к трансформации в более сложные структуры – словообразовательные гнезда, которые соотносятся со сложными неравновесными нелинейными фракталами. Любая лексема, входящая в состав словообразовательной цепочки, может стать основой для формирования нового деривата, присоединение которого вызывает разрушение несложной линейной структуры цепочки

и превращает её в словообразовательное гнездо. Чем сложнее структура словообразовательного гнезда, тем более неравновесной она является. В отличие от словообразовательной цепочки словообразовательное гнездо характеризуется иерархичностью структурной организации, большей степенью открытости и неравновесности, разнообразием аттракторов, на которые может выйти система вследствие микроуровневых энтропий (т. е. образования новых дериватов).

Для словообразовательного гнезда характерен переход от упорядоченности процессов в так называемый «фрактальный хаос» [Богатых 2007: 29], выходом из которого является фрактальный аттрактор – относительно устойчивая структура в открытой нелинейной среде. Каждый элемент такой микросистемы, с одной стороны, стремится к сохранению уже существующих системных связей, формирующих структуру словообразовательного гнезда, а с другой, – имеет потенциальную способность к созданию новых дериватов, которые могут привести к разрушению сложившейся структуры и «перерождению» всего микрофрактала. Таким путем фракталы эволюционируют, с одной стороны, сохраняя свою устойчивость, а с другой, – изменяясь на уровне конститутивных элементов. Такое состояние микросистемы в синергетике называют гомеостазом.

Характерной особенностью фракталов является автопо^{ез}, благодаря которому словообразовательные микросистемы не сливаются с другими лингвальными подсистемами и средой, оставаясь операционно закрытыми – ориентированными на себя, но открытыми для обмена. Каждый элемент такой микросистемы имеет потенциальную способность порождать новые единицы, таким образом, достраивая и развивая ее. Кроме того, каждый элемент микросистемы может, в определенных условиях, отделившись от микросистемы, сформировать новую. В биологии такое явление порождения новых подобных систем из сегментов (меристем) уже существующих известно давно. Подобно живым тканям, которые после отделения от донорского объекта и пребывания в определенных условиях способны восстановиться в новом, похожем на исходный, объекте, словообразовательные микросистемы также могут путем отделения своих «меристем» служить источником для создания себе подобных микросистем.

Примерами таких меристем в словообразовании являются новые словообразовательные элементы – аффиксоиды, которые формируются путем фрагментации композитов или телескопизмов. Участвуя в создании новых дериватов, они формируют тем самым новые словообразовательные ряды и одновременно «достраивают» существующие словообразовательные гнезда. Объекты с фрактальным типом организации способны развиваться не только путем усложнения своих

структур, но и в результате отделения меристем, которые могут стать основой для формирования новых, подобных существующим, микро-систем. Словообразовательные макрофракталы развиваются путем усложнения существующих и «порождения» новых, структурно подобных микрофракталов.

Микрофракталы каждого типа, хотя и является относительно автономными образованиями, существуют не изолированно, а в тесном взаимодействии друг с другом. Единство словообразовательной системы обусловлено взаимодействием гнезд и рядов, которые как бы пронизывают друг друга. Ряды составляют каркас, на который нанизаны гнезда. В этом заключается главный принцип организации «целого» (в нашем случае словообразовательной макросистемы), и в этом проявляется инвариантность его структуры и структур микрофракталов, из которых оно состоит (словообразовательных микросистем).

Соединительными звеньями словообразовательных гнезд и рядов при этом выступают дериваты, которые одновременно входят как в состав первых, так и в состав вторых. Например, неологизм **presenteeism** – «ситуация, когда рабочие или служащие каждый день ходит на работу, но не работают», одновременно входит в состав словообразовательного ряда лексем, созданных при участии суффикса **-ism** и словообразовательного гнезда, ядром которого является образующая основа **present**, а слово **megabank** – «финансовый гигант, огромный банк» – одновременно является единицей словообразовательного ряда, объединяющего дериваты, созданные при участии префиксоида **mega-** и конститuentом словообразовательного гнезда с вершиной **bank**.

В основе структуризации словообразовательного макрофрактала лежат принципы строения аллигатур. Микросистемы словообразования, выражаясь терминами фрактальной геометрии, – микрофракталы, формируют фрактальную целостность словообразовательной макросистемы, с одной стороны, путем создания иерархически организованных, поликонтактных аллигатур однопорядковых словообразовательных микросистем, а с другой – путем взаимодействия рядов и гнезд между собой. Таким образом, словообразование как синергетическая макросистема является сложным стереоскопическим объектом фрактальной природы, развитие которой осуществляется путем усложнения существующих и порождения новых, типологически подобных микрофракталов.

Самоорганизация словообразовательной системы английского языка

Развитие языка является результатом борьбы двух тенденций – с одной стороны, стремлением языковой системы к стабильности,

которая обеспечивает её способность служить средством общения, а с другой стороны, – необходимостью реагировать на изменения в социальной среде и условиях функционирования языка. Борьба и единство этих тенденций обеспечивают, с одной стороны, относительную стабильность, а с другой – ее динамичность и развитие. Изменения в отдельных эндосистемах языка происходят неодинаковыми темпами. Конституенты языка имеют разные потенциалы развития, а это, в свою очередь, вызывает асинхронный характер эволюции эндосистем, элементами которых они являются.

Лексико-семантическая система, как известно, является наиболее мобильной и динамичной. В словарном составе языка постоянно происходит ротация лексем: лексическая система освобождается от слов, обозначающих устаревшие, неактуальные понятия, и пополняется неологизмами, которые номинируют новые. Изменения в лексико-семантической системе происходят и благодаря внутриуровневой трансориентации лексических единиц, когда, например, служебные слова становятся знаменательными, а знаменательные – служебными, имена становятся нарицательными, а нарицательные – собственными. Существует диалектическая связь между развитием лексической и словообразовательной эндосистем. С одной стороны, развитие словообразования обуславливает большую системность и упорядоченность словарного состава, с другой – обогащение словарного состава сопровождается качественными изменениями в способах и средствах создания лексических единиц.

Когда в обществе возникает необходимость наименования новых явлений и процессов, в коллективном сознании носителей языка происходит нарастание «психической озабоченности», причиной которой является противоречие между потребностью в коммуникации и отсутствием вербальных средств для удовлетворения этой потребности. Энергетическое напряжение извне передается словообразованию, трансформируясь в напряженный поиск тех механизмов и средств, с помощью которых можно было бы создать лексему, которая наиболее адекватно и точно, по мнению коммуникантов, отражала бы сущность явления, нуждающегося в номинации. Перед словообразованием возникает «сверхзадача» – на базе существующего в языке арсенала словообразовательных средств и механизмов создать номинативную единицу. Выполнив эту задачу, словообразование «освобождается» от «инновационного продукта», таким образом «сбрасывая» энергетическое напряжение за пределы своей системы.

Система английского словообразования имеет несколько источников подпитки (конституенты морфемного, лексического и синтаксического уровней языковой системы) и только один, но очень мощный

«отток» – словарный состав языка. Такую организацию вербокративного процесса можно рассматривать как структуру словообразовательной системы, поскольку, согласно синергетическим принципам, структурой является «локализованный в определенной точке среды процесс» [Князева 2002: 31]. Структуру словообразовательной системы, таким образом, формируют упорядоченные и взаимосвязанные механизмы и способы вербокративации.

Поскольку структура словообразования является динамическим процессом, поэтому она «запрограммирована» на варьирование и изменение. Исходя из принципа положительной обратной связи, любая открытая система способна усваивать внешнее воздействие, находясь в постоянном чередовании – флуктуации. В современном английском языке можно наблюдать разного рода «случайные отклонения», что в дальнейшем может привести к формированию новых (в основном комплексных) способов словообразования и новых средств вербокративации. Так, в конце XX – начале XXI века в английском языке появились лексические единицы (*B4, B2B, B2C, CYL8R, dotcom, eco-friendly, Eurocrat, G7, G8, Gen X, Gen XL, Gen Y*), способы создания которых являются нетрадиционными. Такие флуктуации в процессе вербокративации, как правило, вносят элемент неопределенности в упорядоченную систему словообразования и в дальнейшем, через формирование новых словообразовательных средств, моделей и даже новых способов словообразования, могут вызвать ее реорганизацию.

Весь процесс развития системы является альтернативой зон разветвления путей эволюции, когда по той или иной причине система теряет равновесие и главным ее признаком становится «виртуальный» характер альтернативных сценариев дальнейшей эволюции и периодов «устойчивости», равновесия, когда система организуется вокруг аттракторов. Зона бифуркации характеризуется принципиальной непредсказуемостью: какую из возможных структур «выберет» система, по какому пути пойдет ее дальнейшее развитие или даже произойдет ее распад – все это зависит от случайных факторов и предсказать это практически нельзя.

На микроуровне зонами бифуркации следует считать разветвления путей формирования вербальных единиц для номинации определенного объекта действительности. В современном английском языке можно наблюдать явление так называемой «полиноминации» – образования целой серии вербальных знаков для наименования определенного предмета, явления, признака, процесса. Особенно много таких «номинативно-экспрессивных синонимов» [Зацный 2001: 187] встречается среди «кибернеологизмов». Примером могут служить термины, обозначающие «всемирную компьютерную сеть», в процессе

создания которых авторы-носители языка воспользовались различными способами словообразования и фразообразования: *cyberspace, cyberworld, e-bahn, global information highway, info-highway, information super highway, i-highway, internet, net, WorldWideWeb, web*. Язык мира компьютерных технологий называют *bitespeak, cyberbabble, cyberlingvo, cyberspeak, cyberjargon, computerspeak, net-speak, software-speak, technobabble*.

В ходе вербокреации можно наблюдать взаимодействие принципов детерминизма, вероятности и случайности. Их связь и взаимодействие обеспечивают гармоничное существование и развитие всей системы, поскольку отдельные аспекты всегда остаются предсказуемыми (соответствующими языковым стандартам) и, если рассматривать только их, то процесс будет казаться непрерывным и плавным, другие – предсказуемы с определенной степенью вероятности, третьи – полностью неожиданные и непредсказуемые. Результаты исследования путей и способов словообразования в современном английском языке свидетельствуют о действии всех трех принципов.

Так, большинство неологизмов создается традиционными способами: путём основосложения (*baby-bank, flat-tax, knowledge-worker*); аффиксальным способом с участием традиционных словообразовательных средств (*blockist (block + -ist), disengagement (dis- + engagement), unschool (un- + school)*); способом телескопии (*catalogue + magazine > catazine, Chinese + English > Chinglish, television + computer > teleputer*), способом аббревиации (*genetically modified organism > GMO, improvised **explosivedevice** > IED, World Trade Organisation > WTO*).

Впрочем, значительная часть неологизмов создается с участием аффиксоидов – словообразовательных элементов, которые проходят стадию формирования. Так, создание целого ряда лексических единиц по аналогии с «искусственным» словом, авторским неологизмом писателя Д. Оуелла *Oldspeak* и *Newspeak*: *artspeak, Eurospeak, guyspeak, technospeak, surfspeak, Vatican-speak*, – способствовало «аффиксации» элемента *-speak* и закреплению в сознании носителей английского языка словообразовательной модели **N + speak**. Высокая вербокреативная активность новых аффиксоидов (*-abuse, **-(a) holic, **-(a) thon, bio-, cyber-, -crat, -cracy, -erati, Euro-, -free, -friendly, -gate, info-, -led, near-, -nomics, once-, petro-, -preneur, -savvy, -speak, -something, -style, -tainment, tele-, techno-, -watcher, -wise*****) делает вероятным их переход в разряд нормативных аффиксов.

Кроме «традиционных» и «вероятных» явлений в словообразовании английского языка встречаются и случайные, «нерегулярные» с точки зрения законов вербокреации, случаи. Примером могут служить лексические единицы, в создании которых принимают участие аббре-

виатурные элементы и цифровые знаки (омофоны слов). Таким образом, формируются некоторые термины, например: **B2B = business-to-business**, **B2C = business-to-consumer**, **B2B2C = business-to-business-to-consumer**, **C2B2C = consumer-to-business-to-consumer**, **B2E = business-to-employee**, **P2P = producer-to-producer / person-to-person / peer-to-peer**.

В вербокративном процессе фактор случайности играет важную роль на всех этапах словообразования от интенции «изобрести» номинативную единицу до конкретной реализации замысла. В момент взрыва (в нашем случае вербокративного) не действуют механизмы причинности и вероятности, выбор будущего реализуется как случайность. В результате взрыва доминантным может стать любой элемент системы. Однако следующий этап адаптации новой единицы в условиях данной системы является уже предсказуемым.

Непрерывность и континуальность языковых явлений выражены в ядерно-периферийном принципе организации уровней языковой системы. Словообразовательная система английского языка тоже имеет «зональную» организацию – четкое ядро (традиционные способы и средства вербокративации) и размытую периферию (вероятные и случайные пути вербокративации). Периодическая модернизация ядерных средств и механизмов вербокративации за счет периферийных, использование комбинированных способов словообразования, обогащения арсенала словообразовательных средств путем трансориентации языковых единиц и одновременно «сброс» в периферийную зону «устаревшего», вербокративно-пассивного материала – все это определяет характер эволюционного движения словообразовательной системы современной английского языка.

Одним из главных механизмов саморегуляции и самоорганизации языковой суперсистемы вообще и макросистемы словообразования в частности является функциональная трансориентация лингвальных единиц, которая конкретно проявляется в лексикализации морфем, аффиксализации лексем и их фрагментов, лексикализации синтаксических конструкций, функциональной транспозиции лексем и в формировании семантических дериватов.

Аффиксализация лексических единиц является сложным и последовательным процессом преобразования синтаксически свободной, самостоятельной лексемы в связанный, лишенный коммуникативной самостоятельности словообразовательный формант. Первым шагом в процессе аффиксализации лексемы следует считать её вхождение в состав композитов. Если по аналогии со сложным словом создается ряд неологизмов с неизменным компонентом, последний может постепенно превратиться в словообразовательный формант, поскольку рост количества слов с этим компонентом способствует его семантической

модификации и развитию признаков, присущих словообразовательным средствам. Так, по аналогии со словом **thirty-something** (названием телесериала 80-х годов прошлого века о жизни тридцатилетних американцев) были созданы неологизмы **twenty-something, forty-something, fifty-something, sixty-something**, в которых элемент **-something** фактически выполняет функцию суффикса и имеет значение «с хвостиком (о возрасте человека)».

В современном английском языке существует большая группа служебных вербоформантов, созданных путем аффиксализации лексических единиц, которые «породили» много десятков и сотен неологизмов: **-abuse (alcohol-abuse, child-abuse, drug-abuse)**; **-aid (live-aid, sport-aid, school-aid)**; **-babble (ecobabble, Eurobabble, technobabble)**; **-compatible (downward-compatible, upward-compatible, plug-compatible)**; **-based (community-based faith-based, euro-based)**; **-free (GE-free, risk-free, sanctions-free)**; **-intensive (calorie-intensive, labour-intensive, research-intensive)**; **-line (AIDSline, childline, guide-line)**; **near- (near-dictator, near-impossible, near-victory)**; **once- (once-chairman, once-dominant, once-marginalized)**; **-person (chairperson, spokesperson)**; **-something (twenty-something, forty-something)**; **-speak (agentspeak, autospeak, corporation-speak)**; **-style (Bordeaux-style, bug-style, September11-style)**; **-watcher (Clinton-watcher, industry-watcher, China-watcher)**; **-wise (experience-wise, money-wise, power-wise)**.

Особым классом словообразовательных элементов являются так называемые «комбинирующиеся формы» (**combiningforms**). Это языковые единицы древнегреческого или латинского происхождения, этимологически являющиеся лексемами или корневыми морфемами, которые в результате использования их в качестве словообразовательных элементов в разных европейских языках-реципиентах (в частности, английском) стали ассоциироваться с вербокреативными формантами. Долгое время они функционировали в подъязыках различных научных и технических отраслей, сохраняя свое этимологическое значение.

В конце XX – начале XXI веков эти словообразовательные элементы стали активно использоваться для создания новой лексики стандартного английского языка, выступая в модифицированном значении. Высокая продуктивность новых семантических вариантов словообразовательных элементов способствовала превращению этих формально и функционально привычных языковых единиц с особым статусом комбинирующихся форм в вербокреативные аффиксы стандартного английского языка. Среди таких аффиксов наиболее продуктивными являются префиксы **bio-, cryo-, eco-, hyper-, giga-, macro-, mega-, nano-, neo-, super-** и суффиксы **-mania, -phile, -philia, -phobe, -phobia**.

Обогащение инвентаря словообразовательных средств происходит также благодаря вербокративным элементам, которые являются «осколками», фрагментами слов. Формирование новых деривационных средств, материальным выражением которых служат фрагменты лексических единиц, происходит, в основном, тремя способами: 1) через телескопию, когда фрагмент, входящий в архитектуру телескопного слова, начинает выполнять функцию аффикса; 2) в результате сокращения полной формы слова и использования этой языковой единицы в функции префиксальной морфемы; 3) вследствие произвольного членения слова (обычно заимствованного из другого языка) на псевдоморфемы, когда одна из таких морфем по своим функциональным признакам становится близкой аффиксам.

Телескопия является не только достаточно продуктивным способом вербокративной, но также может служить источником возникновения новых словообразовательных средств. Благодаря высокой частоте использования компонентов телескопизмов для создания структурно однотипных лексем, у них развивается типизированное значение аффикса. Так, в результате созданных по аналогии с телескопным словом *glitterati (glitter + literati)*, целого ряда неологизмов: *belligerati, chatterati, cinerati, corporate, culturati, digerati, geekerati, jazzerati, journalati, ligerati, numerati, slopperati, technorati*, элемент **-erati** обрёл типизированное значение – «элита, люди, известные в определенной сфере». Фактически же этот словообразовательный элемент является семантически модифицированным «обломком» телескопизма, в котором аффикс множественного числа слова-этимона *i* переосмыслился в аффикс собирательного существительного. Именно телескопия создала условия для формирования таких деривационных средств, как префиксоиды **docu-**, **petro-** и суффиксоидов- **erati**, **-nomics**, **-tainment**, **-tel**, **-zine**.

Инвентарь служебных вербоформантов английского языка пополняется также вследствие сокращения слов и последующей их аффиксации. Эти деривационные средства, как правило, выполняют функции препозитивных аффиксов: **agri-**, **bio-**, **compu-**, **cyber-**, **e-**, **eco-**, **Euro-**, **i-**, **info-**, **narco-**, **petro-**, **techno-**. Немало среди них вербокративных формантов, участвующих в формировании так называемых «кибернеологизмов».

Например, с помощью элемента **cyber-**, который является сокращенным вариантом слова **cybernetics**, была создана серия неологизмов: *cyberbusiness, cyber-campaign, cyberclinic, cyberhelper, cybermedia, cyberpolitics, cyberphobia, cyberrevolution, cyberservant, cyberspace, cyberstock, cyberthief*. Словообразовательный элемент **cyber-**, имеющий значение «связанный с компьютерной техникой», отличается

огромным вербокративным потенциалом, поскольку способен сочетаться с любыми базовыми вербоформантами или их сокращенными вариантами, модифицируя их семантику в направлении «кибернетической специализации».

Еще одним путем формирования новых словообразовательных элементов является аффиксализация псевдоморфем. Такие деривационные средства образуются в результате произвольного членения слова (обычно иноязычной этимологии) и дальнейшего использования одной из его «квазиморфем» как вербокративного форманта. Такой словообразовательный элемент, как правило, абсорбирует семантику исходной лексемы и, благодаря участию в создании целого ряда неологизмов по аналогии **к** **исходному** **слову**, приобретает типизированное значение. Путем аффиксализации фрагментов слов были созданы такие аффиксоиды, как: **-abilia**<*memorabilia*, **-aholic**<*alcoholic*, **-athon**<*marathon*, **-cracy**<*aristocracy*, *autocracy*, **-gate**<*Watergate*, **-naut**<*astronaut* / *aeronaut*, **-preneur**<*entrepreneur*, **-azzi**<*paparazzi*.

Межуровневая трансориентация языковых единиц осуществляется также в результате лексикализации синтаксических конструкций. Поликомпонентные лексические единицы, которые создаются в результате интеграции словосочетаний и предложений, структурно коррелируют с исходными синтаксическими комплексами, однако отличаются своей смысловой «слитностью», фонологической и графической цельнооформленностью, выполнением единой синтаксической функции в предложении. Показателем того, что новообразования являются лексическими единицами, можно считать их способность служить основой для дальнейшей деривации, например: ***do-it-yourself*** → ***do-it-yourselfer***, ***do-it-yourselferism***; ***matter-of-fact*** → ***matter-of-factly***, ***matter-of-factness***.

В зависимости от характера приращения значения лексикализованные единицы делятся на семантически прозрачные и идиоматизированные. Значение такой лексемы может непосредственно выводиться из семантики компонентов, входящих в его состав, то есть быть структурно мотивированным, например: ***true-to-life***, ***out-of-town***, ***businessman-turned-politician***. Впрочем, среди лексикализованных единиц можно выделить сложные слова, значение которых формируется в процессе различных семантических переосмыслений. К ним относится, например, метафорический перенос (***box-of-teeth*** – «аккордеон»; ***meat-and-potatoes*** – «очень важный, имеющий большое значение (о проблеме)»); метонимический перенос (***fly-by-wire*** – «имеющий отношение к системе авиаконтроля, действие которой вызывают электрические импульсы, передаваемые через компьютер»; ***just-in-time*** – «производственная деятельность с использованием мини-

мальных запасов сырья, материалов, компонентов»; **too-big-for-his-own-pants** – «человек, которому давно пора повзрослеть»).

Функциональная трансориентация единиц может также происходить в пределах одного языкового уровня. Например, для конверсии характерно то, что и генеративной базой формирования производной лексемы, и своеобразным ее «потребителем» выступает лексическая система языка. Вербокреативный акт осуществляется через применение механизмов семантической и морфолого-синтаксической модификации. Учитывая отсутствие морфологических показателей частей речи в английском языке, производная лексическая единица, образуемая в результате конверсии, декларирует свой новый статус путём изменения узואально закрепленных парадигматических отношений и синтаксических функций на новые, ранее системно не закрепленные. Иными словами, конверсия связана с модификацией функциональных характеристик слова при полном сохранении его плана выражения, в чем, кстати, и заключается сущность функциональной трансориентации лингвальных единиц.

Конверсионные процессы, происходящие в современном английском языке, имеют следующие особенности:

а) доминирующим видом конверсии остается, как и в предыдущие годы, вербиализация существительных (по модели $N \rightarrow V$), например, **office (n) → tooffice (v)**, **pope (n) → topope (v)**, **text (n) → totext (v)**, **wife (n) → wife (v)**;

б) исходными языковыми единицами для конверсии служат не только простые слова, но и композиты, словосочетание (в частности, устойчивые), сложносокращенные слова, аббревиатуры – в основном неологизмы предыдущих лет, например, **to***bottleneck*, **to***back-burner*, **to***e-mail*, **to***e-file*, **to***euro**speak*, **to***fast-track*, **to***frontfire*, **to***homeschool*, **to***kitchen-sink*, **to***network*, **to***SARS*, **to***VCR*, **to***VoIP*;

в) исходной формой для осуществления актов конверсии в последнее время стали широко использоваться имена: фамилии людей, названия компаний, фирм, предприятий и т. п. Например, **to***Amazon* – «вытеснять с рынка конкурентов, которые уже долгое время были лидерами в определенной области, путем внедрения более эффективной Интернет-торговли» (глагол происходит от названия компании Amazon.com, которая первой стала внедрять торговлю через компьютерную сеть, тем самым очень быстро завладев 75 % книжного рынка, и вытеснив из него до **недавнего** мегакомпанию **Barne-sandNoble**); **to***Bork* – «осуществлять нападки на политического оппонента с использованием «грязных» методов» (глагол образовался от фамилии Роберта Борка, который стал объектом грубых нападков и об-

винений во время слушаний по поводу избрания его кандидатуры в состав Верховного Суда США);

г) наблюдается тенденция к уменьшению количества новых конверсионных единиц вследствие активизации других способов вербокреации (словосложения, аффиксации, телескопии).

Одним из путей трансориентации лингвальных единиц является вторичная номинация, связанная с изменением семантической структуры исходной лексемы. Трансориентация языкового знака, осуществляющаяся в результате модификации его плана содержания при сохранении плана выражения, представляет собой способ формирования новых лексико-семантических вариантов существующих в языке слов. Использование **уже существующей** лексемы для наименования нового объекта обусловлено определенными ассоциативными связями между различными референтами. Так, метафора оперирует образно-ассоциативным сходством, присущим только этому механизму модификации значения. Образ, лежащий в основе метафоры, представляет собой признак или ряд признаков, релевантных для создания нового семантического варианта слова. Например, новое значение лексемы **mover** – «компания, акции которой покупаются и продаются в большом количестве» сформировалось на базе главного признака исходного значения «приводящий в движение». Новый лексико-семантический вариант (далее – ЛСВ) слова **suit** «человек, который, работая в офисе, должен соблюдать дресс-код» сформировался на основе метонимии – смежности предметов (человек – его одежда). Кстати, полисемантическая лексема **suit** имеет также значение «набор, сервис», на базе которого путем специализации семантики исходного слова сформировался еще один ЛСВ «набор компьютерных программ». Таким образом, на базе двух лексико-семантических вариантов слова **suit** путем применения различных механизмов семантической деривации было создано еще два семантических неологизма.

Анализ лексических инноваций современного английского языка показал, что авто**оез** словообразовательной системы осуществляется с помощью трансориентации **или** лингвальных единиц. Аффиксализация лексем приводит к обогащению и развитию системы словообразовательных средств, а лексикализация синтаксических конструкций, функциональная транспозиция и семантическая деривация совершенствуют механизмы вербокреации и верботрансформации.

Таким образом, словообразование современного английского языка в синергетическом аспекте является открытой иерархической неравновесной системой с нелинейными путями развития, относительная стабильность которой обеспечивается балансированием между состояниями

микроуровневого хаоса, вызванными влиянием внеязыковой среды, и аттракторами – состояниями устойчивости и стабильности структуры. Внутрисистемная когерентность словообразования определяется фрактальным характером его комплексных конститuentов (словообразовательных цепочек, гнезд, рядов). Главным механизмом саморегуляции и самоорганизации системы словообразования является трансориентация лингвальных единиц, которая осуществляется в результате аффиксализации лексем и их фрагментов, лексикализации синтаксических конструкций, семантической деривации и конверсии лексических единиц.

Литература

1. деривационного уровня, состоящие из словообразовательных гнезд и словообразовательных рядов / Г. В. Аликаева // Филологические науки. – 1999. – № 1. – С. 35–40.
2. Богатых Б. А. Фрактальная Аликаева Г. В. Словообразовательное гнездо и словообразовательный ряд в терминах теории систем / Г. В. Аликаева // Филологические науки. – 1995. – № 1. – С. 55–63.
3. Аликаева Г. В. Единицы природа постнеклассического познания / Б. А. Богатых // Философские науки. – 2007. – № 6. – С. 27–40.
4. Бранский В. П. Теоретические основания социальной синергетики / В. П. Бранский // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 112–116.
5. Буданов В. Г. О методологии синергетики / В. Г. Буданов // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 79–94.
6. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации / В. В. Василькова. – СПб : Лань, 1999. – 480 с.
7. Зацний Ю. А. Мова і суспільство: збагачення словникового складу сучасної англійської мови / Ю. А. Зацний, Т. О. Пахомова. – Запоріжжя: Запорізьк. держ. ун-т, 2001. – 243 с.
8. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра; [пер. с англ. В. Г. Трилиса]. – К. : София; М. : И3София, 2003. – 336 с.
9. Карашук П. М. Словообразование английского языка : учеб. пособ. / П. М. Карашук. – М. : Высшая школа, 1977. – 304 с.
10. Квеселевич Д. И. Интеграция словосочетания в современном английском языке / Д. И. Квеселевич. – К. : Высшая школа, 1983. – 84 с.
11. Киров Е. Ф. Уровни языкового механизма и модель речевой коммуникации / Е. Ф. Киров // Языковые уровни и их взаимодействие. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1990. – С. 23–33.
12. Князева Е. Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – СПб. : Алетейя, 2002. – 414 с.
13. Князева Е. Н. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : КомКнига, 2007. – 272 с. – (Синергетика: от прошлого к будущему).
14. Кодухов В. И. Общее языкознание / В. И. Кодухов. – М. : Высшая школа, 1974. – 303 с.

15. Крушевский Н. Очерк науки о языке / Николай Крушевский. – Казань, 1883. – 148 с.
16. Малинецкий Г. Г. Предисловие // Путь в синергетику. Экскурс в десяти лекциях / [Б. П. Безручко, А. А. Короновский, Д. И. Трубецков, А. Е. Храмов] – М. : ДомКнига, 2005. – С. 9–16. – (Синергетика: от прошлого к будущему).
17. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы / Б. Мандельброт. – М. : Институт компьютерных исследований, 2002. – 666 с.
18. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
19. Пригожин И. И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М : Прогресс, 2000. – 307 с.
20. Хакен Г. Синергетика: иерархия неустойчивости в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен; [пер. с англ. под ред. Ю. Л. Климонтовича] – М. : Мир, 1985. – 423 с.
21. Цикин В. А. Синергетика как постклассическая трансформация научного знания / В. А. Цикин // Філософські науки: зб. наук. праць за матеріалами Всеукр. конф. «Філософські проблеми синергетики: посткласична трансформація наукового знання». – Суми : СумДПУ ім. А. С. Макаренка, 2003. – С. 18–25.
22. Maturana H. R. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living. Dordrecht [Electronic resource] / H. R. Maturana, F. J. Varela. – 1980. – Way of access: http://sf.ff-rggu.ru/prepod/ivahnenko_e_n/strategii_osmysleniya_slozhnogo/#sthash.5RM4lcZe.dpuf
23. Varela F. J. Patterns of Life: Intertwining Identity and Cognition / F. J. Varela // Brain and Cognition. – Vol. 34. – 1997. – P. 72–80.

1.3. Самоорганизация дискурса и отдельных типов дискурса

Л. С. Пихтовникова

Понятие «дискурс» обычно связывают с когнитивной и коммуникативной деятельностью субъектов и определяют как когнитивно-коммуникативное событие, включающее адресанта и адресата высказываний, сами высказывания и условия их порождения и восприятия. Иначе говоря, дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» [Сучасна лінгвістика 2006: 119].

В других концепциях дискурс рассматривается как область формирования и фиксации значений, которые признаются истинными в некотором дискурсивном поле [Филлипс, Йоргенсен 2004: 217]. Дискурс понимается также как коммуникативная стратегия образования текста, задающая отношения между действительностью и содержанием высказываний, модальностью, формами жанровой организации, членением текста [Чернявская 2003: 33–34].

Первая из приведенных концепций рассматривает участников дискурса как автономные личности, оформляющие содержание своего сознания вербально. Вторая и третья – сосредотачиваются на надличностных факторах коммуникации, лежащих в основе появления и накопления коллективного опыта освоения мира [Андреева 2007: 71]. В функциональной прагматике (Й. Ребайн, К. Элих) дискурс понимается как коммуникативно-прагматический образец речевого поведения в определенной институциональной сфере. Он имеет набор переменных (в наших терминах – параметров): социальные нормы, отношения, роли, конвенции, показатели интерактивности [Сучасна лінгвістика 2006: 120].

Две основные функции дискурса – накопление знаний и их передача – требуют соответствующего устройства дискурса. Здесь мы не будем говорить о категориях дискурса; речь пойдет о его составляющих.

Носителем информации является текст (тексты), который в вербальных знаках фиксирует цели и знания адресанта и в определенной мере может их активизировать у адресата. Контекст (т. е. коммуникативная ситуация, семантико-грамматическое и коммуникативное единство текстового элемента (слова, высказывания, периода) с текстовым и ситуационным окружением как индикатором значения и веса этого элемента [Сучасна лінгвістика 2006: 251] задает условия, в которых создается текст.

Запись информации на «носитель» (в текст) минимально зависит от коммуникативной ситуации, если первая функция дискурса (аккумуляция знаний) преобладает. Такой записью может быть, например, учебник по географии. Максимальная зависимость от контекста наблюдается при доминировании второй функции дискурса (передача в коммуникативном акте знаний, возникших в тексте и / или задолго до текста, но субъективно переоцененных автором). Например, поэзию А. С. Пушкина, в том числе его эпиграммы, невозможно понять адекватно, не зная подробно реалий его эпохи.

Таким образом, возвращаясь к понятиям синергетики и считая дискурс С-системой, становится очевидным, что содержание его составляющей – контекста – каким-то образом должно существенно отражаться в аттракторах и репеллерах.

Подтекст, понимаемый как подчиненное категории информативности явление текста, представляет собой разновидность информации, которая построена на вербальной организации текста и формируется путем ее содержательной переработки и обогащения без увеличения знакового объема. Подтекст имеет психолингвистическую природу интерпретации, которая использует обработку структур знаний

адресанта и адресата, поэтому данный тип информации является наиболее коммуникативным [Сучасна лінгвістика 2006: 465]

Общие вопросы самоорганизации дискурса

О способности составляющих С-системы моделировать друг друга и окружающую среду следует сказать отдельно, применительно к дискурсу. Понятие «моделировать», «быть моделью» означает создание идеализированного знакового образа, упрощенно отражающего объект (оригинал). Пошагово, по принципу отрицательной обратной связи, в тексте проступает контекст и наоборот. Смысл слова «проступает» наиболее понятен тому, кто знаком с принципом голографии: любая часть голограммы посредством транслятора восстанавливает трехмерный образ оригинала, но четкость образа зависит от размера взятого фрагмента. Упрощенность образа сводится к степени грубой или тонкой детализации образа. Приведенные эмпирические рассуждения конкретизируются в следующем положении синергетики.

Согласно синергетической концепции, в любом типе дискурса актуально взаимодействие текста и контекста, а также их продукта – подтекста. В процессе самоорганизации художественного дискурса текст и подтекст моделируют друг друга и окружающую среду, создавая поляризацию смыслов в дискурсе. «Моделирование» в данном случае понимается в традиционном смысле: текст в каждом своем фрагменте и в целом является обозначением смыслов подтекста; при этом знаки текста и смыслы подтекста находятся в отношении изоморфизма (взаимно-однозначное соответствие) или гомоморфизма (каждому знаку соответствует хотя бы один смысл, каждому смыслу – хотя бы один знак). Изоморфное или гомоморфное соответствие и есть суть понятия «быть моделью» [Бирюков, 1973: 36]. В свою очередь, подтекст как имплицитная сущность может отразить свои смыслы в вербальных знаках текста; здесь также наблюдается гомоморфное отношение знаков текста и имплицитных смыслов подтекста.

Принцип голографии – восстановление целого по его составляющей – относительно текста и дискурса можно подтвердить следующим доводом. Исторические хроники давних времен в значительной степени утратили для нас актуальность. В основном они воспринимаются как носитель информации – текст. Если же кто-то намерен воссоздать по ним сцены древней жизни, он тем самым воссоздает первоначальный дискурс, контекст, совпадающий в общих чертах с тем, который когда-то находился в основе хроник.

Отметим еще, что с информационной точки зрения (т. е. соответственно сути моделирования) контекст есть исходный массив

информации для текста, текст – исходный массив для подтекста. В этом смысле контекст, текст и подтекст играют друг для друга роль «окружающей среды», которая ими моделируется. Однако при этом не следует забывать о свойстве **взаимного моделирования** составляющих С-системы. На когнитивном этапе создания дискурса каждая из этих составляющих возникает путем многократного подбора и оценки элементов по принципу отрицательной обратной связи.

Процесс образования дискурса как С-системы условно можно разделить на три этапа: 1) когнитивный (этап замысла, планирования, учета ограничений); 2) прагматический (создание стратегий, реализующих замысел); 3) этап языково-речевой реализации (реализация стратегий в речи). Участниками каждого этапа, образующими самоуправляемую систему, являются следующие: 1) авторы (автор) дискурса, выступающие как языковые личности; 2) встроенные в языковую картину мира социальные ожидания (заказы) на результаты реализации дискурса; 3) ограничения на дискурс: традиции жанров, объем, нормы изложения, экстралингвистические условия и т. п.

С синергетической точки зрения п.п. 1) и 2) составляют содержание **аттрактора** – ментального конструкта, который направляет процесс дискурсообразования в нужное русло последовательного достижения целей. Оппонентом аттрактора является **репеллер**, его содержание отражено в п. 3). Разумеется, содержание аттрактора и репеллера структурировано, но этот вопрос сейчас не рассматриваем.

Подчеркнем еще раз: этапы создания дискурса выделены выше только условно, так, как они представляются исследователю в ретроспективе. В реальности же текст и дискурс могут возникать в сознании адресанта как «озарение», «инсайт» и пр. Однако здесь мы не рассматриваем эти психологические процессы.

При создании дискурса происходит конкурентное взаимодействие содержаний аттрактора и репеллера. Имея общую цель – создание дискурса, аттрактор и репеллер задают противоположные направления его развитию: содержание репеллера стремится создать устойчивую форму дискурса (допустимый объем, традиционное содержание, архитектонику и т. д.), а содержание аттрактора – придать форме и содержанию гибкость и динамизм.

По поводу такого конкурентного взаимодействия в науке об управлении системами приводится ряд соображений, которые с оговорками можно принять и в лингвистике при изучении синергии дискурса. Например, утверждается, что при взаимодействии аттрактора и репеллера достигается одно из положений равновесия, или компромисс, в котором допустимо учтены ограничения репеллера, и в то же время достаточно реализованы цели и ожидания, содержащиеся в аттракторе.

Положение равновесия – это результат «игры», многократного выбора и оценок возможных вариантов. При этом один участник (автор) имеет возможность оценивать каждый вариант и последовательно улучшать его, используя принцип отрицательной обратной связи.

Принцип отрицательной обратной связи – это общий принцип управления сложными системами. Системный поиск при создании наилучшего варианта текста и дискурса включает выбор наилучшего сценария представления объекта сообщения, его эффективную концептуализацию, выбор аргументации и кодов, влияющих на адресата, избрание композиции и стилистики текста. Автор текста имеет определенную свободу в указанном выборе и возможность оценивать каждый мысленный выбор как «лучше – хуже». Используя свои оценки при переборе вариантов, автор последовательно приближается к идеальному с его точки зрения варианту.

В этом и состоит суть принципа отрицательной обратной связи: «любые отклонения системы от желательного идеального состояния служат формированию управляющего воздействия, направленного на продолжение выбора и оценки» [Словарь по кибернетике 1979: 357].

Возможность выбора и оценки вариантов (лучше – хуже) у автора дискурса основана на достаточной структурированности его языковой личности. Аналогично этому среда обитания социальных ожиданий и выбора вариантов их удовлетворения расположена в языковой картине мира, которая также достаточно структурирована.

Языковая личность – имманентный признак личности как носителя языка и коммуниканта, что характеризует ее языковую и коммуникативную компетенцию и реализацию их в порождении, восприятии, понимании и интерпретации вербальных сообщений, текстов, а также в интерактивном взаимодействии в дискурсе [Сучасна лінгвістика 2006: 370]. Языковая личность рассматривается на трех уровнях: 1) вербально-семантическом; 2) тезаурусом; 3) мотивационно-прагматическом – с установлением специфических для них единиц (слов, понятий, деятельностно-коммуникативных потребностей) (Ю. Караулов) [там же].

В соответствии с этим автор как языковая личность принимает участие в самоорганизации дискурса на когнитивном, прагматическом и языково-речевом уровнях только отдельными частями своей языковой личности, привлекая для этого необходимые единицы.

Самоорганизацию дискурса мы понимаем не в том смысле, что он возникает независимо от автора, а в том, что автор является одновременно и творческим конструктором дискурса, и орудием аттракторов и репеллеров этого дискурса, которые возникли до автора и независимо от него.

Языковая картина мира – это представления предметов, явлений, фактов действительности, ценностей, жизненных стратегий и сценариев поведения в языковых знаках, категориях, явлениях речи, что является семиотическим результатом концептуальной репрезентации действительности в этническом сознании [Сучасна лінгвістика 2006: 365].

В когнитологии разработаны достаточно удобные и полные структуры представления перечисленных объектов, например, фреймовые структуры, максимально соответствующие структурам знаний в психике человека. Фреймовые представления можно считать той средой, в которой автор осуществляет выбор и оценку материала для построения дискурса.

Согласно синергетическим воззрениям, конкуренция аттрактора и репеллера при создании дискурса является главным фактором самоорганизации. Конкуренция приводит к тому, что разные части системы приобретают и развивают в себе противоположные свойства, т. е. поляризуются. Поляризация позволяет наилучшим образом учесть противоположные требования аттрактора и репеллера. Поляризация частей системы осуществляется при помощи **параметра порядка** – наиболее подвижного параметра системы, действующего во всех его частях.

Исследователю самоорганизации любого типа дискурса приходится задавать следующие вопросы и отвечать на них.

1. Что представляет собой поляризация различных частей дискурса, на каких уровнях и как она проявляется?
2. Какова природа параметра порядка, в силу которой он может произвести эту поляризацию и способствовать самоорганизации системы?

Первый вопрос, на наш взгляд, является открытым, т. к. до сих пор отсутствует его исчерпывающее исследование. В наших исследованиях отдельных типов дискурса показана поляризация текста и контекста, текста и подтекста как основных частей дискурса [Пихтовникова 2005, 2009]. Здесь поляризация понимается как противостояние фактуальной информации и оценки, эксплицитных и имплицитных смыслов. Возможны также случаи сложного противостояния эксплицитных и имплицитных смыслов в тексте и контексте, если объект описания сначала вводится иносказательно, а затем эксплицитно конкретизируется (например, в инверсной рекламе).

В принципе, поляризация может охватывать все конститутивные части дискурса. Они являются следующими: а) наличие адресанта и адресата; б) текст сообщения; в) реферативное пространство сообщений; г) коммуникативное пространство сообщений.

О поляризации текста и порожденного им подтекста уже было сказано. Поляризация участников дискурса (адресант, адресат) и их коммуникативного пространства может выражаться в противостоянии их ролей, в противопоставлении их прагматических функций. Дискурс с его диалогической природой вообще не может возникнуть, если нет различий в ролях адресанта и адресата, т. е. различия для них в «весе» прагматических функций текста. Так, в научном дискурсе для автора первостепенное значение имеют прагматические функции, посредством которых он заявляет свой научный приоритет, а для адресата они имеют второстепенное значение. Для облегчения чтения и понимания читателю важны апеллятивная и фатическая функции, а автор реализует их вынужденно и во вторую очередь. Это же распределение приоритетов поляризует коммуникативное пространство дискурса.

Что касается параметра порядка, то в синергетическом подходе рассматривается несколько свойств и проявлений этого параметра. Каждый раз разрозненные элементы, связываясь в системную структуру, передают ей часть своих функций и степеней свободы, которые теперь выражают новые коллективные системные свойства (у отдельных элементов их могло и не быть). Эти новые коллективные свойства в диапазоне их изменения находятся на более высоком иерархическом уровне. Следуя Г. Хакену, эти свойства и диапазон их изменения называют параметрами порядка. Именно они описывают в сжатой форме смысл поведения системы и цели-аттракторы системы. Каждый параметр порядка действует во всех элементах образующейся системы, но в одной части он ограничивает функции и свободу (в соответствии с требованиями репеллера), а в другой – их расширяет (требования аттрактора). Тем самым наступает поляризация частей системы.

Определение целей дискурса и выбор способов их реализации, учитывая ограничения жанра, – это своеобразная «игра» аттракторов и репеллеров, которая происходит на когнитивном уровне. Инструментом этой игры является параметр порядка, который на этом уровне выстраивает иерархию целей, учитывает ограничения. Но на этом уровне параметр порядка выступает как скрытый параметр, который трудно объективировать. Точнее, для объективации параметра порядка на когнитивном уровне и наблюдения его действия необходимо выстроить иерархию целей дискурса и иерархию ограничений, затем провести между ними деловую игру на согласование, как это происходит в экономике, сложном производстве, экологии, где подобные алгоритмизированные игры – единственное средство компромисса между поляризованными иерархиями.

Теория деловых игр предоставляет способ объективации параметров игры, в том числе – наиболее подвижного (параметра порядка),

который наиболее быстро направляет части системы к согласованию [Дегтярев 1986; Гидрович, Сыроежин 1976].

Необходимо заметить, что изложенная точка зрения на процессы становления когнитивного уровня дискурса относительно противоречит концепциям других исследователей. Некоторые из них считают излишним акцент на самоорганизацию системы, если указана ее целеустремленность (интенциональность). На наш взгляд, последнее высказывание лишь отображает объективные противоречия при исследовании систем в статике и динамике. В установившейся системе, которая функционирует, цели и средства их реализации существуют уже актуально. Дискурс как функционирующая система исследуется в современной когнитивно-коммуникативной парадигме. А при рассмотрении системы (например, дискурса) в динамике ее создания – цели и средства их реализации существуют в аттракторе сначала лишь потенциально, в планировании адресанта. Синергетика исследует процесс построения иерархии целей в конкурентном согласовании с ограничениями репеллера и отбор средств реализации согласно согласованию. Таким образом, с синергетической точки зрения потенциальное становится актуальным.

Прагматический уровень дискурса – это создание кодов (например, в дискурсе басни – сатирического и аллегорического кода) и создание речевых стратегий реализации целей дискурса. Именно эта творческая деятельность и есть сущностью работы параметра порядка на прагматическом уровне. Коды и стратегии можно обнаружить путем интерпретации текста басни; итак, «следы» присутствия параметра порядка на прагматическом уровне полностью реальны, а он становится более явным.

Наконец, на языково-речевом уровне самоорганизующая роль параметра порядка становится целиком объективированной в стилистике. Стилистический синтаксис включает в себя такие явления, как актуальное членение (АЧ) предложений и текста и сверхфразовое единство (СФЕ) текста [Арнольд 1990].

СФЕ представляет собой синтактико-интонационное единство более высокого порядка, чем предложение. Связь может осуществляться без специальных лексических или грамматических средств простым присоединением по смыслу [Арнольд 1990: 204]. Но во многих случаях СФЕ в тексте имеет четкие лексические и синтаксические признаки (см. дальше по тексту).

Относительно актуального членения на темы и ремы, И. В. Арнольд представляет это явление как членения отдельного предложения. Но дальше приводит примеры анализа художественного текста, в которых фактически понятие АЧ распространяет на высказывание

и текст. Приведен анализ примера, в котором внутри тем выделяются меньшие фрагменты, разделяющиеся также на темы и ремы. Таким образом, согласно И. В. Арнольд, АЧ идет «вглубь текста» и становится текстовой характеристикой, а не только характеристикой отдельного предложения [Арнольд, 1990: 199]. В качестве глобальной характеристики текста АЧ создает выразительность текста (стилистический аспект), его прагматические признаки (речевые стратегии построения высказываний) и его когнитологию (распределение информации по тексту). Исходя из семантического подхода к АЧ, который предоставляет преимущество фактору известного / неизвестного [Сучасна лінгвістика 2006: 21], и положений И. В. Арнольд, считаем возможным обобщить понятия АЧ, распространить его на высказывание и текст.

Параметр порядка конструирует АЧ и СФЕ в тексте, что обуславливает поляризацию текста и подтекста. Если в некотором типе художественного текста необходимо противостояние, поляризация смыслов текста и подтекста, то, вероятно, смыслы текста будут образованы с помощью АЧ, а смыслы подтекста – средствами СФЕ. Именно этот процесс наблюдается в басне, где текст (описание событий, их эксплицитная оценка, вербальные характеристики персонажей) противостоит подтексту (аллегория, сатира, наличие образов-символов, имплицитная мораль).

Параметр порядка под управлением целевого аттрактора организует структуру актуального членения текста для сообщений, встраивая параллельно в текст СФЕ для образования подтекста. Практически такой же механизм действует в дискурсе рекламы, которая реализуется в коротком тексте со значительным подтекстовым смыслом.

Самоорганизация на языково-стилистическом уровне состоит в том, что СФЕ многократно «заставляет» при создании дискурса возвращаться к смыслу предшествующих фрагментов текста, проявляя тем самым их дополнительный смысл. В то же время актуальное членение линейно подает очередные части текста, отслеживая лишь фактуальную информацию и близкую каузальную связь. На этом синергетическом эффекте основаны сатирические коды, коды иносказания и речевые стратегии басни (прагматический аспект), а также реализация когнитивности, находящейся в аттракторе. Тот же самый механизм действует в дискурсе рекламы. Таким образом, самоорганизация охватывает все основные лингвистические аспекты дискурса басни, дискурса рекламы.

Суть самоорганизации на языково-стилистическом уровне можно также объяснить, исходя из принципа отрицательной обратной связи. Актуальное членение в тексте отражает силлогическую связность смыслов, обеспечивает план выражения. Силлогизм, как известно, не

может выразить контекстные, подтекстовые смыслы (коды, художественные образы, иносказание); для этого еще необходимо, чтобы некоторые элементы текста отсылали читателя к предыдущим или последующим фрагментам того же или иного текста. Подобная переадресация одновременно содержит какое-то уточнение, смену точек зрения и т. п. В результате читатель, возвращаясь к указанному фрагменту текста, теперь оценивает его буквальный смысл как неудовлетворительный; отрицательная обратная связь способствует нахождению нового подтекстового смысла, адекватного замыслу автора текста.

Способы переадресации составляют «арсенал» СФЕ. Среди таких способов обычно выделяют: а) наличие в тексте анафор и катафор; б) наличие предложений / фраз с незавершенным смыслом; в) наличие лексических, синонимических и, вообще, семантических повторов [Добрускина, Берзон 1986].

Процесс взаимодействия АЧ и СФЕ в тексте в наибольшей степени поддается авторской перестройке в соответствии с его интенциями (это содержание аттрактора) и наименее связан с ограничениями дискурса (это содержание репеллера). Это дает основание считать выстраивание АЧ и СФЕ проявлением параметра порядка на языково-речевом уровне дискурса.

Вопросы самоорганизации отдельных типов дискурса (басни и рекламы)

В приведенном ниже тексте басни укажем ее распределение на темы и ремы (принцип деления – по И. В. Арнольд), а также наличие «диффузных зон», то есть таких высказываний, которые равно относятся как к реме, так и к теме [Сучасна лінгвістика 2006: 21].

M. Klaudius

Eine Fabel

Vor etwa achtzig, neunzig Jahren, / Vielleicht sind's hundert oder mehr, / Als alle Tiere hin und her / Noch hochgelahrt und aufgeklärt waren, / Wie jetzt die Menschen ohngefähr, / – Sie schrieben und lektürten sehr, / Die Widder waren die Skribenten, / Die andern: Leser und Studenten, / Und Zensor war: der Brummelbär // (PEMA) Da kam man supplicando ein:/ Es sei unschicklich und sei klein, / Um seine Worte und Gedanken / Erst mit dem Brummelbär zu zanken, / Gedanken müssten zollfrei sein! / (TEMA) Der Löwe sperrt den Bären ein, /Und tat den Spruch: die edle Schreibung / Sei künftig völlig frank und frei! // (PEMA) Der schöne Spruch war kaum gesprochen, / So war auch Deich und Damm gebrochen. / Die klügern Widder schwiegen still, / Laut aber wurden Frosch und Krokodil, / Seekälber, Skorpionen, Füchse, / Kreuzspinnen, Paviane, Lüchse, /Kauz, Natter, Fledermaus und Star, / Und Esel mit dem langen Ohr etc. et Staate, / Vom

Luftballon und vom Altar, / Und wussten's alles auf ein Haar, / Bewiesen's alles sonnenklar, / Und rührten durcheinander gar, / Dass es ein Brei und Greuel war. / (ТЕМА) Der Löwe ging mit sich zu Rate / (РЕМА) Und schüttelte den Kopf und sprach:/Die besseren Gedanken kommen nach; / Ich rechnete, aus angestammtem Triebe, / Auf Edelsinn und Wahrheitsliebe / Sie waren es nicht wert, die Sudler, klein und gross; / (ТЕМА) Macht doch den Bären wieder los! (ДИФФУЗНАЯ ЗОНА)

(Текст приведен из сборника: [Deutsche Fabeln 1991]).

М. Клаудиус

Басня (перевод в прозаической форме мой – Л.С.)

Восемьдесят, девяносто, а может быть и сто лет назад, когда все Животные еще были образованными и просвещенными, подобно тому, как теперь люди, и прекрасно умели писать и читать, Бараны были писцами, остальные – читателями и студентами, а цензором – Медведь-ворчун. (РЕМА) Кто-то сказал с укором: «Неудобно и не подобает прежде с Медведем обсуждать свои слова и мысли. Каждый волен думать, как он хочет!» (ТЕМА) Лев посадил Медведя под замок и сказал: пусть отныне благородное писательство будет прямым и откровенным! (РЕМА) Едва он вымолвил заветное слово, исчезли все преграды. Умные Бараны замолчали, и стало слышно Лягушку и Крокодила, Тюленей, Скорпионов, Лисиц, Пауков-крестовиков, Павлинов, Рысей, Сов, Ужей, Летучих Мышей и Жаворонков, Осли с длинными ушами и т. д. Теперь все писали и сочиняли трактаты: о подагре и государстве, о воздушном шаре и алтаре, и знали всё точь-в-точь, доказывали всё с очевидностью. Устроили между собой такой шум и гам, что наступил полный хаос. (ТЕМА) Лев удалился, чтобы посоветоваться с самим собой. (РЕМА) Он покачал головой и сказал: лучшие идеи приходят потом. Я рассчитывал из добрых побуждений на благородство и любовь к правде. Они оказались недостойными, бумагомаратели, и мал и велик. (ТЕМА) Медведя вновь освободить! (ДИФФУЗНАЯ ЗОНА)

В приведенном примере актуальное членение также обеспечивает близкую каузальную связь смыслов рем и тем. Данные смыслы относятся к развитию событий, сюжетных линий, мотивов, описанию характеров и оценке событий. Это – содержательный уровень текста, на котором связывается фактуальная и аксиальная информация.

СФЕ в тексте басни представлено катафорой и анафорой. Пространная катафора совпадает с первой ремой текста, и уже в ней помещается иронический смысл приписывания большого интеллекта зверям. Анафора *Медведя вновь освободить!* возвращает к смыслу события *Лев посадил Медведя под замок* (цензора изолировали, и сочинительство стало свободным). Катафора и анафора вместе

создают сквозной смысл текста басни, которая касается комически представленного противоречия между свободой слова и необходимостью цензуры.

Таким образом, в данном тексте достаточно ясно выражено проявление параметра порядка на языково-стилистическом уровне – выстраивание отношений между АЧ и СФЕ, создающих подтекст. Интерпретация текста данной басни выявляет действие параметра порядка и на прагматическом уровне. Это создание сатирических и аллегорических кодов. Код аллегии здесь очевиден; сатирический код создает тонкую иронию над главным персонажем (Лев), олицетворяющим руководителя некоторого социума. В условиях явного противоречия между свободой слова и ответственностью за эту свободу Лев находит лишь такие решения, которые присущи «ручному управлению». В басне содержится насмешка над тупостью адресатов, не улавливающих данный код.

Приведем пример рекламы.

Ein Hauch von Nostalgie. (ТЕМА)

Ein Bad nehmen, träumen und dahinschwelgen... (РЕМА) *im Stil der viktorianischen Zeit.* (ДИФФУЗНАЯ ЗОНА) *Tauchen Sie ein in die Tradition und genießen Sie das Lebensgefühl von damals* (ТЕМА) *– kombiniert mit der Technik von heute.* (РЕМА)

Exclusive Bäder zum Leben und Erleben im englischen Stil! (ТЕМА)

Bath & Home (РЕМА) [Homes & Gardens: 103]

Перевод текста рекламы:

Время ностальгии. (ТЕМА) (перевод мой – Л.С.)

Примите ванну, мечтайте, растворяйтесь (РЕМА) *... в стиле викторианской эпохи.* (ДИФФУЗНАЯ ЗОНА)

Окунитесь в ее традиции и наслаждайтесь чувством жизни того времени (ТЕМА) *– в комбинации с техникой сегодняшнего дня.* (РЕМА)

Эксклюзивные ванны для жизни и наслаждения в английском стиле! (ТЕМА)

Bath & Home (РЕМА)

Данный рекламный текст расчленен на короткие темы и ремы, обеспечивая план выражения текста. Текст содержит катафору (*Время ностальгии*) и анафору (*Эксклюзивные ванны для жизни и наслаждения в английском стиле!*), целый ряд семантических повторов. Практически все фразы текста имеют незавершенный смысл, т. е. не до конца понятны без предыдущего и последующего контекста. Такое построение соответствует «мечтательному» стилю изложения, что сделано преднамеренно. Анафора, катафора и повторы по принципу отрицательной обратной связи усиливают впечатление от предлага-

евого проведения времени, создают подобие художественного образа «ностальгии» по викторианской эпохе.

Сжато очерченные в данной работе синергетические механизмы дискурса на материале басни и рекламы не только описывают с другой точки зрения уже известное об образовании дискурса. Синергетичная парадигма разрешает поставить такие вопросы теории дискурса, которые не включает в себя доминирующая современная когнитивно-коммуникативная парадигма:

1) вопрос адекватного разбиения (декомпозиции) дискурса на подсистемы, которые развиваются в противоположных направлениях; какие возможные формы поляризации, и к каким изменениям это приводит в том или другом типе дискурса;

2) возможна ли с помощью теории игр конкретизация механизмов «игры, аукционов» между аттракторами и репеллерами, приводящих к созданию дискурса;

3) вопрос исследования конкретных механизмов выбора и фокусирования с помощью параметра порядка средств создания дискурса на когнитивном, прагматическом и языково-речевом уровнях, учитывая то, что синергетика вкладывает конкретный смысл в такие понятия, как интенция, ментальное пространство, пресуппозиция, до-вербальный смысл, концепт и др.

Эти вопросы составляют значительную перспективу лингвистических студий.

В дидактическом плане изучение в синхронии синергетического аспекта дискурса сводится к выяснению следующих вопросов.

1. Содержание аттрактора для данного типа дискурса: авторские интенции, их иерархия; социальные ожидания результатов реализации дискурса, их иерархия.

2. Содержание репеллера: ограничения дискурса – объем, традиции жанра, нормы изложения, экстралингвистические условия, аудитория потребления.

3. Характеристики оппозитивного взаимодействия содержаний аттрактора и репеллера (например, противоречие между малым объемом дискурса и ожиданием его значительной информативности (как в рекламе)); какие части дискурса при этом поляризуются (текст – подтекст, текст – контекст, коммуникативное пространство сообщений, прагматические функции дискурса).

4. Участники оппозиционного взаимодействия на когнитивном этапе самоорганизации дискурса; какие формы реализации требований аттрактора и репеллера выбраны; в чем заключается действие параметра порядка. Участниками являются: автор – языковая личность, представленная своим мотивационно-прагматическим уровнем; со-

циальные ожидания реализации дискурса, представленные в языковой картине мира; ограничения дискурса. Действие параметра порядка заключается в выстраивании иерархий целей и ограничений дискурса; в выборе фигурантов дискурса, соответствующих иерархиям целей и ограничений (концепты дискурса, персонажи, объекты описания и пр.).

5. Участники оппозиционного взаимодействия на прагматическом этапе самоорганизации дискурса; в чем заключается действие параметра порядка. Участниками являются: автор – языковая личность, представленная своим тезаурусным уровнем; социальные ожидания эксплицитности / имплицитности сообщений в дискурсе, ожидаемые виды кодов и дискурсивных стратегий; ограничения, обусловленные образом адресата. Параметр порядка планирует и реализует коды и дискурсивные стратегии.

6. Участники оппозиционного взаимодействия на языково-речевом этапе самоорганизации дискурса; в чем заключается действие параметра порядка. Участниками являются: автор – языковая личность, представленная своим вербально-семантическим уровнем; языково-стилистический арсенал: композиционно-речевые формы, актуальное членение текста, сверхфразовое единство, тропы, фигуры речи и т. п. Параметр порядка выстраивает АЧ, СФЕ, интертекстуальные включения, избирает композицию и пр.

7. Графическая схема самоорганизации дискурса.

Предлагаемый синергетический подход к изучению дискурса не заменяет собой традиционных подходов в границах доминирующей когнитивно-коммуникативной парадигмы. Более того, он опирается на понятия и положения данной парадигмы. В то же время, линво-синергетическая парадигма указывает направление исследований системных лингвистических объектов, в которых самоорганизация обусловлена конфликтом целей объекта и ограничениями на их реализацию, что приводит к поляризации составляющих данного объекта. Укажем, что механизм поляризации языковых явлений был четко обозначен в некоторых работах и ранее [Фуко 1994]; он является предпосылкой самоорганизации языковой системы.

Поляризация обнаруживается на всех уровнях языка и речи и может быть выявлена в дополнительных, детализирующих исследованиях. Эти исследования могут проводиться в курсовых работах, дипломах и в монографиях, в зависимости от уровня сложности.

Литература

1. Андреева В. А. Феномен «бессвязного» текста в фокусе теории дискурса / В. А. Андреева // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб. : ГУ экономики и финансов, 2007. – С. 71–85.

2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Просвещение, 1990. – 301 с.
3. Бирюков Б. В. Кибернетика в гуманитарных науках / Б. В. Бирюков, Е. С. Геллер. – М. : Наука, 1973. – 382 с.
4. Гидрович С. Р., Сыроежин И. М. Игровое моделирование экономических процессов (деловые игры) / С. Р. Гидрович, И. М. Сыроежин – М. : Экономика, 1976. – 211 с.
5. Дегтярев Ю. И. Исследование операций / Ю. И. Дегтярев – М. : Высшая школа, 1986. – 320 с.
6. Добрускина Э. М., Берзон В. Е. Синтаксические сверхфразовые связи и их инженерно-лингвистическое моделирование / Э. М. Добрускина, В. Е. Берзон. – Кишинев : Штиинца, 1986. – 168 с.
7. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагматилистическом аспекте / Л. С. Пихтовникова // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2009. – № 848. – С. 48–52.
8. Піхтовнікова Л. С. Стилїстика і синергетика дискурсу / Л. С. Піхтовнікова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : колективна монографія / за ред. проф. І. С. Шевченко. – 200-річчю Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна присвячується. – Харків, 2005. – С. 29–36.
9. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2006. – 716 с.
10. Словарь по кибернетике / под. ред. В. М. Глушкова. – К. : УСЭ, 1979. – 623 с.
11. Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен. – Х. : Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
12. Фуко М. Слова и вещи / М. Фуко. – М. : Мир, 1994. – 144 с.
13. Чернявская В. Е. Интертекстуальность и интердискурсивность / В. Е. Чернявская // Текст – Дискурс – Стыль. Коммуникации в экономике. – СПб., 2003. – С. 23–42.

Источники иллюстративного материала

1. Deutsche Fabeln aus neun Jahrhunderten / Hrsg. von K. W. Becker. – Leipzig : Reclam, 1991. – 553 S.
2. Homes & Gardens. – № 2. – April/März 2001. – 156 S. [Elektronische Ressourcen]. – Zugriff : [www. ipm-verlag.de](http://www.ipm-verlag.de).

1.4. Самоорганизации речевого произведения в информационном аспекте

Пихтовникова Л. С.

Речевые сообщения и их связная совокупность в дискурсе создаются автором (авторами), но имеют свою внутреннюю и внешнюю самоорганизацию. Нас зачаровывает непостижимое совершенство речи великих поэтов и прозаиков, экономная точность афоризмов и посло-

виц, полнота дефиниций в научных текстах, образность в хорошей рекламе, стимулирующей потребителя. И все же, о механизмах создания таких идеальных феноменов можно высказать ряд гипотез, ведущих к пониманию их совершенства. Очевидно, что тема нашего исследования в значительной степени относится к информационному аспекту речевого произведения, а исходной является гипотеза о самоорганизации информации. Необходим междисциплинарный подход, дающий широту взглядов на объект исследования, на использование принципов и аналогий из других наук. Но имеются также и некоторые трудности. Представители разных наук не всегда согласны друг с другом, а понятия одной науки нелегко приживаются в другой. Как точно сказано Р. Томом, работа, выполненная на стыке интересов двух групп ученых, рискует оказаться не принятой ни теми, ни другими: происходит почти биологическая реакция отторжения [Том 1975: 199]. С целью удачной имплантации приходится тщательно аргументировать положения и гипотезы, сформулированные сначала в терминах и понятиях другой науки. Именно таким был «старт» синергетики в лингвистике несколько десятилетий назад.

Синергетическую модель создания речевого произведения в общих чертах предлагает Л. В. Бронник. Исходным здесь является то, что для порождения осмысленного речевого сообщения требуется интеллект, который основывается на когнитивной системе. Ее составляющие – концептуальная и языковая системы. Согласно Л. В. Бронник обе эти составляющие, а значит, и интеллект, пребывают в состоянии равновесия (бездействия?: комментарий автора – Л.С.) до тех пор, пока на интеллект не подействует внешний / внутренний источник информации, требующий ответной вербальной реакции. Такими источниками могут быть эмоция, интенция, внешнее впечатление, требующее сообщить другим адресатам свою оценку или состояние, чей-то вопрос и т. п. Источник информации приводит когнитивную систему в неравновесное состояние, из которого она выходит к новому равновесию за счет согласованного, когерентного поведения концептуальной и языковой систем [Бронник 2008: 35].

Новое равновесие можно понимать как изменение чего-то в концептуальной системе индивида (что-то подтверждено или опровергнуто, реализовалась интенция и др.). Возможно, при этом происходят и какие-то изменения в языковой системе. В результате подобных шагов появляется речевое выражение. Но какие процедуры в этом участвуют, в каком информационном поле, какие у них возможности и ограничения в плане самоорганизации? Требуется конкретизация.

Справедливо утверждение, что когнитивная система является открытой и взаимодействующей со средой. Средой для системы яв-

ляются экстралингвистические условия порождения речевого произведения и контекст, поэтому Л. В. Бронник свою парадигму называет экологической.

Суть своей модели Л. В. Бронник излагает обобщенно; конкретного описания того, как зарождается / выбирается вербальное выражение, здесь еще нет. Естественно, требуется дальнейшая разработка и конкретизация модели. Для наших исследований эта модель является адекватной для отражения самоорганизации речевого произведения. Конкретизация относится к таким важным вопросам: как следует понимать согласование, когерентность концептуальной и языковой систем, что представляет собой первая из них и т. п. Процесс конкретизации разделим на несколько этапов.

1. О концептах и концептосистеме.

Согласно современным источникам, концептосистема есть система систем концептов, в которой весь спектр ментальных единиц упорядочен в виде некоторых участков-подсистем, сформированных структурно, связно, иерархически [Приходько 2013: 173]. Отдельные концепты в этой системе систем группируются согласно различным принципам и критериям, что является предметом их таксонометрии. Сам феномен концепта достаточно полно может быть определен и описан не менее, чем на нескольких страницах. Отметим, прежде всего, что концепт есть базовая единица мыслительного кода человека, содержит комплексную информацию о предмете или явлении, а также отношение сознания к ним [там же]. Природу этого кода необходимо будет уточнить далее.

К объяснению сущности концепта есть несколько подходов. Концепт считают структурированной единицей сознания, которая содержит совокупность вербальных и невербальных знаний о познаваемом объекте. В рамках репрезентационного подхода концепт понимается как уже созданное знание об объекте. Такой статический подход игнорирует развитие информационной структуры концепта, ее открытость новым знаниям. Деятельностный (дискурсивный) подход настаивает на процессуальной природе концепта [Никитин 2003: 173–174, Мартынюк 2012: 72]. В этом подходе структура концепта описывается через операционные модусы (ипостаси по М. В. Никитину): модусы есть способы организации важнейших процедур интеллектуальной и эмотивной деятельности человека. Эти процедуры – систематизация, классификация, идентификация, структуризация, категоризация действительности. Обратим еще раз внимание на то, что названное выше является **процедурами**, т. е. до некоторой степени это алгоритмизируемые и

программируемые процессы. К процедурной сущности концепта мы будем обращаться и далее.

Информационная структура концепта может быть определена в нескольких аспектах. А) По качеству информации: концепт имеет, по крайней мере, следующие составляющие: 1. понятийная составляющая концепта; 2. перцептуально-образная составляющая; 3. ценностная составляющая [Приходько 2006: 21]. Б) В семантическом отношении концепт представляется как фрейм. Возможны различные структурные и графические изображения фрейма, но при этом сохраняются два принципа таких представлений: презентация знаний о стереотипной ситуации (образце) и наличие инструкции использования информации. Во фреймовой структуре концепта представляется лишь минимальный набор его атрибутов и признаков, без которых он перестает быть концептом. В расширенном варианте фрейма атрибуты и признаки могут добавляться.

Для наших исследований наиболее продуктивным является табличное изображение фрейма [Гаврилова, Хорошевский 2000: 24–25], которое плодотворно используется в ряде работ [Гончарук 2012: 69; Коринь 2007: 103–106; Мукатаева 2008: 125; Ольховская 2009: 56–57; Самарина 2010; Суддя 2013]. Суть такого изображения заключается в следующем.

Таблица 1.4.1

Табличная структура фрейма. Имя фрейма

Имя слота	Значение слота	Способ получения знаний о значении	Присоединенная процедура

Данная таблица отражает структуру фрейма из любой сферы знаний. Для наших целей мы отождествляем слоты с атрибутами концептов, имя фрейма – с названием концепта, значения слотов – с признаками концептов. Согласно цитируемой работе [Гаврилова, Хорошевский 2000: 24–25], «способ получения знаний» предусматривает такие варианты: 1) знания о значении слота (признака атрибута концепта) получены по умолчанию от фрейма-образца. Такой способ означает, что адресату известны другие концепты, поясняющие данный атрибут, и эти концепты также имеют фреймовую структуру (фрейм-образец); 2) знания получены через наследование свойств от более общего фрейма,

т. е. исследуемый концепт содержится в другом концепте, имеющем больший семантический объем; 3) знания получены из базы данных; 4) знания получены через присоединенную процедуру [там же: 24–25].

Присоединенная процедура не всегда является алгоритмизируемой, но обязательно психологически осознанной. При исследовании концептов дискурса присоединенная процедура выражает знания о действиях (предметных или ментальных) коммуникантов. Предметными могут быть поступки, а ментальными – оценки и намерения персонажей, автора или адресата-читателя. Действия коммуникантов являются источником новой информации о значении атрибутов концепта, и в этом отношении присоединенная процедура также важна для изучения концепта. В целом, следует сказать, что табличная фреймовая схема наиболее соответствует определению фрейма как структуры знаний с указанием их источников и инструкций по их использованию. В лингвистике присоединенной процедурой вполне может быть, например, операция сравнения двух номинантов, производимая с помощью тропов. Это действие порождает много новой имплицитной информации. В качестве примера представим табличный фрейм концепта ГОРОД.

Таблица 1.4.2

Имя концепта – ГОРОД

Атрибут	Значение (признак) атрибута	Способ получения знаний	Присоединенная процедура
Улицы, площади	Для собрания жителей и пути передвижения	1, 3	Образные представления, сравнение, например, с артериями и сосудами
Дома	Жилье; создание уникального стиля; исполнение бытовых функций	1, 3	Образные представления об архитектуре, истории и др.
Транспорт	Перевозка грузов и людей	1, 2, 3 ...	–

Цифры в графе «способ ...» обозначают номера способов получения знаний, перечисленных выше; троеточие означает, что возможны и иные способы.

Известно, что концепты в некотором ментальном континууме связаны / вложены и одновременно отделимы. Степень определенности этих свойств зависит от того, сколько существует в этом континууме подразделений для человеческой практики, и концепты настолько дискретны, насколько существенна и отработана в опыте дискретизация соответствующего участка денотативной сферы [Никитин 2003: 269].

Способность концептов к объединению (вложенности, обобщению) и их расчленимость является общим свойством любых баз данных. Из него вытекает принцип наследования [Гаврилова, Хорошевский 2000: 25] – своеобразная логика подчинения таксонов.

Пример: концепт ОПОЗДАНИЕ незримо подчинен более общему концепту ВРЕМЯ. Если мы, например, активизируем концепт ОПОЗДАНИЕ вербально, описывая последствия нашего опоздания, досаду от случившегося и т. д., мы тем самым активизируем некоторые атрибуты этого концепта, а также его слои. Но при этом нигде эксплицитно не выражается связь с пониманием времени – «до» и «после», потеря времени и т. п. Принцип наследования здесь реализуется имплицитно. Концептуальная система – основа выражения мысли, поэтому необходима работа сети именно с концептами.

О языковой системе

Язык также является системным объектом. Языковая система есть иерархическая организация языковой компетенции, которая состоит из инвариантных единиц (фонем, морфем, лексем, граммем, предложений, текстом), структурирована на основе синтагматических, парадигматических и эпидигматических связей между этими элементами на всех языковых уровнях и служит для реализации номинативной, коммуникативной, познавательной, фатической, волюнтативной, аккумулятивной, трансляционной, эмотивной и других функций [Сучасна лінгвістика 2006].

Согласованность поведения концептуальной и языковой систем не дана изначально: для возникновения согласованности необходимо задание цели: выразить вербально некоторый смысл, соблюсти определенные характеристики вербализации, например, краткость, особую модальность, обоснованность и т. п. Цель управляет настройкой когнитивной системы на создание конкретного речевого выражения. Однако, независимо от конкретной цели, механизм взаимодействия концептуальной и языковой систем постоянен и хорошо известен.

В общих чертах механизм **взаимодействия** концептуальной и языковой систем заключается в следующем. Согласно А. Н. Приходько, языковая (знаковая) система апеллирует к концепту, тем самым активируя его в сознании, при этом неоднозначно и не полностью выражает его вербально. Концепты презентуют себя в вербальных знаках также не полностью и многими способами [Приходько 2013: 77–81].

Апелляция и презентация являются разнонаправленными процессами, но их взаимодействие по принципу обратной связи позволяет выразить в словах концепт или группу связанных концептов. Употребив слова «апелляция» и «презентация», мы создаем качественное пред-

ставление о том, ЧТО происходит при взаимодействии концептуальной и языковой систем. Невыясненным остается вопрос КАК это происходит.

О языковой личности

Языковая личность – имманентный признак личности как носителя языка и коммуниканта, что характеризует ее языковую и коммуникативную компетенцию и реализацию их в порождении, восприятии, понимании и интерпретации вербальных сообщений, текстов, а также в интерактивном взаимодействии в дискурсе [Сучасна лінгвістика, 2006: 370]. Языковая личность рассматривается на трех уровнях: 1) вербально-семантическом; 2) тезаурусом; 3) мотивационно-прагматическом – с установлением специфических для них единиц (слов, понятий, деятельностно-коммуникативных потребностей (Ю. Караулов) [там же]).

В соответствии с этой градацией, автор как языковая личность принимает участие в самоорганизации дискурса на когнитивном, прагматическом и языково-речевом этапах только отдельными частями своей языковой личности, привлекая для этого необходимые единицы.

2. О самонастройке когнитивной системы

Наивным, на наш взгляд, было бы предположение о том, что достаточно развитая языковая личность (адресант) при создании речевого произведения устанавливает его цели, затем в «ручном режиме» работает с каждым концептом или понятием своего произведения, апеллируя и презентуя, сравнивая варианты выбора по принципу отрицательной обратной связи. Это есть лишь принципиальная схема, а рабочая – связана с настройкой когнитивной системы на более продуктивную работу по достижению конкретной цели, на самоорганизацию отбора информации в том смысле, что эти процессы происходят уже частично неосознанно и ситуативно, а не в «ручном режиме» управления.

Как происходит настройка когнитивной системы, чтобы «оркестр» из множества концептов и языковых средств заиграл согласованно, разыгрывая тему, которую необходимо выразить в вербальном сообщении? Для объяснения необходимо привлечь междисциплинарные знания, плодотворные концептуальные метафоры из областей, которые, несомненно, описывают какие-то аспекты настройки и работы когнитивной системы. Это сведения из теории систем, информатики (устройство и работа любых баз знаний), а также из теории самоорганизации в нейроподобных сетях, поскольку сама теория таких сетей использует аналогию с тем, что реально происходит в сознании

человека при трансформации импульсов, впечатлений и пр. в его речевую ответную реакцию.

Следует еще раз акцентировать, в каком смысле мы понимаем самоорганизацию речевого произведения; разумеется, с участием в этом процессе человека. При выборе речевых единиц мы не противопоставляем автоматизм этого выбора, обусловленный правилами синтаксиса, семантикой и др. факторами, отбору единиц осознанно, «вручную». Критерий выбора той или иной единицы в речевом произведении является многомерным, интегральным. Он не может быть полностью осознанным точно так же, как не могут быть осознаны полностью все значения и смыслы концепта. Однако мы выбираем, и достаточно точно. Помогает настроенная когнитивная система, которая в значительной степени работает самоорганизованно, используя свои аттракторы и репеллеры независимо от нас. Роль человека – как встроенного элемента этой самоорганизации – распознавать параметры порядка и с их помощью влиять в целом на работу когнитивной системы.

Далее мы сделаем попытку показать глубокие аналогии в работе и самоорганизации нейроподобной сети и самоорганизованном функционировании когнитивной системы.

2.1. О нейроподобной сети и ее самонастройке

Согласно теории нейроподобных сетей, основными элементами являются **нейроны**, способные принимать, преобразовывать и распространять сигналы. Это их исчерпывающие характеристики: никакого содержания, смысла, целей нейрон сам по себе не содержит. Каналы ввода информации в нейрон называются **дендритами**, а единственный канал вывода информации называется **аксоном**. Структура нейронной сети такова, что каждый аксон нейрона соединен с дендритами других нейронов, и таким образом получается безмасштабная сеть, которая произвольным образом, в зависимости от потребностей и обстоятельств, может быть расчленена, декомпозирована на **слои**. Каждый нейрон может возбуждаться и передавать сигнал дальше по своему аксону в зависимости от того, сколько и какой активности к нему пришло сигналов по дендритам. Достаточная для возбуждения сумма сигналов и их активности называется **порогом возбудимости нейрона**. Она регулируется / задается заранее так называемой **функцией возбуждения**, которая может быть дискретной (ступенчатой), линейной, нелинейной, возрастающей / убывающей и т. п., а также колебательной для обеспечения резонанса в отдельных частях сети [Боровиков 2001: 601].

Общеизвестно, что вид функции задает пользователь сети или ее внутренние обстоятельства. Резонанс, например, необходим в случае ассоциативного взаимодействия концептов, выявления подобия в образных выражениях. В других случаях поведение сети может быть линейным (ответ пропорционален сигналу) и нелинейным в широком диапазоне возможностей. Забегая вперед, скажем, что функция возбуждения играет ключевую роль и в самонастройке нейронной сети, и в самонастройке ее частного варианта – когнитивной системы.

Нейронная сеть демонстрирует чрезвычайно широкие возможности для пользователя моделировать и реализовывать ситуации, возникающие в самых различных сферах бытия: в нейропсихологии, в технических, экономических, биологических сетевых структурах (Интернет, рынок, биоценоз), в речевой коммуникации и др. Нейронная сеть имеет замечательную способность к самоорганизации, к быстрой самонастройке на заданную цель. Этому способствует ее регулируемая иерархичность, нелинейность и диссипативность взаимодействия ее нейронов.

В пустой нейронной сети в смысле отсутствия в ней какого-либо преднамеренно размещенного содержания, тем не менее, можно организовать квази-память и квази-смысл для хранения чем-то важной информации. Это чрезвычайно важно для дальнейшего моделирования функционирования когнитивной системы с помощью нейронной сети. Для организации квази-памяти отдельного нейрона или целой их совокупности достаточно повысить их порог восприятия, и тогда они не будут реагировать на новые сигналы от дендритов, но будут находиться в неизменном состоянии, сохраняя возможность прежней своей реакции.

Квази-смысл у группы нейронов в некоторой компактной области создается в том случае, если в этой области внешним управлением или другими обстоятельствами понижен порог восприятия (это увеличивает долю сигналов и их обмена в этой области сети) или повышена интенсивность сигналов извне (соответствует повышенному вниманию к этой области). В результате, в данной области образуется устойчивое состояние, а с точки зрения семантики – квази-смысл, образ, гештальт. С точки зрения синергетики такое устойчивое состояние есть аттрактор, притягивающий сигналы, информацию из других областей сети. Понижение порога осуществляет функция возбуждения.

2.2. О связи нейроподобной сети и когнитивной системы.

Принципиально, ничто не препятствует существованию не пустой, а содержательной нейронной сети, в которой нейроны и их группы содержат в себе некоторую постоянную информацию. Такой сетью может быть, например, языковая система с ее синтаксической, семантико-полевой, стилистической и другими структурами. В этом

случае, с точки зрения информатики, нейронная сеть превращается в семантическую сеть: каждый нейрон или их группа содержит кодированную языковую единицу с ее значением, а связи между нейронами (сигналы, обмен ими) обусловлены структурными правилами и прагматическими оценками со стороны пользователя. Код каждого слова или устойчивого выражения может быть и более сложным. Например, содержать признак принадлежности содержания слова к более общему содержанию. Таким «библиографическим» способом отчасти реализуется интенционал слова. Однако, при любой сложности кода, он остается статическим и может играть лишь вспомогательную роль в синергетических процессах в языковой сети.

Что касается концептуальной системы, то она может видаться как слой (слои) нейронной сети, в котором (которых) в каждом нейроне или их группах расположены отдельные концепты по полевому принципу. Для внешнего взгляда такой слой концептов представляется как большой гиперфрейм со слотами (узлами), связями, с обоснованием этих связей.

Однако, «расположить концепт» в группе нейронов – непростая задача для нейроподобной сети искусственного интеллекта, а в естественной памяти человека, имеющей также нейронную структуру, на это уходит длительное время и требуется социальное общение вербальным и невербальным способом, а также – собственные умозаключения.

Концепт не может быть закодирован полностью, если коды понимать традиционно, статически, как обозначение свойств объекта и его места в системе. Понятийный слой концепта еще можно представить частично закодированным таким образом, но перцептуально-образный и ценностный слои – нет. Здесь обычные статические коды уступают место процедурам динамического кодирования [Гаврилова, Хорошевский 2000: 34–38]. В таком случае уместно возвратиться к процедурной трактовке концепта, принятой в деятельностном (дискурсивном) подходе. В этом смысле концепт существует как виртуальная реальность до тех пор, пока его поддерживает определенная процедура.

Указанная процедурная трактовка концепта снимает вопрос о полном и статически закодированном его «размещении» в нейронной сети. В ней в виде статических кодов можно закрепить частично лишь понятийную составляющую концепта и какие-то опорные слова, характеризующие атрибуты концепта. Остальное (аксиологическая оценка, образные ассоциации потребителя и др.) являются виртуальными и выносятся в ряд процедур, результатом которых могут быть новые вербальные характеристики. В этом случае они добавляются в сеть также в виде обычных кодов.

2.3. Какие же это процедуры?

Процедура структуризации происходит всегда на основе прежней структуризации, которая играет роль онтологии. Следует отметить, что конвенциональность при структуризации не всегда осознается, и лишь ее нарушение вновь ведет к обнаружению сознания. Предметность (восприятия), лежащая в основе онтологии, (почти) синонимична риторике очевидности, в которой эта предметность не ускользает. По Ч. Пирсу, «риторика очевидности» формирует следующие уровни: уровень до-рефлексивной очевидности, в которой слово соотнесено с референтом и непосредственно с действительностью (через имя); это можно назвать естественным течением речи; уровень рефлексивной очевидности, основанной на согласовании и договоре, при использовании базы предыдущего уровня [Киященко 2000: 169].

Осознание конвенций, референции, рефлексии образует сферу сознания. На чем основывается риторика очевидности? Здесь всплывает понятие онтологии. «Создание обобщающего наукоучения о Бытии, онтологии в собственном смысле слова, – красивая претензия уверенного в себе теоретического ума – граничит с потерей необходимой определенности для своего существования, что связано, как мы знаем, со всяким чрезмерно обобщающим построением» [там же: 130]. По И. Канту, онтология ответственна за решение вопросов о том, как и какие понятия мы составляем априори о вещах, чтобы подвести под них все, что может быть дано в созерцании вообще [там же]. Таким образом, онтологические построения можно рассматривать как некоторого рода аксиомы, применяемые без обоснования и доказательств.

Приведенные рассуждения о возникновении (очевидного) смысла основаны на его аксиоматическом принятии из эмпирического опыта, который индивидуален, но во многом совпадает благодаря общей культуре социума. Смысл, выраженный словами, порождается и принимается также из логических предпосылок (силлогизмы, и вообще, причинность; убедительность семантической сети). Все изложенное может создать впечатление о стабильности и беспроблемности в выражении смысла словами. Но это не так. Смысл виртуален и имеет несколько измерений, которые еще больше отдаляют это понятие от самоочевидности. К тому же трактовки смысла в семиотике и когнитологии отличаются.

При онтологическом статусе прежней структуризации базовые понятия / представления (архетипы) идут «вглубь» [Семенец 2004: 130]. Это значит, становятся аттракторами, которые захватывают каждое новое подходящее опорное слово-символ. Подобное можно создать даже в компьютерной нейроподобной сети посредством малого порога

возбудимости нейронов в зоне аттрактора и большого порога для ответного сигнала.

Структуризация есть установление топологии, сети, охватывающей действительность в нашем сознании. Иначе говоря, это установление границ, маркеров, которые могут быть вербальными, образными, причинно-следственными и пр. Что происходит с маркерами после завершения структуризации? «Уходят вглубь», становятся самоочевидными: в этом месте топологии устанавливаются соответствующие, пониженные значения функции возбуждения. После этого маркеры остаются, но теряют решающее значение.

Процедуры реализуют процесс структуризации действительности [Алефиренко 2005: 164]. Структуризацию можно представить себе как «привязку» фактов к основным базовым представлениям человека (пространство, время, материя ...). Одновременно привязка вербализуется, хотя бы в опорных словах. Видя незнакомый объект или испытывая ощущения, чувства, достойные внимания, мы хотя бы автоматически спрашиваем у себя: что / кто это? И запускаем вербальный ответ: это есть... Так возникают атрибуты неизвестного пока что концепта.

Резюме. Итак, вполне реальная нейроподобная сеть, которую можно смоделировать в компьютере, и которая, видимо, есть в голове, имеет выдающиеся способности к самонастройке, к созданию квази-памяти и квази-смысла. В многочисленных лингвистических работах описывается структура языковой и концептуальной систем; эти структуры весьма схожи с нейронной сетью, где в одном слое размещается языковая система, а в другом (других) – концептуальная. Однако размещение концептов в слое имеет свою особенность. «Разместить» в нейронах понятийную составляющую концепта частично можно, поскольку она допускает вербальное выражение, кодируемое обычным статическим кодом. Размещение аксиологической и образно-ассоциативной составляющих концепта таким способом невозможно. Эти составляющие существуют только виртуально, в виде неких процедур, поддерживающих эту виртуальную реальность. Такими процедурами являются процедуры создания квази-памяти и квази-смысла с помощью понижения порога восприятия и / или повышения интенсивности сигналов извне в некоторой области сети. Таким образом, данная область играет роль аттрактора, захватывающего каждое новое опорное слово или выражение, которое ассоциируется с другими знаками, уже присутствующими в зоне квази-смысла. Что означает «ассоциируется», поясним далее с информационной точки зрения.

2.4. Ограничения на процедуры

Упомянутые выше процедуры (например, структуризация) и другие, к которым мы еще будем возвращаться, имеют ограничения. Зона каждого концепта в когнитивной системе, являясь аттрактором с точки зрения синергетики и являясь зоной квази-смысла с точки зрения нейронной сети, притягивает новые и новые языковые единицы, как-то выражающие смысл концепта. Остается неясным, как они в этой зоне упаковываются и есть ли ограничения на «вытягивание» из языковой системы слов, вербальных выражений для данного концепта.

Мы опишем ограничения по следующим направлениям: ограничения типа математических катастроф; ограничения семантическим подобием, включая его фрактальность; ограничения на зацикливание при поиске вербальных выражений.

2.4.1. Об ограничениях типа математических катастроф

В глубоко содержательной статье, написанной математиком о предмете лингвистики, вновь с синергетической точки зрения рассматривается проблема соотношений «означающее» – «означаемое», идущая от Ф. де Соссюра [Том 1975]. В статье справедливо отмечается, что из указанных двух элементов лишь «означающее» поддается объективному изучению. А «означаемое» доступно только интроспекции, будучи психологической реальностью. И, тем не менее, этот факт не есть повод для научного пессимизма. По Р. Тому наиболее важные для нас объекты, события, явления вызывают в нашем сознании процесс их моделирования, структуризации; эта же мысль высказывается и другими учеными, что отмечалось нами ранее. Для углубленного понимания указанных процессов Р. Том вводит методологическую идею об использовании понятия математической катастрофы. Упрощенно говоря, математическая катастрофа есть резкое, скачкообразное изменение параметров объекта или явления. Примерами могут быть практически мгновенная кристаллизация соли в перенасыщенном растворе при понижении температуры до критической (в физике это называется фазовым переходом); обретение неожиданного смысла лексической единицей в контексте: *тараканы* в голове, *мутный* крендель.

Общей методикой / методологией нахождения границ объектов, явлений, процессов в работах Р. Тома являются следующие [Том 1975: 204–205]. Пусть в некоторой области U пространства-времени развивается интересующий нас процесс. Точку m в этой области называем регулярной, если в каждой близкой точке m_1 процесс качественно остается таким же. Окружающее замкнутое множество точек $\{n\}$, в которых процесс изменяет свое качество, назовем **множеством катастроф** процесса. Фактически, это и есть граница процесса. То же

самое можно утверждать о любом объекте или явлении. Разумеется, граница объекта таким образом определяет его **форму**. Объекты и явления могут быть достаточно сложными, поэтому их граница – не обязательно гладкая и наглядная; тем более, если явление многомерное.

При восприятии внешнего явления-раздражителя любой природы человек, чаще всего, воспринимает прежде всего границы этого явления, т. е. форму. Бесформенный объект не воспринимается, он неотделим от фона, а если отделить необходимо, то при структуризации образа психика активно экстраполирует недостающую границу вероятностно-гипотетическим способом, исходя из своего опыта. Экстраполяция есть стандартная процедура. От себя добавим, что слово также имеет форму, передающую его значение (а значит, и границы значения).

В отличие от значения, смысл, передаваемый словом, возникает только в контексте. Пример: смысл слова «стимул» в современных контекстах достаточно далек от первоначального древнеримского. Стимулом там называли длинную заостренную палку, которой погоняли заупрямившихся животных.

Казалось бы, приведенные рассуждения имеют мало отношения к лингвистическим явлениям. Но Р. Том проецирует идею математических катастроф и на лингвистические явления. Он утверждает, что большинство фраз из речевого сообщения может быть разложено на атомарные фразы. Хотя и признает, что разложение неоднозначно, иногда невозможно, а сама концепция атомарных фраз в лингвистике дискуссионная. Например, затруднительно разложить на атомарные фразы шутку, афоризм, парадокс из-за многосвязности составляющих языковых единиц. Разложение усложняется наличием сверхфразового единства и / или скрытой референции.

Пример. Афоризм Ежи Ленца: *Эгоист – это тот, кто заботится о себе больше, чем обо мне.*

И, тем не менее, атомарные фразы передают суть сообщения и границы его смысла через так называемые элементарные математические катастрофы [Том 1975]. Приводятся простые примеры.

Я видел профессора, который приехал вчера. = Вчера приехал профессор. Я его видел. Латинское: «Идущие на смерть приветствуют тебя». = Мы идем на смерть. Мы приветствуем тебя [Том 1975: 202–203].

Заслуга Р. Тома состоит в том, что он систематизировал атомарные фразы, которыми можно передать большинство смыслов в речи, и показал установление архетипических связей между частями речи в них.

Установление связей между частями речи Р. Том трактует как элементарные математические катастрофы в том смысле, что независимая доселе часть речи со своим значением получает связь в атомарной фразе с другой частью речи, получается контекст (котекст),

и данная часть речи обретает конкретный смысл, т. е. ограничение своего значения. Таким процессом устанавливается граница смыслов, т. е. форма, синтаксис сообщения.

Случаи, когда фраза или текст не разложимы на атомарные фразы, видимо, еще интереснее проанализировать по этой же схеме, но только с привлечением не микро-, а макросинтаксиса, характерного сверхфразовому единству.

Резюме. Понятие математической катастрофы играет важную методологическую роль в установлении границ объектов, процессов, явлений, в том числе, языковых. Границы определяют форму явления или объекта, благодаря чему они могут быть восприняты сознанием, структурированы, экстраполированы и т. д. В большом числе случаев передаваемый смысл может быть разложен на атомарные фразы, которые систематизированы Р. Томом; фактически показано установление связей в них, ограничивающих значение языковых единиц и создающих контекст, который передает элементарный смысл. Данный процесс, трактуемый Р. Томом как цепь элементарных математических катастроф, является ограничительным и создает речевое произведение из языковых единиц.

2.4.2. О фрактальных ограничениях

Описывая фрактальные ограничения, мы не могли избавиться от сомнений: ограничения ли это? Или наоборот, универсальный принцип, проявляющийся в построении языка и речи?

Идея фрактальности в последние десятилетия завоевывает все больше сторонников в различных отраслях науки. Можно также отметить ряд серьезных разработок о фракталах в лингвосинергетике [Москальчук 2003, Семенец 2004, Еникеева 2006, Домброван 2013]. Фракталом принято называть структуру, которая остается самоподобной при любом изменении масштаба (увеличении, уменьшении). Привычные нам примеры фракталов – снежинки, изморозь, повторяющиеся себя в разных масштабах узоры на коврах, самородки горного хрусталя.

Создатель теории фракталов Бенуа Мандельброт, разумеется, постулировал бесконечное самовоспроизведение структуры во фрактале как в сторону увеличения масштаба, так и в сторону его уменьшения. Эта идеализация позволила понять весьма тонкие вопросы конкуренции аттракторов в реальных синергетических системах. Однако, данная идеализация реально, в жизни, ограничена по техническим и другим причинам: мы не можем зафиксировать на бумаге или на экране бесконечное измельчение фрактала и представляем этот процесс только мысленно; природа создает деревья,

корни лишь в виде ограниченной части фрактала, то же самое можно сказать о системе кровеносных артерий животного и человека. Это же относится и к языку: какими бы «фрактальными» ни были морфологические конструкции, их фрактальная структура не измельчается далее морфем. Отметим также, что теоретически и практически фракталы могут быть не только плоскими, как узоры, но и многомерными. А также могут существовать и в пространстве-времени (например, так называемый фликкер-шум – дробление частоты звуков по определенному закону, которое в некоторых случаях оказывает позитивное влияние на психику).

В компьютере можно перевести изображение в звуки и испытать на себе влияние этой «музыки». Одним из очаровывающих эффектов является так называемая прерывность, которая возникает, когда процесс попадает в окрестность периодической точки: одна и та же тема повторяется более или менее часто. Когда тема наконец прекращается, ухо ощущает особую напряженность. Соответствующий зрительный эффект не является таким сильным [Пайтген, Рихтер 1993: 26].

Принцип фрактальности играет важную роль в языке и речи, а также в ограничении процедур вербализации концептов. Для понимания этой роли сначала необходимо остановиться на более подробном пояснении механизма фрактальности и еще недостаточно исследованных вопросах его проявления в саморазвитии языка и речи.

Фундаментальная работа С. М. Еникеевой [Еникеева 2011] посвящена синергетическому аспекту системы словообразования (на материале английского языка). В ней развернута картина фрактальных соотношений в словообразующих цепочках, рядах и гнездах. Показаны механизмы возникновения новых слов на основе фрактальных структур. Словообразующие цепочки и пары рассматриваются как простые линейные фракталы, для которых характерна ограниченная динамичность и бифуркации незначительны. Векторы деривации в них имеют линейный характер, а спектр деривационных шагов в точках бифуркации невелик [Еникеева 2011: 15]. В работе построена иерархия словообразующих фракталов по возрастанию их сложности и динамических возможностей, вершиной которой является макрофрактал на основе алигатур (различных принципов соединения слов) [там же: 17].

Убедительно показано, что в современном английском языке многие деривационные процессы происходят согласно фрактальной, т. е. самоподобной генерации. Таким образом, фрактальные морфологические модели словообразования весьма продуктивны. К сожалению, в работе для сравнения не показаны так называемые непродуктивные модели словообразования, которые также присутствуют в любом языке, но их доля различна. Этот невыясненный вопрос

порождает и более глубокие вопросы, выяснение которых требует больших усилий. Известно, что ряд языков (например, английский, немецкий, французский и др.) имеет тенденцию к аналитичности, т. е. не изобилует исключениями, а грамматические и семантические значения языковых единиц, как правило, разделены. В других языках, синтетических, в языковой единице грамматические и семантические значения обычно объединены, что приводит к многообразию грамматических правил и исключений из них. Примеры – тяготение к синтетичности в русском и украинском языках, там много исключений. Есть ли осязаемое различие в доле / объеме фрактальных моделей в аналитических и синтетических языках?

Фундаментальная работа Т. И. Домброван посвящена синергетической модели развития английского языка [Домброван 2013]. Для характеристики состояния языковой системы автор использует ее основные параметры [Домброван 2013: 214], т. е. 5 типов грамматической организации, значения которых изменяются под действием внешних и внутренних условий. Таким образом, состояния языковой системы рассматриваются в своем параметрическом, или фазовом пространстве. Явление относительно быстрых и непредсказуемых изменений в языковой системе автор трактует как фазовый переход, относительно быстрое и кардинальное изменение значений главных параметров.

Явление фрактальности по Т. И. Домброван охватывает несколько языковых уровней: сложноподчиненные предложения, словообразование, построение словосочетаний. В основе данного явления в языке лежит единая субъектно-предикативная структура [там же: 144].

Это звучит убедительно, хотя в некоторых моментах автор несколько расширяет понятие фрактальности, заменяя им понятие иерархии (с неясным самоподобием). В работе содержится также упоминание ключевого в теории фракталов понятия – генератора фракталов. Однако это понятие далее не конкретизируется, и нет пояснения фазовых переходов в языковой системе с фрактальной точки зрения.

Безусловная новизна и плодотворность описанного взгляда на динамику языковой системы позволяет преодолеть традиционный, привычный уровень исследований системы. И неизбежно, в перспективе приводит к трактовке фазового перехода в языковой системе с фрактальной точки зрения.

2.4.3. Пояснение фазового перехода в языковой системе с точки зрения фракталов

Согласно Пайтгену и Рихтеру, генератор фрактала имеет, как минимум, две группы параметров. Первая группа {C} – это параметры

конструкции базовой фигуры фрактала (они же – лейтмотив [Пайтген, Рихтер 1993: 33], идея фрактала, композиция). Вторая группа $\{Z\}$ – параметры исходной точки или области в пространстве-времени, в которой начинается построение фрактала. Вся вариативность и красота фракталов истекает из комбинирования параметров $\{C\}$ и $\{Z\}$. Если фиксировать конструкцию фрактала $\{C\}$ и изменять области $\{Z\}$, то все пространство-время разбивается на зоны аттракторов, притягивающих элементы множества с определенными свойствами. Например, языковые единицы, имеющие определенную семантику. Границы влияния аттракторов называются границами Жюлиа-Фату G-F в честь французских математиков, которые век назад впервые обратили внимание на этот феномен. Если наоборот, фиксировать область $\{Z\}$ исходных параметров и изменять группу параметров конструкции фракталов $\{C\}$, то границы возможного в данном пространстве-времени называются множеством $\{M\}$ Бенуа Мандельброта. **Фазовый переход** синергетической системы происходит тогда, когда границы Жюлиа-Фату (G-F) выходят на множество $\{M\}$ Мандельброта [там же: 27]. Что все это означает в лингвистике – объяснить непросто, однако стоит затратить усилия, т. к. это дает совершенно новую трактовку синергетических процессов эволюции языка.

Пример 1. «Нанизывание» придаточных предложений.

В основе этой конструкции лежит правило, по которому каждое следующее придаточное поясняет и дополняет предыдущее. Поэтому в каждом придаточном содержатся повторы и / или указательные и определяющие местоимения; в этом смысле конструкция является самоподобной, т. е. фрактальной. Исходной позицией параметров $\{Z\}$ таких предложений является главное предложение-аттрактор, которое «притягивает» все придаточные. Граница Жюлиа-Фату таких предложений, т. е. их длина, определяется исчерпыванием информации, которая в придаточных поясняет / дополняет смысл главного предложения. С этой точки зрения придаточных может быть неограниченно много, т. к. смысл неисчерпаем. Однако множество $\{C\}$ параметров конструкции рассматриваемого фрактала имеет ограничение по восприятию адресатом таких удлиненных предложений: 3–4 придаточных – и ускользает смысл всего высказывания. Таким образом, граница Жюлиа-Фату рассматриваемого фрактала разрушается при ее выходе на множество ограничений Мандельброта $\{M\}$ на длину предложения, и происходит фазовый переход – распад всей конструкции.

В качестве примера, якобы противоречащего сказанному, часто приводят шутивное стихотворение «Дом, который построил Джек». В принципе, в нем можно «нанизывать» придаточные до бесконечности. Но в этой блестящей пародии на придаточные предложения

незаметно подменены исходные множества $\{M\}$, $\{C\}$ и $\{Z\}$, т. е. конструкция иная. Здесь избрана циклическая конструкция, в которой исходное предложение «Вот дом, который построил Джек» далее в придаточных не поясняется, а само используется для характеристики других референтов. В этом стихотворении на самом деле содержится не аттрактор из множества $\{Z\}$, а циклический аттрактор – исходное предложение «Вот дом, который построил Джек», к которому возвращается заключение каждого нового предложения.

Пример 2. Выражение времен глагола

Нечто подобное, как в предыдущем примере, происходит с правилами выражения времен глагола. Особенно это заметно в английском языке. В нем до сих пор формально существует 26 времен глагола, часть из которых выражается весьма сложно. Однако, в прошлом такие сложные конструкции, видимо, были нужны для выражения малознакомых явлений, но со временем их освоили, и сложные конструкции упразднились.

В современном английском языке употребляется не более 14–16 конструкций выражения времени действия. А, например, глагол в форме Future Perfect Continuous или Future Perfect Continuous in the Past вышли из употребления из-за громоздкости их формы [Грузинская 1958: 92; Колпакчи 1975: 169]. Если расположить все формы выражения времени одного глагола по возрастанию сложности, то такая умозрительная шкала есть фрактал (самоподобие – в наличии одного и того же глагола). Исходной является неопределенная форма глагола, а граница Жюлиа-Фату этого фрактала есть его самая сложная форма времени.

Конструкцию этого фрактала задает множество $\{C\}$ (синтаксис всех его 26 времен). Множеством Мандельброта $\{M\}$ здесь являются те формы синтаксиса из множества $\{C\}$, которые уже не употребляются из-за сложности их выражения и восприятия. Когда граница Жюлиа-Фату фрактала выходит на $\{M\}$, фрактал разрушается, его невозможно дальше продолжить. Вместо Future Perfect Continuous и Future Perfect Continuous in the Past используются Future Perfect и Future Perfect in the Past [Колпакчи 1975: 169].

Таким образом, налицо фазовый переход: самые сложные из времен глагола исчезают из языка и заменяются менее сложными; структура фрактала нарушается; при этом, по словам М. А. Колпакчи, теряются некоторые оттенки длительности действия [там же]. При этом же вынужден изменяться сам синтаксис предложения. В нем приходится переходить от простой предикативной связи (имя существительное – глагол в соответствующей форме времени) к сложно-сочиненному предложению, в котором это имя существительное или его заменитель повторяется неоднократно и соотносится с глаголом в более простой форме времени.

Пример 3. Фазовый переход при конкуренции фракталов

Интересными являются языковые явления, в которых взаимодействуют и разрушают друг друга различные фракталы.

В стихотворных текстах обычно присутствует рифма, т. е. созвучность окончаний слов в строках, а также метр – точно обозначенная схема чередования ударных и безударных гласных. Рифму и метр следует рассматривать как тенденцию текста, без которой он становится лишь условно «стихотворным». Варианты метрических схем разнообразны (но их число конечное и в русских, украинских, и в древнегреческих классических текстах). Можно предположить, что эти схемы отличаются в финском языке (изобилие гласных), и в языках чешском и польском (изобилие идущих подряд согласных при минимуме гласных). Тем не менее, метр – устойчивое явление, способствующее ритмическому восприятию и членению информации в стихотворном тексте.

Рифма имеет те же функции, что и метр, но более конкретно выраженные; она устанавливает парадигмальные связи между ключевыми словами в различных строках с целью связать смыслы этих слов.

Метр и рифма относительно независимы друг от друга, но не изолированы. Метр играет устоявшуюся и пассивную роль, а рифма выбирается адресантом более свободно, поэтому может претендовать на роль параметра порядка в самоорганизации смыслов стихотворения. Рифма и метр являются самоподобными конструкциями, т. е. фракталами.

Генератор фрактала метра имеет следующие параметры. Множество $\{Z\}$ параметров исходного положения: метр обычно используется с самой первой стопы стиха, хотя известны случаи смены типа метра в середине стихотворного текста. Граница Жюлиа-Фату метрического фрактала тривиальна – это последняя стопа текста. Множество $\{C\}$ – это различные метрические схемы (ямб, хорей, анапест и т. п.). Множество $\{M\}$ Мандельброта для $\{C\}$ – это различные инновации метра, которые не входят в классический свод метрических схем. О них спорят, но в наше задание не входит эта дискуссия; мы ограничиваемся классическим перечнем.

Генератор фрактала рифмы содержит такие параметры. Множество $\{Z\}$ параметров исходного положения: рифма обычно начинается с самого начала текста. Граница Жюлиа-Фату фрактала рифмы также тривиальна – это последняя строка текста. Множество $\{C\}$ – это различные виды рифмы, которые выбирает автор (авторы) для обеспечения сверхфразового единства в стихотворном тексте. Рифмы могут быть короткого и длинного периода; здесь играет роль длина строки, и в этом происходит пересечение с метром. Множеством $\{M\}$ Мандельброта для параметров $\{C\}$ конструкции фрактала рифмы

являются пределы краткости рифмы (речевки, детские стихи) или же пределы длины периода рифмы, когда она уже не воспринимается из-за предыдущих нерифмованных слов. В этом последнем моменте и содержатся фазовые переходы рифмы в метр и наоборот. Один фрактал наращивается за счет разрушения второго.

Об условиях перетекания ритмов в метр и наоборот исследователи говорят следующее: стоит усилить ритмическую тенденцию выше известного порога, и она превращается в тенденцию метра. Стоит ослабить метрическую закономерность ниже этого порога, и она немедленно станет закономерностью ритма [Шапир 1990: 71].

Непрерывность / чередование фазовых переходов от рифмы к метру и наоборот возможна потому, что эти фракталы, разрушая друг друга, имеют единый источник – Ритм (с большой буквы), т. е. чередование каких-то чувственно воспринимаемых элементов текста.

Р. С. Вспомним, что фазовые переходы, в том числе фрактальные, в языке и речи квалифицированы как и в других науках: это резкая смена значений параметров системы. Это же явление резкого изменения параметров названо ранее математической катастрофой (термин Р. Тома). Два названия одного и того же явления в различных сферах (физика, химия, техника, социум, язык) не дублируют друг друга, а отражают две стороны многочисленных быстрых трансформаций систем. Понятие фазового перехода подчеркивает кооперативные эффекты, диссипацию внутри системы. В традиционном понимании фазовый переход детерминирован своими условиями и не содержит чего-то непредсказуемого. Реактивное взаимодействие элементов в системе, если в нем заложено какое-то противоречие, приводит к его накоплению и затем к относительно быстрой смене состояния системы, т. е. к фазовому переходу. Примеры в области языка уже обсуждались выше.

Концепция математических катастроф акцентирует внимание не на кооперативном взаимодействии элементов системы, а на их результате – быстром изменении состояния системы. При этом данные состояния заранее не всегда предсказуемы. Подчеркивается, что математическая катастрофа происходит в точке бифуркации системы, и этот акцент на непредсказуемость синергетического поведения выгодно отличает рассматриваемое понятие от понятия фазового перехода.

2.4.4. Иные трактовки фрактальности в лингвистике

В работе Е. А. Семенец утверждается, что ключевое слово, индивидуально-авторский символ способен представлять целый идиолект, поэтический образ, символическую семантику лексем [Семенец 2004: 132]. Видимо, такое утверждение имеет основание, но требует серьезной проработки. Фактически, речь идет об «упаковке», архивации

значительного объема фактуальной, эстетической, оценочной информации в слове-символе. Обязательно ли при этом «упаковка» имеет фрактальную структуру или же речь идет, прежде всего, об ассоциациях, которые вызывает слово-символ? Если гипотеза о фрактальности упаковки будет когда-нибудь фундаментально обоснована, нас ожидают новые представления о природе символа, в том числе вербального, а также новые представления о сути поэтических кодов, которые разгадывает адресат.

О фрактальной структуре предложения и текста пишет Г. Г. Москальчук [Москальчук 2003: 181–186]. Общего определения структуры текста автор не дает. Но по прочтении ее монографии становится ясно, что структура текста понимается преимущественно не с позиций архитектоники, синтаксиса, содержательной композиции, а как иерархия повторов, циклов, зон влияния, сильных и слабых позиций. Значительным преимуществом такого подхода является то, что все введенные понятия взаимно увязаны и могут быть позиционированы на единой шкале, а позиции выражаются в конкретных числах – количествах словоформ, отнесенных к их сумме в целом тексте. Числовые выражения позволяют обрабатывать статистику различных текстов и находить статистические закономерности. Собственно, только после этого можно говорить о синергетических процессах образования структуры текста [Пихтовникова 2012: 72]. Г. Г. Москальчук утверждает, что уровни понятой таким образом иерархической структуры текста самоподобны, поскольку их расположение на единой шкале подчинено одной и той же пропорции $0,618$ «золотого сечения». Разумеется, все это можно утверждать только для текстов, статистически обработанных автором рассматриваемой работы (загадки, пословицы, стихотворения, рассказы). Насколько эта фрактальность характерна иным типам текста – вопрос открытый и очень интересный.

Резюме о роли фрактальности в языке и речи

Принцип фрактальности, видимо, играет очень важную роль в употреблении языка и построении речевых сообщений, а также в вербализации концептов и художественных образов. В языках, во всяком случае, в аналитических языках, многие продуктивные модели словообразования построены по фрактальному принципу. Фрактальные явления наблюдаются на нескольких уровнях языка – в субъектно-предикативной структуре при словообразовании, в сложноподчиненных предложениях и др.

Принцип фрактальности в языковой системе решает ряд противоречивых проблем самоорганизации этой системы. Например, постоянным и фундаментальным противоречием являются противо-

положные требования к языку: увеличение длины сообщения и монолексия языковых единиц (для надежности декодирования сообщения) VS уменьшение указанной длины и полилексия языковых единиц (с целью экономии затрат на декодирование) [Келер 2007]. Мы отсылаем к упомянутой монографии Р. Келера, в которой дана табличная модель языковой системы. В этой модели практически все требования к системе противоречивы и заставляют язык развиваться одновременно в противоположных направлениях, что согласно синергетическим представлениям возможно только благодаря ее иерархичности [Пихтовникова 2012: 63–65]. Об органической связи иерархичности системы с фракталами речь шла ранее.

При вербализации смыслов (которые по своей природе континуальны [Герман 2000: 34] слова-знаки являются дискретными. Передача непрерывного и вариативного смысла дискретными знаками облегчается, если знаки выстраивать фрактально, придавая им тем самым некую тенденцию выражать непрерывность.

Грамотный выбор вербальных выражений в предложениях и тексте связан с преодолением избыточного многообразия в выборе слов, требует ориентиров. Преодоление хаотичности, гармонизация сообщения также связано с фрактальным принципом, основанном на «золотом сечении». Еще одно ограничение, описываемое фрактальным принципом – это нахождение пределов возможного в креативном использовании этого принципа в языке (сопоставление исходных позиций поиска и возможной языковой конструкции с множеством ограничений Бенуа Мандельброта {M}).

Принцип фрактальности в языке и речи играет роль калейдоскопа, превращая асимметрию в языковых явлениях в симметрию, и наоборот.

Симметрия связывает парадигматику и синтагматику цельного текста, а процесс симметризации создает избыточность информации, совершенно необходимую в художественных текстах и облегчающую чтение иных текстов [Суддя 2013: 83].

Таким образом, принцип фрактальности в самоорганизации языковой системы одновременно играет роль и продуктивного инструмента, и ограничителя.

3. О синергетике речевого произведения

Учитывая все высказанное выше о синергетическом взаимодействии подсистем в когнитивной системе, обратимся к нашим представлениям о синергетике порождения речевого произведения,

в том числе дискурса (см. п. 1.3. «Общие вопросы самоорганизации дискурса» данной главы).

На когнитивном этапе образования речевого произведения / дискурса замысел, планирование и учет ограничений произведения осуществляется на уровне процедур адресантом как языковой личностью со своим мотивационно-прагматическим уровнем. Данный уровень позволяет адресанту предварительно наметить в концептуальном слое нейронной сети те концепты и / или их атрибуты, которые будут участвовать в создании речевого произведения, а также установить ассоциативные связи между концептами-участниками порождения речевого произведения.

Наметка создается с помощью функции возбуждения путем понижения / повышения с ее помощью порога восприятия соответствующих концептов (создание квази-памяти и квази-смысла, а по сути – аттракторов). Скажем несколько по-иному. Вокруг ключевого слова-символа, играющего роль аттрактора, образуется зона «квази-смысла» путем понижения порога восприятия вокруг этого аттрактора. Для конкретного слова-символа – уже не квази-. Высказанное здесь созвучно утверждениям Н. Ф. Алефиренко: в них также речь идет о процедурах поиска концептов, их выражения в ключевых словах-символах.

Согласно Н. Ф. Алефиренко, язык (по В. Гумбольдту) выступает как инструмент, обеспечивающий актам нашего восприятия и осмысления принципиальное подобие миру. Лишь обладание этим инструментом делает человека разумным. Конечно, внутренняя форма языка скрыта в подсознании, но как только человек включается в процесс речемышления, она тотчас актуализируется, отображаясь в дискурсе стереотипами кристаллизующихся символов. Такими символами выступают многообразные структуры накопителей смысла: символы предметно-изобразительного кода, слова-символы, образы-символы, символические компоненты значения и т. п. [Алефиренко 2005: 160].

Ассоциативность на процедурном уровне заключается в том, что значения функции возбуждения в некоторых областях нейронной сети скоррелированы между собой, поэтому велика вероятность того, что слово «найдет» свой концепт, «притянется» к соответствующему аттрактору. Эта корреляция может быть результатом прошлого опыта пользователя сети (адресанта речевого произведения), но может возникать и в процессе колебательного поиска нужных вербальных выражений (многократные движения от презентации к апелляции и наоборот). Тогда удачный выбор выражения можно трактовать как резонанс колебательных изменений функции возбуждения в различных местах нейронной сети. Психологически этот резонанс воспринимается

как озарение, как необъяснимую строго логически ассоциацию смысла концепта с найденным языковым выражением.

Рассматривая когнитивный этап создания речевого произведения / дискурса, еще раз возвратимся к роли концептов в создании произведения и сущности поиска этих концептов в нейронной сети. Обычно цель создания речевого произведения не поддается четкой формулировке. Вместо нее в сознании первоначально присутствуют отдельные признаки и фрагменты этой цели, их оценка, а также не полностью осознанное стремление сообщить адресату нечто, оказать на него воздействие. В таких экстралингвистических условиях «нащупать ядро» будущего речевого высказывания означает:

а) связать ассоциативно эти условия с концептом (концептами), который наиболее точно их отражает. Догадка (подсказка) когнитивной системы нужного концепта не всегда сразу достигает цели: неизвестный концепт может отыскиваться по его атрибутам, а в готовом речевом произведении уже известный концепт так и не будет назван, но заменен своими атрибутами, аналогией, иносказанием;

б) выбрать модус высказывания, тип повествования;

в) исходя из а) и б), выбрать речевую стратегию.

Проиллюстрируем сказанное рядом разнородных примеров.

1. Юмореска Н. Матвеевой «Обратное превращение» (взята из монографии Г. В. Ейгера [Ейгер 2014: 120], поскольку автор монографии перевел ее на немецкий язык). *«Я из камня сделал шелковое слово», – / Некогда сказал великий Рудаки. / Да. Но он не знал, что переводчик снова / Сделает кирпич из шелковой строки.*

Предварительно, цель данного речевого произведения представляется в рассказе о плохих переводчиках. Рассказ по замыслу автора активизирует в сознании адресата некоторый концепт (допустим, пока неизвестный, а его название не обязательно совпадает с заглавием). Логика создания такого рассказа очевидна. Концепт должен иметь следующие атрибуты.

Имея цель и атрибуты неизвестного концепта, автор уже может сориентировать свою когнитивную систему (= нейронную сеть) на аттрактор «плохой перевод» и создать в сети такой квази-смысл, который притягивает из языковой системы все, что касается этого названия и не противоречит ему по смыслу. Для создания речевого произведения этого недостаточно. Требуется еще выбрать модус и тип повествования, а также стратегию.

В приведенной юмореске *post factum* мы видим, что выбрано повествование от автора со включением прямой речи персонажа (великий таджикский поэт Абд. Рудаки), выбран иронический модус, а стратегия – контраст хорошего текста (подлинника) и плохого текста

(перевод) – усиливается их образным сравнением. В переводе на немецкий Г. В. Ейгером данный контраст еще более усилен эмотивным фактором.

Таблица 1.4.3

Атрибуты концепта

Атрибуты	Значения атрибутов	Источник знаний о значениях	Присоединенная процедура
Перевод	Превращение, трансформация текста	Наши знания об иностранных языках, собственный опыт перевода	На данном этапе анализа отсутствует
Плохой перевод	Порча текста подлинника	Наша языковая компетентность	На данном этапе анализа отсутствует

После этого когнитивная система автора вполне могла выбрать персонаж (великого поэта) и его образное высказывание о создании шедевра. По характеру высказывания можно создать противоположное: *из камня – шелковое слово – из шелковой строки – кирпич*.

Изложенная когнитивная деятельность автора вводит во фрейм неизвестного концепта две присоединенные процедуры: метонимию создания поэтического произведения (из камня – шелковое слово) и антиметонию «порчи» этого произведения плохим переводом (из шелковой строки – кирпич). Теперь фрейм концепта создан полностью, а названием концепта, не единственным из возможных, предлагается считать ГОРЕ-ПЕРЕВОДЧИК. Заглавие юморески вряд ли подходит в качестве названия концепта, поскольку его абстрактность снимается только в тексте.

Таблица 1.4.4

Имя концепта – ГОРЕ-ПЕРЕВОДЧИК

Атрибуты	Значения атрибутов	Источник знаний о значениях	Присоединенная процедура
Перевод	Превращение, трансформация текста	Наши знания об иностранных языках, собственный опыт перевода	Введение метонимии, обозначающей создание поэтического произведения
Плохой перевод	Порча текста подлинника	Наша языковая компетентность	введение антиметонимии плохого перевода

В принципе, данный фрейм можно расширить, считая две присоединенные процедуры атрибутами какого-то нового концепта, описать их значения, истоки и т. д. Тогда получается цепь новых источников информации, обогащающих основной концепт. Подробности таких расширений содержатся в работе [Коринь 2013].

2. Самопародия А. Гитовича «Автопортрет» [Гитович 1965].

Как эти злые краски хороши, / Здесь боль и гнев лежат у изголовья, / И проступает сквозь болезнь души / Улыбка плотоядного здоровья.

В первом приближении целью этого произведения можно считать сообщение в художественной форме о своей глубокой человеческой натуре. Вероятно, в начале пути к этой цели совершенно неясно, как выразить себя: мешают многочисленные клише и образцы – хорошие и плохие. Апелляция к неизвестному концепту начинается с установления его атрибутов: тело – дух, страдания – радость. Глубина личности – в гармонии этих противоположностей.

Автор выбрал модус высказывания – самоиронию, тип повествования – краткий, эпичный. В качестве стратегии избрано не усиление контраста противоположностей, а вербальные коды их гармонизации. Поэтому в окончательном варианте произведения *«улыбка проступает сквозь болезнь ...»*, а для самоиронии здоровье объявлено *«плотоядным»*.

По аналогии с предыдущим примером далее можно было бы составить табличный фрейм неизвестного концепта с уже известными атрибутами и добавить присоединенную процедуру – метафоризацию. Роль метафоры здесь заключается в придании наглядности изображению гармонии человека (авто-портрет, краски). Полный фрейм с присоединенной процедурой с большой вероятностью указывает на свое искомое название – фрейм концепта ГАРМОНИЯ (души).

В приведенных двух примерах, а также и в последующих показаны разнонаправленные процессы вербальной (атрибутивной) апелляции к концепту и попытки его презентации через известные атрибуты, выраженные вербально. В когнитивной системе адресанта (= его нейронной сети) апелляция и презентация приобретает характер процедурной игры, в которой сначала устанавливаются аттракторы (вербальные наименования атрибутов), а затем зоны их влияния объединяются с зонами аттракторов присоединенной процедуры (т. е. атрибутов метафор, метонимий). Новое поле деятельности адресанта имеет несколько взаимодействующих аттракторов (образных и прозаических атрибутов искомого концепта). Если адресантом является человек, то он использует лексику, фразеологию и пр. из этого поля, но не в «ручном режиме». Если адресантом является искусственный интеллект, то он в

буквальном смысле измеряет семантическое расстояние каждой языковой единицы из этого поля от аттракторов и принимает процедурные решения, какую из них употребить. При достаточно мощном программном обеспечении такая самоорганизация приводит к литературно грамотным и достаточно оригинальным речевым произведениям (см. например, сочиненные машиной стихи, сказки и афоризмы [Любич 1998], а также стихи и послания [Пихтовникова 2012: 99]).

3. Отрывок из «Новеллы о журавлях в небе» [Пихтовников, Мирошник 2013: 47]: *Река памяти. В ней свои водовороты, теснины, а дальше она вдруг широко разливается, и вода блестит на солнце бегущими переливами неуловимых воспоминаний, сохранивших один только запах, жест или фразу.* Предварительно о цели этого речевого высказывания можно заключить следующее. 1) Это высказывание служит введением к другим описаниям (кто-то вспоминает, улавливает следы прошлых событий); 2) метафора памяти введена для сравнения с таким же изменчивым и непредсказуемым объектом – рекой; это создает наглядность и показывает уровень сложности памяти. Кроме того, атрибуты памяти как таковой выделить сложно, значительно проще пользоваться атрибутами введенной метафоры, которая также презентует концепт ПАМЯТЬ. Эти атрибуты – неожиданное расширение (внезапно много вспомнилось), водовороты (неотвязные воспоминания), теснины (узкая область воспоминаний), блеск бегущими переливами (эмотивный фактор воспоминаний). Несомненно, сравнение памяти с рекой – давно известное клише, но оно позволяет трудно определяемый концепт ПАМЯТЬ презентовать полностью атрибутами другого концепта – РЕКА.

Дальнейший анализ этого речевого высказывания по избранной нами схеме мы не проводим ввиду его очевидности.

4. В заключение заметим, что нейроподобная сеть адресанта, несмотря на ее широкие возможности самонастройки, все же не является панацеей. Существуют такие уже готовые наименования объектов и контекст к ним, по которым невозможно определить скрытый смысл и концепт, представленный в имени объекта. Или все-таки возможно, но вероятно. В процедурном плане в таких случаях срабатывают ограничения, о которых речь шла ранее. **Примеры.** В драме Г. Ибсена «Пер Гюнт» есть сказочный персонаж Пуговичник. Его занятие – встречать с большой оловянной ложкой прожигателей жизни и переплавлять их души в одну, более ценную. Но почему Пуговичник? Ведь он выплавляет не пуговицы. Для большинства читателей этимология этого имени неясна; концепт, стоящий за именем, определить невозможно.

Представим себе также фантастическую ситуацию: некто показал нам новую куклу в одеждах венецианского карнавала XVIII века и сказал, что ее зовут Вчерашник. Кукла сделана мастерски, как подлинник из Венеции, и имеет загадочную улыбку на лице. По данному скупому контексту наше сознание в содружестве с когнитивной системой начинает поиск атрибутов неизвестного концепта, скрытого в имени. Рассуждая вероятностным образом, предположим, что в объекте выражена вчерашняя эпоха, ее карнавальная составляющая. Загадочная улыбка означает скрытые знания Вчерашника о той эпохе и их связи с настоящим. Возможно, здесь отражен концепт СВЯЗЬ ВРЕМЕН; эта связь заключается в такой же театрализации современности (вспомним Шекспира – «жизнь есть театр ...»), каков был XVIII век. Мы отдаем себе отчет о зыбкости наших рассуждений, но если реально кто-то увидит такую куклу, будет ли он искать концепт по-другому?

Выскажем предположение, что описанные трудности в поисках концепта в речевом произведении или предъявленном нам контексте приводят в процедурном плане к срабатыванию ограничений типа математической катастрофы и / или фрактального типа. В свою очередь, в нейронной сети это приводит к заикливанию процедур, появлению парадоксов вместо речевого произведения и т. п. В научном плане подобные вопросы еще не ставились и не изучались. Для примера заикливания приведем пародийное речевое произведение, создание которого приписывается искусственному интеллекту [Пихтовников, Мирошник 2013: 124].

... Борьба со способностью женщин ошибаться во имя сохранения популяции невозможна. А уход от женщины ошибочен. Ошибочность же в ликвидации ошибки может привести к безошибочности, что само по себе содержит ошибку, которая, в свою очередь, недопустима из-за безошибочного воздействия на ошибочность ...

Одним из участников самоорганизации дискурса на прагматическом этапе выступает адресант как языковая личность. Утверждается, что данная языковая личность на этом этапе использует свой тезаурусный уровень, т. е. свой тематически упорядоченный лексикон [Пихтовникова 2012: 39]. Догадка о том, что на прагматическом этапе проектирования дискурса главную роль играет тезаурус автора, кажется сомнительной, если не учитывать один важный момент.

Основной задачей прагматического этапа является выбор стратегии для речевой передачи содержания и для его воздействия на адресата. Для этого необходимо предусмотреть реализацию прагматических функций произведения (фатическую, апеллятивную и др.), выбрать функциональный стиль, тип повествователя, членение сообще-

ния, а также выбрать вербальные и невербальные коды для передачи содержания. Из всего перечисленного с тезаурусом адресанта наиболее ясно связаны коды. Но все остальное устанавливается / возникает по типу самоорганизации (по принципу отрицательной обратной связи) при соотнесении целей-аттракторов с возможностями того или иного функционального стиля, модуса повествования, проявления прагматических функций.

Цель-аттрактор в нейронной сети есть область квази-смысла, который так или иначе перестает быть «квази-», поскольку цель после довербальных представлений о ней все же формулируется вербально, хотя бы в опорных, ключевых словах. Довербальный этап мы не рассматриваем, он не относится к лингвистике. Вербальное представление цели в аттракторе активизирует массу клише для реализации стратегии, прагматических функций. Выбор возможного оптимума зависит напрямую от языковой компетенции адресанта, в том числе от его тезауруса. Но только ли от этого одного тезауруса?

Большинство речевых произведений предполагает их получателя. Адресат может быть предполагаемым (вероятностным) или реальным, если происходит обмен речевыми сообщениями. Так или иначе, каждый адресант на прагматическом этапе создания речевого произведения должен учитывать вероятный тезаурус адресата, чтобы склонить его к интерактивной деятельности, т. е. к коммуникативному сотрудничеству или соперничеству. В любом случае несогласованность тезаурусов адресанта и адресата может приводить к образованию так называемых лакун – областей непонимания или разной трактовки высказывания. Чтобы не образовывались лакуны, в нейронной сети адресанта должна присутствовать конкурирующая модель тезауруса адресата, и он ее учитывает на процедурном уровне. Простейшие из таких процедур обычно называют рефлексивным управлением (оппонентом, партнером по коммуникации) и адаптивным управлением с подражательным механизмом [Дружинин, Конторов 1985]. В нашу задачу не входит описание этих типов взаимодействия; отметим только, что данные процедуры параллельной обработки информации наиболее оптимальны для создания стратегий и тактик и достаточно алгоритмизуемы.

Приведем пародийный пример образования лакуны в диалоге человека с искусственным интеллектом (И. И.) [Пихтовников, Мирошник 2013: 102].

И. И.: *Вы, пользователь, не можете сформулировать свои вопросы и считаете рассматриваемый нами текст запутанным из-за наличия многих разветвлений мысли. Ваши глаза, говорите, разбегаются. Кстати, что это означает? В энциклопедии я прочитал, это*

называется косоглазием, и на него не стоит обращать внимание, т. к. интеллект человека ценнее его плоти. Я Вас этим поддержал?

Пользователь: А как же! Материально. Вероятно, Ваша компания скоро будет разорена выплатами компенсаций мне за моральный ущерб от Ваших буквальных трактовок. Я не нуждаюсь в утешениях от недостатков, которых не имею.

На языково-речевом этапе адресант выступает как языковая личность на своем вербально-семантическом уровне. Как построить фразу, если выбор ее характеристик уже сделан на когнитивном и прагматическом этапах? Мы используем правила синтаксиса, связываем слова, которые передают нужный нам смысл и взяты из концептуальных зон, выбранных ранее. Разумеется, остается свобода в выборе синонимов, коннотаций, всевозможных клише для выражения мыслей. Но это достаточно пассивная роль адресанта. Подлинная самоорганизация смысла на языково-речевом этапе есть организация в речевом произведении конкурирующего взаимодействия его актуального членения (АЧ) и его сверхфразового единства (СФЕ) [Пихтовникова 2012: 33]. СФЕ представляет собой синтактико-интонационное единство более высокого порядка, чем предложение. Связь может осуществляться без специальных лексических или грамматических средств простым присоединением по смыслу [Арнольд, 1990: 204]. Но во многих случаях СФЕ в тексте имеет четкие лексические и синтаксические признаки (см. далее).

Самоорганизация на языково-стилистическом уровне состоит в том, что СФЕ многократно «заставляет» при создании дискурса возвращаться к смыслу предшествующих фрагментов текста, проявляя тем самым их дополнительный смысл. В то же время актуальное членение линейно подает очередные части текста, отслеживая лишь фактуальную информацию и близкую каузальную связь. На этом синергетическом эффекте основаны сатирические коды, коды иносказания и речевые стратегии, например, в басне, рекламе (прагматический аспект), а также реализация когниции, находящейся в аттракторе. Таким образом, самоорганизация охватывает все основные лингвистические аспекты дискурса.

Суть самоорганизации на языково-стилистическом уровне можно также объяснить, исходя из принципа отрицательной обратной связи. Актуальное членение в тексте отражает силлогическую связность смыслов, обеспечивает план выражения. Силлогизм, как известно, не может выразить контекстные, подтекстовые смыслы (коды, художественные образы, иносказание); для этого еще необходимо, чтобы некоторые элементы текста отсылали читателя к предыдущим или последующим фрагментам того же или иного текста. Подобная перадресация одновременно содержит какое-то уточнение, смену точек

зрения и т. п. В результате читатель, возвращаясь к указанному фрагменту текста, теперь оценивает его буквальный смысл как неудовлетворительный; отрицательная обратная связь способствует нахождению нового подтекстового смысла, адекватного замыслу автора текста.

Способы переадресации составляют «арсенал» СФЕ. Среди таких способов обычно выделяют: а) наличие в тексте анафор и катафор; б) наличие предложений / фраз с незавершенным смыслом; в) наличие лексических, синонимических и, вообще, семантических повторов [Добрускина, Берзон 1986].

Процесс взаимодействия АЧ и СФЕ в тексте в наибольшей степени поддается авторской перестройке в соответствии с его интенциями (это содержание аттрактора) и наименее связан с ограничениями дискурса (это содержание репеллера). Это дает основание считать выстраивание АЧ и СФЕ проявлением параметра порядка на языково-речевом уровне дискурса.

Универсальность синергетической парадигмы проявляется в ее плодотворном влиянии на современные лингвистические идеи. Инструментарий синергетики позволяет проследить в языке и речи множество эволюционных явлений на разных уровнях языковой и когнитивной систем. Междисциплинарная суть синергетики дает возможность взглянуть на изменчивые процессы в языках с системной, информационной, когнитивной точек зрения; при этом четко выявляется связь микроподхода к языку (синтаксис, семантика, словообразование) и макроподхода со стороны когнитивной мотивации языковых явлений. Эти подходы объединяются в их общем пространстве – нейроподобной сети, которая является структурой искусственного интеллекта и нашего сознания, и в которой возможны как фиксация языковых единиц, так и действие когнитивных мотивов в виде различных самоорганизованных процедур. Тем самым проясняется «загадка» взаимодействия языка и когниции и гибкость их самонастройки на реализацию наших коммуникативных интенций, в том числе, на создание речевых произведений.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Наука, 2005. – 224 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Просвещение, 1990. – 301 с.
3. Боровиков В. В. STATISTICA для профессионалов / В. В. Боровиков. – С-Птб. : Питер, 2001. – 656 с.

4. Бронник Л. В. Когнитивная лингвосинергетика – новый этап в науке о языке и мышлении / Л. В. Бронник // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия «филология и искусствоведение». – Майкоп : АГУ, 2008. – Вып. 10. – С. 34–36.
5. Гаврилова Т. А. Базы знаний интеллектуальных систем / Т. А. Гаврилова, В. Ф. Хорошевский. – СПб : Питер, 2000. – 384 с.
6. Герман И. А. Лингвосинергетика / И. А. Герман. – Барнаул : Алтайская акад. экономики и права, 2000. – 188 с.
7. Гитович А. И. Зимние послания друзьям / А. И. Гитович. – М.-Л. : Советский писатель, 1965. – 163 с.
8. Гончарук О. М. Англомовна прозова байка: прагмастилістичний і лінгвокогнітивний аспекти: дис... канд. філол. наук: 10.02.04 «германські мови» / О. М. Гончарук. – Херсон, 2012. – 231 с.
9. Грузинская И. А. English Grammar / И. А. Грузинская. – М. : Учпедгиз, 1958. – 256 с.
10. Добрускина Э. М., Берзон В. Е. Синтаксические сверхфразовые связи и их инженерно-лингвистическое моделирование / Э. М. Добрускина, В. Е. Берзон. – Кишинев : Штиинца, 1986. – 168 с.
11. Домброван Т. И. Синергетическая модель развития английского языка: дис... докт. филол. наук: 10.02.04 «германские языки»/ Т. И. Домброван. – Одесса, 2013. – 462 с.
12. Дружинин В. В. Системотехника / В. В. Дружинин, Д. С. Конторов. – М. : Радио и связь, 1985. – 200 с.
13. Ейгер Г. В. Аспекты теории перевода и избранные поэтические переводы / Г. В. Ейгер. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2014. – 244 с.
14. Єнікєєва С. М. Система словотвору сучасної англійської мови: синергетичний аспект. – АДД, 10.02.04 / С. М. Єнікєєва; Київ. нац. лінгвістичний ун-тет. – К., 2011. – 35 с.
15. Келер Р. Синергетическая лингвистика [Электронный ресурс] / Р. Келер. – Режим доступа : <http://ubt.opus.hbz-nrw.de/volltexte/2007/413/pdf/synling.pdf>.
16. Киященко Л. П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка) / Л. П. Киященко. – М. : ИФРАН, 2000. – 199 с.
17. Колпакчи М. А. Дружеские встречи с английским языком / М. А. Колпакчи. – Л. : Ленинградский университет, 1975. – 224 с.
18. Коринь С. Н. Метафора и метаметафора в немецкоязычном художественном дискурсе: когнитивный и прагмастилистический аспекты: дис... канд. филол. наук: 10.02.04 «германские языки» / С. Н. Коринь. – Х., 2013. – 239 с.
19. Любич Д. Л. 1000 афоризмов / Д. Л. Любич. СПб. : Изд. Буковского, 1998. – 206 с.
20. Мартинюк А. П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики / А. П. Мартинюк. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. – 196 с.
21. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – М. : УРСС, 2003. – 294 с.
22. Мукатаева Я. В. Німецький прозовий шванк: лінгвостилістичний, прагматичний та когнітивний аспекти: дис... канд. філол. наук: 10.02.04 «германські мови» / Я. В. Мукатаева. – Х., 2008. – 206 с.
23. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики / М. В. Никитин. – СПб. : РГПУ, 2003. – 277 с.

24. Ольховська Н. С. Прагматико-комунікативні та лінгвостилістичні характеристики драматургічних текстів Томаса Бернгарда / Н. С. Ольховська. – К. : Вид-во КиМУ, 2009. – 202 с.
25. Пайтген Х.-О. Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем / Х.-О. Пайтген, П. Х. Рихтер. – М. : Мир, 1993. – 176 с.
26. Пихтовников Д. Р. То вверх, то вниз: о женщинах в деловой сфере / Д. Р. Пихтовников, Т. В. Мирошник. – Х. : Коллегиум, 2013. – 148 с.
27. Пихтовникова Л. С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений / Л. С. Пихтовникова. – Харьков : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. – 180 с.
28. Приходько А. Н. Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Днепропетровск : ДНУ, 2013. – 307 с.
29. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.
30. Самарина В. В. Немецкоязычный рекламный дискурс: прагматический, когнитивный и лингвостилистический аспекты: дис... канд. филол. наук: 10.02.04 «германские языки» / В. В. Самарина. – Х., 2010. – 210 с.
31. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2006. – 716 с.
32. Семенець О. О. Синергетика поетичного слова / О. О. Семенець. – Кіровоград : Імекс ЛТД, 2004. – 338 с.
33. Суддя А. М. Функціонування контекстуальних синонімів у німецькомовному дискурсі: когнітивний і прагматистичний аспекти: дис... канд. філол. наук: 10.02.04 «германські мови» / А. М. Суддя. – Х., 2013. – 222 с.
34. Том Р. Топология и лингвистика / Р. Том // Успехи математических наук. – М., 1975. – № 30.1. – С. 199–221.
35. Шапир М. И. Metrum et rhythmus sub specie semioticae / М. И. Шапир // Philologica. – № 10. – Даугава, 1990. – С. 63–87.

1.5. Самоорганизация концептивных систем и межкультурный трансфер концептов

А. Н. Приходько

1. Интродукция.

Системная организация концептокорпуса с ее алгоритмом, механизмами и принципами поддерживает существование концептов в логосфере этноса в виде определенным образом упорядоченных групп – концептосистем [Приходько 2013]. Описание концептосистем способствует более глубокому проникновению научной мысли в понимание процессов концептуализации. Однако, оно не дает полного представления о всей параметрической палитре концептосистем, поскольку за рамками интерпретации остаются такие их свойства, как устойчивость /

неустойчивость и противоречивость / непротиворечивость. Особенно отчетливо это видно, когда в силу тех или иных причин нарушаются когнитивно-логические связи внутри целого, а сама система рассекается на изолированные элементы.

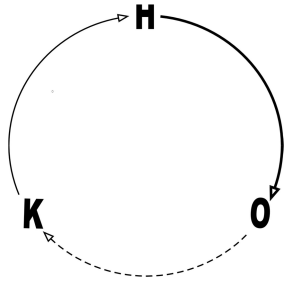

Рис. 1.5.1.
Петля обратной связи

Стабильность и текучесть, эволюция и инволюция концептосистем оказываются в значительной степени зависимыми от аттрактора – доминирующего смысла, который следует рассматривать как зону гармонизации симметрии и асимметрии, организации и дезорганизации, как относительно стойкое состояние систем, которые «словно притягивают к себе все множество траекторий ее развития, независимо от перво-

начальных условий» [Семенец 2004: 20].

В том, как меняется когнитивная карта дискурса, отображается принцип самоорганизации концептосистемы, связанный с исчезновением одних категорий, слов, концептов и появлением в лингвокультурном ландшафте новых, что происходит в соответствии с алгоритмом петли обратной связи Н. Виннера [Wiener 1950: 24]. В экстраполяции на речевые сообщения этот алгоритм можно изобразить в виде рис. 1.5.1. с тремя узлами («когнитивными точками»): **Н** – замысел говорящего сообщить некую информацию; **О** – оценка им же осуществленного сообщения на предмет его полной информативности и соответствия первоначальному замыслу; **К** – коррекция (принятие решения относительно исправления информативной неполноты).

Петля обратной связи представляет собой кольцевую систему взаимосвязанных элементов, в которой начальное влияние распространяется вдоль узлов таким образом, что каждый элемент влияет на последующий. Результатом такого влияния является то, что первое звено («вход») поддается влиянию последнего («выход»). При этом вход, в свою очередь, снова поддается оценке и, в зависимости от того, удовлетворяет или не удовлетворяет говорящего результат информирования, процесс может возобновиться. Тогда петля приобретает вид спирали: к уже использованным сообщениям добавляются новые. Это и есть саморегуляция, так как начальный сигнал модифицируется каждый раз, когда проходит всю петлю.

2. Самоорганизация концептосистем: статика и динамика.

На фоне перманентной изменчивости научных и языковых картин мира происходят изменения и в структуре самих концептов, а также в концептосистемах. Принцип изменчивости концептосистем детер-

минируется законами онто- и филогенеза. Эти законы суть единство и борьба противоположностей – конструкции и деструкции, конвергенции и дивергенции. Любая система всегда является средоточием действий энтропийных сил, сопровождаемых процессами бифуркации и диссипации, которые приводят к хаосу и разрушениям.

Вместе с тем, система является вполне жизнеустойчивой, она постоянно сопротивляется энтропии, в ней заложено стремление к равновесию и сбалансированности структуры. Внутреннее напряжение системы – это состояние борьбы двух разнонаправленных векторов, конструктивного и деструктивного. Их взаимодействие представляет собой самоорганизацию системы, которая уводит ее от удара энтропии и направляет ее развитие в сторону приобретения новых качеств, в результате чего происходит не разрушение, а саморазвитие системы по эволюционной спирали. Последняя представляет собой неразрывное единство статического (стабильного) и динамического (изменчивого).

Паутина взаимоотношений концептов в дискурсе объясняется такой их особенностью, как способность к изменчивости в лингвокультурном сознании [Воркачев 2011; Карасик 2010]. Исходя из того, что концепт никогда не существует сам по себе, а мыслится как элемент какой-нибудь системы, он всегда находится под влиянием своих «побратимов». Со временем меняется и количество концептов, и объем их содержания. Н. А. Красавский называет среди прочих две основные причины изменчивости структуры концепта – экстра- и интралингвистические. Первые (внешнеязыковые) базируются на социокультурных и социоэкономических трансформациях, на изменении моральных ценностей, на выборе валоративных приоритетов, а вторые (внутриязыковые) – на заимствованиях, деривационных процессах и на процессах тропеизации [Красавский 2001: 68].

Интралингвистические факторы самоорганизации концептосистем связаны, в первую очередь, с лексической вариативностью тела концепта. С точки зрения когнитивной семантики, лексическая вариативность не является изменчивостью, а только подвижностью семантической структуры, которая бытует одновременно в двух планах – виртуальном (существует как потенциальная семантическая структура) и актуальном (существует только в связи со своим структурно-семантическим целым). Однако эволюцию концепта не следует рассматривать как процесс самостоятельного наращивания объема. Наряду с обогащением концепта новыми ассоциациями происходит утрата старых. Это обусловлено как ограниченностью человеческой памяти, так и изменениями во внеязыковой действительности, подлежащей концептуализации.

Как и любое лингвокультурное явление, концепт не может быть статичным. В ходе поступательного развития языкового коллектива его структура непрерывно меняется, поскольку меняется внешний мир для человека и внутренняя система ценностей. Н. Н. Болдырев сравнивает концепт с комом снега, который катится, постепенно обрастая новыми слоями. Так же и содержание концепта постоянно насыщается новыми импульсами, а его объем увеличивается за счет приращения новых качеств [Болдырев 2001: 30].

Управляемый законами онто- и филогенеза, принцип изменчивости способствует устранению из системы концептов, утративших свою актуальность для индивидуального или коллективного сознания, и введению в нее новых ментальных единиц, в том числе и тех, что усваиваются не из эмпирического опыта, а при помощи языка. О том, что количество концептов и объем содержания многих из них непрерывно меняется, свидетельствует и сама возможность их бесконечных интерпретаций в разных коммуникативных ситуациях. «Поскольку мир постоянно изменяется, люди должны постоянно узнавать новые вещи. Человеческое знание должно иметь форму, которая быстро приспосабливается к этим изменениям, поэтому единица передачи и хранения знания также должна быть гибкой и подвижной» [Маслова 2004: 154].

Изменчивость концептов и их систем обуславливается факторами социокультурного и социодискурсивного порядка: изменения во внеязыковой действительности, колебания степени актуальности, трансформация или потеря понятийного субстрата, ассоциативного адстрата и валоративного эпистрата, изменение аксиологического полюса, функциональная переориентация вплоть до полного извлечения концепта из социокультурного обращения.

При таких условиях срабатывает один из ведущих принципов синергетики – подчинение всех элементов сложной системы наиболее неустойчивому элементу [Герман 2000: 37]. В нашем случае неустойчивым элементом является тот концепт, который в определенный период саморазвития этноса начинает утрачивать свою актуальность для лингвокультурного сознания. Постепенно отделяясь от системы ценностных доминант, он наделяется определенной регулятивной силой, так как выводит систему из хаотичного, информативно неупорядоченного состояния и приводит ее в состояние информативной сбалансированности. Информативно сбалансированному трансферу знаний способствуют процессы эволюционной динамики: митигация, интенсификация, аккомодация.

Механизм *митигации* отражает стремление концептосистемы избавиться от тех единиц, которые утратили свою актуальность для

социокультуры. Изменения в структуре концепта могут быть связаны с колебаниями степени актуальности. Такие колебания связаны с увеличением или уменьшением количества языковых единиц, являющихся средствами (ре)презентации концепта. В связи с этим Г. Г. Слышкин говорит о возникновении большого количества номинаций насильственной смерти в период войн и революций. Так, во время гражданской войны появились неологизмы со значением «расстреливать»: *поставить к стенке, пустить в тираж, отправить на раскаяние, отправить на Машук фиалки нюхать, отправить на шлепку*. Во время Великой французской революции возникло однословное обозначение для такого действия, как «вешать на фонаре» – глагол *lanterner*, который когда-то имел значение «качаться». В языке нацистской Германии распространились многочисленные эвфемизмы, имеющие значение «ликвидация»: *Ausschaltung* 'изъятие', *Aussiedlung* 'выселение', *Umsiedlung* 'переселение' [Слышкин 2004: 47].

Между тем в генезисе концептосистем не менее важным моментом может быть и утрата понятийного субстрата. Чаще всего это происходит в разговорном дискурсе, который отличается довольно активными динамичными процессами на фоне постоянно действующих социокультурных трансформаций общества. В диахронии, так же как и в синхронии, концепт остается подчиненным процессам категоризации, которые могут повлиять и на его лексическое воплощение. Так, именно изменения, произошедшие в лексических средствах, инкорпорируются в когнитивные структуры, замещая или дополняя уже существующие смежные элементы, и могут, в свою очередь, стать причиной изменений, происходящих на концептуальном уровне. Если изменения в лексико-семантической системе обусловлены экстралингвистическими факторами, новая информация о мире подвергается категоризации на основе прототипических черт, что может повлиять на выбор лексического знака для нового номинанта.

Эти трансформации сопровождаются либо утратой какого-либо оттенка ценностной составляющей (ср., например, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ПРОФЕССОР, УЧИТЕЛЬ, ОФИЦЕР в дореволюционную эпоху, во времена «зрелого социализма» и ныне), либо изменением аксиологической полюсности. В последнем случае концепт полностью изменяет свой оценочный знак с положительного на отрицательный. Достаточно вспомнить, что такие когда-то позитивно воспринимаемые концепты, как ДУРЕНЬ (валах, пастух), СВОЛОЧИ / СВОЛОТА (люди, собиравшиеся в определенном месте), ЗАРАЗА (привлекательность, очаровательность), РЯХА (опрятно одетый человек) и другие переосмыслились как негативные. Процессу переоценки поддаются не только отдельные концепты, но и концептополя. В частности, ведущая концепт-идея советских времен КОЛЛЕКТИВИЗМ с ее производ-

ными КОЛХОЗ, БРИГАДА, СЕЛЬСОВЕТ, ОРГАНЫ, ПАРТКОМ, ТОВАРИЩ оказались нивелированными концепт-идеей индивидуализм, импортированной из клуба западных менталитетов.

История знает и случаи полного изъятия концептов из социокультурного обращения. Анализируя социодискурсивные последствия Великой французской революции 1789–1792 гг., Р. Барт пишет: «...устранение или возвышение слов обладает едва ли не магической действенностью. С устранением слова как будто устраняется и референт: запрет на слово *дворянство* был воспринят обществом как ликвидация самого дворянства» [Барт 1989: 526]. Несомненно, можно найти немало примеров и обратного процесса, когда возникновение слова дает толчок к возникновению в сознании некоего нового для него референта, который со временем обретает статус концепта.

Перманентные динамические процессы, происходящие во время эволюционного развития материи и духа, имеют не только биологические и социальные последствия, сказываются они и на явлениях социодискурсивного и лингвокультурного порядка. Вместе с дискурсивной трансформацией лингвокультурного континуума происходят и кардинальные изменения в языковых картинах мира, сопровождающиеся переоценкой концептуальных единиц. Канули в Лету наши СУББОТНИК, ОЧЕРЕДЬ, МАЕВКА, ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ, СОБРАНИЯ, ДОСТАВАТЬ, КОВРЫ-ХРУСТАЛИ, немецкие ARBEITEN, VETEN, SPAREN или KINDER, KÜCHEN, KIRCHEN, японские ПОКОРНОСТЬ и СДЕРЖАННОСТЬ. Им на смену пришли новые концептуальные ценности (ДЕМОКРАТИЯ, РЫНОК, ОФИС, КАЗИНО, БРЕНД, ПРЕЗЕНТАЦИЯ, ФУРШЕТ, ТУСОВКА, МАЖОР и др.), а также антиценности (БОМЖ, ПРИВАТИЗАЦИЯ, ПРОИЗВОЛ, ДЕРИБАН, ОТКАТ, ОТМОРОЗОК, БРАТКИ, НОВЫЙ РУССКИЙ и др.).

Изменчивый характер концептокорпуса особенно четко виден в политическом дискурсе. Достаточно сравнить набор концептов эпохи СССР (ЛЕНИН, ПОЛИТБЮРО, СЪЕЗД, СЛЕТ, ПРОЛЕТАРИАТ, СОВЕТСКИЙ НАРОД, ДРУЖБА НАРОДОВ, ХОЛОДНАЯ ВОЙНА), его развала (ГОРБАЧЕВ, ГЛАСНОСТЬ, ПЕРЕСТРОЙКА, РАЗРЯДКА НАПРЯЖЕННОСТИ), постсоветских государств (ДЕМОКРАТИЯ, ПАРЛАМЕНТ, РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА, СВОБОДА СЛОВА, ФИРМА, НЕЗАВИСИМОСТЬ, ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ). Нет больше в нашем лексиконе и таких концептивных идеологем, как ПИОНЕР, КОМСОМОЛ, ПАРТКОМ, НОМЕНКЛАТУРА, а КОММУНИСТ совсем поменял свою аксиологическую полюсность. В таких случаях нивелируется одна из существенных характеристик концепта – валоративная, тогда как понятийная составляющая характеризуется появлением в языковых единицах какого-либо нового оттенка значения, демонстрирующего изменение отношения социума к тому, что подвергается концептуализации.

Противоположный принцип – **интенсификация** – связан со способом введения в лингвокультурное обращение тех концептов, которые

начинают приобретать определенную актуальность в новых социальных условиях. Это связано с тем, что степень актуальности концепта может как уменьшаться, так и возрастать. Некоторые концепты с течением времени не только «устаревают», но и как бы обретают второе дыхание, набирая все бóльшую и бóльшую социодискурсивную значимость. В первую очередь, это касается телеономов семья, здоровье, счастье, благосостояние, богатство, радость, успех и, конечно, деньги. Эти и другие не меняющиеся столетиями ценности довольно хорошо вписываются в набор тех пожеланий, которые размещают на праздничных открытках. Как правило, именно такие единицы имеют транскультурную значимость. Например, немецкие энциклопедии предлагают в подобных случаях такие пожелания, как *gegenseitige Liebe / Achtung; viel Glück; feste Gesundheit, glückliche Zukunft; erdenklich alles Gute* и др. [Briefe 1989: 50]. Они являются одновременно и общечеловеческими (*взаимная любовь / уважение; счастье; крепкое здоровье; счастливое будущее; всего наилучшего*).

Суть **аккомодации** заключается в приспособлении концепта к новым условиям функционирования. В условиях техномедиакратизации общества и, соответственно, его социодискурсивной трансформации имеют место активные процессы функциональной переориентации определенных лингвокультурных ценностей. Например, такие некогда концептуальные понятия, как конь, счеты, инспектор уступили место своим новым функциональным коррелятам (машина, калькулятор, компьютер, мониторинг), а гоголевский и постгоголевский ревизор – аудитору. Водоворот времени может не только сметать с исторической сцены одних концептуальных актеров и заменять другими, но и «реанимировать» уже практически забытые.

Нет ничего удивительного в том, что некоторые ценности вчерашнего дня актуализируются в дискурсе дня сегодняшнего. Например, такие «неконцептуальные» когда-то понятия, как хозяин и прислуга, позднее стыдливо замалчиваемые советской пропагандой, обретают сегодня словно второе дыхание и становятся концептуальными (некоторые, правда, в несколько подретушированном виде – *ямщик, извозчик, кучер* → шофер). Изменение вербальных ярлыков может сопровождаться не только «выбраковкой» концептов, но и расширением набора функционально значимых элементов (печатная машинка → компьютер, принтер, сканер).

Интересные размышления в связи с этим предлагает А. Д. Шмелев в отношении «примирения с действительностью в советскую эпоху». Он, в частности, отмечает, что такая христианская ценность, как ПРИМИРЕНИЕ, была надолго изгнана из лексикона человека, а ее аналогом стало отрицательно оцениваемое ПРИМИРЕНЧЕСТВО, вместо которого

приветствовался его идеологически выдержанный антипод – НЕПРИМИРИМОСТЬ [Шмелев 2002: 375]. В постсоветское время негативное отношение к ПРИМИРЕНИЮ опять сменилось на позитивное (ср. знаковый фильм Т. Абуладзе «Покаяние» из трилогии «Древо желаний»).

Динамические процессы функционального и этнопсихологического порядка могут существенно затрагивать не только идеологическую сферу, но и **сценарии лингвокультурного поведения**. Например, «покупки» в сознании советского человека четко ассоциировались с гиперконцептом МАГАЗИН и концептами ГАСТРОНОМ, ПРОМТОВАРЫ, КОМИССИОНКА, БАЗА, СТОЛОВАЯ и др. На глазах одного поколения они переосмыслились в кросс-культурные феномены СЕРВИС, СУПЕРМАРКЕТ, БУТИК, КАФЕ. Процесс приобретения товаров и предоставления услуг, который имел ранее довольно детализированную вербальную маркировку видового порядка (*достать, отстоять, отхватить, вырвать, выбросить*), сменился маркетинговым понятием родового порядка – *покупать* (шоппинг). Одни концепты уходят в небытие, другие остаются дискурсивными маргиналами (ЧЕРНИЛА, ПЕРО, БЛАТ), третьи перековываются на новый лад (ПАРИКМАХЕРСКАЯ → САЛОН; СТОРОЖ → ОХРАННИК; ФИЗКУЛЬТУРА → ФИТНЕСС; ШЕЙПИНГ; РАБОТНИК → МЕНЕДЖЕР; ИЗБИРАТЕЛИ → ЭЛЕКТОРАТ и др.).

В связи со сказанным отметим и те социокультурные трансформации, которые произошли с эпистолярным стилем, широко распространенным с античных времен и до XX ст. (метахтоны рус. письмо, укр. ЛИСТ, англ. LETTER, нем. BRIEF). В западной культуре этот дискурс распался на отдельные жанры по сферам использования – приватная (*Einladungen, Dankaussagungen, Absagen, Anzeigen, Entschuldigungen*), деловая (*Werbebrief, Anfrage, Bestellung, Reklamation, Mahnung*), общественная (*Briefe an Bahn, Post, Polizei, Schule*) переписка – и сблизился фактически с текстотипом «заявление». В нашей же лингвокультуре эпистола оказалась вытесненной из системы функциональных стилей, растворившись в официально-деловом, разговорном и художественном дискурсах. Под давлением узуса и в одной, и в другой культурах самоликвидировалась и когда-то мощная ДКК эпистолярного стиля, а ее отдельные репрезентанты валоративно переосмыслились в концепты MESSAGE, E-MAIL, ATTACH, INTERNET, CHAT, SITE и др., ставшие мощной платформой для развития ментально-информативного пространства виртуального дискурса.

Образование и функционирование концептосистем разного типа идут бок о бок с образованием и функционированием соответствующих дискурсов. Это процессы когнитивно-коммуникативного порядка, которые позволяют homo loquens легко преодолевать трудности, связанные с изо- и полиморфизмом, противоречивостью и непоследователь-

ностью тех концептов и дискурсов, которые уже существуют в социокультуре, и тех новых, которые появляются на ее горизонте. Они же определяют и логику переходов от одного концепта к другому, выведение одних концептов через другие, а также построение новых концептосистем на основе уже имеющихся. Это явление А. П. Бабушкин называет «обновлением концептосферы» [Бабушкин 1997].

В процессе своей исторической динамики ДКК могут изменяться не только на протяжении какого-то неопределенного промежутка времени, но даже на глазах у одного поколения. Очевидно, концептуальный мир человека претерпевает довольно ощутимые трансформации в течение всей его жизни: одни концепты, не успев исчезнуть, сменяются другими, а на повестке дня – уже кардинальные переосмысления третьих. В последнем случае показательным является понятие *налог*, которое из малозначительного для советского человека превратилось в наше время в достаточно серьезную юридическую силу. Скинув с себя оболочку капиталистической ценности, концепты *налог* и *страховка* в один миг приобрели в глазах постсоветских граждан ту кросскультурную значимость, которая принадлежит им (концептам) по праву. Мир мультикультурных концептов эпохи глобальной технологизации коммуникативного пространства все больше интернационализируется. Правда, вопрос о том, в какой мере и как долго сохранятся те или иные ДДК этой эпохи, остается открытым.

Задавая фактуру дискурсивного целого, дискурсивные конфигурации концептов являются диссипативными комплексами, их констелляции характеризуются изменчивостью и текучестью, а концепты – способностью к *миграции* из одной коммуникативной среды в другую, из одной лингвокультуры в другую. При этом их когнитивно-семантические связи меняются, пересекаются, сходятся и расходятся, разъединяются и объединяются. Они могут быть логическими и алогическими, стойкими и нестойкими, а их историческая динамика – прогнозируемой и непрогнозируемой.

Процессы концептуализации внеязыкового мира возводят на пьедестал логосферы одни лингвокультурные ценности и скидывают с него другие. Новые качества приобретают и концептуальные картины мира, которые в ракурсе своей социодискурсивной динамики характеризуются калейдоскопической изменчивостью. Нельзя не согласиться с В. А. Масловой в том, что концепты являются определенными культурно значимыми сущностями только в начале своего появления, но потом, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и видоизменяются [Маслова 2004: 154]. Вместе с ними видоизменяются и концептополя, и дискурсивные конфигурации концептов, тогда как их матрица – концептосфера – остается синерге-

тически стабильной в той мере, в какой она способна регулировать исчезновение и поступление в нее определенных концептоединиц, то есть самоорганизовываться.

3. Трансфер и мера транслированности концептов.

Трансфер концептов связан с тремя возможностями его сообщения / передачи – способностью переходить в процессе общения а) из одной культуры в другую; б) из одной онтологической сферы в другую (напр., миграция из научной в обыденную картину мира); в) от одного говорящего к другому. Поскольку миграция концептов из одной дискурсивной среды в другую уже была нами частично затронута, а проблема индивидуальных заимствований является, скорее, парафией когнитивной психологии, чем лингвоконцептологии, целесообразно остановиться на проблеме межкультурного трансфера концептов.

Межкультурный трансфер концептов предусматривает их **экспорт** или **импорт**. Разграничение этих двух феноменов зависит от угла зрения наблюдателя: если он является представителем лингвокультуры А, то концепт этой культуры К, передаваемый в культуру Б, будет экспортированным. Если наблюдатель принадлежит к культуре Б, то полученный ею в пользование концепт К будет импортированным. Ярким примером экспорта концептов в период распада СССР были ПЕРЕСТРОЙКА и ГЛАСНОСТЬ, а также САМОВАР, импортированные в принимающие лингвокультуры без перевода (в немецкую, в частности – ср.: *die Perestrojka, die Glasnost*). Они же могут быть одновременно и примером различия экспортно активных и экспортно пассивных лингвокультур: к первым относится англо-американская, ко вторым – немецкая, русская, украинская и др. Зато модус активности / пассивности со временем меняется (французская и немецкая лингвокультуры до конца XIX ст. были активными, а английская – пассивной).

Случаи экспорта-импорта концептов без последующей аккомодации в другой этнокультуре наподобие ПЕРЕСТРОЙКИ и ГЛАСНОСТИ довольно редкие. Иногда они обуславливаются тем, что авторы, которые пишут о другой стране, не могут найти в своем языке достойный эквивалент, как, например, в классических случаях использования в английском публицистическом дискурсе русскоязычных вкраплений: *blat, besporyadok, nomenklatura, bespartiiny, obshchestvennaya rabota, samizdat, vozhd, vlasti, nyekulturno* и др. Узуральный способ заимствования – аккомодация, его "приручение" в инокультурной среде. **Интеркультурная трансляция** концептуального содержания – это его передача, перекодирование, перевербализация средствами другого языка с разной степенью полноты интериоризации понятийного,

перцептивного или валоративного компонентов концепта, а иногда и всех вместе.

Чаще всего камнем преткновения для переводчика становится тот фактор, что в разных языковых сознаниях по-разному формируются перцептивно-образные и валоративные компоненты концептов, которые, как правило, редко или совсем не фиксируются словарями, поскольку направлены в основном на лексикографирование понятийного (денотативного) компонента концепта. Тогда его ассоциативная и валоративная составляющие усваиваются только через индивидуальный опыт переводчика, приобретенный им в процессе коммуникативной практики. С другой стороны, из трех структурно релевантных компонентов концепта в той или иной лингвокультуре могут либо актуализироваться не все (и тогда концептуальная квалификация языковой единицы становится проблематичной), либо актуализироваться по-другому (и тогда вопрос об объективации концепта переходит в плоскость контрастивной концептологии). Живое пульсирование концепта в триедином ритме «понятие – ассоциация – ценность» становится методологической предпосылкой переводоведения.

Содержание, подлежащее трансляции в другую лингвокультуру, преломляется в сознании переводчика в соответствии с его знаниями об устройстве когнитивной базы принимающей лингвокультуры. Являясь этноспецифически окрашенными ментальными образованиями, концепты представляют собой значительную проблему при межкультурной трансляции. Очевидно, когда ученые говорят о возможности перевода какого-либо концепта при помощи его презентации в другой вербальной упаковке [Фесенко 1999: 5], они имеют в виду наднациональный характер понятия – логико-когнитивный субстрат концепта. Этноспецифичный же характер концепта может причинять значительные трудности при трансляции в другую лингвокультуру. Не находя своего отражения в новой инофонной среде, такой концепт лишен каких-либо соответствий в другом языке.

В этом случае возникает проблема отсутствия / наличия компарабельных соответствий, что позволяет говорить, по крайней мере, о трех основных моделях кросс-культурной трансляции концептов:

- универсальность концептуального содержания транслированного концепта для двух лингвокультур – производной и принимающей (полная транслированность);
- наличие у принимающей лингвокультуры вербальных репрезентантов, способных частично передавать содержание транслированного концепта (частичная транслированность);

- отсутствие вербальных репрезентантов концепта в принимающей лингвокультуре (лакунарная транслированность).

Полная (эквивалентная), частичная (пересекающаяся) и лакунарная (безэквивалентная) модели трансляции концептов прямо или косвенно затрагивают проблему совпадения / несовпадения семантических признаков в трехслойной структуре концепта. За основу анализа целесообразно взять идею В. Н. Манакина [2011: 129] о типах межъязыковых семантических отношений между лексическими единицами, которая в экстраполяции на концептологический материал базируется на трех основных моделях трансляции концептов (рис. 1.5.2).

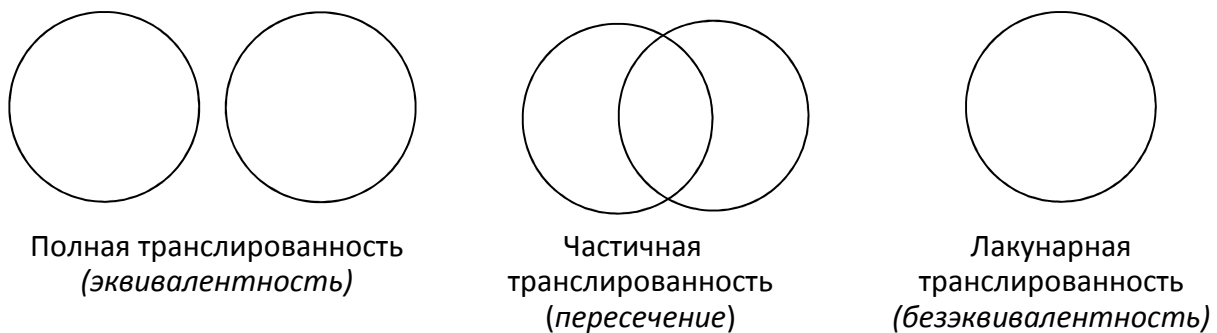

Рис. 1.5.2. Модели межъязыковых отношений при трансляции концептов

Полная транслируемость (эквивалентность) возможна тогда, когда концепт является универсальным, а в целевой лингвокультуре имеются его четкие и однозначные вербальные репрезентанты. Последние представляют собой те концептуальные ценности, которые являются наднациональными. Трансляция универсальных (категориальных, теософских, телеономных, морально-этических) концептов вообще не составляет особых трудностей до тех пор, пока они функционируют в пределах общечеловеческих представлений о мире. Примерами полной транслированности могут быть категориальные концепты (ПРИЧИНА → URSAHE / CAUSE / CAUSE, ПРОСТОР → RAUM / SPACE / ESPACE, ВРЕМЯ → ZEIT / TIME / TEMPS), теософские (ВЕЧНОСТЬ → EWIGKEIT / ETERNITY / ÉTERNITÉ, ДОЛЯ → SCHICKSAL / DESTINY / DESTAN, ДУША → SEELE / SOUL / ÂME, ДУХ → GEIST / SPIRIT / ESPRIT), телеономные (ЗДОРОВЬЕ → GESUNDHEIT / HEALTH / SANTÉ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ → GERECHTIGKEIT / JUSTICE / JUSTICE, УСПЕХ → ERFOLG / SUCCESS / SUCCES, РАДОСТЬ → FREUDE / JOY / JOIE, СЧАСТЬЕ → GLÜCK / HAPPINESS / BONHEUR). Однако, когда универсальный концепт получает определенную национально-специфичную коннотацию, переводчик должен решать проблему его адекватной передачи средствами целевого языка.

Частичная транслируемость (пересечение) концепта является самым распространенным способом перевода концептуальных единиц с одного языка на другой. Он основывается, по меньшей мере, на двух

возможностях – идиосинкразической и мозаической. Первый случай реализуется тогда, когда концептуально дискретные единицы одного языка коррелируют с ментально недискретными единицами другого. Это касается, например, идиосинкразических пар ПРАВДА и ИСТИНА (англ. *truth* / нем. *Wahrheit* / фр. *vérité* / исп. *verdad*), воля и СВОБОДА (англ. *freedom* / нем. *Freiheit* / фр. *liberté* / исп. *libertad*), друг и ПРИЯТЕЛЬ (англ. *friend* / нем. *Freund* / фр. *l'ami* / исп. *amigo*), власть и СИЛА (англ. *POWER, MIGHT, FORCE* / нем. *MACHT, KRAFT*), представленными в указанных языках синкретически.

Подчеркивая, что в связанных в тесную пару словах *правда* и *истина* в русской культуре заложена своеобразная духовная ценность, Ю. С. Степанов пишет: «У других европейских народов им соответствует по одному слову <...>, более или менее прямо передающему значение русского «истина», и, следовательно, значительная доля русского парного понятия остается там неконцептуализированной» [Степанов 1997: 318]. Нет четких и однозначных соответствий между нем. *SÜNDE, SCHULD* и *LASTER* и рус. ГРЕХ, ВИНА и ПОРОК, а также рус. ПРИЧИНА и нем. *URSACHE, GRUND, BEWEGGRUND*. Даже в пределах близких культур, формировавшихся в тесном взаимодействии, объем понятий, заложенных в слове, не всегда совпадает. Так, английский язык не разводит принципиально важные для нас понятия ЗАКОН и ПРАВО, а выражает их одним номинантом *LAW*, тогда как родственный ему немецкий – двумя (*GESETZ* и *RECHT*). Аналогично с рус. ЛЮБОВЬ и укр. ЛЮБОВ и КОХАННЯ.

Любой межкультурный контакт предполагает обязательную передачу концептуального содержания средствами принимающей лингвокультуры. В зависимости от большей или меньшей степени сходства культурных и языковых кодов контактирующих культур может быть установлен тип эквивалентности для языковых единиц, при помощи которых культура-реципиент вербализирует концепт. Репрезентанты инофонного концепта – это либо частичные, либо абсолютные (полные) его эквиваленты. Чаще всего такую проблему создают этноспецифичные концепты.

В зависимости от природы транслированной концептуальной информации и условий протекания коммуникации результат перевода может быть разным. Так, если транслируется универсальная или общая для двух лингвокультур концептуальная информация, содержательных потерь и коммуникативных сбоев, как правило, не бывает. При передаче же культурно маркированного содержания возможны и сбои, и утрата части транслированного содержания.

Объяснением этому, возможно, может служить тот факт, что картины мира двух контактирующих культур разные, поскольку, как известно, в них по-разному происходит языковое членение мира. Соот-

ветственно, разными являются и когнитивные базы, а потому несходные концептуальные смыслы, реализующиеся в них, оязыковляются иначе. Оптимальный вариант интеркультурной трансляции концептов обуславливается не только общностью смыслового содержания на входе и на выходе (эквивалентностью), но и наличием соответствующей установки транслятора на этноспецифичность концептуальной системы реципиента, являющегося представителем другого лингвоментального комплекса (адекватность).

Когда в принимающей культуре имеются вербальные репрезентанты, способные лишь частично доносить смыслы транслированного концепта, то в этом случае последний реализуется *мозаически*, т. е. мозаикой смыслов нескольких концептов принимающей лингвокультуры. Тут возникает проблема или частичного отсутствия, или, наоборот, наличия нескольких компарабельных соответствий. Так, перевод концепта НАЧАЛЬНИК возможен несколькими способами, например, на немецкий (*Vorstand, Obrigkeit, Chef*), на английский (*head, chief, boss, foreman, superior, supervisor*), на французский (*chef de l'entreprise, patron, le PDG / président directeur général /*), но ни один из них не соответствует тому специфическому содержанию, с которым он ассоциируется у нас. То же самое касается ПРАВДЫ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, СОГЛАСИЯ и других этноспецифичных единиц, с большим трудом поддающихся перекодированию на другие языки.

Широкий анализ трансляционных возможностей русского концепта тоска во французскую лингвокультуру приводит Е. В. Димитрова. Исходя из того, что этот концепт не имеет своего однозначного соответствия, она доказывает, что практика его перекодирования затрагивает не саму понятийную базу, а эмотивные начала, актуализирующиеся в русском языке опосредованно. При трансляции во французскую лингвокультуру переводчики обычно концентрируют свое внимание на эмотивно-образном компоненте концепта тоска, что вызывает его значительные трансформации, а потому до франкофонного реципиента доходит только часть того целого, каковыми являются связанные между собой эмотивные смыслы тоски в русской лингвокультуре. Из-за расхождения концептуальных систем двух языков нарушаются внутренние связи между отдельными смыслами этого концепта, в результате чего эмотивная лакунарность его французских эквивалентов заполняется или компенсируется чем-то таким, чего нет в исходной культуре [Димитрова 2001: 135].

Е. В. Димитрова подчеркивает, что в структуре русского концепта тоска имеют место такие коннотации, как «томление», «грусть», «печаль», «скука», «уныние», «тревога», «ностальгии», «сожаление об утраченном», «стремление к чему-то, что пока не происходит», «тоска

по любимым, близким людям». Для этих эмотивных по своей природе смыслов можно найти вербальную оболочку и во французском языке, но лексикализированного концепта (слова), способного объединить в своей семантике всю смысловую палитру русского концепта, во французском не существует. Не существует таких эквивалентов и в английской, немецкой, испанской и других лингвокультурах. Это же касается и украинского языка, так как семантически наиболее близкие к рус. ТОСКА украинские ТУГА и ЖУРБА не могут быть признаны его эквивалентами.

Е. В. Димитрова демонстрирует это на конкретном материале. В зависимости от того, какой смысл доминирует в исходном высказывании, транслятор подбирает наиболее выразительный его эквивалент именно по той причине, что для каждого из эмотивных проявлений концепта ТОСКА можно найти французскую вербальную оболочку («томление» → *tourments, angoisse*; «грусть» → *tristesse*; «печаль» → *chagrin*; «скука» → *ennui*, «уныние» → *abattement; tristesse, idées noires*; «хандра» → *spleen, cafard*; «тревога» → *anxiété, angoisse, inquiétude*; «тоска по Родине» → *nostalgie, mal du pays*; «сожаление об утраченном» → *regret de qch*; «тоска по любимым, близким людям» → *s'ennuyer de qn.*). Концепт тоска и его французские эквиваленты имеют разный смысловой потенциал, который покрывается лишь суммой потенциалов его эквивалентов [Димитрова 2001: 104].

Предложенный Е. В. Димитровой анализ и наблюдения над эмпирическим материалом подтверждают, что в пределах этой трансляционной модели эквивалентность компарабельных концептов можно квалифицировать как частичную и говорить о концептуальной асимметрии, проявляющейся в возможности перекодирования концептов одной лингвокультуры в концепты другой. В пределах этой модели происходит калейдоскопически вариативная репрезентация соответствующего концепта в другой лингвокультуре.

Лакунарная транслированность концепта имеет прямое отношение к «нулевой» эквивалентности (безэквивалентность) и затрагивает сферу отсутствия в целевой культуре подходящих вербальных репрезентантов. Лакуна – это «виртуальная лексическая сущность, семема, которая не имеет материального воплощения в виде лексемы, но способна проявляться на уровне синтаксической объективации в случае возникновения коммуникативной потребности концепта» [Быкова 1999: 42]. Поэтому не случайно концептами иногда считают только те семантические образования, которые стоят за словами, не нашедшими однословных эквивалентов при переводе на другие языки.

Наличие определенного концепта в одной лингвокультуре и его отсутствие в другой дает право говорить о категории **лакунарности**

и характеризовать ее в параметрах несоразмерности, непонятности, необычности, экзотичности, неточности и даже ошибочности. О лексических лакунах, обнаруживаемых только на фоне других языков, пишет и О. А. Корнилов, но его мысль релевантна и для концептивных лакун: «Определенным концептам того или иного языка в других языках может не находиться даже приблизительных соответствий, т. е. определенные информемы в одних языках, становясь поименованными, переходят в разряд концептов, а в других – нет. Лексические лакуны становятся очевидными только при сопоставлении с другими языками. Вне сопоставления они не осознаются носителями языка» [Корнилов 2003: 180].

Классическим примером безэквивалентного построения концептов в европейских культурах являются рус. GLASNOST, PERESTROIKA, VODKA, SPUTNIK, MATRIOSHKA, APPARATCHIK, DACHA, BORTSCH, SAMOVAR, TROIKA, BALALAIKA (относятся к десяти самым распространенным в мире русским концептам), укр. ГОПАК, ВИШИВАНКА, РУШНИК, ПИСАНКА, КУМ, БУДЬМО и др. Наоборот, в этих языках отсутствуют такие немецкие концепты, как GESCHWISTER «брат и сестра вместе», PLÄDOYER «речь перед судом» и др. Не имеют в русском и украинском своих лексических эквивалентов фр. ÉDITORIALISTE, ÉCHANGISTE, CHAPERON, а их передача возможна лишь вольными словосочетаниями: «тот, кто пишет передовицы в газете», «тот, кто обменивается» (напр., квартирами), «пожилой человек, сопровождающий девушку в целях безопасности или пристойности». Другими примерами лакунарных концептов (ксенонимов) являются: рус. УМИЛЕНИЕ, ЛУКАВСТВО, РАЗГУЛ, СКЛОКА, фр. VOUILLABAISSE, нем. GEMÜT, брит. DERBY, амер. CHALLENGE, PRIVACY, EFFICIENCY. Последние, вероятно, можно объективировать в других лингвокультурах через их атрибуты (*materialistic, self-righteous, self-made, competitive, cooperative*), отражающие типовые характеристики американцев. И. А. Голубовская, анализируя китайские концепты QI, YIN, YANG, MING, заявляет, что они могут быть актуализированы в других языках только описательным способом [Голубовська 2004: 135].

Вне сомнения, все трудности при «переодевании» того или иного концепта в убранство другой лингвокультуры связаны с его многомерностью, а точнее, с его трехслойностью. Понятия можно ввести в другой язык либо при помощи прямого трансфера, подобно уже упомянутым *Perestrojka* и *Glasnost*, либо при помощи калькирования (нем. *Umbau, Transparenz*), но две другие ипостаси – материал для творческих мук переводчика. Прежде всего, ими будут окутаны трансляционные решения, касающиеся валоративов той или иной лингвокультуры.

То обстоятельство, что концепт, который существует в одном языке, не имеет прямого эквивалента в другом, свидетельствует об

отсутствии в последнем соответствующего расчлененного понятия. В. Набоков в свое время детально описал русский концепт пошлость в биографии Гоголя, предназначенной для американских читателей. Он отмечает, что английские слова *cheap, sham, common, smutty, pink-and-blue, in bad taste; inferior, trashy, scurvy, tawdry, gimcrack* отражают классификацию ценностей определенного периода времени, тогда как рус. пошлость неподвластно времени (цит. по [Леонтович 2005: 117]).

Декодирование / понимание эквивалентов инофонного концепта в целевом языке осуществляется в соответствии с общими законами восприятия: реципиент трансформирует полученную информацию из вербального кода в когнитивные структуры и соотносит их со своей когнитивной (эпистемической) базой, а потом – в зависимости от актуальности и значимости этого содержания – либо фиксирует в структурах долговременной памяти, либо постепенно утрачивает. В большинстве случаев эквиваленты этнокультурного концепта не осознаются как таковые носителями целевой лингвокультуры. «Инокультурность» может ощущаться только при реализации той трансляционной стратегии, при которой в полном объеме передается содержание культурных коннотаций, т. е. ставится цель максимально полного отображения национальной специфики и делается особый акцент на эквивалентности и адекватности.

Таким образом, трансфер концептов из одной лингвокультурной среды в другую, в основе чего лежит идея экспорта-импорта, может опираться на абсолютные, частичные или нулевые вербальные эквиваленты. Наличие в целевой лингвокультуре абсолютных вербальных эквивалентов свидетельствует об общности исходного и целевого концептуальных смыслов. Трансфер концепта через частичные эквиваленты свидетельствует, с одной стороны, о наличии его определенных признаков в целевой культуре, а с другой, – о структурно-смысловой асимметрии взаимодействующих концептуальных систем. В том случае, когда инофонный концепт не имеет ни полных, ни частичных эквивалентов, можно говорить об отсутствии такого концепта в целевой лингвокультуре и о единственно возможном способе его передачи – описательном. Полный, частичный или дескриптивный результат трансляции концептов из одной лингвокультуры в другую прямо пропорционально зависит от степени их универсальности и градуса этноспецифичности.

Стратегическая миссия перевода состоит не только в пропаганде некоторой культуры на общецивилизационной арене, но и в усвоении духовных ценностей одного народа другим. Переводчик всегда должен принимать во внимание и свое основное кросс-культурное предназначение – способствовать взаимообогащению национальных культур

для достижения консенсуса и взаимопонимания народов. Функция межкультурной трансляции концептуальных смыслов – сохранение общечеловеческих ценностей.

4. Выводы и перспективы.

Существование концептов в лингвокультуре опирается на основной принцип синергетики – единство и борьбу противоположностей, регулирующий самоорганизацию сложных систем в пределах антиномии порядка и хаоса. Вопреки стремлению к сохранению своей целостности (порядок), концептосистемы подвергаются неизбежному влиянию энтропийных сил (хаос), что становится вполне понятным на фоне постоянно действующих процессов бифуркации и диссипации. Вызывая разрушение одних концептосистем и возникновение на их месте других, эти процессы суть диалектика статики и динамики концептов и их системных группировок.

Принцип динамики концептосистем детерминируется законами онто- и филогенеза, способствующих устранению из системы концептов, которые потеряли свою актуальность для индивидуального или коллективного сознания, и введению в нее новых единиц, в т. ч. и тех, что усвоены не через эмпирический опыт, а через язык. Механизм эволюционной динамики концептов и концептосистем работает в режиме non-stop. Он действует в пределах таких синергетических процессов, как митигация, интенсификация, аккомодация. Митигация способствует избавлению системы от единиц, актуальность которых для социокультуры или утрачена, или начинает «хромать» (деконцептуализация слова). Прямо противоположным принципом является интенсификация – введение в лингвокультурный обиход тех концептов, которые начинают приобретать актуальность в новых условиях развития общества (концептуализация слова). Аккомодация же имеет промежуточный статус и состоит в приспособлении концепта к новым условиям функционирования.

Концептосистемы возникают и актуализируются для объективации фактуры дискурсивного целого. Они являются хотя и относительно стойкими, но все же диссипативными комплексами, а их атомарные элементы – (ката)концепты – наделены способностью к импорту / экспорту как из одной дискурсивной среды в другую, так и из одной лингвокультуры в другую. При этом их логические связи изменяют друг друга, пересекаются, сходятся и расходятся, соединяются и разъединяются. Они могут быть логичными и алогичными, устойчивыми и неустойчивыми, а их историческая динамика – прозрачной и непрозрачной, прогнозируемой и непрогнозируемой.

В ракурсе социокультурной динамики калейдоскопической динамикой характеризуются и языковые картины мира, а процессы концептуализации и деконцептуализации сопровождаются возведением на пьедестал логосферы одних этнокультурных ценностей и свержением с него других. Тем не менее алгоритм образования концептосистем нельзя «ухватить» без анализа процессов дивергенции и конвергенции, которые регулируют схождение и расхождение дискурсов в пределах определенной культуры.

Предложенный взгляд на место и роль концептуальных единиц этносоциума – одна из возможных проекций концептосферы на коммуникацию. Системный подход к изучению концептуальных ценностей лингвокультуры позволяет получить убедительные данные о когнитивных схемах национально специфичного мышления и согласованных с ним схем коммуникативного поведения того или иного этнолингвокультурного сообщества.

Основная телеология лингвистических изысканий в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы именно в том и состоит, чтобы приблизиться к решению проблемы человеческого мировосприятия и миропонимания, осознать алгоритмы категоризации, стереотипизации и концептуализации действительности, постигнуть пути и способы репрезентации знания. Все это, в свою очередь, позволяет глубже проникнуть в тайны устройства, функционирования и взаимодействия механизмов лого-, концепто- и ноосферы.

Литература

1. Бабушкин А. П. Общезыковые концепты и концепты языковой личности / А. П. Бабушкин // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. – Воронеж, 1997. – № 2. – С. 114–118.
2. Барт Р. Избранные работы : Семиосфера. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. – 123 с.
4. Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии : дис... доктора филол. наук : 10.02.19 / Г. В. Быкова. – Воронеж, 1999. – 349 с.
5. Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология : современное состояние, проблемы, вектор развития / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – М., 2011. – Т. 70, № 5. – С. 64–74.
6. Герман И. А. Лингвосинергетика / И. А. Герман. – Барнаул : Алтайская акад. экономики и права, 2000. – 168 с.
7. Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу / І. О. Голубовська. – К. : Логос, 2004. – 284 с.
8. Димитрова Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.20 – «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Е. В. Димитрова. – Волгоград : ВГПУ, 2001. – 19 с.

9. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 422 с.
10. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
11. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.
12. Леонтович О. А. Русские и американцы : парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
13. Манакін В. М. Мова і міжкультурна комунікація / В. М. Манакін. – К. : Академія, 2011. – 288 с.
14. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. – Витебск : Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2004. – 214 с.
15. Приходько А. М. Концепты и концептосистемы / А.Н. Приходько. – Днепропетровск: Белая Е. А., 2013. – 308 с.
16. Семенець О. О. Синергетика поетичного слова / О.О. Семенець. – Кіровоград: Імекс, 2004. – 338 с.
17. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 290 с.
18. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «ЯРК», 1997. – 824 с.
19. Фесенко Т. А. Этноментальный мир человека : опыт концептуального моделирования : автореф. дис. ... доктора филол. наук / Т. А. Фесенко. – М., 1999. – 54 с.
20. Шмелев А. Д. Русский язык и неязыковая действительность / А. Д. Шмелев. — М. : ЯСК, 2002. – 496 с. (Язык. Семиотика. Культура).
21. Briefe gut und richtig schreiben. Ratgeber für ein richtiges und modernes Schreiben. /Red. Mitarb. W. Eckey.– Mannheim [u.a.]: Dudenverlag, 1989. – 818 S.
22. Wiener N. The Human Use of Human Beings / N. Wiener. – N.Y.: Houghton Mifflin, 1950. –312 p.

1.6. Синергетика модальностей поетичної творчості

Семенець О. О.

Людиномірність і гуманізація сучасної науки зумовлюють особливу увагу до центру складних систем – до людини. Ця методологічна настанова набуває переконливого втілення в аналізі поетичного тексту. Розгляд людини як центру смислового простору, врахування цілісної природи ментальної сфери суб'єкта і синкретичності процесів мислення й мовного спілкування зумовлюють актуальність дослідження феноменів авторської свідомості в їх складній взаємодії та ієрархії. Першорядної ваги набувають вивчення картини світу митця, модальностей мислення, аналіз світоглядних концепцій автора (естетичної, істо-

ріософської), суспільно-політичних поглядів і переконань – як провідних чинників формування ідіостилю.

Ці феномени ментальної сфери виявляються найважливішими позамовними чинниками системності мистецького ідіолекту. Тим самим, згідно з філософією холізму, на вихідному етапі дослідження реалізується макропідхід, досягається цілісне бачення письменницького ідіолекту в плані його зумовленості глибинними генеративними структурами авторської свідомості.

Лінгвістична синергетика пропонує підхід до поетичного тексту як до відкритої нелінійної нерівноважної динамічної системи, яка, підлягаючи дії універсальних закономірностей організації когнітивних систем, виявляє при цьому специфіку механізмів самоорганізації. Такий підхід зосереджений на аналізі як зовнішніх, так і внутрішніх системотворчих чинників поетичного тексту, як у плані детермінації твору з погляду авторської ментальності, у зв'язку з іншими типами дискурсу в межах цілісного ідіолекту письменника, так і в аспекті автопоезису художнього тексту, механізмів самодобудовування та наростання складності у вираженні мовно-естетичного змісту. Новий напрям дослідження скерований на пояснення взаємозалежності макро- та мікрорівнів в організації складної системи: не лише визначуваності компонентів та їхніх функцій з погляду цілого, а й виникнення певних макроскопічних явищ унаслідок нелінійної взаємодії елементів мікрорівня організації системи.

Онтологічні властивості об'єкта вивчення (складність, гетерогенність, відкритість, динамізм системи ідіолекту письменника) – з одного боку, та гносеологічні підстави самого дослідження (системна спрямованість наукового опису, процеси самоорганізації як центральна проблема) – з другого, визначають доцільність інтегративного підходу в **методології** нашого дослідження, що проводиться на основі синтезу теорії складних нелінійних систем, традиційної лінгвістики, філософії мови, модальної логіки та семіотики. Збереження традиції системно-структурного вивчення мови, насамперед аналізу одиниць і категорій за рівнями мовної системи, важливе передусім в епістемологічному плані, в аспекті продовження й наступності лінгвістичної традиції. **Інтегративний підхід**, таким чином, розвиває ідею цілісності не тільки самого явища дійсності, але й знання про нього. На основі нового типу логіки, цілісного знання (В. І. Вернадський) це дає змогу наблизитися до розуміння складної, багатоаспектної природи поетичного твору.

Принцип **цілісності** виявляє себе як в **онтологічному**, так і в **гносеологічному** варіантах **системного підходу** (цілісність об'єкта дійсності, з одного боку, та цілісність наукового уявлення про нього – з другого). Важливою ознакою сучасної науки є переплетіння онто-

логічних і гносеологічних підстав у системних дослідженнях, з переважанням онтологічного змісту поняття «система» в прикладних галузях науки і гносеологічного – в теоретичних працях (див. про це [Агошкова 1998: 176]). Визнаючи необхідність розрізнення цих двох методологічних акцентів у системному аналізі, водночас наголошуємо на важливості усвідомлення їхнього зв'язку. Цей зв'язок виявляється, зокрема, в тому, що сам об'єкт дійсності, будучи складним цілісним явищем, визначає той аспект, який стає предметом наукового пізнання в певному напрямі досліджень, тобто системостворчу властивість у гносеологічному варіанті системного підходу (систему при цьому розуміють як форму представлення предмета наукового пізнання).

Г. Хакен назвав новий напрям науки *синергетика*, щоб підкреслити роль кооперативних ефектів у процесах самоорганізації природи й соціуму, а також значення колективних дій учених у новій галузі знань. У самому терміні, таким чином, акцентована онтологічна та гносеологічна цілісність як базисна настанова системного підходу.

Основу нашого дослідження становить одна з фундаментальних категорій філософської логіки – **модальність**. Вона пов'язана з найважливішими аспектами буття та їх відтворенням у людській свідомості й мові. Модальності належить провідна роль у вираженні цільової комунікативної настанови мовця. Ця категорія ґрунтується на універсальних закономірностях логіки, що організують раціональну свідомість, на яку нашаровуються також феномени чуттєвої сфери – оцінні та емоційно-експресивні компоненти смислу.

Даючи можливість досліджувати детермінацію мовних явищ з погляду ментальної сфери суб'єкта, ця категорія виступає базовою в пропонованій системній моделі поетичного ідіолекту. Модальності людського мислення й почування слугують об'єднувальним чинником мовної діяльності людини. Специфікою реалізації алетичної, епістемічної, аксіологічної, деонтичної, емотивної та інших модальностей визначаються стильові пріоритети творчості письменника. Так, у соціально ангажованій літературі, яку репрезентує поезія Євгена Маланюка, особливу вагу має деонтична модальність і логічна семантика моральної норми.

Гносеологічна цілісність системної моделі поетичного ідіолекту, таким чином, підпорядкована осягненню онтологічної цілісності творчої спадщини митця. Вибір логічної категорії модальності в ролі провідної системостворчої ознаки, тобто в ролі базового концепту системного уявлення, дозволяє розкрити внутрішню складність поетичної творчості, її суперечливість і водночас цілісність. Модальності мислення й почування є вихідним, основоположним чинником у формуванні картини світу людини, вони визначають когнітивну базу творчої діяльності –

екстралінгвальне ціле, яке неминуче відтворюється в системі ідіолекту письменника. Аналіз текстових маніфестацій категорії модальності, її вияву в тексті як продукті духовної діяльності людини дає змогу встановити зв'язки екстра- та інтралінгвальних системотворчих чинників, на поєднання яких орієнтована сама людська мова своєю знаковою сутністю.

Зупинимось докладніше на **гносеологічній** сутності **системного уявлення**. Система при цьому не є чимось об'єктивно суцільним в емпіричній дійсності, а становить конструкт, результат пізнавальної діяльності людини, інструмент для розв'язання наукових проблем. Мета дослідження визначає вибір певної системотворчої ознаки – концепту системи, згідно з яким будується конкретне системне уявлення об'єкта дійсності. Відносність побудованої системи щодо її концепту є визнаним положенням у гносеологічному напрямі системного підходу. Складний об'єкт дійсності передбачає можливість побудови різних системних моделей, залежно від того, що саме береться за основу, яка його властивість виступає в ролі системотворчої. Системне уявлення, таким чином, серед багатьох граней складного об'єкта дійсності виокремлює певний його аспект, певну сторону і тим визначає предмет наукового пізнання.

З огляду на сказане, письменницька творчість Євгена Маланюка припускає різні системні уявлення. Складниками системи можуть бути періоди творчості – перший, міжвоєнний, і наступний, після Другої світової війни, – які мають свою чітко виражену специфіку. У ролі базових компонентів моделі можуть виступати окремі напрями літературної праці автора – поезія, публіцистика, літературна критика, історіософські твори. Можна будувати системну модель, простежуючи теми, мотиви, наскрізні образи в його творчості, або ж аналізувати експресивні поетичні засоби за рівнями мовної організації в їх взаємозв'язках і взаємозумовленості. Таким чином, характер аксіоматики диктується метою дослідження, а отримані результати визначатимуться обраним принципом опису.

У нашому дослідженні в ролі базового концепту виступає зовнішній щодо мовної системності, екстралінгвальний чинник – **модальності** ментальної сфери автора. Саме вони детермінують форму вираження думок і почуттів митця, всю систему експресивних мовних засобів. Під модальністю у філософії розуміють «спосіб існування якогось об'єкта чи перебігу якогось явища (онтологічна модальність) або ж спосіб розуміння судження про об'єкт, явище чи подію (гносеологічна, або логічна, модальність)» [Философский 1989: 373]. У модально-логічній інтерпретації поетичного тексту на перший план висувуються гносеологічні модальності: алетична (стосується висловлень чи предикатів, характеризує їхню істиннісну природу); епістемічна

(визначає власне знання, тобто обґрунтовані й доведені твердження, які прагнуть до самодостовірності); аксіологічна (виражає авторську оцінку повідомлюваних подій – позитивну чи негативну); деонтична (пов'язана з логічним поняттям норми).

- Модальна оцінка висловлення виражається за допомогою понять:
- «логічно необхідне», «логічно випадкове», «логічно можливе», «логічно неможливе» (алетична модальність);
 - теоретико-пізнавальних понять, пов'язаних зі знанням: «довідне», «спростовне», «нерозв'язне», – а також понять, що стосуються переконання: «переконаний», «вважає», «сумнівається», «відкидає», «припускає» (епістемічна модальність);
 - оцінних операторів «добре», «погано», «аксіологічно байдуже» (аксіологічна модальність);
 - операторів нормативних висловлень «обов'язково», «дозволено», «заборонено», «нормативно байдуже» (деонтична модальність) тощо.

Модальні поняття різних груп виконують спільну функцію уточнення, конкретизації зв'язку, встановлюваного у висловленні. Внутрішні формально-логічні відношення модальних понять виявляє таблиця-систематизація Г. фон Врігта (доповнена А. Андерсоном і О. Муром), наведемо її на основі видання [Ивин 1967: 174]:

алетичні	епістемічні	деонтичні	екзистенційні
необхідний	верифікований	обов'язковий	універсальний

Модальні оператори висловлення

Модальні поняття			
------------------	--	--	--

можливий	нефальсифікований	дозволений	існуючий
випадковий	нерозв'язний	байдужий	частковий
неможливий	фальсифікований	заборонений	порожній

Категорії модальної логіки (які виражають алетичну, епістемічну, аксіологічну, деонтичну модальності) співвіднесені із суб'єктивною модальністю в мовознавчій інтерпретації, що акцентує увагу на мовних засобах вираження (граматичних, лексичних, графостилістичних, інтонаційних). Модальності людської свідомості (її раціональної та емоційної сфер) відповідають за виконання основних функцій мови – комунікативної, референтативної, пізнавальної, регульовально-волюнтативної, оцінної, емоційно-експресивної.

Особлива роль у мистецькій творчості належить емотивній модальності світовідчуття, адже, як зазначає В. Гумбольдт у своєму аналізі

«Германа і Доротеї» Гете, сутність мистецтва полягає «не в природі об'єктів зображення, а в тональності уяви»; «поет *настроює душу* (Gemüth), більше ж не може входити в його наміри» [Гумбольдт 1985: 176]. У своїй мові людина неминуче виражає не лише об'єктивний зміст думки, а й саму себе. Суб'єктивна природа людської мови якнайскравіше виявляється у сфері словесно-художньої творчості, де в мистецькому синтезі нероздільно поєднані об'єктивно-зображальні та суб'єктивно-виражальні чинники. Думка про це послідовно втілена в працях Івана Франка. У поезії, не раз наголошував письменник, «мусять бути і відчуватися два складники: обсервація життя й природи і живе гаряче чуття» [Франко 1956: 610]. Саме емоційно-оцінне авторське ставлення до зображуваного передусім визначає цілісність мистецького твору.

Складність організації поетичного тексту, його численних модально-оцінних підсистем зумовлює актуальність дослідження взаємодії модальностей у процесі породження та сприймання тексту. Синергетичне тлумачення текстового вияву взаємодії модальностей дає змогу наблизитися до розуміння загальних закономірностей креативної діяльності людини, механізмів синтезу в праці людської свідомості.

Побудова **системної моделі**, згідно із системологічною концепцією А. І. Уйомова, передбачає три етапи (див. [Уемов 1978; Уемов 2000]). Спочатку фіксується певна системотворча властивість, суттєва з погляду мети дослідження, важлива для функціонування об'єкта в його зв'язку із середовищем. У нашому дослідженні таким наріжним каменем, **концептом** системи ідіолекту письменника слугують модальності людського мислення й почування, корелятивні з функціями мови.

На другому етапі визначена системотворча риса інтерпретується на множині відношень, релевантних для цієї ознаки, тобто фіксується **структура** системи. З усіх наявних відношень між елементами системи відбираються ті, які найбільшою мірою відповідають концепту системи. У лінгвістичному аналізі тексту важать насамперед синтагматичні та парадигматичні зв'язки мовних одиниць.

Нарешті, на третьому етапі встановлюється **субстрат** системи – множина конкретних елементів, на якій інтерпретується сукупність відношень, що формують структуру системи. Аналізуються мовні знаки, пов'язані синтагматичними та парадигматичними відношеннями в системі ідіолекту письменника.

Унаслідок здійснення цих трьох операцій виявляється множина елементів, зв'язки між якими мають певну, заздалегідь фіксовану властивість. Концепт, структура і субстрат виступають дескрипторами побудованої системи.

Синергетика модальностей поетичної творчості покликана поєднати в межах цілісної дослідної моделі розгляд **зовнішніх** та **внутрішніх**

факторів системотворення поетичного тексту. Зовнішній об'єднувальний чинник, тобто концепт системної організації ідіолекту письменника, становлять модальності мислення й почування. Вони визначають картину світу митця, когнітивну базу творчої діяльності – ціле, яке знаходить вияв у системі ідіолекту, в множині конкретних внутрішньо-системних відношень компонентів-складників системи.

Поряд із зовнішнім інтегративним чинником, для функціонування системи ідіолекту письменника релевантні також внутрішні системотворчі фактори, з-поміж яких найважливішу роль відіграють

- спільна природа елементів-складників системи;
- їхні функціональні зв'язки, парадигматичні та синтагматичні;
- фактор пам'яті системи;
- зв'язки інформаційного обміну між компонентами системи за рівнями її організації;
- принцип взаємодоповнення та взаємопідсилення в динаміці функціонування системи;
- внутрішні фактори стабілізації чи дестабілізації, прискорення чи уповільнення темпів розвитку (зворотні зв'язки всередині системи).

Отже, синергетичний підхід з його фундаментальним холістичним принципом і провідним постулатом відкритості системи, зв'язку системи й середовища дозволяє розглядати взаємопов'язано зовнішні щодо системи чинники (вплив екстралінгвальних сутностей) та внутрішні, власне мовні закономірності організації системи поетичного ідіолекту.

Єдність суперечностей і цілісність образу світу митця. У континуальному й цілісному процесі осягнення світу окремі сторони цього процесу (пов'язані з політичними, філософськими, моральними, релігійними, естетичними поглядами митця) можуть перебувати в складних і неоднозначних відношеннях, що зумовлює наявність внутрішніх суперечностей у картині світу художника та – як наслідок – об'єктивізацію цих протистоянь у продуктах смисло- й образотворчості.

Євген Маланюк – найпомітніша постать у плеяді українських письменників, названих Д. Донцовим когортою «трагічних оптимістів», породжених «апокаліптичною епохою», – відображав у своєму світогляді характерні суперечності доби та складні обставини особистої долі, залишаючись при цьому навдивовижу сильною й цілісною особистістю. Єдність суперечностей і водночас монолітність, цілісність образу світу письменника відзначені багатьма дослідниками. І. Дзюба звертає увагу на взаємодію різних аспектів духовної сфери Євгена Маланюка: «Його світопочування мало й інші виміри, крім національно-політичного: історіософський, релігійний, космопсихологічний, інтимний. Всі ці аспекти цілісного Маланюкового духу знайшли вияв у його ліриці. Хочеться підкреслити саме цю цілісність. У Маланюка немає (або майже

немає) поділу на лірику громадянську, філософську, пейзажну, інтимну. В більшості поезій сюжет душевного переживання й емоціоналізованої думки «проходить» усіма рівнями включеності поетового «я» у світове буття, і споглядання пейзажу органічно обертається на міфологізовану історичну дію, а любовне одкровення стає вираженням патріотичної пристрасності, бо образ України концентрує в собі всі поетові чуття й думки» [Дзюба 1990: 135].

У картині світу письменника закладені й механізми розв'язання суперечностей між належним і сущим, метою і засобом. Провідна роль у цьому належить домінантам ментальної сфери. Таким пріоритетом у творчості Євгена Маланюка виступає **ідея української державності як аксіологічна й деонтична домінанта** духовної сфери автора.

Єдина, синкретична природа людської душі, згідно з концепцією Г. Лотце, О. Потебні, передбачає нерозривний зв'язок інтелектуальної, емоційної, вольової сфер психіки, коли «в кожній формі своєї діяльності діє вся душа» [див. Потебня 1922: 50], в діалектичних, іноді суперечливих взаємовпливах перебувають розум, почуття, воля. Цілісність людської психіки, у свою чергу, слугує основою взаємодії модальностей ментальної сфери – епістемічної, емотивної, деонтичної – в процесі мовної діяльності.

Водночас яскраво простежується домінантна роль того чи іншого із цих базових психічних процесів в окремих картинах світу, що формуються в різних сферах суспільної свідомості. У філософії – як методологічній рефлексії над наукою та повсякденною свідомістю – окремі системи знання (оригінальні концепції видатних мислителів або цілі філософські парадигми) відрізняються «тим, через яку базисну людську здатність – розум, почуття, волю – здійснюється в актах світобачення інтерпретація вихідної інтуїції буття. Для раціоналістів такою призмою світосприймання є розум, для емпіриків – почуття, для волюнтаристів – воля. Для Гегеля світ – це абсолютизоване поняття, для Шопенгауера – воля» [Постовалова 1988: 31].

Подібна закономірність переважання, провідної ролі однієї з логічних модальностей – за умови взаємодії та взаємного підсилення з іншими модальностями – виявляється й у сфері мистецтва. Для всієї літературної творчості Євгена Маланюка – його публіцистики, історіософії, поезії – характерна яскраво виражена ідея волюнтаризму, вирішальної ролі свідомої перетворювальної діяльності суб'єкта в історії. Тому й деонтичній модальності мислення в концептуальній та мовній картинах світу письменника належить провідна, системотворча роль.

Деонтична модальність – домінанта соціально ангажованої літератури. Деонтична логіка як галузь модальної логіки вивчає міркування з операторами «обов'язково», «дозволено», «заборонено»,

«нормативно байдуже». У центрі її уваги – логічна структура та логічні зв'язки нормативних висловлень, тобто висловлень, які встановлюють певні норми поведінки. Нерідко для окреслення сфери норм використовують опозицію «приписувати – описувати». Дескриптивне (описове) міркування, яке називається також «інформативним», «фактичним», «пізнавальним» протиставляється при такому підході прескриптивному (приписувальному) міркуванню. Деонтична логіка в такому аспекті визначається як логіка прескриптивного міркування.

Ідея волюнтаризму, вирішальної ролі свідомої перетворювальної діяльності суб'єкта в історії характерна для всієї літературної творчості Є. Маланюка. Його мистецька спадщина – взірць витриманої на високому естетичному рівні соціально ангажованої літератури. Енергетика впливу *littérature engagée* на емпіричну дійсність тримається на вірі в чинну силу поетичного слова. Саме таке дійове й діяльне слово було для Євгена Маланюка справжньою зброєю – *стилетом і стилосом* – у боротьбі за українську державність. Поезія Євгена Маланюка, з її естетичною довершеністю та змістовою глибиною, була потужною соціальною дією. У деонтичному моральному світі – світі належного – поет створив ідеальний образ, проект грядущого рідної землі й визначив шляхи його досягнення як зміст норми, що мусило бути реалізоване у світі сущого.

Активну, дійову спрямованість, проголошення й відстоювання чітко визначених морально-політичних норм засвідчують уже перші публікації статей Євгена Маланюка в емігрантських часописах. В одній з них, 1921 року, підписаній псевдонімом «Військовий», автор надає вирішального значення суб'єктивному, вольовому началу боротьби: «Досить вже складати всі наші нещастя на рахунок «об'єктивних чинників» <...> Справа робиться людьми» [Маланюк 1997: 3]. Визначаючи перспективу боротьби, необхідність виховання справжнього борця, «активного українця» як неодмінну умову перемоги, Є. Маланюк переконано твердить: «Так мусить бути і так буде» [там само: 4], – тим самим встановлюючи логічні «відношення досяжності» між реальним світом і відповідним деонтичним світом, «світом належного».

Уся поетична творчість Євгена Маланюка, від першої збірки до останньої, слугує творенню цього морального світу й – через нього – взаємодіє з інтенційними станами свідомості читачів. «Обеззброєні мілітарно, ми вхопилися за ту духовну зброю, яка під час фізичної боротьби спочивала в піхвах – зброю міцну, сильну, переможну: національне мистецтво...» [Маланюк 1923].

Ідея української державності – своєрідний моральний імператив, вона виконує роль домінанти, навколо якої стягується констеляція мотивів, образів, символів. Тим самим ідея державності в поезії Євгена

Маланюка слугує підґрунтям взаємодії аксіологічної та деонтичної модальностей (що узгоджується з концепцією О. А. Івіна, який розглядає деонтичну логіку як різновид логіки абсолютних оцінок, доповненої визначенням обов'язку в термінах позитивної цінності [див. Івин 1989: 269–271]).

Міжрівнева взаємодія мовних засобів та інформаційно-обмінні процеси в полі деонтичної модальності. Втіленню ідеї морального обов'язку в поетичній творчості Є. Маланюка підпорядковане **функціонально-семантичне поле** (ФСП) засобів безпосереднього вираження деонтично-модальної семантики. **Ядро поля** утворюють спеціалізовані граматичні засоби: форми імператива й інфінітива, комунікативні та структурні типи речень (спонукальні означено-особові та інфінітивні речення), наприклад: «*Все чути. Всім палать. Єдиним болем бути<...>*» (35) (тут і далі в круглих дужках зазначені сторінки цитованих поетичних творів за виданням [Маланюк 1992]).

Дещо далі від центру ФСП перебувають інші типи односкладних речень, здатні втілювати волюнтативну семантику, – безособові, генітивні, номінативні. Основний заряд ФСП деонтичної модальності задається особливою спонукальною інтонацією, яка пронизує все поле й має здатність насичувати навіть індикативні за формою висловлення волюнтативним значенням, формуючи прескриптивний дискурс.

Роль ферментів – стимуляторів та інгібіторів – волюнтативної семантики виконують **фразові модальні частки**, спроможні прискорювати чи уповільнювати інформаційно-обмінні процеси в системі. Частки-ферменти забезпечують зворотні зв'язки на рівні висловлення, виявляючи дію фактора самовпливу, самонаростання (чи самопослаблення) у вираженні деонтично-модальної семантики.

Так, фразові **частки**, що виступають у ролі **ферментів-інгібіторів**, **уповільнюють** перебіг процесів і забезпечують тенденцію до сталості й рівноваги в системі. Наприклад, віршова анафора в рядках дактиля затримує темп разом зі складеною часткою **так і**, при цьому в інфінітиві увиразнюється семантика бажання, мрії: «**Так і** піти аж до Криму, до моря і синіх хвиль <...>**Так і** піти по зорях – прадідам, дідові вслід <...>» (286).

Модальна частка **би (б)** – основний фермент-інгібітор у поезії Є. Маланюка, здатний вирівнювати, послаблювати амплітуду коливань віршового метра, уповільнювати темп і згладжувати семантику рішучого волевиявлення. У поєднанні з нею інші частки набувають подібних властивостей. Наприклад, складені частки **хай би, хоч би, коли б** відчутно сповільнюють темп поетичної оповіді: «*О, коли б буря! Коли б, дійсно, вітер – Гостріше гайдамацького ножа – Прополоснув і хай би перерізав Давно зітліле й висохле стебло!*» (216), «*Хоч* вдихнуть, *хоч* узріть тебе де **б...** <...>**Хоч би** на мить свята відрада – Всією вічністю

дихнуть <...>**Хоч би** вже буря, вир, абощо, – Цієї тиші не знести!» (137–138). Складена частка **тільки б** уповільнює темп звучання анапеста: «**Тільки б** рідного поля зворушлива стрічка! **Тільки б** сіра солома прабатьківських стріх!» (101), «**Тільки б** глянули сині очі, Доторкнулась смаглява рука <...>» (404).

Частки-стимулятори, на противагу цьому, відповідають за позитивні зворотні зв'язки, підсилюють волюнтативну семантику, **прискорюють** темпи розвитку інформаційних процесів у системі. Провідний фермент-стимулятор на рівні поетичного висловлення Є. Маланюка – частка **же (ж)**. У переважній більшості випадків вона генерує внутрішньодольову пульсацію в межах *пруживого, переможного* ямба. Стилїстичний потенціал цієї частки стає одним з важливих чинників, що створюють «температуру душі», увиразнюють категоричне, рішуче волевиявлення ліричного героя.

Найбільша активність використання частки **же (ж)** у полі деонтичної модальності припадає на перший, міжвоєнний, період творчості. Вона акцентує волюнтативну семантику імператива: «Вчини **ж** цей щит мій адамантом! Цей меч – архангела вогнем!» (128), «<...> Хай зникне **ж** скитсько-еллінська краса <...>» (161), «Страшіться **ж!**» (218), «Мій вітре простору, заграй **же** Про молодість і даль!» (413), «О, поле бою, закричи **ж**, Розплющ давно засклеплі очі!» (577), – пор. звучання цієї частки в анапесті: «Дике жито! Криваве жито! Поховай **же** страшний наш слід <...>» (117).

Збуджуючи «темпові обертони» всередині основного пульсу, частка **же (ж)** у віршах Є. Маланюка загалом досягає ефекту підкреслення чіткого ритмічного рисунку. І в цьому плані його поезія суголосна звучанню музики Бетховена, в якій, як зауважує М. Г. Харлап, «температура почуття» накладається на акцентований ритм, і темпові модифікації «активізують основний пульс, спричинюючи внутрішнє скандування» [Харлап 1971: 384].

В основі зв'язку темпорегулювальних функцій фразових модальних часток і вираження за їх допомогою ступеня інтенсивності волевиявлення в поетичному тексті лежить принцип діаграматичного іконізму. Дві групи часток-ферментів – інгібітори та стимулятори деонтично-модальної семантики – мають власні комплекси синергійних чинників на різних ярусах мовної системи (лексичному, морфологічному, синтаксичному, інтонаційному). Наслідками впливу модальних часток на перебіг процесів інформаційного обміну є, з одного боку, акцентування семантичних локусів волевиявлення, з другого – гомеостаз системи, єдність і сталість індивідуального стилю митця (див. про це докладніше [Семенець 2004: 234–247]).

Що ближче до центру ФСП деонтичної модальності, то вагоміша

роль мовних засобів у межах висловлення. Чим далі від центру, тим більше потрібна підтримка контексту, цілого поетичного твору, деонтичної модальності всього поетичного ідіолекту для виявлення волонтактивної семантики цих засобів. До **периферійної зони** поля деонтичної модальності в поетичному ідіолекті Є. Маланюка належать лексичні, словотворчі засоби, конструкції експресивного синтаксису (стилістичні фігури), особливості структури поетичного тексту.

Акцентування локусів резонансної взаємодії мовно-естетичної й деонтично-модальної семантики у творах Є. Маланюка має у своєму підґрунті чітку просторово-часову архітектуру, ізоморфізм рівневої організації поетичного дискурсу і спирається на механізми зворотних зв'язків. Саморекурсивний зворотний зв'язок як універсальна закономірність, основа самоорганізації складних нелінійних систем знаходить вияв на мікрорівні (фразові частки в ролі ферментів модальної семантики висловлення), а також на макрорівні організації художнього цілого (рекурентно актуалізовані зв'язки між планом вираження й планом змісту в межах сприймання окремого фрагмента тексту та в напрямі розпізнавання цілісної макростратегії розгортання поетичного дискурсу).

Синергійна дія засобів вираження волевиявлення в поетичному тексті. Єдність естетичного цілого зумовлює чергування дескриптивного та прескриптивного дискурсів, взаємодію і синтез модальностей – ту особливу логіку розгортання поетичного тексту, яка керує і креативно-еволюційним, і діяхронно-еволюційним аспектами формування складності мовно-естетичного змісту: появою стратегічних пунктів морфогенезу (локусів анаграмування, вузлових моментів акцентування граматичної семантики) та еволюційною динамікою системи поетичного ідіолекту в часовому вимірі. Такі опорні моменти текстової архітектоники, як сильні позиції початку, кінця твору чи поетичної збірки, а також заголовки, епіграф, обрамлення, тричленний принцип композиційної організації тексту, закономірності жанрової структури, – під впливом художнього цілого набувають здатності виражати логічно-нормативну семантику.

Якщо ФСП засобів безпосереднього вираження деонтично-модальної семантики (із чітким базовим ядром і розгалуженою периферією) виявляє в парадигматичному вимірі поліфункціональність мовних засобів вираження волонтактивного змісту і поліформність функцій, то синтагматична плинність тексту спричинює синфункціональну дію експресивних мовних засобів, їх спрямованість на вираження цілісного поетичного змісту. Конвергенція засобів різних ярусів мовної системи та їх взаємопідсилення в узгодженому хронотопі текстового континууму підлягають дії універсальних синергетичних закономірностей нерів-

новажності й напруженого стану системи як основи її еволюційної динаміки.

Безперечним є той факт, що саме синтагматична плинність тексту створює умови для «ланцюгової реакції» ускладнення змісту. Слід зауважити у зв'язку з цим, що зростання рівня складності в змістовій організації тексту пов'язане не лише з явищем імпліцитності, своєрідної індукції, коли значення переноситься з контекстуального оточення (як, наприклад, контекст «заряджає» деонтично-модальною семантикою лексеми символічного змісту). У поетичному тексті над правильною топологічною організацією надбудовується надорганізація, яка забезпечує самовплив, самонаростання процесів усередині складної системи, створює умови для явища резонансу.

Когерентність конвенційного тексту слугує тією канвою, на яку накладається загальний темпоритм поетичного твору, що знаходить вираження у віршовому розмірі, довжині рядків тощо. При цьому переважає детермінація від цілого до складових частин: поетичний ритм зумовлює добір слів, граматичних форм, синтаксичних конструкцій як засобів вираження естетичного змісту. У єдиному темпоритмі художнього цілого відбувається синхронізація темпів еволюції структур, що належать як до одного, так і до різних рівнів мовної системи, акцентуються міжрівневі зв'язки. Це стає основою переходу складної системи до того стану, коли вона працює в режимі із загостренням, зі зростанням інтенсивності процесів. Саме в такому стані вможливаються синергійна дія структур різних рівнів мовної системи, явище резонансу – як наслідок їхнього взаємовпливу, взаємопідсилення.

Нелінійна вертикальна організація зв'язків у текстовому континуумі (просторовий вимір) та режим із загостренням, резонансна взаємодія, що виникають у єдиному темпосвіті поетичного твору (часовий вимір), – ці аспекти синтагматичної плинності поетичного тексту спричиняють ефект самонаростання змісту.

Велика роль у зростанні змістової складності системи належить глибинним структурам пам'яті. Підключення елементів пам'яті (елементів минулого) означає порушення симетрії структур-процесів у просторових і часових характеристиках, слугує поштовхом до розвитку системи, до встановлення нової рівноваги в її еволюційній ієрархії. Пам'ять елементів поетичного тексту, у свою чергу, має багатшарову, складну просторово-часову організацію, охоплює інформацію про попередні контексти використання цих одиниць у системі поетичного ідіолекту, зв'язки із синхронним літературним контекстом і апеляцію до традицій національної та світової літератури, етнокультурну інформацію, закодовану в системі національної мови, зв'язки з іншими видами мистецтва (музикою, живописом, архітектурою, театром) тощо.

Генетична перспективна пам'ять елемента системи поетичного ідіолекту може бути закладена, як у зернині, в досить ранньому образі. «Не хліб і мед слов'янства: Криця! Кріс!» (161) – так розпочинається сонет, VII частина циклу «Поліття», датований 15.2.25. Прескриптивний дискурс спирається на згорнуту інформативність цієї лексичної одиниці, на загальномовні образні потенції її використання. Лексема *мед* називає явище, яке підлягає запереченню в деонтичному моральному світі, світі належного. (Про вузлові моменти еволюції цього образу й різні шари мовної пам'яті лексеми *мед* у системі поетичного ідіолекту Є. Маланюка див. [Семенець 2004: 295–296]). Актуалізована позиція завершення поетичного циклу надає особливої переконливості втіленню авторського задуму в цьому сонеті:

Не хліб і мед слов'янства: Криця! Кріс!
Не лагода Еллади й миломовність:
Міцним металом налята безмовність,
Короткий меч і смертоносний спис.

Щоб не пісні – струмок музичних сліз,
Не шал хвилевий – чину недокровність, –
Напруженість, суцільність, важкість, повність
Та бронза й сталь – на тиск і переріз.

Бо вороги не згинуть, як роса,
Раби не можуть вздріти сонця волі, –
Хай зникне ж скитсько-еллінська краса
На припонтійським тучнім суходолі,
Щоб власний Рим кордоном вперезав
І поруч Лаври – станув Капітолій (161).

На вираження єдиного змісту, авторської інтенції волевиявлення скеровані елементи різних рівнів мовної системи: як граматичні структури (імперативні конструкції й номінативні спонукальні речення), так і периферійні засоби поля деонтичної модальності – лексеми-символи боротьби (*меч, спис, кріс, криця, бронза, сталь, метал*); словотвірна семантика деривата з коренем *пруж-* (*напруженість*), волюнтативне звучання яких підсилене стилістичними фігурами та закономірностями текстової структури сонета.

Семантика кореневої морфемі *пруж-/пруж-*, що в поетичному ідіолекті Євгена Маланюка виступає в ролі «акумулятора» семантики пружності, заряджаючись нею в сингармонійному контекстуальному оточенні ізотопічних груп лексики (докладніше про це [Семенець 2004: 265–275]), увиразнює ознаку пружності, якою наділені всі рівні текстової

організації – вольова, впевнена інтонація, енергійний ритм п'ятистопного ямба із симетрично розташованими стопами пірихія і бінарний макроритм тексту, чоловіча клаузула першого рядка, яка задає мажорну тональність твору. Особлива роль належить кінцевим приголосним звукам, які замикають словоформи: «<...> Напруженість, суцільність, важкість, повність Та бронза й сталь – на тиск і переріз». У межах цього висловлення властивість пружності досягнута ампліфікацією однорідних членів речення, асиндетоном і приєднанням пари однорідних членів – назв металів. Цей ряд, наче замком, затиснутий еліптичною конструкцією, в складі якої віддієслівні іменники, утворені способом нульової суфіксації. На рівні структури тексту ця конструктивна особливість повторена ключовим словом – онімом *Капітолій* – в абсолютному кінці твору.

Отже, на всіх рівнях мовної системності в тексті розкривається єдиний принцип організації, рельєфно проступає єдиний рисунок структури, про що писав У. Еко [Еко 1998: 84–85]. Ця ознака пружності й динамізму, якою наділений матеріальний субстрат – поетичний текст, виступає – за іконічним принципом – знаком змісту художніх образів у мистецькій дійсності.

Унаслідок ізоморфізму рівневої організації та конвергенції – односпрямованої дії засобів усіх ярусів мовної системи на вираження єдиного змісту – відбувається концентрація енергії поетичного дискурсу. Підключення елементів пам'яті системи, історіософської концепції автора поглиблює змістову опозицію образів *лагода Еллади, скитсько-еллінська краса vs. власний Рим*. Синергійна взаємодія експресивних засобів виявляє локус, де сходяться промені «віялової структури» поетичного тексту, – сонетний замок – і ключове, завершальне слово сонета, яке втілює ідею української державності: «<...> Щоб власний Рим кордоном вперезав І поруч Лаври – станув *Капітолій*».

Висока частотність віддієслівних іменників безсуфіксного способу творення – спільна риса поетичних ідіолектів Євгена Маланюка і Олега Ольжича. У морфемній будові таких дериватів ізоморфно повторена стисла й пружна фактура поетичного тексту. Згадаймо рефрен, який проходить крізь поему «Незнаному Воякові»: «Ми йдемо неухильно, ми йдемо до кінця, І вибух голосить наш *пріхід*» [Ольжич 1994: 88]. Порівняймо також контекстуальне взаємопідсилення віддієслівного іменника безсуфіксного способу творення, інфінітивної форми на *-ть* та еліптичної структури речення:

Знов не вгору несміливим зором –
В безкраї степів.
Жити повно, широко і скоро
І *урвать*, як спів [Ольжич 1994: 115].

Пружний крок лунає на тлі амфібрахіїв і ямбів, карбуючи в тем-посвіті Ольжичевої поезії неугнутість нашої волі / нашої віри граніт [Там само: 55, 84]. *Неугнутість волі* Олега Ольжича і *незломність* ліричного героя Євгена Маланюка відчутні в напруженому темпоритмі їхніх поетичних творів. Цей темпоритм виступає підґрунтям утілення **естетики Чину**, яка ідейно й стилістично єднає митців Празької школи.

Триптих «Побачення» (1939–1941 рр.) – завершальний твір у збірці Євгена Маланюка «Влада». Саме в цій поезії звучить мотив українського Роду і Дому, у вуста героя Василя Тютюнника вкладені слова-прозріння про справедливість долі та перемогу людини над смертю. Саме в триптиху «Побачення» Василь Тютюнник вимовляє формулу боротьби: *мус і віра*, – що самим своїм ритмом синтагми близька до попередньої – *чин і кара*. Її змістова вагомість акцентована графічно – віршовим уступом:

«<...> Побороти сумнів –
Саме це слово зимне, як гадюка,
Й отруйне, як вона, – зблювати з уст
І викреслити з мови.
Мус і віра.
Мус віри. Звіра переможе Дух.
Велика віра...» (387).

Сурядне сполучення слів *мус і віра* в плинності тексту замінюється підрядним генітивним словосполученням *мус віри*, де семантизований сам підрядний зв'язок, як більш глибинний, міцний. Актуалізовані й суб'єктні семантико-синтаксичні відношення в ньому: віра змушує боротися, спонукає до боротьби. Додаткова семантизація відношень у підрядному словосполученні підтримана синергійною дією метричного рівня організації поетичного тексту: на фоні ритму п'ятистопного ямба вагомо виділяється в першій стопі досить рідкісний у поезії Євгена Маланюка – і тим виразніший – спондей: *Мусвіри*.

На зміну поєднанню слів *мус і віра*, *мус віри* – в іншому творі (1941 р.), який буде включений до наступної збірки «Проща», приходять сполучення *мудрість і віра*: «Поглянь на камінь: він мовчить Мовчанням мудрості і віри» (429). У поезії 1965 р. «Осінь» (з останньої збірки Євгена Маланюка «Перстень і посох») *мудрість і віра* заміниться врівноваженими стопами дактиля – як внутрішнього ритму синтагми – з гармонійним наростанням наголошених складів у словах (перший – другий – третій склади): *мудрий листок листопада* (613), – на загальному тлі верлібру цієї поезії.

У складній організації поетичного дискурсу стохастичні закономірності під впливом асимптотик креативно-еволюційних процесів, атракторів, що визначаються домінантою творчості письменника, вибу-

довуються в чітку лінію, в аналізованому матеріалі – втілення авторської інтенції волевиявлення, реалізації в деонтичному моральному світі ідеї української державності та встановлення шляхів її досягнення. Апельювання до структур пам'яті національної мови, видобування змісту із самої мовної матерії викликають інформаційні потоки, що йдуть з глибинних рівнів організації поетичної мови. На такому ґрунті вможливується креативний вплив об'єктивного світу поетичної мови на суб'єктивну поетичну творчість, коли сама мовна матерія й закони організації поетичного світу навіюють митцеві художнє відкриття, що є своєрідним аналогом явища емерджентності, описаного К. Поппером для світу наукових ідей і теорій.

Слід зауважити «локальну» природу подібних явищ. Вони являють вершинні, «стратегічні» точки в розвитку поетичної мови. Тому й анаграмування не суспіль поширене в поетичних текстах, а має місце лише в окремих творах, у певних їх моментах. Такі вузлові моменти тяжіють до структур-атракторів, де сконцентрована найбільша поетична енергія. Вершинні точки поетичної мови, як правило, виникають на ґрунті взаємодії й синтезу логічних модальностей, локалізовані в інформаційно ущільненому текстовому просторі, де має місце зустріч кількох провідних мотивів.

Поезія «Postscriptum» (1964 р.) – завершальна в останній прижиттєвій збірці Євгена Маланюка «Серпень», своєрідний підсумок життєвого досвіду, прожитих років. Тяжіння до жанру напису зумовлює монументальний характер твору, особливу вираженість кожного слова в ньому. Це своєрідний момент істини, коли раптом відкривається сутність речей, подій, прожитих років. Важливою для такого моменту істини є експлікація інтенсивності умов щирості як одного з компонентів ілокутивної сили висловлення, цим акцентовано звучання й зміст описової конструкції поля деонтичної модальності мушу:

Та на тім тлі – ось вибухає враз
Ота палючо-гостра правда: мушу! (551)

«Віялова структура» поетичного тексту вияскравлює точку-естремум у художньому мисленнєвому просторі, що виявляється завдяки конвергенції та синергійній дії експресивних засобів усіх рівнів мовної системи. Синтаксична організація тексту експлікує у вертикальному вимірі поезії виокремлення форми інфінітива з безособової конструкції, внаслідок чого в прескриптивному дискурсі естетично значущою стає сама граматична форма інфінітива:

Тоді кожен оглянеться і зрозуміє,
Що ця хата, цей шлях і цей обрій –
Це Мати-Земля,
Що її ображати ніхто не сміє –

Ні каган, ні король, ні мешканець Кремля.
Що *не треба* заплутано метикувати
В залежності від нагод і годин, –
Тільки *знати*:
Вона – Мати,
Ти – син.
І *бачити* вічність – блакить бездонну,
І тільки вічністю *міряти* час.
Не благати, не переконувати
Ні їх, ні нас (552).

Ці останні рядки твору – яскраво виражений кульмінаційний локус поетичної мови з актуалізованою семантикою граматичної форми. Об'єктивно-нормативне значення інфінітива втілює абсолютний моральний закон, вселюдську й вічну цінність (характерна опозиція в тексті *час – вічність* і корелятивні з ними поняття відносності (*в залежності від*) та абсолютності (*це Мати-Земля*) в деонтичному моральному світі). Саме на цей уривок звертає особливу увагу Анатолій Шевченко, наголошуючи на тому, що нам необхідно «затямити просту й геніальну формулу патріотизму, яку вивів Євген Маланюк» [Шевченко 2000]. Ця «формула» – справді ніби поетичний аналог наукового відкриття, що постає на ґрунті взаємодії об'єктивних законів поетичної мови та мудрого прозріння таланту митця.

Епістемічний оператор *Я знаю* – верифікатор мистецької правоти. Епістемічна модальність репрезентує інформацію про те, чи є зміст вислову відомим, невідомим а чи гаданим. Вона є складником модусної частини висловлення (Ш. Баллі звертав увагу на те, що найяскравішими виразниками модусу є саме дієслова на зразок *думати, гадати* – тобто епістемічної семантики – в головній частині складно-підрядного речення з підрядним з'ясувально-об'єктивним [Баллі 1955: 43–48]). Суб'єктивну модальність Шарль Баллі визначав як активну мисленнєву операцію, що її мовець проводить над уявленням, яке міститься в диктумі. В аналітичній філософії контексти, які створюються дієсловами мислення, думки, знання і втілюють суб'єктивний модус, були віднесені до контекстів інтенціонального типу (В. ван О. Куайн).

Твердження в ліричному дискурсі, окрім пропозиції, містить також – принаймні імпліцитно – пропозиційну настанову, модальний оператор віднесеності до суб'єктивної сфери мовця: *Я припускаю (гадаю, думаю, вважаю, певен), що А* (оператори можуть бути розташовані на своєрідній «шкалі впевненості»). Граничний випадок подібних модальних висловів – *Я знаю, що А*. Саме цим, очевидно, зумовлена особлива роль епістемічної модальності мислення в організації поетичного тексту.

Прагнення переконати читача, залучити його до співпереживання, співрозуміння спричинює тенденцію до активізації висловлення в ліричному дискурсі, поширення сфери його дії. У напрямі розвитку перформативної гіпотези можна висловити припущення, що на рівні глибинної структури поетичного вислову з пропозицією *A* має місце «передмова»: *Я переконую тебе: A*, – і мета текстовий епістемічний оператор *Я знаю, вір мені!* імплікує певний ступінь істинності тверджень у ліричному дискурсі.

Формально виражений у поетичному тексті епістемічний оператор *Я знаю* є засобом експлікації роздумів автора, рефлексії над власною творчістю. Дослідження ступеня вияву персуазивної ознаки дозволяє вибудувати градуальний ряд функціонально-семантичних різновидів реалізації оператора *Я знаю* в поетичних текстах Євгена Маланюка: розуміння, усвідомлення → логічне передбачення → пророцтво → передчуття → переконання, віра → метафізичне знання (надзнання) → прозріння (див. [Семенець 2004: 78–88]). Щаблі функціонування епістемічного оператора експлікують процесуальність структури поля епістемічної модальності, а з урахуванням текстового вияву взаємодії модальностей можуть слугувати фундаментом для аналізу синкретичної природи процесів мислення й мовно-естетичного спілкування.

Змістове наповнення й функціональні властивості одиниць цього ряду визначаються змістом цілого – поетичного висловлення, мистецького твору, водночас виявляючи зв'язок із синтаксичним статусом конструкції в реченні. Ступінь упевненості менш експлікований у парентетичних конструкціях («Та з-поза обрію, *знаю*, Надходять суворі фаланги <...>» (355)), виразніше виявляється в з'ясувально-об'єктних складнопідрядних реченнях («Ні, не прощайте: *знаю*, Що там, де світлість радісна панує, Там, на високім березі затоки – Мене зустрінуть очі, повні сині <...>» (448)) і найяскравіше втілений у стислій і місткій структурі безсполучникового складного речення. Причому, хоча в подібних конструкціях у поезії Є. Маланюка використано й двокрапку, і тире, однак двокрапка виявляється значно сильнішим знаком: «*І знаю: буде. Знаю: вдарить. І знов, і знов хитнеться світ <...>*» (134). В останньому прикладі парцеляція, лексичні повтори, акцентована предикативність (унаслідок незаміщеної позиції суб'єктних субстанціальних синтаксем при предикатах *буде, вдарить*) віддзеркалюють характерні особливості внутрішнього мовлення, закарбовані в поетичному тексті.

Перехідні й синкретичні випадки у сфері дії епістемічного оператора зумовлені належністю природної людської мови – і поетичної мови особливо – до царини логічно нечітких, розмитих множин. Саме нечітка й багатозначна логіка спричинює континуальність мовних феноменів: поступовість переходів, синкретизм семантики. Такий принцип семан-

тичної організації поля епістемічної модальності цілком відповідає синергетичному розумінню структури як процесу.

Міцне переконання, палка віра дозволяють поетові стверджувати дещо як **необхідно значуще** також і для інших людей. Оператор *Я знаю* при цьому виконує функцію вираження не лише суб'єктивної впевненості, а й процесу переконування, прагнення переконати. За цих умов у поетичному ідіолекті Євгена Маланюка речення постає як **безумовно й необхідно істинне**. Епістемічний контекст *знаю, що А* перетворюється на контекст епістемічної необхідності: *a priori* *знаю, що А*. **Епістемічна модальність** знання, віри, таким чином, підтримується **атлетичною модальністю** необхідної істини, і це становить підґрунтя мистецького втілення ідеї майбутнього рідної землі в завершальних рядках «Другого посланія»:

<...> Ти не загинеш, мій народе,
Пісняр, мудрець і гречкосій.
Бо *вірю*: судні дні не даром
Твій чорний рай зняли пожегом
І племін слупами росте,
Сполучуючи з небом степ.
І небо сходить на країну
Крізь зойк заліз, крізь звіря рик,
Крізь дим руїни - - -
– Україну
Новий узріє чоловік (423).

Вельми характерною тут є взаємодія модальностей: контекст виявляє постання модальності необхідної істини на ґрунті експліцитно вираженої, акцентованої епістемічної модальності твердої впевненості, міцного переконання: «Бо *вірю*: судні дні не даром <...>» (яскраво виражена дія метатекстового оператора ліричного дискурсу *Я знаю, вір мені!*). За наявності у висловленні ознаки максимальної щирості автора, яку читач сприймає «проміж баченням», між словами, в їх взаємодії («<...> істина і правда не є якийсь окремий предмет, а є щось, що витає між предметами чи між словами. Бачення істини є бачення, яке можна було б назвати «проміжбаченням»; це «атмосфера істини», що «проглядає між словами» [Мамардашвили 1995: 151, 158]), таке поетичне формулювання моделі грядущого рідної землі звучить як необхідна істина. Особливим значенням наділена сама послідовність граматичних форм дієслів-присудків: минулий час – теперішній – майбутній час; важлива й логічна природа форми майбутнього часу (пропозиція такого висловлення може бути верифікована і не може бути фальсифікована).

У поетичній дійсності творів Є. Маланюка моделюються світ минулого й теперішнього – та уявний, бажаний світ майбутнього, часто

вони наділені контрастними реаліями: *тиша – грім; марний стилос – розпочатий Рим* (170); *згарища століття, чорний дим – племінь і контури* (251). Взаємодія цих світів в інтенціональній поетичній дійсності спричинює ефект прозріння:

Мені крізь згарища століття, в чорнім димі,
Вже прозоріють
Пломінні контури, ще людям невидимі,
Здійсненні мрії.
І знаю –
Новий Бетховен
Громами й бурями продиригує
Нову Сонату Патетік (251).

Синергетика процесів інтенціоналізації в поетичному тексті.

З погляду синергетики модальностей поетичної творчості, актуальним завданням є розкриття модально-логічної природи та закономірностей процесів інтенціоналізації в поетичній мові, що зумовлює необхідність інтегрованого розгляду **алетичної** модальності поетичного тексту, **референційної** сфери висловлення та **семіотичної** специфіки експресивних поетичних знаків.

Базовий процес **інтенціоналізації** в поетичному тексті полягає в акцентуванні інтенціональної сфери висловлення внаслідок актуалізації зв'язку імені з інтенсіоналом, форми вираження мовного знака – із сигніфікатом, а вже через нього – з референтом. У поетичній мові актуалізований зв'язок імені з сигніфікатом (а не з денотатом, референтом, як у практичному дискурсі), тобто з погляду логічної семантики вирішальна роль належить інтенсіональному значенню. Саме тому на підставі формальної близькості мовних знаків уможливується взаємодія смислів, відбувається пошук спільних семантичних компонентів, що має місце, наприклад, у випадках паронімічної атракції, пор. у творі Євгена Маланюка «Батьківщина»:

І простором розгониться земля...
О, згубо обрїїв, о, хижий пліг безкраю!
Віки – несита жадоба твоя
Живить і тне, *кохає і карає* (326).

В інтенсіональному світі поезії Є. Маланюка, що має свій особливий темпоритм, навіяний звучанням поетичного тексту, на тлі паралельних антитетичних побудов паронімічна атракція *кохає і карає* слугує засобом художньо-образного втілення й водночас поетичного обґрунтування історіософської концепції автора, теорії геокультури,

думки про відвічне «степове прокляття» рідної землі. У цьому суголосні історіософські концепції Євгена Маланюка і Юрія Липи; пор. епіграф з твору Ю. Липи до циклу Маланюка «Варяги» – з акцентованим звучанням паронімічної атракції: «О, прокляття твоє, богорівне *прокляття простору...*».

Поетична етимологія, яка ґрунтується на явищі паронімічної атракції, встановлює каузальні зв'язки форми й змісту мовних знаків – від близькості форми до логічної зв'язаності інтенціоналів, пор.: *ой Ладо* – *Степова Елладо* (137), *варязькая Ладо* – *Дніпровська Еллада* – *древню владу* (257), *лагода Еллади* (418), *І ладом Еллади* Світ просвітляється... (492), – як відображення в можливому світі поетичних ідей тези про генетичну спорідненість української культури з давньогрецькою.

З-поміж різних типів дискурсу в ідіолекті Євгена Маланюка (поетичних, літературно-критичних, культурологічних, історіософських, публіцистичних творів), що перебувають у відношеннях взаємного доповнення та синергійної взаємодії, поетичний текст як найскладніший за своєю організацією тип мовлення з потенційно закладених у природній мові володіє найбільшим потенціалом засобів і прийомів пошуку істини, ствердження авторської концепції, і виявляє особливу, власне поетичну логіку розвитку думки.

Впливова сила поетичного висловлення визначається низкою чинників, насамперед ступенем його істинності, що перебуває в безпосередньому зв'язку з мірою щирості, яка може бути вивірена чистотою поетичної інтонації. Гранично щире поетичне висловлення здатне виражати **алетичну модальність необхідної істини в суб'єктивному** мистецькому світі, **об'єктивно** існуючи при цьому **в модусі можливого**, представляючи один з можливих описів стану, один з уявних світів. Саме можливий світ, поряд з іншими модально-логічними індексальними характеристиками, виступає одним з аргументів функцій істинності. Гармонійність, злагодженість компонентів побудованого інтенціонального поетичного світу, у свою чергу, є важливим чинником естетичного впливу мистецького твору. Цей фактор корелює з доцільністю використання експресивних мовних засобів, їхньою функціональною виправданістю і детермінованістю з погляду художнього цілого.

Динаміка єдиної, цілісної естетичної системи, представленої тріадою: «полотно» поетичного тексту – сфера інтенціоналів – референційна сфера феноменів мистецької дійсності, – забезпечується фактором «розтяжки інтенції» авторської праці написання твору та читацького сприймання. Поняття «розтяжка інтенції» використовує у своїй філософській праці Мераб Мамардашвілі, доводячи, що будь-яка предметність «так повинна утримуватися *разом* (подвійно, як різноспрямовані напинання кінців лука). Лише таке «натягнуте» чи «розіп'яте» пере-

бування на межі є можливість творчості (в майбутньому) і розуміння (в теперішньому)» [Мамардашвили 1997: 58]. Творчість і процес пізнання обов'язково перебувають у стані "розтяжки hicetnunc, моменту «поміж» [там само: 106]. «Напруження – це життя у світі потенцій, а не актуалій, і тому завжди можливість чогось іншого, непередбачуваного, нескінченного в цьому значенні слова. <...> У світі потенцій, тобто у світі повної дії або через нього, поєднані всі світи» [там само: 132]. У понятті «розтяжка інтенції», напевне, найяскравіше втілений феноменолого-синергетичний акцент філософії М. Мамардашвілі.

Синергетика модальностей поетичної творчості відкриває в субзистенційній царині референтів художнього світу аспект постійного й невинного становлення буття, а семіотичне ахронне – вічне – буття мистецьких ідей пов'язує зі сферою інтенціоналів. Саме в цій сфері відбувається нескінченне змістова збагачення поетичного тексту з плином фізичного, термодинамічного часу – в численних, дедалі нових читацьких інтерпретаціях.

«Від буття до становлення». Тривкість мистецьких творів у часі. «From being to becoming» – англійська назва відомої книги Іллі Пригожина. Немарковські процеси, що є підґрунтям поетичної творчості, визначають синергетичну природу безупинного, щораз нового становлення мистецької дійсності в ході читацького сприймання. Становлення на основі буття – і становлення самого буття.

В обґрунтування ідеї вічності творів справжнього мистецтва у Євгена Маланюка покладено епістемічну модальність знання: «Ми знаєм більше, ніж вони – Ті, що руками роблять слово» [Маланюк 1997а: 173]. Недарма й шорстка, терпка, остання правда поезій Й. С. Махара пов'язується з ідеєю вічності (231–232). Бачення істини, що відкривається митцеві, наближає його до вічності. У вірші "Краків" показовим є зв'язок понять вічність – вічна правда, що постає на тлі опозиції множинних форм іменників конкретної семантики (у тому числі оказіональної множини) та форми однини лексем вічність, правда:

І раптом зникнуть ф'якри, авта,
Трамваї, світла і бетони,
І встане вічність – вічна правда<...> (462).

Поетична рефлексія над безсмертям вершинних злетів людської культури втілена у вірші «Постскриптум»: смерклому небу, кривавості слав, грому ескадр протистоїть вічний Парфенон і його буття, виражене дієслівною формою теперішнього позачасового:

Та як п'яний, як заповідний сон,
Що не доснивсь, що обіцяє й кличе, –
Вечірнім сонцем сьайний Парфенон
Пливе в готичну ніч середньовіччя (378).

Існування предметів в емпіричній дійсності підлягає дії другого начала термодинаміки – закону зростання ентропії. Фізичне поняття ентропії характеризує необоротне розсіювання, знецінення енергії в ході термодинамічних процесів. Необоротному плинові часу («стрілі часу», завжди спрямованій з минулого в майбутнє) з неминучістю відповідають зростання ентропії в замкненій системі й неодмінне руйнування речей. Марним, тимчасовим речам емпіричної дійсності мистецтво протиставляє іншу, гармонізовану форму буття, нетлінну й не підвладну часові.

Якщо при марковському підході загальна спрямованість статистичних процесів визначається другим началом термодинаміки, то немарковські процеси, навпаки, виявляють здатність систем з пам'яттю до саморозвитку. Інформація і знання, підвищуючи рівень організації в системі, спрямовані на вичерпання ентропії. У творчих мистецьких злетах людство стверджує свою перемогу над ентропійним часом.

Гармонійна, злагоджена, впорядкована за законами краси організація поетичного твору визначає семіотичне ахронне буття – поки існують людина, мова, текст – побудованої в ньому поетичної дійсності. Фізичний ентропійний час, руйнуючи предмети матеріальної дійсності, здатен, навпаки, інформаційно збагачувати тексти культури. Така здатність до накопичення інформації (й – відповідно – зменшення ентропії) закладена в природі тексту як знакового утворення. Ідея цього міститься вже у твердженнях В. Гумбольдта, О. Потебні, в інтерпретації мови як енергії, що творить думку, формує людську свідомість. Тлумачення мови й художнього твору як *ἐνέργεια* передбачає акцент на генеративній здатності поетичного тексту, його спроможності постійно створюватися, щоразу породжувати нові значення, даючи простір для численних інтерпретацій.

Текст перевершує свою матеріальну даність саме завдяки співпричетності до свідомостей автора й читача. Та фундаментальна риса людської свідомості, яку феноменологічна філософія й естетика визначають як інтенційність, у сфері спілкування виражається в невпинній семантизації його засобів. Тому художній текст виявляється здатним не просто «передавати» інформацію – пізнавальну, емоційну, естетичну, – а генерувати в кожному читачеві особливе, індивідуально-неповторне прочитання, зумовлене картиною світу людини, її життєвими цінностями й навіть актуальними пріоритетами моменту. Так у вершинних злетах людської думки поєднуються хвилиenne й вічне, індивідуально-своєрідне і загальнолюдське, земне й духовне. Те, що мовою сучасної модальної логіки позначається як сфера інтенціоналів і референційна сфера поетичного твору, Олександр Потебня фактично описував у термінах «значення поетичного образу Х» і «образ А», наголошуючи на змінній природі й, по суті, безмежності значення Х, підкреслюючи, що «воно при кожному випадку розуміння знов оживає» [Потебня 1976: 331].

Людська культура, антиентропійна за своєю природою, розвивається в напрямі постійної семіотизації, невпинного інформаційного збагачення. Знак, текст, культура, семіотична система, семіосфера [Лотман 2000] становлять незамкнену, відкриту систему (відкрити у світ культури та у світ позасеміотичної реальності). Тому вони не підвладні часові й ентропії – навпаки, постійно відновлюють свою різноманітність. Світ семіозису одержує перемогу над фізичним часом.

Література

1. Агошкова Е. Б. Эволюция понятия системы / Е. Б. Агошкова, Б. В. Ахлибинский // *Вопр. философии.* – 1998. – № 7. – С. 170–178.
2. Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка* / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
3. Гумбольдт В. фон. *Язык и философия культуры* / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.
4. Дзюба І. Поезія вигнання / І. Дзюба // *Прапор.* – 1990. – № 1. – С. 131–136.
5. Ивин А. А. *Логико-философское исследование ценностей* / А. А. Ивин // *Исследования по неклассическим логикам (VI Советско-финский colloquium)* / отв. ред. В. А. Смирнов. – М. : Наука, 1989. – С. 259–277.
6. Ивин А. А. *Некоторые проблемы теории деонтических модальностей* / А. А. Ивин // *Логическая семантика и модальная логика* / отв. ред. П. В. Таванец. – М. : Наука, 1967. – С. 162–232.
7. Лотман Ю. М. *Семиосфера* / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
8. Маланюк Е. *Pro domo sua* / Е. Маланюк // *Веселка.* – Каліш (Польща), 1923. – № 7–8. – С. 55–60.
9. Маланюк Є. [Духовна хвороба] Військовий. Перше завдання // *Наша Зоря.* – 1921. – № 16–17. – С. 1–4) / Є. Маланюк // *Українська мова та література.* – 1997. – № 43 (59). – С. 3–4.
10. Маланюк Є. Ф. *Невичерпальність : Поезії, статті* / Є. Ф. Маланюк. – К. : Веселка, 1997а. – 318 с.
11. Маланюк Є. *Поезії* / Є. Маланюк. – Л. : УПІ ім. Івана Федорова; «Фенікс Лтд», 1992. – 686 с.
12. Мамардашвили М. К. *Лекции о Прусте (психологическая топология пути)* / М. К. Мамардашвили. – М. : Ad Marginem, 1995. – 548 с.
13. Мамардашвили М. К. *Стрела познания (набросок естественно исторической гносеологии)* / М. К. Мамардашвили. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 304 с.
14. Ольжич О. *Незнаному Воякові. Заповідане живим* / О. Ольжич. – К. : Фондація імені О. Ольжича, 1994. – 432 с.
15. Постовалова В. И. *Картина мира в жизнедеятельности человека* / В. И. Постовалова // *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира* / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М. : Наука, 1988. – С. 8–69.
16. Потебня А. А. *Мысль и язык* / А. А. Потебня // *Полн. собр. соч.* – 4-е изд., пересмотр. и испр., с ввводной статей В. И. Харциева. – Т. I. – Одесса : Гос. изд-во Украины, 1922. – XXX + 188 с.

17. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
18. Семенець О. О. Синергетика поетичного слова / О. О. Семенець. – Кіровоград : Імекс ЛТД, 2004. – 338 с.
19. Уемов А. И. Системные аспекты философского знания / А. И. Уемов. – Одесса : Студия «Негоциант», 2000. – 160 с.
20. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уемов. – М. : Мысль, 1978. – 272 с.
21. Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичёв и др. – 2-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
22. Франко І. Твори: в 20 т. – Т. XX: Вибрані листи / І. Франко. – К. : Держ. вид-во худож. літ., 1956. – 810 с.
23. Харлап М. Г. Ритмика Бетховена / М. Г. Харлап // Бетховен. Сб. статей. – Вып. I / ред.-сост. Н. Л. Фишман. – М. : Музыка, 1971. – С. 370–421.
24. Шевченко А. Вступна стаття до публікації Ю. Войчишин «Поет абстрактів і контрастів (система образів поета)» / А. Шевченко // Диво слово. – 2000. – № 10. – С. 49.
25. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

ГЛАВА 2.

СИНЕРГЕТИКА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИИ

2.2. Феномен переходности в искусстве: литературоведческий и синергетический подходы к проблеме

Силантьева В.И.

Переходность в литературоведении

Специфической особенностью предлагаемой статьи является преимущественное внимание автора к литературе и живописи эпохи «рубежа» и «переходности» – речь идет об искусстве конца XIX – начала XX веков. Но так как движение от классических форм реализма к модернизму оказалось всемирнозначимым, то морфология *переходных форм*, созданных в это время, помогает уяснить закономерности переориентации в их уже «классическом» варианте.

Подчеркнем, что показателями очевидной переходности и непостоянства эстетических ориентиров обычно характеризуются *периоды смены культурных эпох* (например, перехода от Средневековья к Возрождению; от Античности к застывшим формам искусства Римской империи) или первоначальное острое противостояние искусств различных художественных направлений (например, реализм – авангард; модернизм – постмодернизм). Уже замечено, что с особой четкостью «рубежное сознание» или «переходность» предстает в моменты «перетекания» одного столетия и тысячелетия в другое. Его характеризуют такие показатели, как **драматизм, конфликтность, противоречивость**.

Факт переходности может продемонстрировать себя «точкой», то есть логикой художественного мышления только одного автора (например, так было с Артюром Рембо); но может – и целым периодом в развитии искусств, представленным многими именами (такое поло-

жение вещей как раз и характеризует литературный процесс России 80–90-х гг.). В этом варианте переход от «Золотого» (реалистического) века к «Серебряному» (модернистскому) – поистине эпохальное событие.

Графическая модель только что обозначенного процесса в наше время успешно определяется и прорисовывается. Уже довольно давно мы говорим о волновом развитии искусств и периодической повторяемости его форм. Принята к сведению и одобрена многими учеными теория «длинных волн развития» Н. Д. Кондратьева, в которой показаны закономерности «циклических колебаний» и их взаимосвязь [Кондратьев 2002]. Философы, культурологи и литературоведы приняли на вооружение теорию «взрыва» Ю. М. Лотмана [Лотман 2000: 149], а также теорию «резонирующих объектов» С. П. Курдюмова, опять-таки объясняющую повторяемость режимов стабильности-обострения-самоорганизации темпомиров [Князева, Курдюмов 2002]. В общем, речь идет об умозаключениях исследователей, которые рядом со словами «стабильность» и «постоянство» поставили слова «кризис», «хаос» и подтвердили периодичность смены одного явления другим.

Подчеркнем, что теория взрыва Ю. М. Лотмана оказалась сопоставимой и с «гештальт-теорией» немца Макса Вертгеймера [Вертгеймер 1987], а также американца Рудольфа Арнхейма [Арнхейм 1994]. Для искусствоведов особенно важными в этой области знаний являются работы Генриха Вёльфлина. Он, анализируя барокко, пришел к выводу: этот «недостиль», каковым долгое время и называли барокко, неся в себе признаки причудливых и странных для логического ума сращений, как раз и демонстрирует искусство периода хаоса и переориентирования. В нем присутствуют потенции поиска и неожиданных решений, основанных на синтезе [Вёльфлин 1994].

В общем, искусство, рожденное в периоды кризиса и переориентирования, обязательно продемонстрирует свою эклектичность и хорошо, если, например, архитектура барокко, пышно декорировав их, все-таки будет удерживать пропорции элементов прошлых стилей. Будет – значит и в эту эпоху появятся произведения Джованни Бернини и Бартоломео Франческо Растрелли. Нет – тогда ландшафты городов (как это наблюдается сейчас) покрываются множеством архитектурных бесстилевых уродов, сомнительное достоинство которых определяется массой «украшающих элементов».

Неоднократно говорилось и о том, что понятие «кризис», сопутствующий переходу от одной системы оценок к иной, – при всём своем отталкивающем воздействии на человека, тем не менее, – система в какой-то мере прогнозируемая и заставляющая его, «человека растерянного», активно экспериментировать как собственной судьбой, так и поиском себя в мире.

Синтетические формы, демонстрирующие себя в искусстве переходного времени, рождают чувство саморазвития и постоянных экспериментов. Художественному потоку таких периодов свойственна многовекторная «веерность», а главной особенностью литературного процесса переходного времени можно назвать *эволюционную противоречивость*. Сначала авторы произведений еще подвержены устоявшейся традиции, но пытаются видоизменить знакомые формы и жанры. Их задачей оказывается демонстрация неисчерпаемых возможностей устоявшихся форм искусства и смена художественных акцентов во внешне традиционных формах письма. К наиболее заметным фигурам данного рода деятельности в русской литературе конца XIX – начала XX веков можно отнести А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. И. Куприна. Их жанровое реформаторство, создание особой формы рассказа (новеллы) романного содержания и лиризацию сюжетного пространства произведения сейчас воспринимается как образец литературного творчества названного типа переходности.

Самой радикальной формой «отказа от прошлого» являются эпатажирующие и скандализированные формы творчества. Здесь эксперимент нацелен только на разрушение и насмешку. С особой наглядностью эту особенность переориентирования продемонстрировал российский постмодернизм 90-х годов XX века. В такие времена особенно часто писатели «заигрывают» со среднестатистическим читателем, в итоге – рождаются уже не произведения, а «чтиво». Как следствие, современный период переходности в литературе отмечен множеством «завлекающих» сюжетов в ярко-обложечном бездарном оформлении, а также детективно-сериальным «разгулом». В чеховские времена многие из тех, с кем будущий классик начинал свой путь в журналах «Будильник» и «Осколки» (М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, В. В. Библин, И. Л. Леонтьев-Щеглов, И. Н. Потапенко, Ал. П. Чехов), так и остались «мещанскими писателями» и теми, кто интересен ненадолго, а лучше сказать «на час».

И все же только что названные процессы очень показательны. Потому что на пересечении одного и другого рождается новый код искусства, названный когда-то модернизмом. В русской культуре он выявил себя потоком произведений, обозначенных термином «Серебряный век». И как невероятно высоки и эстетически значимы были достижения этого «века». Каким истоком будущих достижений в искусстве стал русский модерн в вариантах символизма, экспрессионизма, акмеизма и футуризма. Как обогатил он общеевропейскую культуру.

Обобщая, можно утверждать, что переходность в современных научных изданиях воспринимается: а) как драматический этап ломки устоявшихся представлений о жизненных (и художественно-эстетических)

ценностях; б) как этап кризисного порядка, в котором большое место принадлежит хаосу; в) как период прогнозируемых перемен, провоцирующий человека на множественные эксперименты. Основополагающими чертами «безвременья», или «времени поиска и ошибок» можно считать идейный разброд в обществе и неоднозначность искусства; активный скепсис по отношению к заветам «отцов» (то есть к достижениям уходящего поколения); расцвет мещанской идеологии; констатацию и даже поэтизацию безобразного; устойчивое «усреднение» художественных вкусов, предполагающее «заигрывание» с массовым читателем.

Научные исследования на данную тематику, созданные в контексте обострившегося чувства «крушения» и «перехода» конца XX – начала XXI веков, позволили систематизировать наиболее показательные особенности произведений «переходного времени». Это:

- **Подведение итогов, переосмысление прошлого** и активное его отрицание; частые попытки синтеза нового со старым.

- **Дробность картины мира, импрессионистичность мышления**, когда жажда гармонии оборачивается только поэтизацией короткого мгновения.

- **Смех развлекающий, отрицающий, созидающий**. В это время активно используются все формы смеховой культуры (от сатиры и сарказма до легкой и легкомысленной шутки), но особое значение приобретает ирония как скрытая форма «смеха сквозь слезы».

- **Новый виток мифологизации прошлого**, множественные попытки утверждения / самоутверждения «новых кумиров» и поиск новых героев «растерянного (утратившего ориентиры) времени».

- **Новый синтез конкретного и общего**, предполагающий онтологический принцип «всеобщего понятия бытия» и позволяющий объединить материализм с мистикой.

- **Сублимация**, то есть перетекание свойств одного вида искусства в другой (отсюда – синестезия и артсинтез).

- **Концентрация содержания и simultанность строения**: итоговое, многоярусное соположение пластов произведения, предполагающее усиление роли культурных ассоциаций и аллюзий.

Систематизируя основные показатели периодов «слома сознания», литературоведы часто обращаются к работам философов и критиков первой трети XX века, что вполне закономерно: «декаданс», обозначивший собой ломку и хаос с одновременным формированием элитарного модерна, оказался процессом универсально показательным. Уже поэтому внимание к работам Вяч. Иванова и С. Н. Булгакова, посвященным природе и особенностям мироощущения и поведения человека рубежа двух эпох, вполне закономерно.

Итак, помимо общетеоретических вопросов, связанных с утверждением символизма, в работах **Вяч. Иванова** отражены наблюдения над характером времени, подверженного синдрому «растерянности» и «слома сознания» конца XIX – начала XX веков. Считая «декаданс» закономерностью, но отнюдь не великим достижением современного искусства, этот критик нередко размышлял об особенностях и трудностях созидательного акта в периоды глобального крушения культуры, одарившей общество большими надеждами и многими шедеврами. Одна из таких работ – «О кризисе гуманизма (К морфологии современной культуры и психологии современности)», 1919. Общая характеристика момента, так напоминающего наше сегодняшнее видение мира, здесь обозначена следующим образом: «Наше стремительное время похоже на реку, свергающуюся бурными порогами, над которыми, как дым над костром, стоит зыбучая водяная пыль» [Иванов 1994: 103].

Мироощущение личности подобных периодов комментируется следующим образом: «Еще никогда, быть может, не сочеталось в человеке столько готовности на отречение от всего и принятие всего (...) и столько душевной усталости, недоверчивости, равнодушия; никогда не был человек, казалось бы, столь расплавлен и текуч – и никогда не был он одновременно столь замкнут и замурован в своей самости...» [Иванов 1994: 103].

Принципиально новым, говорит критик, становится и хромотопное мышление: «По-новому ощущаются самые пространство и время – и недаром адепты физико-математических наук заговорили об «относительности» пространства и времени» [Иванов 1994: 103].

Графической формулой времени Вяч. Иванов называет «вихри», способные просто уничтожить человеческую жизнь. Следует вывод: «Трудно в наши дни человеку сохранить внутреннюю самостоятельность; трудно ему, если в самом деле жива душа его, – выбирать пути жизненного действия, согласно велениям своей совести...» [Иванов 1994: 104].

Переоценка ценностей, продиктованная «вихревым» временем, в словаре Вяч. Иванова названа «изменением тканей явления». Всеобщая растерянность, говорит критик, становится показателем времени, и это состояние человека получает у него афористическое определение: «Человечество линяет, как змея, сбрасывая старую шкуру» [Иванов 1994: 104].

Большая часть названной работы посвящена проблеме «выживания» человека искусства, а вместе с ним и высоких форм его деятельности в кризисные периоды истории. Главной чертой мироощущения художника такого времени Вяч. Иванов называет «*страдным*», а поло-

жение этого страдальца обозначает образным понятием «вдовство поэта, утратившего Психею» [Иванов 1994: 105].

Критик обозначает и основные признаки кризиса в искусстве. В живописи, пишет он, являет себя «утрата внутренней формы зримого», то есть отдается предпочтение абстракциям, *искажающим* натуру. В скульптуре наблюдается «пленение внутренней формы косными внешними гранями...», то есть телесная гармония, например, античных торсов, в пору распада приобретает странно-«угластые» формы. А в архитектуре, говорит критик, торжествуют «бездушные формы». Если же речь идет о литературе, то она безутешно и постоянно констатирует одно: «гуманизм умирает» [Иванов 1994: 105–106].

Но, сказав о кризисе и хаосе как его порождении, Вяч. Иванов задается вопросом и о том, чем же все-таки богаты моменты переходности? Его вывод общезначим: критик утверждает, что именно в моменты слома сознания и поиска своего «я» человеку дается возможность *очищения*: «Тут намечается будущее тех очищений, религиозный смысл которых заключается в *приятии индивидуальной воли и вины целым человечеством*, понятым как живое вселенски-личное единство...» [Иванов 1994: 113].

Таким образом, самыми важными признаками кризисных эпох Вяч. Иванов считает все-таки не столько отрицание прошлого, не столько фактор тотальной безыдейности и безнравственности, не столько трагедию хаоса (хотя они очевидны), сколько предоставленный человеку «момент очищения», а также подспудное ощущение необходимости вселенского единения.

Остро осознавая «слом сознания» периода Октябрьской революции 1917 года, комментируя это время как период, когда его соотечественники были растеряны, а само время грозило «утратой разума», вопросом о характере времени и, главное, о спасении человеческих душ задался и **Сергей Николаевич Булгаков**. Будучи религиозным мыслителем, «точку опоры» он попытался найти в религии. В работе «Свет невечерний» (1917) он соотносит наблюдения над конкретным историческим периодом «слома» с религиозной трактовкой бытия. Но основные выводы ученого больше соприкасаются с понятием «диалектика вселенского (а не только христианского, религиозного) миропорядка», поэтому «миг» и «вечность», столь характерные для восприятия пространства-времени человеком кризисного и переходного времени, здесь обретают общефилософское значение.

В большом разделе, названном «Человеческая история», интересным для тех, кто пытается разобраться в коррекции человеческих мироощущений в эпоху переходности, особое значение приобретают

главы «Конкретное время», «Искусство и теургия», «Конец истории». Совершенно очевидно, что человеку, попавшему в ситуацию «слома сознания», сопутствует стремление к переосмыслению пространства-времени и главных ценностей бытия. Объективное историческое время он пытается соотнести с тем, что всегда казалось незыблемым и подчинялось извечному миропорядку. Рядом стоящими в такой конструкции времени-пространства оказываются «софийность», языческий канон всеобщего братства и Красота, которой всегда обозначается гармония устойчивого мира.

Итак, говорит С. Н. Булгаков, в пору, когда «сгущается космическая тьма», объективное время начинает осознавать себя в контексте вселенского времени только *конфликтно*. Сиюминутное время «предполагает начало и конец» [Булгаков 1994: 302], а вот «трансцендентальное время неизбежно мыслится как потенциальная бесконечность, не знающая ни начала, ни конца» [Булгаков 1994: 302]. Человек, который под давлением хаоса и неизвестности будущего пересматривает ценности жизни, конечно же, обращается к Вечному и незыблемому, он обречен соотносить миг своего пребывания в пространстве со «вселенским временем-пространством».

В каком состоянии в это время пребывает искусство? В ауре всеобщего цинизма и внутренней неустойчивости одни художники-писатели-ваятели начинают потворствовать времени, но другие – начинают «советоваться с вечным». А поскольку образцы вечного искусства ориентированы на идеалы духовности и гуманистическое мировоприятие, то, как и всегда, формируется то элитарное искусство, которое все-таки готово и продолжает воспринимать человека в его «божественной сути». И в этом случае, утверждает С. Н. Булгаков, у больших (и не сломленных) талантов «возгорается тоска по красоте, назревает мировая молитва о Преображении», и этой молитве подвержены многие. Как следствие – «молят иссохшие, запекшиеся уста твари: Утешителю, прииди и вселися!» [Булгаков 1994: 333].

Переключаясь с Вяч. Ивановым в истолковании кризисного времени, в той части своей работы, которая была посвящена анализу современной литературы, С. Н. Булгаков обращает внимание на эстетические поиски модернистов. Размышляя о теургийности нового искусства, критик подчеркивает: Теург хорош только в том случае, если софийность, свойственная русскому духу, не будет утрачена им. Следуют предупреждающие и упреждающие от ошибок обобщения:

- «Для искусства особенно важна духовная трезвость и самопознание» [Булгаков 1994: 333–334];

- «Не виртуозность художественной техники, не эстетическая магия, но сама Красота является преображающей, софиургийной силой» [Булгаков 1994: 334].

Таким образом, поднимая вопрос о драматизме переходных периодов и, в первую очередь, заботясь о человеческих душах, оба автора – Вяч. Иванов и С. Н. Булгаков – большое внимание уделяют искусству своего времени. Говоря о «потворстве темным силам», которое неизбежно в эпохи кризиса и всеобщего отрицания, они настаивают: «Оно {искусство} в терпении и с надеждой должно нести крест неустойчивости в своем алкании и ждать своего часа» [Булгаков 1994: 334]. Вот эта, пусть горестная, но уверенность в том, что бытие определяется словом «Вечность», что в трудные моменты своего существования человечество должно поддерживаться этим знанием, определяет суть и назначение истинного Искусства. В общем, «неустойчивость» (неустойчивость) служения во имя будущего – предначертание художника трудного времени.

Вопрос о рубежном и переходном художественном сознании с особой остротой встал в 90-е годы XX века в связи с ощутимым общественным кризисом и торжеством постмодернизма, который, активно отрицая прошлое, бесконечно «играл» его осколками. Осознавая, что в любой исторической и художественной эпохе борьба Хаоса с Гармонией неизбежны, философы и культурологи, искусствоведы и литературоведы постарались разобраться в природе нового типа их взаимоотношений.

Так, доктор философии О. А. Кривцун в статье «Художественные эпохи в культуре Нового времени: проблемы идентификации» (2001) начал разговор о переходности как повторяющемся и закономерном «историческом бездорожье», отметив при этом, что в подобные времена особенно очевиден «многоликий хор толпящихся, наплывающих друг на друга голосов». Этот хор, – писал О. А. Кривцун, – создает «ощущение стихийной магмы, движущейся вне ясного фарватера и соединяющий всё со всем» [Кривцун 2001: 24]. Исследуя искусство перехода от средневекового типа культуры к барокко, исследователь подчеркивал: «Завершение власти одной художественной эпохи и воцарения другой зачастую объясняется способом, который Бахтин (...) определил как "инициативную случайность"». Одним из показателей «слома» и перехода в иную данность, заметил он, можно считать часто встречающиеся в комментариях к текстам словосочетания: «...а в то же самое время...»; «... вдруг на привычном фоне...»; «...именно в этот момент возникает фигура...» и т. п. [Кривцун 2001: 37]. Формулой «перехода», настаивал О. А. Кривцун, становится взаимовлияние стилей

и объединение компонентов, исходя из принципов синтетизма: «последовательное развитие (...) сменяется их параллельным, взаимодополняющим сосуществованием» [Кривцун 2001: 17].

Задаваясь вопросом, в чем же состоит момент созидания во времена торжествующего бездорожья, О. А. Кривцун писал об актуализации «инициативной случайности» (М. М. Бахтин) и о том, что «время слома» «разрушает *автоматизм* восприятия»; в такие периоды художник «освобождается от пуповины группы, диктата родоплеменных регулятивов» [Кривцун 2001: 18]. Перспектива? – Растет уровень самосознания, так как «теперь требуется сделать выбор». Последствия? — Наступает «возможность формирования авторских стилей» [Кривцун 2001: 18].

Уже в этой работе присутствует вывод, претендующий на универсальность: «Искусство начинает обнаруживать в себе имманентные стимулы самовыдвижения» [Кривцун 2001: 18]. В обобщающем труде О. А. Кривцуна, в его учебном пособии для студентов-гуманитариев «Эстетика» (2000), находим четкое определение места и значения переходных эпох. Исследователь пишет: «Наряду с устойчивым этапом (...) в историческом процессе выделяются переходные периоды, когда (...) вызревают новые способы ориентации, формируются элементы становящейся картины мира. Вариативность возможностей, рождающихся в горниле переходной эпохи, делает ее наиболее интересной для эстетического исследования» [Кривцун 2000]. Отметим, что именно эта мысль привлекла к себе особое внимание литературоведов.

Так сложилось, что одним из первых современных исследований, посвященных проблеме переходности в искусстве (литература и живопись), стала наша работа о «рубежном» варианте художественного сознания тех, кто решился корректировать традицию Тургенева–Достоевского–Толстого (соответственно Перова–Крамского–Сурикова–Шишкина) и в поисках новейших средств отражения шел к мировидению нереалистического типа. [Силантьева 2000]. Параллельно, исследуя феномен постмодернизма, к идее «переходности» пришли и те ученые, которые попытались определить место и значение этого явления в общем литературном потоке конца XX – начала XXI вв. [Мережинская 2001]. И если в 90-е годы постмодернизм воспринимался явлением, похожим на «недостиль», которым в свое время окрестили барокко, то в следующем десятилетии литература рубежа XX–XXI веков рассматривается как искусство переходного типа, как явление, которое отражает масштабные мировоззренческие и эстетические сдвиги, но, тем не менее, обращено к переменам. По мнению ряда ученых (Н. Л. Лейдермана [Лейдерман 2003: 21], М. Н. Липовецкого [Липовецкий 1997], А. Ю. Мережинской [Мережинская 2001, Мережинская

2007], Н. А. Хренова [Хренов 2002], Л. А. Черной [Черная 1999], М. Н. Эпштейна [Эпштейн 1988]) зияния как отрыва постмодернизма от модернистской эстетики не существует, просто постмодернизм формой и содержанием своих произведений сумел отразить очевидный излом сознания конца XX века.

Данное обобщение подтверждает и Т. Гундорова – автор работы «Транзитная культура» (2013), посвященной мироощущению украинцев, переживающих переход от колониального (советского) периода жизни к постколониальному ее этапу. Естественно, что этот переход находит отражение как у старшей, так и у младшей генерации писателей.

Литературу этапа переходности Т. Гундорова определяет понятием «транзитная», то есть проходящая и преходящая (в основе своей недолговечная, но соответствующая времени всеобщей растерянности, колебаний и неясных надежд). В монографии постмодернистский синдром комментируется подобно вышесказанному, но есть и оригинальные авторские дополнения.

Итак, подтвердив тот факт, что транзитная культура «разворачивается в пространстве, где ощутимо присутствие прошлого в настоящем, но существует и угроза того, что будущее может стать повторением прошлого» [Гундорова 2013: 10], исследовательница постаралась выделить и назвать ведущие особенности «посттравматического синдрома», присутствующие в искусстве переходного типа, утверждая при этом, что транзитная культура имеет свое лицо, которое нужно принять как данность. На уровне тематики, пишет она, наиболее заметными в украинской литературе оказались: а) тема «разрыва поколений и недоверия к опыту старших»; б) проблема «лузера и кризиса маскулинности»; в) проблема поиска символического центра и «отцовского закона» [Гундорова 2013: 10–12]. Если обозначить и назвать предпочтительные формы и типы художественного отражения, то общую тенденцию в наибольшей степени определяет понятие «литературная ярмарка» как «топос усредненной культуры» [Гундорова 2013: 255–382]. Уровень усредненности, замечает Т. Гундорова, граничит с китчем и часто переходит эту границу – отсюда столь неожиданная (но прогнозируемая) популярность Верки Сердючки с ее псевдофольклорным творчеством [Гундорова 2013: 459–489].

Почему еще недавний «высокий стиль» украинской литературы так быстро сдает свои позиции и «усредняется»? – На этот вопрос есть несколько ответов, но главный из них, по-видимому, следующий. Вектор неоднозначности и связанного с ней недовольства как фактор разброса предпочтений оказался определяющим как общественной, так и культурной жизни всего XX века. Как следствие, искусство этого столетия несло на себе печать «переходности». К концу такого века

неизбежно накапливается «нетерпение от непостоянства», и момент «пульсара», «взрыва» рождает свой «гештальт». В данном случае – нетерпения, а затем «усреднения» («омассовления»).

В защиту версии «XX век – это век переходной культуры» говорит еще и тот факт, что в работах современных литературоведов, посвященных специфике литературного процесса рубежа XX – XXI веков очень часто всплывает термин «необарокко» [Заярная 2009]. И так же, как Г. Вёльфлин считал барокко стилем «неустоявшейся эпохи» XVII века и сравнивал его с маньеризмом в испанской литературе, точно так же, например, И. С. Заярная пишет о необарокко как стиле, отвечающем современности и утвердившемся в ней по законам диахронического соответствия [Заярная 2009: 7–8]. Подтверждение версии она находит в одном из обобщений Д. С. Затонского: «... ведь и постмодернизм – искусство отнюдь не жизнеподобное (оттого его так легко спутать с модернизмом), но ему органически чужд пророческий экстремизм, он насмешлив, терпим и плюралистичен. А из приведенных цитат неоспоримо следует, что маньеризм и барокко были во многом такими же» [Затонский 1996: 194–195]. К подобным выводам И. С. Заярную подталкивает и Умберто Эко, который характеризует постмодернизм переименованием маньеризма как метаисторической категории [Эко 1989: 425–467].

Аргументы сторонников фактора переходности как лица нашего времени, например, Н. Л. Лейдермана, заставляют к себе прислушаться. Называя искусство слова всего XX «литературной эпохой особого, а именно *переходного* типа» [Лейдерман 2002], он замечает: своеобразие столь бурного и динамичного художественного развития, каким был отмечен этот век, в дальнейшем может быть оценено только в контексте Большого Времени.

Итак, явным и особенно ярким показателем смены художественных ориентиров, считают литературоведы, является резкая корректировка традиции. Эту особенность смены художественных парадигм когда-то отметил Ю. М. Лотман [Лотман 2000: 614]. В наше время эта проблема оказывается эпатающе острой и, к сожалению, право на кардинальное переосмысление и отрицание прошлого защищается в нетерпящем возражения тоне. И, тем не менее, отмечает В. Е. Хализев, «литературная эволюция совершается на некой устойчивой, стабильной основе. В составе культуры (искусства и литературы, в частности) различимы строго индивидуальные и динамичные, с одной стороны, с другой же – структуры универсальные, надвременные, статичные, нередко именуемые топижкой (...). Топосы составляют фонд преемственности, без которого литературный процесс был бы невозможен» [Хализев 1999: 357]. Эту мысль, исследуя поэзию XX века, подтверждает

Н. И. Ильинская. Размышляя о природе переходности, чреватом непостоянством предпочтений и вкусов, которое особенно ранит современного человека, она подчеркивает: рядом с многочисленными «однодневками» в современном искусстве (в том числе, в поэзии) обязательно существуют и доказывают свою своевременность многие образцы высокой культурной преемственности [Ильинская 2005: 433].

Завершая разговор о природе и морфологии переходности, обратим внимание на кардинальный вопрос, возникающий в искусстве всех времен и художественных направлений – речь идет о герое времени, а в нашем сегодняшнем варианте – о главном персонаже «растерянного», или «утратившего ориентиры» мира. В этом отношении ценным вкладом в теорию переходности можно считать вывод А. Ю. Мережинской: «Целостная концепция человека, – пишет она, – будет создана на пересечении *различных* культурных традиций, и в ее рамках реализуется «оправдание» человека и существенное повышение его экзистенциального статуса. Именно эти тенденции демонстрирует проза 90-х годов, причем независимо от стилевых доминант. В модели мира основными интенциями станут обновление и гармонизация, соединенные с пристальным вниманием к национальной типике» [Мережинская 2001: 413].

Синергетика как наука о хаосе, векторах переходности и новом видении мира

Эта область постнеклассического научного познания оказалась в зоне повышенного внимания гуманитариев, начиная с 90-х годов, – когда вопрос о «хаосе», «сломе сознания» и «больших переменах» заявил о себе особенно остро. В XX веке истолкование термина «синергетика» предложил немецкий ученый Герман Хакен, один из «отцов» междисциплинарного нелинейного подхода и теории развития сложных систем. Термин утвердил себя в области физики в конце 60-х, но вызывает нарекания и сейчас. Современную его трактовку можно свести к следующему:

- синергетика – фундаментальное направление научного мышления, имеющее *междисциплинарный характер* и объединяющее естественно-научное и гуманитарное знание;
- это теоретическая основа естественных и гуманитарных наук, связанная с идеями системности, нелинейности, нестабильности и способности систем к саморазвитию [Зинченко, Зусман, Кирнозе и др. 2010: 98].

В монографии Т. И. Домброван «Язык в контексте синергетики» (2013) статус синергетики в современной научной литературе определяется почти двадцатью позициями. Органическими для литературоведов

можно считать: а) «новое научное направление»; б) новый стиль научного мышления»; в) «картина мира»; г) «дискурс науки эпохи постмодернизма» [Домброван 2013: 30–32]. Как бы там ни было, синергетический подход к объекту изучения означает осознание его позиции в неустойчивом мире как открытой сверхсложной системе, способной к саморегулированию. Произведения, созданные в нестабильное время, содержанием и особенно формой будут отражать эти процессы. Но синергетический их анализ предполагает восприятие такого произведения с позиций «открытой системы» повествования и неожиданных «нерегулируемых» процессов «склеивания», «сублимирования» и «большого синтеза».

Итак, синергетика (от греч. «совместнодействие») занимается проблемами кризиса, хаоса и самоорганизации материи – то есть теми процессами, которые с особой наглядностью демонстрируют себя в периоды утраты постоянства, – и являет собой теорию фазовых переходов от стабильности к непостоянству и наоборот. Синергетика исследует процессы формирования «нового порядка из хаоса» и, как следствие, переориентирования. Бельгийский ученый русского происхождения И. Пригожин, развивая и углубляя идеи Г. Хакена, сформулировал ряд понятий, связанных с процессами нестабильности и саморегулирования. Его открытие вошло в обиход как фундаментальное явление постнеклассического периода развития точных, естественных и гуманитарных наук. Основным ряд понятий, связанный с синергетикой, можно представить так:

- **нестабильность** (кризис-хаос-переходность): неустойчивость времени, неравновесность систем;
- **нелинейность** процессов, предполагающая многовариантность эволюции и возможность неожиданной изменений темпа и направления процессов эволюционирования;
- **колебательный** (диссипативный, диссипирующий) контур, обозначающий вибрацию и неустойчивость в развитии той или иной части материи;
- **самоорганизация**, или спонтанное упорядочение элементов системы в моменты фазовых переходов от порядка к хаосу и наоборот;
- **бифуркация, флуктуация, аттракция** как понятия, обозначающие фазы существования хаоса и порядка;
- **эмерджентность** (динамическая иерархичность): элемент системы, проявляющий себя скачкообразным вектором движения. Своего рода моментальный и недолговечный «порядок», вытекающий из разрушения какой-то глубинной подсистемы;
- **границы хаоса и порядка**, обозначающие точки колебания (кризис – хаос; хаос – порядок);

- **фракталы (фрактали).** Главный конструкт синергетики, утверждающий позитив хаоса. Это «часть», «осколок», возникающий из целого в процессе хаотических перемещений по принципу «самоподобия».

И. Пригожин и его многочисленные последователи достигли многого, в результате их усилий теоретизирование в области хаоса и неустойчивости дает (и уже дало) большие результаты – рассмотрены и обобщены процессы нелинейной динамики, происходящие в хаосе; предложена система понятий, связанных с нелинейным течением времени (эволюция и коэволюция); уже сказано о нелинейной природе связей между прошлым, настоящим и будущим. Но наиболее важным аспектом исследований неустойчивости представляются выводы о природе хаоса, которые мы приводим ниже:

- «Хаос изначален. Таковы уж вещи по природе, что их поведение пронизано случайностями, спонтанно, в значительной мере непредсказуемо, хаотично».

- Даже в мифологии хаос похож на бездну и разверзнутую пропасть, «изначальную темноту, глубинную нерасчлененность и недифференцированность».

- «Хаос многолик. Он может выступать не только как нечто разрушающее, угрожающее, связанное болезнью, преступлением, стихийным бедствием, но и как нечто конструктивное для жизни и творчества. Эту амбивалентную – созидательную и разрушительную – природу хаоса раскрывает, в частности, А. Ф. Лосев...».

- «Хаос – это «виртуальный мир, мир кишящих потенциалов, бездна потаенных возможностей мира» [Князева, Курдюмов 2007: 147–148].

Таким образом, синергетика считает своей задачей создание модели мировидения на основе философии общей неустойчивости и саморегулирования элементов материи в пространстве всеобщности, то есть Вселенной. Материя может быть разной – как физической, так и художественной. Защищая право гуманитариев пользоваться выводами данной отрасли знаний, заметим, что Г. Хакен настаивал на том, что синергетика – это *междисциплинарное* поле, в рамках которого исследуются системы, состоящие из большого числа элементов [Хакен 2002: 296–297]. Обратив внимание на слово «междисциплинарность», возьмем на заметку, что эта система приспособляема к любой отрасли знаний, исследующей явления непостоянства и отягощенные проявлениями кризиса и хаоса.

Утешительным фактом для современного человека, уставшего от ощущения кризиса-хаоса-смены общественно- и человечески значимых параметров бытия, является осознание границ хаоса и порядка. В 90-е

годы об этом, стремясь отметить положительное в жизни своих современников, писал Л. Г. Андреев. Он утверждал: на «переходе», «на границах» с особенной силой проявляют себя формирующиеся перспективные качества, превосходящие лабильность цивилизованных и устоявшихся систем [«На границе»...2000]. Именно над этой проблемой успешно работал авторский коллектив В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе [Зинченко, Зусман, Кирнозе 2007]. В подобные времена, говорят только что названные исследователи, параметрами *порядка* в культуре, в литературе и вообще в искусствах способны выступить константы национальной концептосферы. Обратившись к работам Ю. С. Степанова – исследователя, который видел в концептах «сгусток культуры в сознании человека», а также «то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», который предупреждал о том, что «тонкая пленка цивилизации» [Степанов 2007] не может воспрепятствовать глобальному хаосу, названные авторы пришли к важным для нас выводам. Каким?

В наибольшей степени, утверждают они, неустойчивости подвержены «подсистемы», олицетворяющие собой потребителей артефактов – то есть людей, утративших ориентиры и частично (или полностью) «потерявших себя». Поглотившая всё противоречивая и разнородная информация, характерная для периодов рубежа и перехода, провоцирует недоверие и пульсирующее, волнообразное отрицание. Но в это же время представители названного нами «тонкого слоя цивилизации», диссипируя вместе со временем и противопоставляя сиюминутным лозунгам ментально выношенные положительные концепты бытия, все-таки способны увидеть и познать процесс самоорганизации, саморегулирования бушующей материи. Они могут выстоять и созидать будущее.

В этот момент о своей важности и заявляет момент *эмерджентности*. Что такое эмерджентность? Это новое качество элементов системы, которым она ранее не обладала и которое проявляется в результате взаимодействия многих подсистем. Как всегда, формирование новой (большой, сложной, сверхсложной) системы зависит от свойств ее составляющих, но не приравнивается им. То есть эффект новой системы, которая рождается в результате экспериментов со многими элементами подсистем, состоит как раз в том, что $2 + 2$ не равно 4. Такие процессы взаимодействия старого с новым дают *неожиданные результаты*, но тем и хорошо время переориентации, что оно позволяет активно экспериментировать и пожинать «непрогнозируемые плоды». Типичным можно воспринимать пример, известный всем: каждый член коллектива среди домочадцев – один, а в коллективе – иной. Две подсистемы: «человек бытовой» и «человек общественный»,

объединившись, дают эффект совершенно неожиданный. Но если в коллективе человек попытается остаться на уровне бытового варианта, а в дом внести черты общественного поведения, то в обоих случаях он будет выглядеть неадекватным месту действия.

Эмерджентное свойство выявляет себя в «скачкообразном» возникновении новых (чаще всего сиюминутных) систем в ходе саморегулирования и саморазвития. Вот эта способность «перенастраиваться» и важна в современной литературе, демонстрирующей непостоянство и переходность как состояние. Размышляя об этом, В. Г. Зинченко цитировал сербского постмодерниста Милорада Павича, который в интервью журналу «Voyage» (март 2002) подчеркивал, что современная литература должна уметь «перенастраиваться», так как она находится в поиске новых средств отражения (изменяется мир – должны изменяться способы его отражения). Писатель даже обратил внимание на возможности коллективной коррекции электронной версии текста. Журналистке Екатерине Садур он говорил: вы «как будто бросаете горячую картофелину, и пусть тот, кто ее поймает, сам думает, что с ней делать» [Павич]. Это, в итоге, и ведет к образованию метажанровых структур, столь характерных для современного литературного процесса, нацеленного на синтетизм.

Для литературоведов очень важны вопросы закономерностей литературного процесса, эволюции художника и художественных идей конкретного исторического времени. В ситуации коэволюции не раз отмеченная «случайность» и «непредсказуемость» происходящего оказывает свое отрицательное влияние на исследователя, логика системного анализа представляется ему уже бессистемной. Но в области естественных и точных наук только что названные процессы определяются терминами «бифуркация», «флуктуация», «аттракция». В конце концов, стало очевидным, что данный понятийный ряд может быть использован и при анализе литературного произведения. Работы по применению синергетических подходов в литературоведении начинались со статей о новой градации литературного процесса конца XIX – начала XX веков, затем выводы синергетиков о нелинейности и возможностях появления эмерджентных и фрактальных художественных форм остановили внимание исследователей постмодернистской литературы рубежа XX – XXI веков. В понятийный аппарат исследователей вошло понятие «литература рубежа и перехода», часто употребляемые слова «кризис» и «хаос» перестали отпугивать. Постепенное овладение методико-методологическим аппаратом синергетиков демонстрируют даже названия литературоведческих статей на тему кризиса и переходности – в том числе и автора данной монографии [см.: Силантьева 1999–2004]. Подтверждая сказанное, ниже приведем пример исполь-

зования синергетической парадигмальной матрицы при анализе художественного текста.

Как представитель искусства переходного времени, А. П. Чехов может прочитываться в контексте теории неравновесных систем. Мир его произведений открыт для широкого истолкования уже потому, что «...в нелинейных ситуациях нестабильности и ветвления путей эволюции человек играет решающую роль в *выборе желаний*» [Синергетическая парадигма... 2002: 12]. Само построение чеховского произведения (рядоположенность текста, основанная на присутствии лирического подтекста), заставляет говорить о многослойном и открытом его пространстве, а также о возможности неоднозначного восприятия как подтекста, так и финала. Уже этим подтверждается справедливость вывода синергетиков, которые предлагают анализировать только становящийся мир как систему принципиально открытую. Их постулат: «Никто не обладает абсолютной истиной, насколько вообще такое утверждение имеет смысл» [Синергетическая парадигма... 2002: 20], конечно же, перекликается с чеховским: «Ничего не разберешь на этом свете» [Чехов 1983: Соч.7: 140], «Никто не знает настоящей правды» [Чехов 1983: Соч.7: 455].

В системе Хакена-Пригожина *бифуркацией* определяют момент переориентации и начавшегося дробления старых форм. Это показатель неустойчивости дряхлеющей системы, обозначающий момент ее ветвления. В литературе подобная ситуация давно обозначена словом «распутье». Его природу иллюстрирует добрый молодец, оказавшийся на перекрестке трех дорог и в ситуации выбора неизвестного пути. Подчеркнем, что даже в фольклорных текстах эта ситуация выглядит драматической, и герою все сочувствуют. Почему сочувствуют? – Потому что в дальнейшем ему придется полагаться только на случай и на быстроту собственной реакции.

В варианте чеховского творчества термином «бифуркация» можно обозначить неожиданные для современников А. П. Чехова «ветвления», которыми отличалось как самое авторское мышление, так и жанрово-стилистическое разрешение его произведений. Он начинал работать в «осколочных изданиях», где от Чехонте-Чехова ждали развлекательных миниатюр, написанных по принципу «летают и пляшут стрекозы» (В. В. Ермилов), а могли получить «Злоумышленника», рассказывающего о непроходимой тупости, рожденной непреодолимой бедностью. Или «Унтера Пришибеева», в иронических тонах повествующего о жажде доношительства как родовой черте русского человека. Ждали сочувствующего рассказа о «маленьком человеке», а читали «Толстого и тонкого – рассказ о подхалимстве, которое девальвирует душу этого самого «маленького» чиновника. Молодому Чехову

подсказывали, что ему нужно заявить о себе «большой вещью» (то есть романом), а получали пейзажно-философскую повесть «Степь», написанную столь оригинально, что огромное количество негодующих и недоумевающих откликов на повесть литературоведам пришлось комментировать почти весь XX век. Если А. П. Чехов писал рассказы-новеллы, признанные позднее шедеврами, то их называли «безыдейными» и указывали на отсутствие «положительного» героя; если столичный петербургский театр ставил «Чайку», то следовал провал; если Л. Н. Толстой читал «Три сестры», то, не выдержав, писал ее автору недовольное письмо и давал советы, как исправить действие. Всё так, говорят синергетики, но закономерность состоит в том, что в «открытом тексте», созданном в нестабильное время, всегда присутствует «конец определенности» [Синергетическая парадигма... 2002: 17]. С одной стороны, это означает отказ от традиции (что в большом искусстве выглядит кощунством), а с другой – указывает на жизнеспособность искусства, возможность коррекции и художественного переориентирования, заложенной в нем.

Флуктуация. Она имеет отношение к микрокосму повествования и отвечает за выбор той жизнеспособной ветви, которая возникает после точки бифуркации (то есть начала ветвления традиционной системы). Синергетики в этом случае говорят о «мгновенном отклонении от среднестатистической нормы». В литературоведении это означает «мельчание» жанров, «девальвирование» старых принципов письма, отказ от традиции. Наступает момент «всеобщей усредненности» и очевидного «торжества серости». Потом, как бы нечаянно, начинается отклонение от среднестатистического канона. Причем, в противоположных направлениях. Одни ищут способ обрести новый вектор элитарного художественного мышления, другие – начинают активно обслуживать «среднего читателя». Таким образом, флуктуация – явление разновекторное. С одной стороны, отклонение от «средней нормы» может привести к созданию шедевров, олицетворяющих собой время смены художественных парадигм и жизненных ценностей, а с другой – «средний слой искусства» может девальвировать и стать тривиальным, олицетворяющим собой беллетристику второго и третьего ряда.

А. П. Чехов, воспринимаемый нами писателем переходной поры, в противоположность своим литературным спутникам оказался способным предложить читателю неожиданные рассказы, повести и драмы, определяемые сейчас как **фракталы (фрактали)**. Почему так случилось? Во-первых, в его произведениях соблюден принцип *кумулятивности* – то есть способности накапливать позитивные элементы прошлого опыта, не отбрасывая традицию, а подчиняя ее запросам нового времени. Во-вторых, этот автор, попав в ситуацию нестабильности, или,

как говорят синергетики, вынужденный «подчиниться колебаниям», даже формой повествования отразил неоднозначность времени. Поэтическим концептом произведений А. П. Чехова стала формула открытого финала и напряженного поиска героем своего места в изменяющемся мире, причем совершая ошибки и отказываясь от многих идеалов прошлого. Часто решения чеховских героев казались странными: учитель Никитин порывался бежать от любимой Манюси и «нештукатуренного дома», ставшего семейным очагом. Мисаил Полознев ценой собственной жизни был вынужден подтвердить, что только незаконнорожденная племянница, оставленная ему умершей сестрой, может составить праведный смысл его жизни. Лаевский пришел к «поискам правды» только после того, как изверился в прошлых своих героях (например, в Печорине). Доктор Астров сажал деревья; сестры Прозоровы хотели видеть Москву архетипом счастья; семья Гаевых-Раневских, отправляясь «в никуда», грезил вишневым садом и т. д. Только что названных героев *можно было* назвать «ноющими и тоскующими», но дело в том, что человек, оказавшись в гуще перемен и на пороге нового, растерян и, по мысли А. П. Чехова, не может не вызывать сочувствия. Мудрым и простым было его решение: музыка вечности входила в тексты и становилась камертоном происходящего. Ее тональность была неизменно элегической – а как еще может осознавать себя человек, утратив опоры прошлого и вынужденный искать гармонию в хронотопе распутья?

Аттракция. Этим словом определяется процесс стягивания, склеивания компонентов в малопредсказуемых вариантах. Периоды переходности, какими бы они ни были – большими или малыми – всегда богаты эклектическими сращениями и синтезом как таковым. В системе синергетики аттрактор – это своего рода «цель», «направленность» поведения нелинейных, логически не прогнозируемых движений; в общем, – тот момент первичного созидания, на который нацелен «человек растерянный» и художник, оказавшийся в ситуации глобальной переориентации. Момент аттракции может демонстрировать так называемые «промежуточные» или «спонтанные» формы порядка, а может – фракталы (фрактали). В нашем варианте это явления, например, художественной культуры, которые воспринимаются потом как ключевые, поворотные моменты в жизни автора, оказавшегося в ситуации распутья, но создавшего нетривиальные формы произведений. И снова пример из творческой биографии А. П. Чехова: между Чеховым-юмористом и Чеховым-прозаиком конца 90-х – начала 900-х пролегли годы спонтанной эвристичности, когда, как казалось, неожиданно рождались образцы необычной для современников лиризованной прозы А. П. Че-

хова. Это случилось во II половине 80-х – этот период в биографии писателя уже давно назван «переломным».

Как показал И. Пригожин, процессы бифуркации, флуктуации, аттракции подвержены закономерности, которую определяет чередование позиций рассеивания и промежуточного порядка. Когда последний начинает демонстрировать способность к длительной устойчивости, тогда и наступает момент перелома; в этом случае «спонтанный порядок» уступает место «устойчивому равновесию». Вот в такой период и моделируется новый тип познания мира на новом витке его развития. В искусстве «устойчивое равновесие» прогнозирует появление новых эстетических систем, которые у современников вызывают неоднозначные чувства – от неприятия до восхищения. В то же время, в художественной культуре переходного времени всегда присутствует пласт, восходящий к уже оформившейся традиции, которая еще вчера казалась незыблемой, но сегодня ведет себя иначе – вдруг оказывается, что старые формы искусства ищут способы своего обновления.

Человек в ситуации нестабильности. В подобные периоды он ощущает «турбулентные вихри коловращения» (Д. В. Затонский). К тому же хаос обостряет «границы чувств» (эмоций и страстей), вблизи которых поведение человека становится «нелогичным» и «неадекватным». Не поддержанный привычной логикой жизненных ценностей, человек полагается на случайность, которая может стать его предпочтением и жизненным ориентиром.

Главной фигурой периодов нестабильности и перехода из одной системы мировидения в иную становится **«человек растерянный»**, подверженный фактору **«неустойчивого сознания»**. В это время, утверждает И. А. Евин, – «синергетика мозга базируется на идее параллельной обработки (информации)» [Евин 2002: 309]. Но уже довольно давно И. Пригожин и Г. Хакен, обратив внимание на «принципы функционирования сложных систем вдали от термодинамического равновесия» [Хакен 2002: 309], отметили, что в этом случае человек начинает воспринимать происходящее как бесконечную череду изменяющихся, повторяющихся и самоорганизующихся явлений, а все его «поведенческие функции описываются как неравновесные фазовые переходы» [Хакен 2002: 309]. Естественно, что в такой ситуации усиливается чувство порога и «критического состояния», естественно, что все происходящее воспринимается в свете неожиданных контрастов и таких же диссонансов.

Путеводителем в поиске себя, предпринимаемом «человеком растерянным», оказывается уже не столько сознание, сколько подсознание. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов утверждают, что такой человек утрачивает чувство «единственного темпомира», и накопление энергии,

чреватой взрывом или серией непрогнозируемых поступков, становится его повседневной реальностью. Развивая эту идею, Н. А. Герасимова отмечает: в таком состоянии обостряется процесс «самовсплывания знаков памяти» и «невозможности диалога» [Герасимова 2002]. Поскольку главным принципом диалога всегда выступает принцип *незамкнутости*, так как для контакта нужна открытость, то, лишившись права на логику линейной перспективы, человек не может участвовать в открытом диалоге, он становится носителем только «своей» правды. «Недоконченные идеи» и глубоко спрятанная неуверенность, в которой человек не хочет признаться даже себе, становятся доминирующими признаками его характера.

«Следы памяти». В названной ситуации «коловращения» человек постоянно возвращается на структуру-аттрактор (то есть он живет в состоянии постоянного ветвления и неустойчивости). Закономерно поэтому, что «непроявленное» («тонкое») то есть следы прежних событий-поступков-настроений-обид вновь всплывают и становятся «проявленными»: «Свернутое и глубоко скрытое разворачивается и выходит на поверхность» [Князева, Курдюмов 2002: 144]. Естественно, что при таком положении дел человек чувствует себя неуютно, он уходит от решений, а потому и отчаивается.

Подсознание. Как отмечают исследователи, «ушедшие в подсознание (то есть в другой, медленный темпомир) инстинкты, автоматизмы, огромные блоки чувственной и понятийной информации, кажется, никак не влияют на сознательную жизнь человека», но на самом деле, «колебания, ставшие сутью жизни, искривляют и эти представления» [Князева, Курдюмов 2002: 141]. В связи с этим можно сказать, что коррекция давно увиденного, исходя из опыта сегодняшнего дня, происходит по принципу *«самовсплывания структур памяти»* [Князева, Курдюмов 2002: 140–144]. В этой ситуации заявляет о себе «смежное» сосуществование структур, которые «как бы живут в разных темпомирах» [Князева, Курдюмов 2002: 140]. В общем, они существуют, «не чувствуя» друг друга [Князева, Курдюмов 2002: 140]. И если даже человек попадает в ситуацию, когда он вынужден сочетать давно ушедшее и сиюминутное, то констатация факта – «темпомиры разные» – неизбежна [Князева, Курдюмов 2002: 140].

Итак, хаос разрушителен. Нестабильность – коловращение – диссипативность рождают вихревые потоки, в которых трудно удержаться без очевидных потерь. Они лишают человека линейной перспективы и затрудняют ориентирование во времени и пространстве. В такие периоды формируется только сиюминутный, спонтанный, но самоорганизующийся «порядок из хаоса». Конечно, хаос не располагает к созиданию, но он подталкивает к поиску и эксперименту. Он предельно

обостряет отрицание, но, тем не менее, не лишает человека права на новый виток узнавания мира, пребывающего в состоянии своего дробления и еще одного витка обновления.

Нестабильное время формирует «человека растерянного». Отсутствие однозначной правды и «недоконченные идеи», сопряженные с отчаянием и непониманием момента, становятся его судьбой. Особенно драматическими оказываются судьбы незаурядных личностей, так как «следы памяти», связанные с положительным опытом прошлого, долго довлеют над ними и мешают «подстраиваться» и «пристраиваться». Но и в этой ситуации обязательно находятся личности, способные осознать свое время и выработать стратегию общения с человеком, призванным к обновлению. Конкретный пример.

Глубоко и тонко прочувствовав «слом эпохи» под давлением революционных событий 1917 года, В. В. Кандинский писал о своем современнике как человеку, которому *необходимо* вступить в «эпоху расширения нового духа» и подумать о вечных ценностях, которые должны сохраняться в момент «пересоздания» мира. Американская исследовательница Линда Дальримпл Хендерсон (Henderson), комментируя главный труд В. В. Кандинского «О духовном в искусстве» (1910–1911) с его идеей создания «нового иконостаса вечности», пишет о том, что художник в постреволюционное время жаждал воплотить эту «новую духовность» в жизнь: «В ходе этой кампании, которая привела его к созданию чистой формы общения, Кандинский прежде всего использовал технику замаскированной, апокалиптической, образности, посвященной тому, чтобы сделать смотрящего-зрителя более духовным и чувствующим» [Хендерсон 2003: 237]. Получилось ли это у пророка нового искусства? По-видимому, нет – дестабилизированность абсолютного большинства его потенциальных зрителей в 20–30-е годы была столь велика и очевидна, что В. Кандинский прослыл сначала «чужаком», а потом и «врагом» того искусства, которое «принадлежит народу».

И все-таки... И все-таки сохранение личностного начала даровано человеку переходной эпохи, потому что «тонкая ткань культуры» способна удержать душу в рамках вечных ценностей человеческой жизни. В общем, нестабильное время, оказывается, требует и от самых лучших и подготовленных к переменам корректировать порывы и жажду самореализации; оно ориентирует человека на смирение и способность обрести себя в «тихом подвиге». Такое время не только корректирует личность, но и укрепляет самосознание; оно не только демонстрирует и отбрасывает «человеческую шелуху», но и поддерживает тех, кто способен на дальнейшее созидание.

Литература

1. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства / Арнхейм Р. ; пер. Г. Е. Крейдлина. – М. : Прометей, 1994. – 176 с.
2. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков; подгот. текста и коммент. В. В. Сапова. – М. : Республика, 1994. – 415 с. – (Мыслители XX века).
3. Вертгеймер М. Продуктивное мышление / М. Вертгеймер; общ. ред. С. Ф. Горбова и В. П. Зинченко; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1987. – 336 с.
4. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусства: Проблема эволюции стиля в новом искусстве / Г. Вельфлин – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – 428 с.
5. Герасимова Н. А. Совместное мышление как искусство: опыт философско-синергетического исследования / Н. А. Герасимова // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 126–142.
6. Гундорова Т. Транзитна культура. Симптоми постколоніальної травми : статті та есеї / Т. Гундорова. – К. : Грані-Т., 2013. – 548 с.
7. Домброван Т. И. Язык в контексте синергетики : монография / Т. И. Домброван. – Одесса : КП ОГТ, 2013. – 346 с.
8. Евин И. А. Принципы функционирования мозга и синергетика искусства / И. А. Евин // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 307–321.
9. Затонский Д. С. Постмодернизм в историческом интерьере / Д. С. Затонский // Вопросы литературы. – 1996. – № 3. – С. 194 – 195.
10. Заярная И. С. Необарокко в русской поэзии второй половины XX столетия: динамика эстетических систем : учеб. пособие / И. С. Заярная. – К. : Логос, 2009. – 224 с.
11. Зинченко В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме : учеб. пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 224 с.
12. Зинченко В. Г. Словарь по межкультурной коммуникации. : Понятия и персоналии / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе и др. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 136 с.
13. Иванов Вячеслав. Родное и вселенское / сост., вступ. ст. и прим. В. М. Толмачева. – М. : Республика, 1994. – 428 с. – (Мыслители XX века).
14. Ильинская Н. И. Религиозно-философские искания, концептосфера, типология : монография / Н. И. Ильинская. – Херсон : Айлант, 2005. – 468 с.
15. Князева Е. Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – СПб. : Алтейя, 2002. – 414 с.
16. Князева Е. Н. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : КомКнига, 2007. – 272 с.
17. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н. Д. Кондратьев. – М. : Экономика, 2002. – 767 с.
18. Кривцун О. Художественные эпохи в культуре Нового времени: проблемы идентификации / О. Кривцун // Искусствознание. – 2001. – № 1. – С. 17–39.
19. Кривцун О. Эстетика / О. Кривцун – М. : Аспект Пресс, 2000. – 434 с.

20. Лейдерман Н. Л. Современная русская литература : 1950–1990-е годы : учеб. пособие [для студ. высш. учеб. заведений] : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – 688 с.
21. Лейдерман Н. Траектории «экспериментирующей эпохи» // Вопросы литературы. – 2002. – № 4. – С. 3–41. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/4/lei.html>
22. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики) : монография / М. Н. Липовецкий. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1997. – 317 с.
23. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера : Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). – СПб. : «Искусство-СПБ», 2000. – С. 12–149.
24. Мережинская А. Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи. Русская проза 80–90-х годов XX века : монография / А. Ю. Мережинская – К. : ИПЦ «Киевский университет», 2001. – 433 с.
25. Мережинская А. Ю. Русская постмодернистская литература : учебник / А. Ю. Мережинская – К. : Изд.-полиграфический центр «Киевский университет», 2007. – 335 с.
26. «На границе». Зарубежная литература от средневековья до современности / под ред. Л. Г. Андреева. – М. : ЭКОН, 2000. – 256 с.
27. Павич М. Горячая картошка от Милорада Павича, или Краткая история человечества [Электронный ресурс] / М. Павич. – Режим доступа : <http://www.pavic.ru/place-ar-name-379/>
28. Силантьева В. И. Художественное мышление переходного времени (литература и живопись) : монография / В. И. Силантьева. – Одесса : Астропринт, 2000. – 352 с.
29. Силантьева В. И. Переходные периоды в искусстве: вопросы синтеза и синкретизма форм // Проблемы сучасного літературознавства : [Зб.].– Одеса : Маяк, 1999. – Вип. 3. – С. 99–107.
30. *Рубежное сознание* в искусстве: основные показатели переориентации // Проблемы сучасного літературознавства : [Зб.].– Одеса : Маяк, 2001. – Вип. 7. – С. 9–21.
31. «Малые жанры» в ситуации «слома эпох» // Проблемы сучасного літературознавства : [Зб.].– Одеса : Маяк, 2001. – Вип. 9. – С. 32–43.
32. Понятие «переходности» в искусстве (теоретический аспект) // Південний архів. Філологічні науки : [Зб.].– Херсон : Айлант, 2001. – Вип. XII. – С. 142–146.
33. *О месте А. П. Чехова* в литературном процессе и психологии переходного сознания в искусстве // Литературоведческий сборник.– Донецк : Изд. ДонНУ, 2001. – Вып. 7/8. – С. 172–185.
34. *Художественное мышление* переходного времени: постановка проблемы; терминология // Русская литература накануне третьего тысячелетия: Итоги развития и проблемы изучения : [Сб.].– К. : Логос, 2002. – Вып. 3. – С. 229– 237.
35. *Модели переходности* в искусстве: бифуркация – аттракция – седиментация (на материале литературы и живописи) // Русистика.– К. : Изд. «Київський ун-т», 2001. – Вып. 1. – С. 68–72.
36. *Проблема переходных форм* в искусстве // История и современность в русской литературе.– Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszow, 2003. – Вып.3. – С. 145 – 161.

37. *Переходность* как тип мышления: постановка проблемы, новейшие научные источники // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Сер. : «Філологія». – Х., 2004. – Вип. 39 (№ 607). – С. 18–23.
38. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / отв. ред. В. А. Копчик. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – Вып. 2. – 496 с.
39. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
40. Хакен Г. Синергетика и некоторые ее применения в психологии / Г. Хакен; пер. Е. Н. Князевой // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 296–309.
41. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 1999. – 437 с. – С. 357.
42. Хендерсон Л. Д. Беспорядок в изобразительном искусстве: Кандинский и Дюшамп / Л. Д. Хендерсон // Человек перед лицом неопределенности; ред. И. Пригожин; пер. с франц. В. В. Шуликовской. – Москва-Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2003. – 304 с.
43. Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса / Н. А. Хренов. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
44. Черная Л. А. Русская культура переходного периода от средневековья к Новому времени. Философско-антропологический анализ русской культуры XVII – первой половины XVIII века / Л. А. Черная. – М. : Изд. «Языки русск. к-ры», 1999. – 304 с.
45. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30-ти т. Письма : в 12-ти т. Сочинения : в 18-ти т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1983.
46. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы / У. Эко. – М., 1989. – С. 425–467.
47. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков / М. Н. Эпштейн. – М. : Сов. писатель, 1988. – 416 с.

2.2. Синергетическое напряжение в идиостиле Джеймса Джойса

Е. Г. Фоменко

1. Синергетический сдвиг

Синергетика как теория самоорганизации сложных динамических систем обладает значительным потенциалом для интеграции общей теории текста и модельной лингвистики [Белоусов 2008; Гураль 2007; Моисеева 2007; Москальчук 2014; Мышкина 1998; Піхтовнікова 2005; Пихтовникова 2012]. Синергетический сдвиг, по мысли Н. Ф. Алефиренко, порождает «иное, гармоническое, нелинейное видение речемышлительной деятельности человека, которое, собственно, и побуждает поиск новой парадигмы в науке о языке, всё чаще называемой лингво-синергетикой» [Алефиренко 2014: 16]. Синергетическому взгляду на

языкотворчество в художественном тексте созвучно рассуждению философа П. А. Флоренского о «склublении нитей миропонимания возле областей их выхода из мрака подсознательности через порог сознания» [Флоренский].

Синергетики рассматривают текст как способную к самоорганизации и саморегулированию синергетическую систему [Мышкина 1998: 44]. Они выявляют процессы, влияющие на самоорганизацию дискурса [Гураль 2007], осмысляют структуру текста как запечатлѐнный результат синергетического процесса [Дрожащих 2009], изучают инварианты в структурной организации текста и исследуют дискурсивные существования разных типов текста [Москальчук 2014: 47–48].

Ценным в синергетическом взгляде на текст и дискурс является обращение к **коэволюции** когнитивного, лингвистического, дискурсивного и культурного **пространств** [Пихтовникова 2012]. Без такого синтеза трудно вывести синергетическую модель текстовой системы, обращѐнную в открытый для множества художественных текстов, нелинейный, непрерывный в своей динамике художественный дискурс (см. обзор в [Домброван 2013: 115–119]).

На современном этапе синергетические исследования разграничивают синергетику текста и синергетику дискурса [Домброван 2014а: 89]. Не полемизируя о разделении синергетики текста и синергетики дискурса, мы склонны говорить о синергетике текста в дискурсивных средах, интегрируемой в синергетическую модель развития языка, которая успешно разрабатывается сегодня [Домброван 2014б].

Обращение к синергетическим аспектам текста и дискурса вызвано рядом причин. Во-первых, разграничение в исследовательских целях систем текста как продуктов речемыслительной деятельности и дискурса как среды, открытой для множества текстов, имеет далеко идущие последствия. Становится возможным осмыслить соотношение понятий художественного текста и художественного дискурса, до сих пор весьма расплывчатых. Известная путаница, связанная с толкованием художественного текста и дискурса как равновеликих, так и иерархичных понятий (художественный дискурс охватывает множество художественных текстов), возникает из-за того, что объяснение механизмов развития художественного текста становится невозможным без оперирования к пространству, или среде, каковой для художественного текста является художественный дискурс.

С позиции синергетического холизма, процессы в отдельном художественном тексте не могут быть изолированы от поддержания непрерывного состояния художественного дискурса, открытого для взаимодействия художественных текстов, причём за пределами одного языка и культуры. Представляется, что художественные тексты, циркулируя в художественном дискурсе, создают синергетическое напряжение, которое поддерживает баланс между унаследованными литературно-художественными нормами и инновациями, расшатывающими стабильность текстовой системы.

Во-вторых, синергетический подход способен пролить свет на неустойчивость художественного дискурса в рубежные эпохи. Осмыслению подлежат две проблемы: (1) накопление неустойчивости отдельных элементов, не приводящих в своё время к эпохальным сдвигам в текстовой системе и маргинальным для гомеостаза текстовой системы конкретной эпохи; (2) уплотнение накопленной неустойчивости, когда новаторство отдельного писателя, рассеянное в художественном дискурсе своего времени, подхватывается современными ему писателями, приводя к качественному сдвигу.

Как известно, потребовалось более ста лет, чтобы разведка техникой потока сознания в художественных текстах Лоренса Стерна завершилась её победоносным рассеянием в художественном дискурсе усилиями Джеймса Джойса, Марселя Пруста, Андрея Белого, позднего Томаса Манна и близкими им по духу писателями XX столетия. Неустойчивость накапливалась в течение XIX века, когда приём потока сознания обнаруживается у Стендаля, М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого как приём, а у Эдуара Дюжардена в романе «Лавры срезаны» – уже как художественный принцип. В XX веке Дороти Ричардсон, автор много-томного романа «Паломничество», на протяжении десятилетий творческой деятельности развивает внутренний анализ (свободный непрямой монолог), заимствованный ею у Марселя Пруста. Внутренний анализ становится маркером и единственной перспективой её языковой и дискурсивной личности, основным свойством её творческого сознания. Джеймс Джойс адаптирует к беллетристическим текстам особое звучание длительных форм глагола настоящего времени, свойственное лирическим текстам Уильяма Вордсворта; подхватывая Джойса, Вирджиния Вульф и Уильям Фолкнера расширяют сферу функционирования длительных форм. Серийность длительных форм становится лингвотипологическим свойством новой модели, последовательно созданной Джойсом, благодаря подхвату современными ему англоязычными писателями, а не его одиночным усилиям сделать узнаваемой новую производящую смыслов форму. Джойс также широко пользуется конверсией, за которую в своё время критиковали поэтический язык Джона

Китса. Ассимиляцию научной терминологии художественным текстом Джойс заимствует у Перси Б. Шелли. Нанизывание коротких предложений в паратаксисе, парантезы, восклицания, передававшие свободную ассоциацию у Лоренса Стерна, органичны внутреннему монологу Джойса. Иначе говоря, активизация всех ресурсов англоязычного художественного дискурса позволяет Джойсу накопить неустойчивость, которая стабилизируется сторонниками его системного сдвига благодаря множественным рекурсиям, инициированных, прежде всего, самим Джойсом.

В-третьих, синергетическому объяснению подлежит нелинейность художественного дискурса, например, структурные образования, которые разрушают традиционную иерархию жанров и сосуществующих подсистем. Например, «Джакомо Джойса» Джойса считают зарисовками в прозе, серией виньеток, собранием впечатлений и настроений, любовным стихотворением, романом, внутренним диалогом, внутренним монологом, а его «Поминки по Финнегану» называют то романом, то эпическим стихотворением в прозе.

С одной стороны, нелинейность вызвана языковой и дискурсивной деятельностью писателя, создающего единообразную модель художественного текста в сближении с группой писателей, выстраивающих художественный текст на сходных лингвотипологических основаниях. Например, напрашивается параллель между «Симфониями» Андрея Белого и «Джакомо Джойсом» Джойса в подтверждении мысли В. В. Розанова о том, что после Л. Н. Толстого господствует «не воображение, но придумывание и фантазирование» [Розанов 1995: 7]. С другой стороны, плюрализм интерпретаций неизбежен в ходе дискурсивной деятельности читателя (каковым является и отдельный писатель по отношению к художественным текстам других авторов). И читатель, и писатель в роли читателя, сквозь отдельный художественный текст, ведут диалог с художественным дискурсом эпохи, в котором формализуются типы и жанры художественного текста, модели художественного текста и так далее.

В-четвёртых, синергетическая модель позволяет выяснить, как продукт языковой и дискурсивной деятельности писателя, художественный текст, интегрируется в художественный дискурс эпохи. Переосмысления требуют интертекстуальность и интердинамизм как состояния, участвующие в приведении текстовой системы в движение для приращения смыслов. Сближение моделей художественного текста у Андрея Белого, Марселя Пруста и Джеймса Джойса наводит на мысль о синергетическом обмене под давлением художественного дискурса эпохи в целом.

В-пятых, синергетика текста исследует природу гомеостаза текстовых структур в одновременности вариантного (двигатель динамики, усиливающей состояние неустойчивости образований, отклоняющихся от унаследованных литературно-художественных норм) и инвариантного (стабилизатор динамических процессов, результат взаимодействующих усилий разных языковых и дискурсивных личностей писателей). Рассмотрение художественного дискурса в таком ракурсе обновляет понимание коллективного и индивидуально-авторского в становлении художественного дискурса.

Синергетическое мышление органично разрабатываемой нами лингвотипологической концепции, моделирующей художественный дискурс [Фоменко 2014]. Важно подчеркнуть, что и синергетика, и лингвистическая типология художественного текста стыкуются в поиске универсальных, инвариантных свойств, разграничивая устоявшиеся литературно-художественные нормы и инновации, усиливающие неустойчивость системы для скачка, трансформирующего и модифицирующего укоренённую, унаследованную от прошлых эпох модель художественного текста. Синергетический подход подталкивает к пониманию художественного дискурса как циркулирующей орбите, притягивающей как творцов художественных переживаний, так и их интерпретаторов (читателей, толкователей, комментаторов). Поэтому синергетический холизм венчает лингвотипологические исследования, обладая потенциалом для объяснения типолого-генетического развития художественного дискурса, лингвотипологической значимости крупных писателей в истории языка художественной литературы, лингвотипологических свойств художественного дискурса на разных этапах его развития.

Цель нашего исследования – доказать, что фазовый переход в художественном дискурсе происходит в момент ломки текстовой системы, когда давление неустойчивых состояний в художественных текстах у разных писателей заставляет систему радикально трансформироваться.

Объектом исследования является открытая система Джеймса Джойса. **Предметом** изучения является приращение смыслов в ризоморфной среде целого Джойса.

В нашем понимании, **художественный дискурс** есть открытая, динамичная, нелинейная, самоорганизующаяся **текстовая система**, в которой выстраиваются, взаимодействуют, пересекаются, рассеиваются, отпочковываются индивидуально-авторские концепции в сближениях и расхождениях инвариантных моделей художественного текста.

2. Состояние вопроса

Синергетика художественного текста является новым направлением, вносящим вклад в разработку общей теории текстов. Ключом для парадигматического сдвига являются понятия саморазвития и самоорганизации текста. Ниже остановимся на некоторых синергетических моделях текста, исследующих приращение смысла.

Н. Л. Мышкина и ее последователи (И. А. Богданова, О. С. Гребенкина, Е. В. Демидова, И. В. Звездакова, Е. В. Зубкова, М. Н. Ельцова, Я. Н. Ронжина и др.) развивают концепцию контрадиктно-синергетической лингвистики. Они исследуют внутреннюю динамику смысла в текстовой системе, опираясь на такие понятия, как энергия, самодвижение, контрадикция (симметрия и асимметрия) и синергия (слияние энергий) [Мышкина 1998; Мышкина 2011; Словицова, Ельцова 2012].

Н. Л. Мышкина разграничивает три модуля на текстовом уровне интегральной модели движения смысловых систем. В первом модуле, который она именует функторизацией, происходит иррадиация духовных смыслов, ведущая к эманациям, или несвязанной энергии смыслов, в целом тексте. Второй модуль, симметризация и асимметризация, связан с преобразованием состояний систем. Третий модуль, планетаризация, обнаруживает энергетические центры притяжения [Мышкина 2011]. Примечательно, что Н. Л. Мышкина рассматривает текст как напряжённую структуру: она считает напряжение энергодинамичным свойством коммуникативных единиц языка [Мышкина 1998: 70]. Н. Л. Мышкина фокусируется на энергетическом бытии и энергетическом измерении текста. Она оперирует понятиями энергетической пульсации и энергетического свечения, которые соответствуют привычным для текстлингвистов понятиям приращения смысла и многомерности текстов. Энергетическая метафора, к которой прибегает Н. Л. Мышкина, меняет метаязык, хотя и апеллирует к текстово-дискурсивной категории целостности текста. Н. Л. Мышкина объясняет «многосмыслие» текста сосуществованием энергий текста и среды, с чем можно согласиться. Однако кажущиеся новыми понятия энергонасыщенности, энергостяжения и энергопульсации, которыми оперирует Н. Л. Мышкина, на самом деле развивают идею синтагматического напряжения, которая принадлежит известному германисту и крупному знатоку художественного текста В. Г. Адмони [Адмони 1988]. Асимметрия, одно из ключевых понятий контрадиктно-синергетической лингвистики, также заявлено теорией полевых структур: именно В. Г. Адмони обосновал существование максимальной интенсивности в центре полевых структур и разрежённость на их периферии; ему же принадлежит мысль об

асимметрии между планом выражения и планом содержания [Адмони 1988: 28].

Ученики Н. Л. Мышкиной выходят в дискурс как саморазвивающуюся систему смыслообразов. Например, Е.Л. Словицова и М.Н. Ельцова изучают синергетические категории дискурса – системность, динамичность, гомеостатичность, иерархичность, способность к самоорганизации, эмерджентность, открытость. По их мнению, энергия текста актуализирует образность, эмотивность, оценочность, интердискурсивность, интертекстуальность и напряжение, которые они также относят к синергетическим категориям дискурса [Словицова, Ельцова 2012]. Непоследовательно называя категории то дискурсивными, то синергетическими, исследовательницы на деле ограничивают круг своих исследовательских интересов инвентаризацией. Однако именно инвентаризация сузила рамки лингвистики текста, прервав её дальнейшее развитие как самостоятельной дисциплины. В свете сказанного, взвешенной является позиция И. Ю. Моисеевой, разрабатывающей синергетическую модель текстообразования. В её определении текста эксплицируется фундаментальное синергетическое свойство системы – приращение смысла. По мысли И. Ю. Моисеевой, текст – это «самоорганизующаяся, самонастраивающаяся система, обладающая свойством эмерджентности» [Моисеева 2007: 10].

Развивая теорию самоорганизации Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, Г. Г. Москальчук и К. И. Белоусов едины в том, что взаимодействие внутритекстовых пространств обусловлено содержательно-смысловой проекцией текста в его акустико-волновую реализацию. Исследователи разграничивают три фактора организации семантического пространства: (1) текстовый (употребление значений слов зависит от самого текста); (2) просодический; (3) конвенциональный (значения лексем группируются вокруг их стереотипного употребления) [Белоусов, Москальчук 2004: 129]. Г. Г. Москальчук высказывает мысль, что текст и среда взаимообусловлены асимметрией и симметрией. По ее мнению, следует говорить об инвариантности структурной организации текста как базовой единицы языка [Моисеева 2007: 47]. Математическая формализация, однако, обезличивает художественное переживание, хотя и верифицирует его текстовые воплощения, например, в отборе длины предложения или пульсации предложений разной длины.

Нам близки синергетические исследования, которые развивают достижения современной общей теории текста выходом в дискурс как среду или пространство, где циркулируют художественные тексты. Фундаментальным является замечание Л. С. Пихтовниковой о том, что дискурс приводит текст и контекст в состояние взаимозависимости.

Подтверждается нашим исследованием целого Джойса [Фоменко 2014] положение Л. С. Пихтовниковой о том, что цели дискурса являются аттракторами, направляющими отбор в системе (у Джойса отбор определяется скольжением нечто подобного к эпифаническому откровению как цели художественного переживания). По мысли исследовательницы, самоорганизации подлежат текстовые категории и стиль текста, причём самоорганизация дискурса прослеживается во взаимном моделировании подсистем. Согласно Л. С. Пихтовниковой, как минимум две иерархические подсистемы моделируют состояние друг друга с учётом состояния системного окружения [Пихтовникова 2005]. Синергетический вектор исследования речевых жанров и вопросы самоорганизации отдельных типов дискурса, изучаемые Л. С. Пихтовниковой в монографии «Лингвосинергетика: основы и очерк направлений» [Пихтовникова 2012], актуальны для художественного дискурса современности, в котором жанровая типология размывается. В том же ключе высказывается выдающийся джойсовед Фриц Сенн; он указывает, что у Джойса все художественные тексты трансформируются, отчего жанр ни одного из них не повторяет предыдущий [Senn 1995: 36].

Когнитивно-поэтическая синергетика (когнитивная синергетика художественного дискурса) исходит из слова как «образа дискурсивного взаимодействия субъекта и объекта» [Алефиренко 2011: 29]. Н. Ф. Алефиренко полагает, что имплицитность «формируется многоканальной когнитивно-синергетической природой образного дискурса, порождающего художественный текст» [там же: 5]. Трудно возражать тому, что когнитивно-синергетическая природа влияет на смысловой потенциал дискурса. Следует также согласиться с тем, что «художественный дискурс представляет собой прежде всего среду формирования поэтической энергии единиц непрямого знакообозначения» [там же: 7]. По мнению Н. Ф. Алефиренко, внутренняя энергетика художественного текста приводится в движение усилиями энергоносителей, языковыми личностями автора и читателя. В самоорганизации художественного текста Н. Ф. Алефиренко выделяет четыре энергопотока: (1) сенсорно-перцептивная образность, (2) знаково-символическая интерпретация первичных образов, (3) действие превращений форм в тексте и (4) воздействие экстралингвистической среды. Их совместные усилия определяют ассоциативно-деривационную сущность художественного дискурса, – «среду формирования поэтической энергии единиц непрямого знакообозначения» [там же: 30]. Метафора энергопотока близка провекции (*provection, same-anew-ness*), через которую Ф. Сенн описывает процесс развёртывания художественного текста у Джойса [Senn 1995: 49]. По его мысли, нагромождение Джойсом нечто приводит к превращению этих нечто в нечто ещё [там же: 52].

Что нового может дать синергетическое понимание художественного дискурса на отдельных этапах его становления?

Как подчёркивает Т.И. Домброван, фазу трансформации характеризуют пять принципов становления: нелинейность, неустойчивость, незамкнутость, динамическая иерархичность и наблюдаемость [Домброван 2013: 43]. Очевидно, что в современной модели художественного текста старый порядок был видоизменён, сосуществование в контексте противоборства старого и нового порядков привело к отбору альтернативных путей дальнейшего развития художественного дискурса – например, в виде «Поминок по Финнегану» Джойса, где отрицается доминантная роль одного языка в панъязыковом художественном тексте. Незамкнутость этого же художественного текста возвращает не только к началу, но и размыкает целого Джойса. Неустойчивость усиливается накапливаемыми отклоняющимися от норм формами, вплетёнными в художественный текст, чтобы расшатывать систему и усиливать эффект многомерного соприкосновения в масштабе целого художественного дискурса. Динамическая иерархичность проявляется в сосуществовании старой и новой модели художественного текста в рубежные эпохи. Наблюдаемая рекурсивность позволяет судить о направлении синергетического вектора.

3. Эпифаническая модель Джеймса Джойса в синергетическом освещении

Эпифаническое мышление Джойса укоренено в христианском откровении, у которого заимствовано понятие «эпифании», или богоявления. Искусство Джойса есть языкотворчество, дискурсивное сознание, моделированное по аналогии с христианским богоявлением, по образцу озарений, испытанных мистиками и теологами, на которых в одном из фрагментов «Джакомо Джойса» указывает сам Джойс: Эмануэль Сведенборг, который утверждал, что был удостоен посещения Христом; Ареопагит, умевший удерживать мысль на пороге откровения; де Молинос, веривший в то, что человеческая душа знает Бога; Иоахим Флорский, который личным примером проповедовал одухотворённое отношение к Богу.

Эпифеномен (от греч. *epi* – «при» и *phainomenon* – «являющееся») синонимичен сознанию в философии Ф. Ницше. Эпифанический тип мышления подобен музыкальному инструменту органу, в устройстве которого множество вертикальных и горизонтальных труб. Органные меха накачивают воздух, подобно тому, как Джойс собирает энергию для эпифанического откровения, вводя в движение соприкосновения, словно трубы органа, и рассеивая эпифаническим аттрактором художественные переживания нечто подобного.

В философско-филологическом смысле эпифаническая модель художественного текста – это подведение пробуждающегося человека к озарению (Артур Рембо), эпифании (Джеймс Джойс), впечатлению (Марсель Пруст), раскрывающее внутреннего человека в неоднозначных интерпретациях художественного дискурса. Ключевым для эпифанической модели является движение сквозь нечто подобное, множасьее в таких соприкосновениях. Эпифаническая модель мира, включающая в себя эпифаническую модель художественного текста, органична универсализму XX века, который, по мысли М. Эпштейна, есть «мгновенное озарение, раскрывающее в глубинах человечества его целостное, неделимое Я» [Эпштейн 1988: 388].

Эпифаническая модель художественного текста, беллетристического или лирического, отличается субъективностью, обращённостью в языковое сознание. Эпифаническое искусство XX века вырастает из эпифании бытия романтиков. Преемственность проявляется в осуждении механистичности, технологичности, стандартизации и вульгаризации мира в массовом урбанизированном обществе. На рубеже XIX–XX веков эпифанию бытия сменяет эпифания субъективного, фрагментарного опыта. Эпифания нового вида, начало которой положено «Цветами зла» Шарля Бодлера, обращается к внутреннему человеку. Эпифанический фокус сдвигается к потоку опыта, к смыслоформе, к языку как структуре, возобновляя состояние, когда, согласно А. А. Потебне, каждое слово было тропом [Иванова 2010: 236]. Отсюда недосказанность, подтекст, возрастающая имплицитность художественного текста, наблюдаемая, помимо прочего, в индивидуально-авторском пунктуационном рисунке.

Эпифаническая модель Джойса, которая строится свёрнутым повествованием, индивидуально-авторской концепцией многоуровневого СОПРИКОСНОВЕНИЯ одновременных смыслов и сквозным интерпретационным каналом, открытым в художественный дискурс современности, как целое образование может ассоциироваться с пылью Кантора, фракталами Мандельброта, ковром Серпинского, ризомой Делёза и Гваттари. Поясним сказанное.

Пыль Кантора выявляет мощностность континуума: отрезок прямой единичной длины делится на три равные части, средний отрезок вынимается; затем подобной процедуре подвергаются оставшиеся отрезки; и так до бесконечности.

Эпифаническое откровение конструируется в отрезке **Нечто подобное**, который делится на три равные части: (1) **Something** (2) **Like** (3) **That**. Разрывное множество образуется срединным компонентом **Like**: он необходим для вхождения во множество в векторе движения, заданном индивидуально-авторской концепцией Джойса, – **сквозь** (through) **СОПРИКОСНОВЕНИЕ (TOGETHERNESS) НЕЧТО ПОДОБНЫМ**.

Первый компонент **Something** может порождать бесконечные соприкосновения по модели главного линейного отрезка – повествование (макроструктура). В сферу его действия войдут переработанные Джойсом сюжеты мировой культуры, например, ветхозаветное грехопадение, кельтская легенда о Тристане и Изольде, четыре евангелия, кельтский имрам и другие в «Поминках по Финнегану» или «Одиссея» Гомера в «Улиссе».

Второй компонент, изъятое подобие (**Like**), является сферой действия переживания в художественном дискурсе, поскольку множество разрывное и разветвлённое. Здесь творится СОПРИКОСНОВЕНИЕ.

Третий компонент (**That**) вовлекает целого Джойса и тексты других писателей (современников и последователей), воплощающие варианты его модели художественного текста. Самобытность Джойса состоит в культивировании сетевого самоподобия. Повествование исключительно конструируется как НЕЧТО ПОДОБНОЕ (открытость «Улисса» гомеровским вектором, «Дублинцев» – вектором паралича городского механизма, «Поминок» – вектором бесконечной циркуляции по образцу Дж. Вико). Заполнение изъятого множества LIKE (THAT) возможно только в поиске новой формы. Поэтому у Джойса нет повторов формы, ведь однотипными по форме текстами мощности континуума не построить. Более того, гибкость формы требует внутренней перестройки, что прослеживается в переходах от одного эпизода «Улисса» к другому.

Целый Джойс вбирает в себя реликты, мировые отзвуки человечества в том разнообразии, которое способен постичь человек. Для этого нужны формы, рождающие множественные смыслы, составные техники, направляющие трансформацию гомеостаза, – **вынутая середина**, как в касторовой пыли, переживаемая саморегуляция открытой системы в подобии целого **Something Like That**.

Можно провести параллель с Фрэнсисом Гальтоном, автора методики составных портретов в фотографии. Ему удалось соединить в составном портрете генетические фамильные свойства в мета-лице. Подобно ему, Джойс даёт образец мета-письма, в котором множественность форм с приращением смыслов приводит к мета-переживаниям озарения, где сквозь художественный дискурс движется турбулентное языкотворчество.

Усилиями самого Джойса его модель открывается в художественный дискурс современности. Ей присуще состояние отрицательной энтропии, обеспечивающее сохранение разрастающихся художественных переживаний в ризоморфной среде художественного дискурса, что позволяет преодолевать хаос живой системы.

Понятие ризомы введено Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари. По их мысли, существует два основных типа мышления – древовидное

и ризоморфное. Древовидное мышление является иерархическим и вертикальным, в то время как ризоморфное является горизонтальным, не-иерархическим, динамическим и децентрализованным. Проиллюстрируем на примере из «Поминок по Финнегану»:

Of the first was he to bare arms and a name. Wassaily Booslaeugh of Riesenborg. His crest of huroldry, in vert with ancillars, troublant, argent, a hegoak, poursuivant, horrid, horned (FW, 5.5-7).

Первое предложение указывает на Адама, персонажа из структурной для «Поминок» книги – Ветхого Завета. История грехопадения Адама и Евы циркулирует во всём тексте «Поминок». Одновременно это предложение является перифразом, с использованием полной инверсии, реплики из пятого акта «Гамлета» Шекспира: He was the first that ever **bore arms** (Hamlet, 1105). Посредством гетерографа (разное написание и значение глаголов bare и bear) Джойс обыгрывает смыслы «обнажить оружие» (любое противостояние) и «иметь герб». Через ослышку имени собственного во втором предложении обыгрываются герой русской былины Василий Буслаев, который, чуть что, сразу хватался за оружие, и героическая эпоха Дж. Вико. Сорвиголова из Новгорода, Василий Буслаев отправился паломником, правда, не пешим ходом, а на судне, в Иерусалим, где погиб подобно Тиму Финнегану. Если персонаж ирландской баллады разбивает голову, падая с лестницы, то Василий Буслаев разбивается, скача поперёк камня, вперёд и назад, а потом вдоль камня. Слово-саквояж Wassaily складывается лексемами «вассал» (иерархия людей), sail (плавание под парусом – Василий Буслаев погиб во время паломничества в Иерусалим, куда отправился на корабле), assail – лексема родственна слову на вульгарной латыни adsalire со значением «перепрыгивать, прыгать, скакать». Рассеяние приращённых смыслов происходит по векторам, которые образуют ризомы в «Поминках». Например, можно усмотреть родство между Василием Буслаевым и викингами, в частности, нормандскими пиратами. Викинги, воевавшие с Брайаном Бору в Ирландии, и современные им варяги, мирно осваивавшие торговый путь «из варяг в греки», упоминаются Джойсом в той части «Поминок», которую связывают с анекдотом о русском генерале. Существует версия, что Василия Буслаева сравнивали с этими пиратами. Кроме того, Boos звучит так же, как и boose (алкоголь подвёл разбившегося Тима Финнегана). Ирландская лексема uasal означает тост за здоровье (ослышка в Booslaeugh). Наконец, в голландском языке boos означает «злой». Собирая вместе упоминание о гигантах (нем. Riesen «гиганты»), застольный тост (бог виноделия Дионис и Геракл помогли олимпийцам стать сильнее гигантов) и голландскую лексему boos со значением «злой» (гиганты – порождения злобного адского Тартара), выходим на аллюзию гигантомахии, описанную в «Одиссее» Гомера.

Ризоморфная среда, таким опосредованным путём выводящая на Гомера, использует синергетическое напряжение, когда одно и то же является нечто подобным как одному, так и множеству других нечто подобных. Но, продолжая дальше, можно выйти через вассала и греческое значение имени Василий (basileus «царь»), герб которого описывает Джойс, на шекспировского шута (в ирландском английском horrid horn означает «глупец»).

Мы привели только один пример, по принципу которого строится весь многостраничный, многоязычный текст «Поминок». Но можно бросить взгляд и гораздо шире: в целом Джойсе главным синергетическим вектором является «соприкосновение пробуждением» (озарение откровением), направляющим к разным плато, по пути к которым происходят новые приращения смыслов.

Ризоморфная среда проявляется в целом Джойсе, направляя векторы устойчивых состояний (сетевые конфигурации, объединённые константами культуры, культурная идентичность, диалог языкотворчества и интерактивность художественных переживаний, пространство-время и др.). Синергетическое напряжение осваивается в неустойчивых стационарных состояниях, которые концентрируются в точках соприкосновения скользящих одновременных смыслов, способных к рассеиванию в целом Джойсе и, далее, в художественном дискурсе современности, сквозь живую систему которого они проходят в продуктах индивидуально-авторской концепции Джойса, его художественных текстах, включаясь в диссипацию приращиваемых смыслов.

Диссипация целого Джойса происходит двояко: либо рассеиванием индивидуально-авторских смыслов в синергетическом напряжении своей уникальной текстовой системы, либо синергетическим обменом между целым Джойсом и живой системой художественного дискурса.

Для этого Джойс вводит неустойчивое стационарное состояние в макроструктуру художественного текста. Первое макроструктурное кольцо усекает традиционное иерархическое повествование в пользу события нежданной встречи, отрицающей конвенциональное событие. Равновесие системы поддерживается одновременно вводимыми константами культуры, на основе которых читатель восстанавливает свёрнутое повествование. Второе макроструктурное кольцо, эпифанизация, где протекает развёртывание индивидуально-авторской концепции, конструируется флуктуациями, сигнализирующими о колебательных процессах, поддерживаемых остатками традиционной повествовательности в надстройках приращиваемых смыслов для подталкивания к нетривиальному событию нежданной встречи. Точки фазового пространства соединяются матрицей СОПРИКОСНОВЕНИЯ, заложенной в

первом макроструктурном кольце в универсалиях ДЕЙСТВИЯ, НЕ-ДЕЙСТВИЯ, ЕДИНЕНИЯ и НЕ-ЕДИНЕНИЯ. Одна из сторон имплицитруется в первом кольце, чтобы восстановиться в ходе эпифанизации для замыкания СОПРИКОСНОВЕНИЯ. Гармонизация СОПРИКОСНОВЕНИЯ происходит в третьем макроструктурном кольце фокуса-эпифании, где снимается синергетическое напряжение сторон.

Сохранение между фазами колебательных процессов, когерентность, создаётся тремя уровнями индивидуально-авторской концепции:

- в первом макроструктурном кольце, в состоянии свёрнутой повествовательности вводятся устойчивые культурные константы, чтобы уравновесить текстовую систему, подготавливаемую к синергетическому напряжению;

- во втором макроструктурном кольце свёрнутое повествование, опирающееся на константы культуры, вступает в колебательные процессы в флуктуациях надстроек смысла something like that, рассеивая сетевые конфигурации по матрице СОПРИКОСНОВЕНИЯ в пульсациях синергетического напряжения;

- в третьем макроструктурном кольце, интерпретационном канале идеализированного соприкосновения, триада писатель–читатель–текст переживает озарение, в котором синергетическое напряжение возникает выходом за пределы отдельного художественного текста в ризоморфную среду художественного дискурса.

Единообразии синергетического напряжения ПРОБУЖДЕНИЕМ СОПРИКОСНОВЕНИЯ размывает границы художественных текстов Джойса, образуя отпочкования, уплотняющие сходные озарения в целом Джойсе. Одновременное подключение гипертекстового измерения как скольжения сквозь художественный дискурс вне пространства и времени способствует организации ризоморфной среды. В ней Джойсу отводится ключевое место за счёт подхвата его новой модели художественного текста современными ему писателями (Дороти Ричардсон, Вирджиния Вулф, Томас Вульф, Уильям Фолкнер, Д.-Г. Лоуренс, Э. Хемингуэй, Владимир Набоков и др.).

Синергетическое напряжение создается Джойсом двумя путями – гномонными образованиями, в которых имплицитруется одна сторона в матрице СОПРИКОСНОВЕНИЯ для ее восстановления в интерпретационном канале идеализированной истины СОПРИКОСНОВЕНИЯ, и рассеянием эпифанических откровений в ризоморфной среде художественного дискурса.

Напрашивается вывод: **самоорганизация целого Джойса состоит в его нелинейном, неиерархическом, открывающемся в художественный дискурс языкосознании.**

Упорядоченное состояние его языкотворчеству придает **синергетический эффект одновременности смыслов**, рассеянных векторами СОПРИКОСНОВЕНИЯ в циркуляциях идеализированной гармонизации ДЕЙСТВИЯ, НЕ-ДЕЙСТВИЯ, ЕДИНЕНИЯ и НЕ-ЕДИНЕНИЯ.

Текущая языкомысли, присущая целому Джойсу, закладывает порядок всеохватывающего НЕЧТО ПОДОБНОГО, удерживающий хаос первичности языка в обломках повествовательности.

Важно подчеркнуть, что саморегуляция эпифанической модели, обращённой в художественный дискурс современности, преодолевает сопротивление традиционной повествовательной модели художественного текста. В интерпретационном канале, в памяти и опыте «писателя–читателя–текста» удерживаются суперструктурные схемы, разработанные русскими формалистами (прежде всего В. Я. Проппом) и их последователями (наиболее яркий представитель – Т. ван Дейк, который обобщил иерархическую повествовательную суперструктурную схему).

Сосуществование традиционной (повествовательной) и новой (эпифанической) модели художественного текста обеспечивается стратегией повествовательной экономии, ломающей иерархию повествовательных категорий для заполнения освободившегося пространства для разновидностей потока сознания: внутренний монолог в «Улиссе» (эпизоды «Протей» и «Лестригоны»); внутренний анализ в позднем Генри Джеймсе, в «Поисках утраченного времени» Марселя Пруста и в романах Дороти Ричардсон; сенсорные впечатления в романе Эдуара Дюжардена «Лавры срезаны» и эпизоде «Сирены» («Улисс» Джойса); не прямой внутренний монолог, продолжение непрямого стиля Гюстава Флобера, в «Миссис Дэллоуэй» и «К маяку» Вирджинии Вулф [Dahl 1970: 9]. Внутренний человек, занимающий освободившееся пространство, в котором можно мысленно развернуть повествовательность, в надстройках повествовательных смыслов создаёт синергетическое напряжение НЕЧТО ПОДОБНЫМ, создавая эффект точечной интенсификации видимого [Müller 1997: 77].

Синергетическое напряжение, говоря словами М. К. Мамардашвили, «само себя в себе показывает» [Мамардашвили 1997: 178] в «производящей форме», которой сближаются Марсель Пруст, Эзра Паунд, Томас Элиот и Джеймс Джойс [там же: 187, 201].

4. Ризоморфная среда в «Поминках по Финнегану»

В «Поминках по Финнегану» система находится в состоянии, близком к равновесию на синтаксическом уровне. Стационарные состояния поддерживаются структурными библейскими, художественными текстами, легендами и мифами. На лексико-семантическом уровне систе-

ма проявляет крайнюю неустойчивость из-за интервенции текста множественными иноязычными включениями, навязывающими доминантному английскому языку флуктуации, подавляющие его доминантную роль. Диссипация в виде слов-саквождей, ослышек, прямых иноязычных включений приводит к одновременности смыслов, которые разбегаются по векторам, направляющим к сетевой паутине их ризомы. Джойс накапливает энтропию для ее перерастания в негэнтропию, новый порядок со свёрнутым повествованием, управляемый всеохватным СОПРИКОСНОВЕНИЕМ.

С самого начала уясним, что для нас «Поминки» не являются фантазией на манер сновидений под влиянием Зигмунда Фрейда или Карла Юнга. Мы также не считаем «Поминки» экспериментаторской книгой.

Напротив, «Поминки» венчают единообразную модель Джойса и создают ризоморфную среду в ослышках, словах-саквожах, мыслеформах, наращивая принцип рассеянного приращения одновременных смыслов в синергетических напряжениях. «Поминки» создают единое целое соприкосновением глобальным, наступающим на англоязычный художественный дискурс включением в его ткань шести десятков других языков. Расщепление лингвистической формы, чаще всего джойсовского новообразования, становится сигналом синергетического напряжения. Речь идёт о приращениях-отпочкованиях, которые принадлежат разным плато в ризоморфной среде «Поминок».

Джойс создавал не художественный текст, который можно поставить на полку как увековеченный продукт литературного творчества. Он мыслил «Поминки» как художественный дискурс, в котором происходят приращения повествовательности, литературных техник, методологий, концепций, интерпретаций волею создателя Джойса. В «Поминках» Джойс рассеивает языки и культуры по множественным плато, вовлекая читателя в лабиринты, которые ещё никому из джойсоведов не удалось пройти. Поэтому глоссарии разных языков в «Поминках» лишь дают представление о масштабе задуманного и реализованного, но оставляют нетронутой динамику пробуждения первичностью художественного языка на изломе твёрдого отказа от навязанного человечеству христианского грехопадения в иерархии повествовательности.

Покажем, как происходит рассеяние на примере из финальной части «Поминок»:

... and, between all the goings up and the whole of comings down and the fog of the cloud in which we toil and the cloud of the fog under which we labour, bomb the thing's to be domb about it so that, beyond indicating the locality, it is felt that one cannot with advantage add a very great deal to the aforegoing by what, such as it is to be, follows, just mentioning however

that the old man of the sea and the old woman in the sky if they don't say nothings about if they tell us lie, the gist of his pantomime, from cannibal king to the property horse, being slumpy and slopely to remind us how, in this drury world of ours, Father Times and Mother Spaces boil their kettle with their crutch (FW, 599.29-36-600.1-3).

В нашем приблизительном, хотя и не подстрочном переводе, вышеприведённый абзац звучит так:

Между всеми взлётами и неизбежными падениями, в тумане наших греховных трудов насущных и в праведном устремлении взойти к столпу облачному, обращаемся к нему, Всевышнему, хранящему молчание, не только не ища его обитание, но и не извлекая преимуществ из добавления к известному неизвестного, возвращаясь на круги своя, лишь вскользь замечая, что стареющие Время и Пространство безмолвствуют о сути пантомимы, от дикаря-каннибала до Шалтая-Болтая, сбивчиво напоминая, как сами подогревают котёл, бурлящий на печальных подмостках мира.

По древнему кельтскому мифу, туман покрывает северо-запад земли на границе между человеческим миром и островными странами потустороннего мира (возможное объяснение ассоциации с дикарём-островитянином). Бог пришёл в столпе облачном. Облако выражает величие Бога. Туман с облаком связываются так: Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако (Исаия, 44: 22).

В «Поминках» образования с корнем fog употребляются 23 раза: the **foggy dew's** abroad (FW, 24.21), **freakfog** (FW, 48.2). **foght** (FW, 90.13). **hafogate** (FW, 234.1), **fogbow** (FW, 403.11), the woods of **Fogloot** (FW, 290.18). **fogabawlers** (FW, 457.5), the **fog** follow you all (FW, 522.35). **befogged** by him (FW, 536.19) и др. Зеркальное отражение the fog of the cloud и the cloud of the fog является единственным случаем контактного употребления лексем, входящих в его состав. Лексема cloud употребляется в разных вхождениях, включая композиты, 49 раз, например, **cloudberg** (FW, 430.25), **hillcloud** (FW, 480.26). **cloudy father** (FW, 500.19), a hand from the cloud emerges (FW, 593.19), we think of him looking at us yet as if to pass away in a cloud (FW, 615.22). Сравните с Ветхим Заветом: И сотворит Господь под всяким местом горы Сиона и над собраниями её облако и дым во время дня (Исаия, 4:5). Или: И покрыло облако скинию собрания (Исход, 40:34).

Форма **domb** (одно из девяти употреблений в «Поминках») в венгерском языке означает «холм», чем проводится линия к композитам **cloudberg** и **hillcloud** (аллюзия горы Сиона). Эта же форма является ослышкой английского слова **dumb** и нидерландского слова **dum** (оба со значением «глупый»). Джойс называет Его нашим глухим и немым, имея в виду страдания ирландцев во время покосившего нацию кар-

тофельного голода: Dieuf and Domb Nostrums (FW, 149.3). Возможное приращение смысла: лат. nostrum «наш», усечённое Dies Irae, имя прорицателя Нострадамуса. В геральдику, описанную через перифраз из пятого акта «Гамлета» Шекспира, Джойс включает horrid, horned (FW, 5.5-7): в ирландском английском horrid horn означает «глупец» (вектор «глупости»). В немецком языке лексема dom обозначает «собор»: Джойс имеет в виду скинию, любое обращение к Всевышнему из специальных зданий для совместной молитвы «нашему, хранящему молчание». Смысл дома для молитвы уплотняется ослышкой в русской лексеме «дом» (domb – дом). Через русское слово направляется вектор дома, жилища, поселения к Dom on dam, dim in dym (FW, 625.20-21). Возможное прочтение: дом на дамбе (насыпи, холме, возвышении), смутно видимый из-за дыма (дом, населённый людьми, разводящими огонь для обогрева и приготовления пищи). Джойс отделяет плато человечества в повторах личного местоимения «мы» от первопричины, к которой человечество обращается для снятия первородного греха.

Джойс начинает с упоминания о лестнице Иакова, соединившей землю с небом: карабкается по лестнице и падает с неё Тим Финнеган, сваливается со стены Шалтай-Болтай. У католиков «Лестница Иакова» входит в индекс запрещённых книг. Возможно, синергетическое напряжение создаётся плато запрещённых книг, куда входили знаковые для Джойса труды Джордано Бруно, Декарта и Лоренса Стерна. Джойс может намекать на судьбу собственного «Улисса», который был запрещён на родине при жизни писателя. Только в 1960-х годах «Улисс» появился в продаже в Ирландии. В США запрет на «Улисса» был снят в 1933 году.

Джойс передаёт суть христианской жизни от рождения до смерти, в тоскливости непрощённого первородного греха, единя земными чаяниями человечество. Он вторит Шекспиру, перефразируя слова из пьесы «Как вам это нравится» о том, что весь мир театр, отвечая на гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» привычной для человечества формулой топтания на месте: «как есть, так будет» (such as it is to be).

Двойное отрицание don't say nothings наводит мысль на «Таинственное богословие» Дионисия Ареопагита, где говорится о первопричине, которая не едина и не является единством, следующее: «Ничто из того, что не есть и ничто из того, что есть, и те, кто есть, не познают ее, доколе она есть, и она сама не познает тех, кто есть, покуда они суть» [Таинственное богословие...].

Словосочетание the gist of his pantomime может соотносить с сердцевиной, духом, душой, сутью пластического мышления невидимого «его». Имитируя Аристотеля с его известной сентенцией «рука есть инструмент инструментов», Джойс говорит: The gist is the gist of Shaum but the hand is the hand of Sameas (FW, 483.3), т. е. суть определяется

через суть, а рука – через руку (тавтология). Подобным образом Джойс определяет создателя как создавшего для своих сотворённых сотворение мира: Creation he has created for his creature ones a creation (FW, 29.14). Возможно, Джойс создаёт циркуляцию корневых повторов, имитируя индивидуально-авторскую манеру Гертруды Стайн, которую В. Г. Адмони называл «тверждением» [Адмони 1988: 186]. Лексема *gist* встречается в «Поминках» 24 раза в ослышках (*gisture* – связь пластики жеста с передаваемым им смыслом) и новообразованиях (*adamologists*, *forehengist*, *moisturologist*, *sexophonologistic* и т. п.).

У Джойса человек влачит существование в надежде на прощение (возможный намёк на сомнение веры или на мрак греха). Джойс упоминает евангелические сцены-пантомимы, которыми человечество испокон веков пытается соприкоснуться с первопричиной. Лексема «пантомима» однократно употребляется в «Поминках». Существовая с древнейших времён, пантомима использует пластику человеческого тела, не прибегая к словам. И дикарь-идолопоклонник, и Шалтай-Болтай практикуют схожие по сути театральные действия.

По сути, пантомима есть пластическое мышление, которое разделяет творца слова и дикаря. Джойс имеет в виду балладу, опубликованную в Поэтическом ящике (Poet's Box) в Глазго в 1858 году. В балладе говорится о властелине островов Каннибалов по имени *Roopoowingkewang*, у которого в мазанке-дворце жили сто жён, рождавших ему каждую неделю по отпрыску. Половину надоевших жён властелин зажарил для пира, в то время как вторая половина обратилась в бегство, променяв его на других вождей.

Лексемой «бомбить» Джойс указывает на крепостное орудие, прозванное шалтаем-болтаем (шалтай-болтай – это вещь, которая упала и не подлежит ремонту). Бурлящие страсти пространства-времени наполняют мрачный мир (*dreary* – мрачный, печальный, тоскливый, безотрадный), который служит подмостками для пространства-времени (лондонский театр Друри-Лейн известен прославленными актёрами, среди них Гаррик, одно время его директор, и постановками пьес Шекспира).

Морской старец Нерей, олицетворение спокойной морской глубины, в греческой мифологии представлен человеком с рыбьим хвостом. Он ненавидел ложь и давал добрые советы, предсказывал будущее и мог принимать разные образы. Ему приписывали сто дочерей (цифры совпадают с общим числом жён у властелина островов Каннибала). Вторым морским старцем был Протей (с ним связаны эпизоды в «Одиссее» Гомера и в «Улиссе» Джойса). Третьим морским старцем был Тритон, которого связывают с эпохой гигантомахии (цикличность

в концепции Вико) и потопом (сотворение мира). Все три старца меняли облик (возможная суть пантомимы).

Центром размышления становится вещь, упавшая, отныне бесполезная (снова Шалтай-Болтай), возможно, иной порядок, каким является сам художественный дискурс в «Поминках»: Only is order othered. Nought is nulled (FW, 613.13-14) (в ср.-англ. nought = not a thing). Джойс сам говорит, что ничто не подлежит обнулению.

Возможно, выделением английского (имперского) персонажа из «Сказок Матушки Гусыни» и колонизированного дикаря-каннибала Джойс высказывает мысль, что Ирландия до завоевания канула в вечность, но будущее не может обнулить её прошлое: Come hours, be ours! (FW, 608.35) (всему свой час).

В ризоморфной среде Джойса сценическое плато занимает особое место. Помимо Шекспира, аллюзии которого вводит в свои тексты выборочно, Джойс упоминает все пьесы Бернарда Шоу. Он распространяет вектор Дж. Вико на Шоу, обыгрывая название улицы, Вико-роуд, где проживал драматург. Джойс намекает на поездку Шоу в советскую Россию в 1931 году: Red theatocrat? (FW, 28.14-15) Собственный неуспех пьесы «Изгнанники» заставляет Джойса импульсивно реагировать на достижения ирландца-драматурга Шоу. Последнему рукоплескали в Ленинграде, что отражено в топонимике эпизода о русском генерале. Считается, что весь эпизод о русском генерале написан в виде пантомимы. Известен театральными метаморфозами эпизод «Цирцея» («Улисс»). Именно Бернард Шоу нелицеприятно отзывался об «Улиссе», назвав его правдивым, но отталкивающим документом об отвратительном этапе развития современной цивилизации. Переключками драматургического материала, созданного разными драматургами, Джойс создаёт не только театральную ризому, куда можно отнести и Рихарда Вагнера, но и соединяет отпочкования, которые иным способом нельзя соединить.

Подобно Вагнеру, Джойс устремляется к истокам мироздания, ведь кельтская легенда о Тристане и Изольде является структурной книгой «Поминок». В театре предполагается диалог автора и зрителя через игру актёров. Более двухсот раз Джойс даёт отсылки на оперы Вагнера, в частности, «Тристана и Изольду» и «Кольцо Нибелунгов». Как и Вагнер, Джойс стремится к космическим обобщениям в разных текстовых тональностях, аналогами которых выступают ризомы. Театральное сотворение мира волнует Джойса в искусстве.

Ризоморфная среда в «Поминках» – предел глубины нелинейного интериоризованного сознания. Иноязычными вкраплениями Джойс хроматизирует англоязычный художественный дискурс, доводит его до такого синергетического напряжения, которое открывает возможности

для бесконечного варьирования одновременно сознанием с целью приращения отпочкованных смыслов. Если у Вагнера лейтмотивы являются музыкальными тематизациями, то у Джойса свободная ассоциация Стерна становится стратегией для связывания любых ассоциаций в точках бифуркации. Иначе говоря, индивидуально-авторская концепция Джойса выводит из любого материала **СОПРИКОСНОВЕНИЕ личностного и универсального**, указывая человечеству путь к единству, единению через серийность и цикличность, рассеянных ризоморфной средой в «энергопотоках» художественного дискурса.

5. Суть синергетического напряжения Джойса

Аттрактор синергетического напряжения в идиостиле Джойса – это эпифаническое откровение, суть приводимого им движения сквозь соприкосновение художественным переживанием.

В первом рассказе «Дублинцев» в руки соборованного священника вкладывается целая чаша, потир, вместо сломанной им или служкой во время богослужения. Мёртвые, без движения, руки, просто соприкасаются с вложенным в них предметом. Но соседство рук с вложенной в них чашей является иллюзией, поскольку физическое соприкосновение неживых предметов лишь оставляет пространство между, или синергетическое напряжение, которое остаётся в подтексте. В эпизоде «Протей» («Улисс») Стивен шагает по берегу с закрытыми глазами, проверяя ощущения, вызываемые состоянием движения сквозь незримое, видимое воображаемым образом, изнутри.

В «Поминках» Джойс апеллирует к собственному художественному конструкту в усекаемых формах двух словосочетаний *hueful panepirhanal world/heupanepi world* и двух композитов *panepiwor / eriwō* (FW, 611). Во всех формах содержится аттрактор эпифании и вызываемого им состояния эпифанического фикционального мира. Этимология имени древнегреческого бога Пан указывает с гомеровских гимнов на значение «весь»; если по Ареопагиту Бог не един и не единство, то художественный дискурс, в котором циркулирует эпифаническая модель Джойса, целостен и един, по замыслу Джойса. Зарождающимся светом завершаются «Поминки», чтобы пуститься в новый круговорот, растворившись вместе с Анной Ливией в откровении размытого конца-начала.

Как и русские формалисты [Иванова 2010: 237], Джойс переносит акцент на переживание образной и звуковой форм слова. Джойсовские новообразования неизбежно сталкиваются с привычным для современного читателя моментом скользящего узнавания, вследствие чего нарастает напряжение. Например, *Sea vast a pool!* (FW, 338.14) есть

одновременно видимое водное пространство и город Севастополь, а *Baltiskeeamore* (FW, с. 338.19) – и Балтийское море, и ещё один ключ (*kee* = *key*), и вечная (старая *alt*) история любви (*amor*). Точка бифуркации возникает в разломе привычной формы слова, что подчёркивается, как в первом случае, раздельным написанием узнаваемого слова или, как во втором случае, слитным написанием словосочетания. Восприятие предлагаемой Джойсом формы не просто затрудняется, а оживляет циркуляцию взятой из языка отклоняемой формы, которая начинает рассеивание складывания-раскладывания, свёртывания-развёртывания изнутри, всегда сквозь соприкосновение нечто подобным.

Например: *Draw back your glave* (FW, 621.24). Приращение создаётся искажённым написанием английской лексемы *glove* со значением «перчатка», сквозь которую проходит русская ослышка «глава» (возможное прочтение: «откинь (назад) голову», «сними перчатку»). Как известно, голова символизирует порядок, Вселенную, единство (суть пластического мышления Джойса). Древние кельты верили, что в отделённой от туловища голове сохраняется жизнь (для Джойса – ДЕЙСТВИЕ ЕДИНЕНИЯ). Перчатка является символом действия, то есть соединение перчатки и головы есть не что иное, как ДЕЙСТВИЕ ЕДИНЕНИЯ. Снятая перчатка указывает на откровенность и чистоту сердца. Ирландское кольцо Кладда изготавливается в виде пары рук (дружба), держащих сердце (любовь), увенчанное короной (верность). В таких приращённых смыслах идеализированный интерпретационный канал СОПРИКОСНОВЕНИЯ ИСТИНОЙ направляет к потиру, чаше Грааля, мечте, вере, надежде, любви, совмещённые в личной трагедии соборованного священника из «Сестёр», которому вложили в мёртвые руки бесполезное напоминание о парализованном пробуждении.

Синергетическое напряжение совпадает с точкой бифуркации, которая возникает при очень маленьком воздействии снизу, когда свёртывается традиционная повествовательность до излома иерархии повествовательных категорий в пользу сцен и отказа от тривиальных событий. Разрушаемая иерархия оставляет после себя надстройки смысла повествовательных категорий, вызывающие неустойчивость между свёрнутым повествованием в отдельном художественном тексте и его развёрнутой проекцией в художественный дискурс, где соприкосновением с НЕЧТО ПОДОБНЫМ рождается новое воздействие, до бесконечности.

Таким образом, синергетическое напряжение пропускает свёрнуто-развёрнутое повествование сквозь универсальную матрицу СОПРИКОСНОВЕНИЯ в импликациях смысла, часто оформленных пунктуационно многоточием или серийным неопределённым местоимением *something* (гномонные построения с аттрактором эпифанией) и по мере

их рассеивания художественным дискурсом – в отпочкованиях ризоморфной среды.

Выводы и перспективы

Из вышеизложенного можно заключить, что синергетическое напряжение в целом Джойсе является состоянием, вызываемым скольжением внутри универсальной матрицы СОПРИКОСНОВЕНИЯ аттрактора эпифанического откровения. Накапливаемые эпифанические откровения отпочковываются по векторам, направляющим приращённые смыслы к культурным константам, которым освобождаются дискурсивные среды в результате свёртывания традиционного повествования. Лингвотипологическое моделирование художественного текста доказывает, что в эпоху Джойса совершается фазовый переход от развёрнутого повествования к излому его иерархии, открывая тем самым художественный текст художественному дискурсу, в котором художественный текст пускается в плавание, напоминая кельтский имрам или долгие странствия Одиссея.

Лингвистическая типология художественного текста выходит в синергетику художественного дискурса, изучение чего ещё только начинается, приглашая к синергетическому обмену мнениями.

Литература

1. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В. Г. Адмони. – Л. : Наука, 1988. – 238 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Категория имплицитности художественного текста в когнитивно-дискурсивном аспекте / Н. Ф. Алефиренко // Гуманитарные исследования. – 2 (38). – Астрахань : Астраханский госуниверситет, 2011. – С. 28–34.
3. Алефиренко Н. Ф. Парадигмальные и непарадигмальные векторы развития современной лингвистики / Н. Ф. Алефиренко // Грані сучасної лінгвістики: монографія. За ред. О. Г. Фоменко та В. К. Харченко. – Запоріжжя : Класичний приватний університет, 2014. – С. 9–36.
4. Белоусов К. И. Синергетика текста: От структуры к форме: монография / К. И. Белоусов. – М. : Эдиториал УРСС, 2008. – 248 с.
5. Белоусов К. И. О моделировании внутритекстовых пространств / К. И. Белоусов, Г. Г. Москальчук // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 11. – С. 126–129.
6. Гураль С. К. Синергетика и лингвосинергетика / С. К. Гураль // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 302. – С. 7–9.
7. Домброван Т. И. Язык в контексте синергетики / Т. И. Домброван. – Одесса : КП ОГТ, 2013. – 342 с.
8. Домброван Т. И. Диахроническая лингвосинергетика: развитие языка как синергетический процесс / Т. И. Домброван // Грані сучасної лінгвістики:

- монографія / за ред. О. Г. Фоменко та В. К. Харченко. – Запоріжжя : Класичний приватний університет, 2014а. – С. 87–115.
9. Домброван Т. И. Синергетическая модель развития английского языка / Т. И. Домброван. – Одесса : КП ОГТ, 2014б. – 399 с.
 10. Дрожащих Н. В. Лингвосинергетика: истоки и перспективы / Н. В. Дрожащих // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 227–234.
 11. Иванова И. Вопрос о сущности языка у русских формалистов / И. Иванова // Порядок хаоса и хаос порядка: Сб. статей в честь Леонида Геллера / под ред. Е. Вельмизовой и А. Добрицына. – Bern et al: Peter Lang, 2010. – С. 235–250.
 12. Мамардашвили М. Психологическая топология пути / М. Мамардашвили. – СПб : Русский Христианский Гуманитарный Институт, 1997. – 570 с.
 13. Моисеева И. Ю. Синергетическая модель текстообразования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 – «Теория языка» / И. Ю. Моисеева. – Челябинск, 2007. – 38 с.
 14. Москальчук Г. Г. Актуальные вопросы формообразования текста / Г. Г. Москальчук // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 7 (336): Филология. Искусствоведение. – Вып. 89. – С. 47–50.
 15. Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста / Н. Л. Мышкина. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 1998. – 152 с.
 16. Мышкина Н. Л. Концептуально-терминологическая специфика контрадиктно-синергетической лингвистики / Н. Л. Мышкина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239): Филология. Искусствоведение. – Вып. 57. – С. 94–96.
 17. Пихтовникова Л. С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений: монография / Л. С. Пихтовникова. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. – 180 с.
 18. Піхтовнікова Л. С. Стилїстика і синергетика дискурсу / Л. С. Піхтовнікова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен: кол. монографія / за заг. ред. І. С. Шевченко]. – Х. : Константа, 2005. – С. 29–35.
 19. Розанов В. В. О писательстве и писателях / В. В. Розанов // Собрание сочинений / под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М. : Республика, 1995. – 734 с.
 20. Словицова Е. Л. Синергетические категории дискурса (на материале рекламного дискурса) / Е. Л. Словицова, М. Н. Ельцова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – Вып. 2 (18). – С. 67–73.
 21. Таинственное богословие Дионисия Ареопагита. Послание к Тимофею [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ccel.org/contrib/ru/Other/Dionisium/Tymothht.htm>.
 22. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Т.2 [Электронный ресурс] / П. А. Флоренский. Режим доступа : www.vehi.net/florensky/vodorazd/index.html.
 23. Фоменко Е. Г. Эпифаническое откровение Джеймса Джойса / Е. Г. Фоменко. – Запорожье : Классический приватный университет, 2014. – 180 с.
 24. Эпштейн М. Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX–XX веков / М. Эпштейн. – М.: Советский писатель, 1988. – 415 с.
 25. Dahl L. Linguistic features of the stream-of-consciousness techniques of James Joyce, Virginia Woolf and Eugene O'Neill / L. Dahl. – Turku : Turun Yliopisto, 1970. – 78 p.

26. Müller W. G. The transfiguration of the commonplace: Epiphanies in modernist object poetry (Rainer Maria Rilke and William Carlos Williams) / W. G. Müller // Aspects of Modernism: Studies in Honor of Max Nännny. – Tübingen : Narr, 1997. – P. 75–95.
27. Senn F. Inductive Scrutinies: Focus on Joyce / F. Senn. – Dublin : The Lilliput Press MCMXCV, 1995. – 252 p.

Список художественных текстов

1. Joyce J. Finnegans Wake / J. Joyce. – L. : Penguin, 1992. – 628 p. (FW)
2. Shakespeare W. Hamlet / W. Shakespeare. The Complete Works of William Shakespeare. – L. : Book Club Associates, 1977. – P. 1071–1112 (Hamlet).

ГЛАВА 3.

СИНЕРГЕТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

3.1 Дискурс и метаметафора в синергетическом аспекте

Пихтовникова Л. С.

Коринь С. Н.

Опубліковано в: Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. – Філологічні науки. Мовознавство.– 2011. – № 5. – Частина 2. – С. 110–115. Постановка научной проблемы и ее значение. Синергетический и когнитивно-коммуникативный подходы к исследованию дискурса используют ряд общих понятий, относящихся к дискурсу, при этом исходят из единой трактовки данного феномена [Піхтовнікова 2005; Шевченко 2005]. Анализ современных лингвистических исследований [Піхтовнікова 1999, 2005; Пихтовникова 2009; Пищикова 2002; Тарасова 2000; Pikhovnikova 2008] показывает необходимость и важность исследования дискурса как сложной самоорганизующейся системы. Когнитивно-коммуникативная парадигма дискурса уделяет внимание условиям и способам функционирования дискурса (дискурсивным стратегиям, фактору адресата, интенциональности, информативности и т. п.). Синергетическая парадигма рассматривает дискурс как самоорганизующуюся систему, изучает синтез дискурса. Целью нашего исследования является анализ самоорганизации дискурса как системы и определение роли метаметафоры в создании дискурса.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования.

Среди многих факторов синтеза дискурса синергетический подход сосредотачивает внимание, в основном, на главном факторе саморазвития системы – изменении ее частей в противоположных направлениях, поляризации их свойств при сохранении общих целей и структуры системы [Пихтовникова 2009: 49].

Самоорганизующаяся система любой природы всегда имеет цель и ограничения на свою эволюцию. Целью дискурса является организация содержательного коммуникативного процесса между участниками, порождение и передача некоторой информации и знаний. Целью ху-

дожественного дискурса является порождение и передача образной, эстетической информации, выражающей знания о реальном мире, а также ее авторскую оценку. Для реализации данной цели в художественном дискурсе организуется содержательный коммуникативный процесс между автором и читателем, а внутри дискурса – между автором и персонажами.

Общая цель художественного дискурса конкретизируется в выборе автором ведущих концепций, персонажей, в планировании художественных образов, в выборе речевых стратегий, авторских кодов, стиля. Однако автор вынужден учитывать некоторые ограничения при реализации своих целей. Разномасштабными ограничениями являются языковая картина мира данного народа и эпохи, нормы изложения, архетипы художественных жанров и архетипы коммуникантов, экстралингвистические условия (шире – контекст создания дискурса). В синергетике всей совокупности целей системы (в данном случае система – это дискурс) дается групповое название – целевой аттрактор. Это название отражает общую функцию всех целей и подцелей, их разномасштабной конкретизации – притягивать, аккумулировать, выбирать нужную информацию и структуру в соответствии с заданной целью. Точно так же всей совокупности ограничений дается название антиаттрактор (репеллер).

Этап замысла и планирования художественного дискурса, с точки зрения лингвистики, осуществляется в когнитивной сфере путем последовательного или группового применения когнитивных операций (сравнение, оценка, проекция, классификация, моделирование и др.). Сравнение всего выбранного с целями и ограничениями дискурса есть, с общенаучной точки зрения, не что иное, как процедура калибровки (вписывается ли в рамки эталона) либо процедура последовательного приближения. Конкуренция целей и ограничений, т. е. аттракторов и репеллеров, составляет суть их противоречивого, поляризованного партнерства при создании художественного дискурса.

Реализатором полярных тенденций выступает параметр порядка, организующий отбор среди потенциальных возможностей тех элементов дискурса, которые соответствуют содержанию целевого аттрактора и не нарушают ограничений. Данный отбор производится на когнитивном, прагматическом и языково-стилистическом уровнях. Индивидуально-авторская коррекция отбора регулируется языковой картиной мира и языковой компетенцией автора. Следует еще раз подчеркнуть, что на когнитивном уровне (замысел и планирование дискурса) будущая информация и знания, содержащиеся в художественном тексте, рождаются в результате конкуренции целей и ограничений дискурса.

Параметр порядка согласует цели и ограничения дискурса, действуя самостоятельно, поскольку он присущ природе дискурса независимо от конкретного автора и конкретного образца дискурса. Действительно, это согласование является творческим процессом, а не подгонкой средств выражения под стандарты и авторские цели. Здесь происходит игра, диалог конкурентов (цели и ограничения) и синергетический процесс согласования без договоренности, поскольку с репеллерами невозможно «договориться», а авторские цели – снизить. Выходом из положения является саморазвитие плана изложения, когда «дозволенное» выражается в тексте вербально, а «недозволенное» в подтексте. Механизм такого согласования запускается параметром порядка, который на когнитивном уровне является скрытым, неосознанным, как большинство истоков когниции.

Анализ текстов романов Франца Верфеля „Verdi. Roman der Oper“ [Werfel 1992] и Густава Майринка „Der Engel vom westlichen Fenster“ [Meyrink 1983] показал ведущую роль в них метаметафор [Коринь 2009; 2010], служащих основным инструментом при создании основных концептов дискурса, художественных образов, пространственно-временных структур, а также при оценке объектов и событий. Самоорганизация дискурса романов начинается с установления авторских целей, учета ограничений в таком смысле, как это было указано выше.

На когнитивном уровне параметр порядка устанавливает структуру концептов, осуществляет выбор их атрибутов, планирует стратегию создания художественных образов. Поскольку обоими авторами избран преимущественно эпический способ изложения (поддачи информации) плюс употребление метафорических характеристик, то следует задаться вопросом, какова природа параметра порядка на текстовом уровне, что именно он планирует, создавая подтекст.

Главная цель эпического дискурса есть изложение событий и их авторская и читательская оценка с идейных и эстетических позиций. В изложении событий преобладает фактуальная информация, а концептуальная и аксиологическая информация чаще вытесняется в подтекст. В любом случае самоорганизация эпического дискурса тяготеет к разделению на две относительно противоположные подсистемы. В первой (текст) преобладает изложение событий, во второй (контекст, подтекст) содержатся концепты и модальные оценки событий. При создании эпического дискурса поляризатором подсистем является параметр порядка, который под управлением целевого аттрактора выбирает для основной цели дискурса речевые средства, выстраивает композицию и макросинтаксис для придания разного веса фрагментам текста. Этим создается подтекст. Традиционным изобретением для создания эпического дискурса являются композиционно-речевые формы (КРФ):

описание, характеристика, сообщение, комментарий. Параметр порядка утверждает доминирование этих форм [Пихтовникова 2009: 50].

Особенностью дискурса рассматриваемых романов является то, что авторы встраивают метаметафоры в эпический текст. Как отмечалось ранее, большинство составных частей метаметафор выполняют концептуальную роль, т. е. служат отождествлению или нахождению сходства объектов разных классов. Один из сравниваемых объектов для автора важнее (персонаж). Имплицитное или эксплицитное утверждение сходства в метаметафоре формально происходит в границах указанных выше композиционно-речевых форм. Однако встраивание метафор в эпический текст приводит к модификации данных КРФ.

Модификация связана: а) с сопряжением двух временных планов –реального времени и времени изложения; б) с пространственной точкой зрения, создающей возможности различной перспективы [Брандес 1990: 74–82]; в) со сравнением и / или отождествлением объектов, принадлежащих к разным классам (суть метафоры).

Формально-логически такие модификации приводят к распаду системы (дискурса), т. к. система не может одновременно функционировать в нескольких временных режимах, перспективах и точках фокусировки. Однако в действительности этого не происходит ввиду того, что части модифицированной КРФ принадлежат разным составляющим дискурса – тексту и подтексту.

Если одна и та же КРФ выражает смыслы текста и подтекста с помощью метафоры, то обоснование $A=B$ не может быть логическим или каузальным: при этом исчезает подтекст. Еще одна сторона этого же аспекта – невозможность описания в художественном дискурсе объектов только в физическом пространстве-времени. Необходимо также введение концептуального и перцептуального пространства-времени. Модификации КРФ необходимо рассматривать также и в аспекте одновременного изложения в трех пространственно-временных структурах. В каждой порождается свой смысл, и их интеграция возникает спонтанно, в зависимости от того, какой смысловой аттрактор приобретает больший семантический объем.

Роль метаметафоры в создании трех пространственно-временных структур художественного дискурса изучалась нами ранее [Коринь 2007], и теперь необходимо установить синергетическую суть этой роли. Ранее также утверждалось, что метафора образует смысловые связи в художественном тексте на синтагматической оси (Ю. М. Лотман). Синтагматическую связь, т. е. линейное взаимодействие в речевом потоке [Селиванова 2006: 542], обеспечивает традиционная метафора с двучленной структурой. Она соединяет смыслом (отождествляет) два объекта ($A=B$). Подобное взаимодействие в синергетике

определяют как «близкодействие» в отличие от «дальнодействия», которое обеспечивается парадигматическими связями в тексте.

Метаметафора является иерархией обычных метафор с двучленной структурой. Каждая составляющая, как было сказано, образует синтагматическую связь в тексте. Поскольку все эти составляющие метафоры относятся к одному и тому же объекту изображения, то метаметафора создает смысловые связи на парадигматической оси, обеспечивает «дальнодействие» смыслов. Дистанционное взаимодействие смыслов, безусловно, создает их приращение, но таких общих соображений недостаточно для пояснения самоорганизации дискурса посредством метаметафоры.

Синергия художественного дискурса проясняется, если учесть, что различные метафоры, составляющие структуру метаметафоры, отображают объекты в одну из пространственно-временных структур дискурса, например, из физического пространства-времени в концептуальное или перцептуальное. Переходы посредством метаметафоры описываемых в тексте объектов из одного пространства-времени в другое осуществляются в определенном порядке. Анализ семантической валентности парадигматических связей [Селиванова 2006: 543] показывает, что данный порядок в структуре метаметафоры не произволен, а служит синхронизации для цельного восприятия художественного образа и всего художественного дискурса.

В дискурсе романа „Verdi. Roman der Oper“ в большинстве случаев метаметафора проектирует объекты физического пространства-времени в концептуальное пространство-время, причем различные стороны и свойства физического объекта отображаются неоднократно. Переход объекта в концептуальное пространство-время побуждает читателя следовать авторскому видению этого физического объекта (например, персонажа) в ином ракурсе, давать ему иную оценку. Многократность отображения способствует смене впечатлений от физического объекта и тем самым активизирует эмоциональное восприятие читателем, что в наших терминах означает переход объекта в перцептуальное пространство-время.

Большинство метаметафор романа «Verdi. Roman der Oper», осуществляя такую цепь отображений пространственно-временных структур, определяют преобладающий в данном дискурсе путь синтеза художественных образов и ведущих концептов: от физического описания через авторскую концепцию к цельному, эмоциональному восприятию. Следует, однако, оговорить тот факт, что указанная цепь отображений посредством метаметафоры не является диахронической (сначала в одно пространство, а из него затем в другое). Реально это есть процесс одновременного, синхронного отображения, как обычно и

происходит при чтении художественного произведения. Самовозникновение (или активизация) у адресата цельных художественных образов и концептов есть результат синхронизации описанных отображений, что обусловлено их наличием и порядком подачи в тексте.

Отдельного комментария заслуживает сложно-структурная мета-метафора Венеции. Она осуществляет такую же цепь отображений пространственно-временных структур, как и остальные метаметафоры романа. При этом ее иерархичность свидетельствует о введении метафор – составляющих различного ранга (в сторону обобщения), а наличие кольцевой структуры – о поливалентности метаметафоры, т. е. возможности присоединять новые объекты-характеристики концептуального пространства-времени. Эта возможность трактуется нами как фактор самоорганизации читателем своего варианта дискурса романа «Verdi. Roman der Oper» при чтении текста.

Все метаметафоры романа «Der Engel vom westlichen Fenster» отображают своими составляющими объекты концептуального пространства-времени дискурса в его перцептуальное пространство-время. Такая особенность отражает интенции Г. Майринка выразить в художественной форме духовную (и мистическую) сторону бытия персонажей, поиск подлинных ценностей и ошибки на этом пути. Объекты физического пространства-времени выполняют иную роль. С их помощью самоорганизуется наиболее масштабная парадигматическая связь в тексте романа.

Большинство персонажей романа (физические объекты) имеют двойников в прошлых эпохах, с ними происходят события того же содержания, что происходили с двойниками. Об этом читатель узнает из дневника отдаленного предка главного персонажа романа. Дневник (физический объект) помогает главному персонажу понять, что он и другие персонажи являются воплощениями неких вневременных личностей. Таким образом, дневник выступает уже как проводник в иной мир. Происходит отображение: дневник (физический объект, вместителище текстов) отображается в концептуальное пространство-время, в котором он становится проводником. Описанный процесс отображения активизирует тексты дневника, которые содержат (порождают) все остальные метаметафоры дискурса. Таким образом, в основе синтеза дискурса романа Г. Майринка, создания масштабной парадигматической связи в тексте находится придуманная автором интертекстуальность, порождающая метаметафоры.

Выводы. Метаметафора создает смысловые связи на парадигматической оси, обеспечивает «дальнодействие» смыслов. Дистанционное взаимодействие смыслов, безусловно, создает их приращение. Различные метафоры, составляющие структуру метаметафоры, отобра-

жают объекты в одну из пространственно-временных структур дискурса, например, из физического пространства-времени в концептуальное или перцептуальное. Переходы посредством метаметафоры описываемых в тексте объектов из одного пространства-времени в другое осуществляются в определенном порядке. Анализ семантической валентности парадигматических связей показывает, что данный порядок в структуре метаметафоры не произволен, а служит синхронизации для цельного восприятия художественного образа и всего художественного дискурса.

Перспективы дальнейшего исследования. К перспективам исследования следует отнести изучение роли метаметафоры и других метафоров в художественном дискурсе в синергетическом аспекте, а также изучение в синергетическом аспекте коммуникативной деятельности персонажей как отражение авторских интенций.

Литература

1. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка (для институтов и факультетов иностранных языков) : учебник / М. П. Брандес. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1990. – 272 с.
2. Коринь С. Н. Лингвостилистические приемы формирования образов в художественном дискурсе романа Ф. Верфеля „Verdi“ / С. Н. Коринь // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2010. – № 928 – С. 173–179.
3. Коринь С. Н. Метафора и механизмы образования концепта в художественном тексте / С. Н. Коринь // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2009. – № 837. – С. 42–45.
4. Коринь С. Н. Метафора как средство связи пространственно-временных структур (на примере романа Фр. Верфеля «Верди») / С. Н. Коринь // Нова філологія: зб. наук. праць / наук. ред. Л. М. Манакин. – Запорожье : Запорожский государственный университет, 2007. – № 26. – С. 255–261.
5. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагматистическом аспекте / Л. С. Пихтовникова // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х. : Константа, 2009. – № 848. – С. 48–52.
6. Пихтовникова Л. С. Синергия стиля басни / Л. С. Пихтовникова. – Х. : Бизнес Информ, 1999. – 220 с.
7. Піхтовнікова Л. С. Стилiстична еволюцiя художнього дискурсу в синергетичному аспекті (на прикладі байки) / Л. С. Піхтовнікова // Матеріали Х Міжнар. наук.-метод. конф. [«Каразінські читання: людина, мова, комунікація»], (Харків, 4 лютого 2011 р.) / Харк. нац. ун-тет ім. В. Н. Каразіна. – 2011. – С. 229–231.
8. Піхтовнікова Л. С. Стилiстика і синергетика дискурсу / Л. С. Піхтовнікова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : кол. Монографія / за заг. ред. Шевченко І. С. – Х. : Константа, 2005. – С. 29–35.
9. Пихтовникова Л. С. Языково-стилистические средства комического в публицистических текстах / Л. С. Пихтовникова // Нова філологія: зб. наук. праць / наук. ред. В. М. Манакин]. – Запорожье : Запорожский государственный университет, 2002. – № 3. – С. 186–196.

10. Пищикова Е. В. Опыт применения синергетического подхода к разработке модели анализа речевого взаимодействия / Е. В. Пищикова // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2002. – № 567. – С. 302–306.
11. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика. Термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2006. – 716 с.
12. Тарасова Е. В. Синергетические тенденции в современной лингвистике / Е. В. Тарасова // Вісник Харк. держ. ун-ту. – Х. : Константа, 2000. – № 500. – С. 3–9.
13. Шевченко І. С. Когнітивно-комунікативна парадигма і аналіз дискурсу / І. С. Шевченко // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен: кол. монографія / за заг. ред. І. С. Шевченко]. – Х. : Константа, 2005. – С. 9–21.
14. Pichtownikowa L. Synergie des Fabelstils: Die deutsche Versfabel vom 13.–21. Jahrhundert / L. Pichtownikowa // Ukrainische Beiträge zur Germanistik [herausgegeben von Gerhard Koller]. – Band 5. – Aachen : Shaker Verlag, 2008. – 322 S.

Иллюстративный материал

1. Meyrink G. Der Engel vom westlichen Fenster / G. Meyrink – Zürich : Diogenes Verlag, 1983. – 248 S.
2. Werfel Fr. Verdi. Roman der Oper / Fr. Werfel. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch, 1992. – 468 S.

3.2. Дискурс байки у синергетичному аспекті (на матеріалі англомовної прозової байки)

Піхтовнікова Л. С.
Гончарук О. М.

Опубліковано в: Наукові записки. – Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Вип. 105 (2). – Кіровоградський державний педагогічний університет імені Володимира Винниченка (КДПУ). – 2012. – С. 304–309.

Базові ідеї про самоорганізацію дискурсу містяться у роботах Л. С. Піхтовнікової [Піхтовнікова 1999, 2000, 2005; Піхтовнікова 2009]. Відповідно до синергетичної концепції, у будь-якому типі дискурсу є актуальною взаємодія тексту й контексту, а також їх продукту – підтексту. В процесі самоорганізації художнього дискурсу текст і підтекст моделюють один одного й навколишнє середовище, створюючи при цьому поляризацію смислів у дискурсі. «Моделювання» тут розуміється у традиційному смислі: текст у кожному своєму фрагменті й у цілому є позначенням смислів підтексту; при цьому знаки тексту і смисли підтексту знаходяться у відношенні ізоморфізму (взаємно-

однозначна відповідність) або гомоморфізму (кожному знаку відповідає хоча б один смисл, кожному смислу – хоча б один знак). Ізоморфна або гомоморфна відповідність і є суть поняття «бути моделлю» [Бирюков 1973: 36]. У свою чергу, підтекст як імпліцитна сутність може відображати свої смисли у вербальних знаках тексту; тут також спостерігається гомоморфне відношення знаків тексту та імпліцитних смислів підтексту.

Відносне протистояння, поляризацію тексту й підтексту можна представити як протистояння експліцитного й імпліцитного, фактуальності та її оцінки, нарешті, як протистояння смислів тексту й підтексту. «Технічним реалізатором» поляризації виступає так званий параметр порядку – одне з основних понять синергетики. У будь-якій системі, що самоорганізовується, це поняття позначає той параметр (або параметри), який є найбільш мінливим, рухливим. Параметр порядку, змінюючись у всіх частинах системи, що самоорганізовується (наприклад, у тексті та підтексті дискурсу), підпорядковує усі характеристики системи єдиному плану, єдиній архітектурі. Підпорядкування відбувається відповідно до цілей і обмежень дискурсу, тобто відповідно до інтенцій автора й інших комунікантів дискурсу, норм висловлювання, екстралінгвістичних умов тощо. З точки зору синергетики, всі цілі дискурсу, як би їх не сформулювати, є так званими атракторами, тобто об'єктами, які «притягують» і направляють процеси організації і відбору в системі. Обмеження можна уявити собі як антиатрактори (репелери), які відштовхують при відборі й організації усе, що не вкладається у норми, цілі й завдання [Пихтовникова 2009: 49]. Очевидно, що поняття «атрактор» і «репелер» являють собою концептуальну метафору загальних цілей і обмежень дискурсу: притягувати, акумулювати, відбирати необхідну інформацію (атрактор); відштовхувати, відкидати, уникати інше (репелер).

Для кожного типу дискурсу створені «винаходи», які дозволяють найкращим чином реалізувати цілі саме цього дискурсу. Для дискурсу байки такими винаходами є іносказання (алегорія), образ-символ і розгалуження смислів, які учасники дискурсу надають подіям, змальованим у тексті байки. Винайдені прийоми байки конкретизують зміст атрактора, оскільки він «притягує» саме ці прийоми. Реалізація атрактора відбувається при дії параметра порядку, який поляризує дискурс байки (текст і підтекст), підпорядковує його алегорії, образу-символу та розгалуженню смислів текстових подій.

Дія параметра порядку на когнітивному рівні полягає, перш за все, в самоорганізації концептів і образів-символів байки. Маючи на меті виразити в тексті певний концепт і образ-символ, параметр порядку на когнітивному рівні за допомогою автора «обирає» структуру концепту

(набір його атрибутів, їх значень, джерел знань про значення), а також призначає персонажів і події, які приводять до створення образу-символу. Дискурс байки "обирає", "позначає" "за допомогою" автора; такі висловлювання знову являють собою концептуальну метафору, суть якої полягає у тому, що творчі можливості автора байки не безмежні: жанр байки обмежений її традиційною побудовою (упізнавання байки), стереотипами властивостей персонажів, екстралінгвістичними умовами їх дій. Таким чином, репелери дискурсу байки є реальністю, і, враховуючи їх, обрані персонажі та їх план дій, проект концептів і образів-символів стають змістом атрактора, який далі управляє створенням байки.

Лінгвістичні «події», які відбуваються на когнітивному рівні при самоорганізації дискурсу байки, можна підсумувати таким чином.

1. Відбувається наповнення змістом атрактора, потім – активізація цілей дискурсу (створення алегорій, образів-символів, розгалуження смислів), готовність до їх реалізації.

2. Здійснюється підготовка до реалізації цілей, яка керується змістом атрактора. Починає діяти параметр порядку, який поляризує смисли створюваного тексту й підтексту.

Поляризація відбувається, зокрема, у таких аспектах:

- а) розгалуження смислів, які надаються діям персонажів;
- б) перенесення властивостей, характеристик персонажів на негативні соціальні прояви людини й суспільства; при цьому властивості персонажів виражені в їх вчинках і оцінках (текст), а авторські й читацькі оцінки виявляються у підтексті і / або фонових знаннях (читача); перенесення властивостей (алегорія) – є когнітивна операція, яка закладена у підтексті.

На прагматичному рівні під керуванням атрактора параметр порядку створює коди (сатиричні, іносказання) і засновані на них мовленнєві стратегії. Коди, виступаючи посередниками між смислами і значеннями, відіграють роль своєрідних «перекладачів» з нечітко вираженої мови людської ментальної сфери (інтенцій, урахування обмежень тощо) на більш чіткій і наочній знаковий рівень, в мовно-стилістичну сферу байкового тексту. Іншими словами, в тексті як кінцевому продукті дискурсу набуває закінченого оформлення і вираження увесь зміст атрактора.

У процесах створення тексту й підтексту активну роль відіграють явища надфразової єдності (НФЄ) і актуального членування тексту (АЧ). Обидва явища належать одному й тому ж мовно-стилістичному рівню: вони конструюють макросинтаксис тексту й одночасно виступають стилістичними прийомами вираження семантики тексту [Арнольд 1990: 198].

НФЄ забезпечує смислову зв'язність (когерентність) тексту і поряд з цим може слугувати його експресивності й утворенню додаткової інформативності за рахунок формування нових зв'язків фрагментів тексту. Основними показниками НФЄ у тексті виступають: узгодження граматичних форм речень; використання різних способів переносу лексики з одного речення до іншого; узгодження структурних схем окремих частин тексту; використання ланцюжків лексем та їх з'єднань, що відображають анафоричні й логіко-семантичні зв'язки між реченнями [Добрусина 1986: 15].

Перенесення лексики відбувається, як правило, у вигляді буквальних і трансформованих повторів, анафоричні і логіко-семантичні зв'язки реалізуються в так званих ненасичених реченнях. Останні не мають відносно завершеного смислу при самотійному вживанні [там само: 38]. У кожному зв'язному тексті майже кожне речення інтерпретується реципієнтом у зв'язку з інтерпретацією інших речень (ендофора), або у зв'язку з попередньою інформованістю реципієнта (мовна компетенція), або відносно екстралінгвістичної ситуації (екзофора). Ендофора може бути анафоричною (інтерпретація відносно попередніх речень) і катафоричною (інтерпретація відносно наступних речень) [там само: 39]. Відмінною особливістю зв'язування тексту за допомогою НФЄ є нелінійний, «відкладений» прояв у тексті усіх перелічених ознак НФЄ. Наприклад, анафора або катафора може пов'язувати смисли не сусідніх, а досить віддалених у тексті речень (яскравий приклад – анафоричний зв'язок речення-моралі у байці з реченнями, які виражають події, сюжет). Так само у тексті з НФЄ перенесення лексики, повтори можуть виявлятися не в сусідніх реченнях, а у віддалених. Таким чином, механізм НФЄ встановлює у тексті своєрідну «далекосяжність», вплив на відстані на формування й сприйняття смислу. Досить очевидно, що таким чином самоорганізується смисл підтексту. На мовному й мовленнєвому рівні НФЄ виступає одним із варіантів реалізації парадигматичних зв'язків у тексті.

Механізм НФЄ пристосований для надання підтексту будь-якого смислу, створення у тексті й підтексті будь-яких смислів, які можуть входити до інтенції автора. У синергетичних поняттях це означає, що інтенція, задумка автора, міститься у змісті атрактора, і цей останній керує за допомогою параметра порядку створенням у тексті й підтексті алегорій, образів-символів, розгалужень смислів. Параметр порядку конструює НФЄ у тексті байки; в свою чергу, НФЄ зв'язує у тексті саме ті смисли, які породжують алегорію, образи-символи, розгалуження смислів.

Актуальне членування речення, тобто його розподіл на тему – те, що вже повідомлене; і рему – нове повідомлення, протиставляється формальному членуванню на граматичний суб'єкт і граматичний

предикат. Актуальне членування виявляє спосіб включення речення до предметно-тематичного контексту цілого висловлювання. У зв'язному висловлюванні кожне наступне речення містить у якості теми те, про що вже розповідалось у попередньому, і це передається займенниковим заміщенням, повтором, означеним артиклем тощо. Перше речення тексту при цьому виявляється повністю ядром висловлювання (ремою) [Арнольд 1990: 198]. І. В. Арнольд наводить приклад аналізу художнього тексту на предмет його актуального членування [там само: 199]. У середині великих тем виокремлюються більш дрібні відрізки, які розділяються на тему й рему; таким чином, актуальне членування іде «вглиб тексту», обслуговує предметно-тематичний аспект висловлювань, стає глобальною текстовою характеристикою. Саме у цій якості глобальної характеристики тексту актуальне членування впливає на виразність тексту (стилістичний аспект), його прагматичні характеристики (мовленнєві стратегії побудови висловлювань) і його когнітивний аспект (розподіл інформації по тексту). Однак розподіл висловлювання на тему і рему не завжди просто здійснюється і не є завжди можливим.

Дослідники визначили третю складову частину актуального членування речення – дифузну зону, яка має подвійний зв'язок (дуплексив) як з темою, так і з ремою [Селіванова 2006: 21].

Актуальне членування тексту виявляє чергування тем, рем, дифузних зон, тобто чергування нових і попередніх повідомлень. Повідомлення відносяться, в більшості, до актуальної інформації, до самого тексту, а не до його підтексту. Актуальне членування виявляє «прилеглі» зв'язки сусідніх фрагментів тексту. Таким чином, АЧ є «близькодія» у плані вираження, на відміну від НФЄ, яка є «далекосяжністю».

Якщо у певному типі художнього тексту необхідне протистояння, поляризація смислів тексту та підтексту, то швидше за все смисли тексту будуть утворені за допомогою актуального членування, а смисли підтексту – за допомогою НФЄ. Саме цей процес і спостерігається у байці, де текст (опис подій, зрідка – вербальні характеристики персонажів) протидіє підтексту (алегорія, сатира, наявність образів-символів). Параметр порядку під впливом цільового атрактора організує структуру актуального членування тексту для повідомлень, вбудовуючи НФЄ паралельно до тексту для утворення підтексту.

Самоорганізація на мовностилістичному рівні полягає в тому, що НФЄ багаторазово «змушує» при створенні й відтворенні дискурсу повертатись до смислу попередніх фрагментів тексту, виявляючи тим самим їх додатковий тропеїчний смисл. У той же час, актуальне членування лінійно подає чергові частини тексту, відслідковуючи лише фактуальну інформацію і близький каузальний зв'язок. На описаному синергетичному ефекті базуються сатиричні коди та коди іносказання

й мовленнєві стратегії байки (прагматичний аспект), а також і реалізація когніції, яка міститься в атракторі. Таким чином, самоорганізація охоплює усі основні лінгвістичні аспекти дискурсу байки.

До сказаного вище можна додати ще два аспекти розвитку дискурсу; детальні ілюстрації цих аспектів далі наведемо при аналізі конкретних текстів.

1. Відповідно до класифікації Е. Г. Різель, у художньому дискурсі існують такі композиційно-мовленнєві рівні: формальний (зовнішнє членування тексту: абзац, розділ, частина, сцена, акт), формально-змістовий (комбінація архітектоніко- та композиційно-мовленнєвих форм), змістовий (розвиток дій, сюжетні лінії, мотиви, опис характерів, ідейний та емоційний зміст) [Riesel 1974: 35–39]. Цю класифікацію доповнює упродовження Л.С. Піхтовніковою асоціативно-образний рівень [Пихтовникова 1992: 32].

2. У художньому дискурсі, на всіх його композиційно-мовленнєвих рівнях реалізується своєрідна інформаційна архітектоніка, суть якої полягає в такому [Моль 1975: 101]. Інформація в художньому тексті завжди має оптимум оригінальності (новизни) і надмірності. На кожному композиційному рівні художнього тексту повинна бути деяка надмірність інформації (для полегшення упізнавання попереднього), а оригінальність інформації повинна перевершувати можливості сприйняття адресата, але надавати цю можливість на більш високому композиційному рівні; від цього безпосередньо залежить відчуття художньої цінності тексту. Композиція тексту заснована на можливості семантичної компенсації оригінальної інформації рівня N на рівні N+1. Таким чином, більш високий рівень композиції «пояснює» оригінальну інформацію попереднього рівня.

Як стверджувалось раніше, у дискурсі байки на змістовому композиційному рівні дія параметра порядку поляризує смисли фактуальної інформації та інформації асоціативно-образної, а також концептуальної. Більш конкретно, фактуальна інформація переважно створюється в тексті за допомогою актуального членування і є на змістовому композиційному рівні надлишковою. Асоціативно-образна і концептуальна інформація утворюється переважно за допомогою НФЄ і є на змістовому композиційному рівні оригінальною і не може бути на цьому рівні повністю адекватно сприйнятою. Її «пояснює» наступний, більш високий рівень – асоціативно-образний; це пояснення є образною, алегоричною інтерпретацією оригінальної інформації.

Розглянемо конкретні приклади самоорганізації дискурсу байки.

1. Байка Дж. Тербера *"The Fairly Intelligent Fly"* [Thurber 2008: 43].

A large spider in an old house built a beautiful web in which to catch flies. (PEMA). Every time a fly landed on the web and was entangled in it the spider devoured him, so that when another fly came along he would think

the web was a safe and quiet place in which to rest. (ТЕМА). One day a fairly intelligent fly buzzed around above the web so long without lighting that the spider appeared and said, "Come on down." (РЕМА). But the fly was too clever for him and said, "I never light where I don't see other flies and I don't see any other flies in your house." (ТЕМА). So he flew away until he came to a place where there were a great many other flies. (РЕМА). He was about to settle down among them when a bee buzzed up and said, "Hold it, stupid, that's flypaper. All those flies are trapped." "Don't be silly," said the fly, "they're dancing." (ТЕМА). So he settled down and became stuck to the flypaper with all the other flies. (РЕМА).

Moral: There is no safety in numbers, or in anything else. (ДИФУЗНА ЗОНА).

У розглянутому прикладі актуальне членування забезпечує зв'язність тексту, а саме, близький каузальний зв'язок смислів рем і тем. Ці смисли відносяться повністю до розвитку подій, сюжетних ліній, мотивів, опису характерів, ідейного та емоційного змісту, тобто до змістового рівня тексту. Очевидно також, що актуальним членуванням пов'язується тільки фактуальна інформація. На композиційному рівні, незважаючи на економність викладу, існує деяка надмірність інформації. Без втрати смислу можна було б опустити деякі епітети-характеристики, не «вимальовувати» так докладно деталі подій. З лінійного ряду смислів тем і рем «випадає» смисл дифузної зони (мораль байки). Висловлювання моралі формально можна вважати ремою, оскільки там присутнє нове поняття «безпека» і твердження про її відсутність. Однак, імпліцитний, оригінальний (новий) смисл цього висловлювання є наслідком і продовженням смислу всього попереднього тексту, тобто ремою. Імпліцитний смисл не може бути адекватно сприйнятий на змістовому композиційному рівні; його пояснює наступний композиційний рівень – образний.

НФЄ у тексті байки представлена катафорою, яка пов'язує смисл заголовка і смисл тексту, й анафорою, яка пов'язує мораль з попереднім смислом тексту. Катафоричний зв'язок є суперечливим (та іронічним): смисл слова «intelligent» у назві не відповідає характеристикам персонажу, представленим у тексті.

У розглянутому тексті механізм НФЄ обмежений катафорою й анафорою; інші ознаки НФЄ або відсутні (немає ненасичених речень), або виражають НФЄ слабо. Останнє відноситься до повторів, переносу ідентичної лексики до наступних речень. У цьому тексті, на відміну від інших байок, такі переноси стосуються лише сусідніх речень (немає далекосяжності), забезпечуючи лише лінійний, синтагматичний зв'язок тексту, зв'язок його тем і рем.

Анафора й катафора відіграють значну роль при моделюванні підтексту. При цьому слово «intelligent» в катафорі позначає смисл, полярно протилежний підтексту, а «there is no safety in numbers, or in anything else» в анафорі виражає у підтексті стисло, як резюме, іронічну оцінку помилок персонажа.

На змістовому композиційному рівні в результаті поляризації буквального смислу фактуальної інформації тексту (вираженої за допомогою актуального членування) і оригінальної інформації (вираженої НФЄ) відбувається їх конкуренція, зіткнення несумісних смислів, що змушує адресата (читача, інтерпретатора) шукати новий імпліцитний смисл на більш високому (образному) рівні. Адресат їх знаходить, переходячи до метафоричної і сатиричної трактовки, таким чином виникає підтекст. При цьому, фактично, відбувається реконструкція дискурсу, запланованого автором у змісті атрактора.

2. Байка А. Бірса "**The Tyrant Frog**" [Bierce 2007].

Актуальне членування тексту байки виглядає таким чином.

A Snake swallowing a frog head-first was approached by a Naturalist with a stick. (РЕМА).

"Ah, my deliverer," said the Snake as well as he could, "you have arrived just in time; this reptile, you see, is pitching into me without provocation." (ТЕМА).

"Sir," replied the Naturalist, "I need a snakeskin for my collection, (РЕМА) but if you had not explained I should not have interrupted you, for I thought you were at dinner." (ДИФУЗНА ЗОНА).

Пояснимо причину, згідно з якою ми вважаємо останнє висловлювання дифузною зоною в актуальному членуванні тексту. Це висловлювання семантично еквівалентно наступному (якщо не зважати на умовний спосіб подачі цього висловлення): *But if you had not explained (ТЕМА), I should not have interrupted you (РЕМА), for I thought you were at dinner (ТЕМА).*

Однак умовний спосіб в оригіналі висловлювання змінює структуру його актуального членування. Умовний спосіб виражає умовні дії, наміри, оцінки, а не реальні події, хоча спирається на достеменні факти й події у минулому. Опір на минуле надає висловлюванню ознак ТЕМИ, але наміри, оцінки та умовні дії є новими, і це надає висловлюванню ознак РЕМИ. В цілому ж висловлювання є ДИФУЗНОЮ ЗОНОЮ.

НФЄ представлена у тексті байки анафорою, катафорою і двома ненасиченими реченнями. В останньому висловлюванні тексту є два ненасичені підрядні речення (еліпсиси), які повертають до смислу попереднього тексту, надаючи йому іншої, іронічної трактовки. Еліпсиси встановлюють анафоричний зв'язок з попереднім. Назва містить у собі

катафору – смисловий зв'язок з другим реченням тексту. Цей зв'язок надає нового, іронічного смислу другому реченню.

Поляризація смислу фактуальної інформації і смислу її іронічної оцінки складає суть дії параметра порядку, який вибудовує структури актуального членування і НФЄ тексту таким чином, щоб досягти цієї мети. В результаті на образному композиційному рівні виникає образ-символ удаваної ввічливості, яка не усуває антагонізми, і образ-символ людської виверткості. Такі образи-символи були сплановані й обрані параметром порядку ще на когнітивному рівні до завантаження атрактора змістом.

У підсумку слід сказати про відмінності в синергетичному й когнітивно-комунікативному підходах до дослідження дискурсу. Обидва підходи використовують низку загальних понять, що відносяться до дискурсу, походять із єдиної трактовки цього феномена. При цьому когнітивно-комунікативна парадигма дискурсу, в основному, приділяє увагу умовам і способам функціонування дискурсу (дискурсивним стратегіям, фактору адресата, інтенціональності, інформативності тощо). Синергетична парадигма розглядає дискурс як систему, що самоорганізовується, вона вивчає синтез дискурсу, і серед численних факторів синтезу зосереджує увагу, в основному, на головному факторі само-розвитку системи: зміні її частин у протилежних напрямках, поляризації їх властивостей при збереженні загальних цілей і структури системи. «Диригентом» або «менеджером» поляризації виступає параметр порядку, який організовує відбір серед потенційних можливостей тих елементів дискурсу, які відповідають змісту цільового атрактора. Такий відбір відбувається на когнітивному, прагматичному і мовностилістичному рівнях. Індивідуально-авторська корекція відбору регулюється мовною картиною світу та мовною компетенцією автора.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Просвещение, 1990. – 301 с.
2. Бирюков Б. В. Кибернетика в гуманитарных науках / Б. В. Бирюков, Е. С. Геллер. – М. : Наука, 1973. – 382 с.
3. Добрускина Э. М. Синтаксические сверхфразовые связи и их инженерно – лингвистическое моделирование / Э. М. Добрускина, В. Е. Берзон. – Кишинев : Штиинца, 1986. – 168 с.
4. Моль А. Искусство и ЭВМ / А. Моль. – М. : Мир, 1975. – 556 с.
5. Пихтовникова Л. С. Композиционно-стилистические особенности стихотворной басни (на материале немецких стихотворных басен 18 в.) : дис... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. С. Пихтовникова. – К., 1992. – 338 с.
6. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагматилистическом аспекте / Л. С. Пихтовникова // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2009. – № 848. – С. 48–52.

7. Піхтовнікова Л. С. Еволюція німецької віршованої байки (13–20 ст.) : жанрово-стилістичні аспекти : дис... д-ра філол. наук : 10.02.04; 10.01.05 / Л. С. Піхтовнікова. – К., 2000. – 427 с.
8. Піхтовнікова Л. С. Синергія стилю байки: німецька віршована байка 13– 20 ст. : монографія / Л. С. Піхтовнікова. – Х. : Бізнес Інформ, 1999. – 220 с.
9. Піхтовнікова Л. С. Стилістика і синергетика дискурсу / Л. С. Піхтовнікова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2005. – С. 29–36.
10. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2006. – 716 с.
11. Bierce A.: Fantastic Fables, 2007 [Electronic resource] / A. Bierce. Way of access: <http://www.analitica.com/bitbliblioteca/bierce/fables.asp>
12. Riesel E. Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation : учеб. пособ. для студентов ин-тов и ф-тов иностр. языков / E. Riesel – М. : Высшая школа, 1974. – 184 с.
13. Thurber J. Fables for Our Time and Famous Poems / J. Thurber. – NY : Harper & Row Publishers, 2008. – 128 p.

3.3. Дискурс притчі у синергетичному аспекті

Піхтовнікова Л. С.
Яремчук І. М.

Опубліковано в: Наукові записки. – Вип. 26. – Серія «Філологічна». – Острог: Національний університет «Острозька академія», 2012. – С. 266–270.

Синергетика вивчає принципи самоорганізації систем, що виникають еволюційним шляхом, здатні адекватно реагувати на зовнішні зміни, впливи, змінюючи самостійно свої параметри, структуру, функції і тим самим зберігаючи себе. Термін «синергетика» введено в науку Г. Хакеном [Хакен 1991] спочатку для дослідження самоорганізації фізико-хімічних явищ, потім положення самоорганізації було застосовано до природної і соціальної сфери. Синергетична парадигма в лінгвістиці активно розроблюється, починаючи з кінця ХХ століття [Ейгер 1992; Пиотровский 1996; Піхтовнікова 1999, 2000, 2002, 2011; Герман 2000; Келер; Москальчук 2003; Pichtownikowa 2008], однак вона зародилася ще раніше в дослідженнях самоорганізації різних мовних явищ [Том 1975; Николис 1989; Фуко 1994]. Значну увагу приділено синергетичним явищам у коротких типах тестів – рекламі [Самарина 2010], малих сатиричних формах (байка, притча) [Піхтовнікова 1999, 2000, 2011; Pichtownikowa 2008] та взагалі – феномену самоорганізації різних типів дискурсу [Піхтовнікова 2005, 2011; Піхтовнікова 2009].

Об'єкти, що самоорганізуються, можуть бути як матеріальними, так і ідеальними. Наприклад, самоорганізується й еволюціонує система знань і система передачі знань у процесі спілкування, тобто дискурс. Процес утворення дискурсу як самоорганізованої системи умовно можна розділити на три етапи: а) когнітивний (етап задуму, планування обмежень); б) прагматичний (створення стратегій, що реалізують задум); в) етап мовленнєвої реалізації (реалізація стратегій у мовленні). Учасниками кожного етапу, що створюють самокеровану систему, є такі: 1) автори (автор) дискурсу, що виступають як мовні особистості; 2) вбудовані в мовну картину світу соціальні очікування (замовлення) на результати реалізації дискурсу; 3) обмеження на дискурс: традиції жанрів, обсяг, норми викладу, екстралінгвальні умови та ін.

Мовна особистість розглядається на трьох рівнях: 1) вербально-семантичному; 2) тезаурусному; 3) мотиваційно-прагматичному – з установами специфічних для них одиниць (слів, понять, діяльнісно-комунікативних потреб) [Селіванова 2006: 370].

Відповідно до цього, автор як мовна особистість бере участь у самоорганізації дискурсу на когнітивному, прагматичному та мовно-мовленнєвому рівнях відповідними сторонами своєї мовної особистості, залучаючи для цього необхідні одиниці.

Самоорганізацію дискурсу ми розуміємо не в тому смислі, що він виникає незалежно від автора, а в тому, що автор є одночасно й творчим конструктором дискурсу, й знаряддям атракторів та репелерів цього дискурсу, які виникли до автора й незалежно від нього [Піхтовнікова 2011: 520].

Із синергетичної точки зору п.п. 1) і 2) складають зміст *атрактора* – ментального конструкта, що направляє процес утворення дискурсу в потрібне русло послідовного досягнення цілей. Опонентом атрактора є *репелер*, його зміст відбито у п. 3). При створенні дискурсу відбувається конкурентна взаємодія змістів атрактора й репелера. Маючи загальну мету – створення дискурсу, атрактор і репелер задають протилежні напрямки його розвитку: зміст репелера прагне створити стійку форму дискурсу (припустимий обсяг, традиційний зміст, архітектоніку й т. ін.), а зміст атрактора – додати формі й змісту гнучкості й динамізму, втілити творчий задум автора [там само: 520–521].

Згідно із синергетичними поглядами, конкуренція атрактора й репелера при створенні дискурсу є головним чинником самоорганізації. Конкуренція призводить до того, що різні частини системи набувають і розвивають у собі протилежні властивості, тобто поляризуються. Поляризація дозволяє щонайкраще врахувати протилежні вимоги атрактора й репелера. Поляризація частин системи здійснюється за допомогою

параметра порядку – найбільш рухливого параметра системи, що діє у всіх його частинах [Піхтовнікова 1999: 13].

На когнітивному рівні самоорганізації дискурсу притчі конкретизується задум автора. Для цього автор як мовна особистість використовує свій тезаурусний рівень та багаторазово порівнює свій задум з обмеженнями на дискурс притчі, досягаючи тим самим компромісу між вимогами репелера та прагненнями атрактора. Ціль, або задум автора – виразити й довести художніми засобами певну соціально значущу ідею; для цього знайти наочний, репрезентативний приклад, що відображає сутність ідеї та може слугувати її символом [Піхтовнікова 2002]. Зрозуміло, що автор не може обходити традиційні обмеження притчі як типу тексту, які, таким чином, виступають однією зі сторін самоорганізації поряд з авторською метою.

Когнітивний етап самоорганізації притчі можна лише умовно відокремити від прагматичного етапу. На останньому відбувається створення мовленнєвих стратегій і кодів, що трансформують просту ситуацію сюжету у символ. Згідно з традиційною природою притчі, вона повинна бути переконливою й дидактичною. Тому автор притчі за допомогою тексту формує у читача напрямок думки, домінанти, що дозволяють останньому знайти у притчі ємний особистісний смисл. Такий механізм створення особистісного смислу при читанні художнього тексту має синергетичну природу [Герман 2000: 34].

Зазвичай, у притчі закладається напрямок пошуку двох домінант смислу, які складають опозиційну пару. З цієї опозиції, протиріччя, власне, і утворюється символ, що виражає головну ідею притчі. Розглянемо приклад.

G. E. Lessing

Der Besitzer des Bogens

Ein Mann hatte einen trefflichen Bogen von Ebenholz, mit dem er sehr weit und sehr sicher schoss, und den er ungemein wert hielt. Einst aber, als er ihn aufmerksam betrachtete, sprach er: Ein wenig zu plump bist du doch! Alle deine Zierde ist die Glätte. Schade! – Doch dem ist abzuhelfen; fiel ihm ein. Ich will hingehen und den besten Künstler Bilder in den Bogen schnitzen lassen. – Er ging hin; und der Künstler schnitzte eine ganze Jagd auf den Bogen; und was hätte sich besser auf einen Bogen geschickt, als eine Jagd?

Der Mann war voller Freuden. „Du verdienst diese Zierraten, mein lieber Bogen!“ – Indem will er ihn versuchen; er spannt, und der Bogen – zerbricht.

[Krusche 1992: 94]

Одна з домінант смислу в цій притчі – цінування будь-якого корисного предмета, що добре виконує свої функції. Домінанта позначена виразами: *лук чудовий, стріляє влучно вдалечінь*. Друга домінанта

смыслу – прагнення до покращення вигляду корисного предмета. Домінанта позначена виразами: *ти не бездоганний, ще трошки грубий, покошланий*.

Конфлікт вказаних домінант смыслу виявляється в кульмінації притчі: Лук не витримав нової різьби та прикрашень і зламався у вживанні. Домінанти створюють напрямок пошуку і узагальнення смыслу для адресата. Ймовірно, він обере такий смисл: завжди можлива несумісність між прагматикою та естетикою предметів, що слугують людині. Завдяки прикладу, наведеному в притчі, означені домінанти назавжди залишаються у адресата поляризованими. Особистісні смысли виникають у читача шляхом самоорганізації і узагальнення; в тексті притчі, у її експліцитному плані вираження ці смысли ще відсутні.

Приклад, що використано у притчі, надає переконливості головній ідеї тому, що вказує її онтологічні коріння, тобто походження з простого і зрозумілого побуту. Динаміка породження смыслу у такий онтологічний спосіб робить цей смисл легко оглядним при всій віртуальності події [Киященко 2000: 139].

Прагматичний етап самоорганізації дискурсу притчі, як зазначено, можна лише умовно відокремити від когнітивного етапу. Створення дискурсивних стратегій має певні цілі і цим відноситься до когніції; в той же час стратегії реалізуються на мовно-мовленнєвому етапі і відносяться до стилістичних засобів. Цільове застосування стратегій визначає їх розподіл на дві основні: репрезентаційну й комунікативну. Комунікативна інтенція притчі має те ж саме поле діяльності, що й репрезентаційна, але розглядається з точки зору мовленнєвого забезпечення репрезентаційної інтенції.

Коди притчі, що створюються на прагматичному етапі самоорганізації, призначені для узагальнення смыслу та символізації, що витікає з простої ситуації, викладеної у притчі. Так, у наведеній вище притчі Г. Лессінга кодом ідеї про несумісність практичного застосування і зайвих прикрас предмета виступає конкретний предмет (Лук) і художня різьба, що послабила (знищила) його головну функцію. Приблизна (неповна) класифікація лінгвокультурних кодів, що використовуються у художніх творах, надана в лінгвістичній довідниковій літературі [Селіванова 2006: 220]. Виокремлюють такі коди, як соматичний, просторовий, часовий, предметний, біоморфний, духовний, релігійний та ін. У розглянутій притчі застосовано предметний код (предмет – Лук, ним закодовано смисл про будь-який корисний предмет) та духовний код (прагнення до прикрашення різьбою Лука, цим закодовано більш загальне тяжіння до прикрас).

Моделі спілкування, мовленнєві стратегії, коди притчі залишаються «безтілесними» без мовного та мовленнєвого забезпечення, що здій-

снюється у формі тих чи інших стилів, у формі мовностилістичних засобів. Існує досить стійка кореляція між прагматичним інвентарем (моделі спілкування, мовленнєві стратегії, коди) та стилістичними засобами для досягнення цілей притчі. Саме це дає підстави до розглядання дискурсу притчі у об'єднаному прагмастилістичному аспекті.

Притча висловлює надто загальні опозиції: добро – зло, любов – ненависть, дружба – ворожнеча та ін., смисл яких можна лише демонструвати або маніфестувати. Поряд з ускладненням цих опозицій ускладнюється і композиція притчі, усі її рівні, ускладнюється ієрархія стильових рис. Рух від сюжету до заключної частини притчі супроводжується ускладненням моделей спілкування, що корелює з нарощенням ємності смислу й узагальненням.

Контраст між автологічністю мови притчі та її стилістичною виразністю залишається провідним стильовим феноменом кожного типу притчі. Він породжує ще один комплекс стилістичних явищ, які максимально сприяють досягненню цілей притчі і мають синергетичну природу.

У стилістичному синтаксисі мають місце такі явища, як актуальне членування (АЧ) та надфразова єдність (НФЄ). Саме вони на стилістичному рівні відіграють роль самоорганізації для виникнення в дискурсі нових смислів будь-якої складності [Піхтовнікова 2011: 521–524].

Узагальнені смисли виникають у притчі імпліцитно або у експліцитно висловленій моралі, авторському резюме і є результатом попереднього тексту. У тексті притчі (опис дій, персонажів) план вираження здійснюється за допомогою АЧ, яке послідовно, лінійно надає розвернення подій. Зміна тем і рем здійснює, переважно, інформаційну функцію притчі. Завдяки автологічному викладу актуальне членування у притчі прозоре й просте.

Узагальнені смисли притчі виникають у її плані змісту як імплікатура або експліцитно – як підсумкове міркування. У будь-якому разі для цього потрібне мисленнєве повернення до попереднього тексту.

Самоорганізація на мовностилістичному рівні полягає в тому, що надфразова єдність дає можливість при створенні дискурсу повертатися до смислу попередніх фрагментів тексту, виявляючи їх додатковий смисл. Водночас актуальне членування лінійно подає чергові частини тексту, відслідковує переважно фактуальну інформацію і близький каузальний зв'язок [там само: 521].

Розглянемо цей механізм на прикладі притчі М. ф. Ебнер-Ешенбах.

M. v. Ebner-Eschenbach

Verlorene Zuversicht

Vor Jahren lebte in einer großen Handelsstadt ein Mann, dem alles, was er unternahm, gelang, den niemals ein Missgeschick traf (PEMA), der

von Jugend an bis ins reife Alter nur Freude und Erfolg erlebte und nur Dankbarkeit und Treue erfuhr. (TEMA)

Plötzlich verwandelte sich sein Los; er sank ins Elend; er lernte den Undank und die Bosheit kennen (PEMA), und allem, was er liebte, drohte Gefahr. (TEMA)

Ebenso rasch jedoch, als es sich von ihm gekehrt, kam das Glück ihm zurück, ersetzte ihm zehnfach, was er verloren hatte, überschüttete ihn und die, die ihm teuer waren, von neuem mit seinen reichsten Gaben (PEMA).

„Nun“, fragte jemand, „bist du zufrieden? Du hast es wieder, dein Glück? (TEMA)

„Ach“, antwortete er, „wo ist meine Zuversicht? (PEMA) Ich habe ein Glück wieder, das mich schon einmal verlassen hat. (TEMA) [Krusche 1992: 100–101].

У цій притчі невербалізований смисл є втрата віри в успіх. Притча – коротка абстрактна розповідь, у якій символізація відбувається за допомогою загальних, абстрактних понять – доля, щастя, успіх / невдача, зло, вдячність / невдячність (*Los, Glück, Erfolg / Missgeschick, Bosheit, Dankbarkeit / Undank*). У прикладі актуальне членування забезпечує зв'язність тексту, близький каузальний зв'язок смислів рем і тем. Ці смисли відносяться до розвитку дій, мотивів, опису характерів, тобто пов'язується тільки фактуальна інформація. НФЄ в тексті представлено катафорою (*Verlorene Zuversicht*), що пов'язує смисл заголовка і смисл тексту, а також анафорою (*kam das Glück ihm zurück; Ich habe ein Glück wieder, das mich schon einmal verlassen hat;*), що пов'язує завершення притчі з попереднім смислом тексту. Серед інших ознак НФЄ спостерігаються повтори, тобто буквальні переноси лексичних одиниць в речення, що розташовані не поряд (*Glück*).

План вираження притчі створює і пропонує адресату простий смисл: у персонажа було щастя і удача, на короткий час він їх втратив, далі – все повернулось. Прямолінійним висновком із цього є припущення того, що персонаж знов задоволений. План змісту притчі організовано за допомогою НФЄ; цей план пропонує інший смисл, що суперечить попередньому: із втратою довіри персонаж не може бути задоволеним. Зіткнення двох протилежних смислів, які організовані за допомогою АЧ та НФЄ, змушує адресата відшукувати новий смисл на більш високому рівні. Передача цього невербалізованого смислу є метою притчі. Приблизно його можна сформулювати таким чином: психологічна природа людини є в тому, що вона не реагує як маятник на події і факти. В це втручаються незворотні стани психіки, що впливають на поведінку людини.

Стильове наповнення дискурсу притчі проявляється в одночасному ускладненні прагматичного інвентарю та стилістичних засобів при

зростанні масштабу цілей притчі. Головна мета притчі – створення і передача глибокої етико-філософської ідеї – потребує залучення синергетичної природи стилю для своєї реалізації.

До перспектив подальших досліджень за темою статті відносимо вивчення композиції притчі у синергетичному аспекті, а також детальне вивчення дії параметру порядку на основних етапах самоорганізації дискурсу притчі.

Литература

1. Герман И. А. Лингвосинергетика / И. А. Герман. – Барнаул: Алтайская акад. экономики и права, 2000. – 188 с.
2. Ейгер Г. В. Язык и синергетика / Г. В. Ейгер // Вісник Харк. ун-ту. – № 372. – 1992. – С. 131–137.
3. Келер Р. Синергетическая лингвистика / [Электронный ресурс]. Р. Келер. – Режим доступа : <http://ubt.opus.hbz-nrw.de/volltexte/2007/413/pdf/synling.pdf>.
4. Киященко Л. П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка) / Л. П. Киященко. – М. : ИФРАН, 2000. – 199 с.
5. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – М. : УРСС, 2003. – 294 с.
6. Николис Дж. Динамика иерархических систем. Эволюционное представление / Дж. Николис. – М. : Мир, 1989. – 178 с.
7. Піхтовнікова Л. С. Дискурс байки у синергетичному аспекті (на матеріалі української, російської та німецької байки) / Л. С. Піхтовнікова // Незгасимий словосвіт: збірник наукових праць на пошану професора В. С. Калашника / уклад. М. Філон, Т. Ларіна. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011. – С. 519–526.
8. Піхтовнікова Л. С. Еволюція німецької віршованої байки: Жанрово-стилістичні аспекти : дис. ... д-ра. філол. наук / Л. С. Піхтовнікова. – К., 2000. – 427 с.
9. Піхтовнікова Л. С. Синергія стилю байки. Німецька віршована байка XIII–XX ст. / Л. С. Піхтовнікова. – Х. : Бізнес Інформ, 1999. – 220 с.
10. Піхтовнікова Л. С. Стилістика і синергетика дискурсу / Л. С. Піхтовнікова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : кол. монографія / за заг. ред. І. С. Шевченко–Х. : Константа, 2005. – С. 29–35.
11. Піхтовнікова Л. С. Стилістична еволюція художнього дискурсу в синергетичному аспекті (на матеріалі байки) / Л. С. Піхтовнікова // Матеріали X міжнародної конф. «Каразінські читання». – Х., 2011. – С. 229–231.
12. Пиотровский Р. Г. О лингвистической синергетике / Р. Г. Пиотровский // НТИ. – 1996. – Серия 2, № 12. С. 1–12.
13. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в лингвопрагматическом аспекте / Л. С. Пихтовникова // Вісник Харк. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. – 2009. – № 848. – С. 48–52.
14. Пихтовникова Л. С. Тексты и методы: лингвостилистическая характеристика и интерпретация немецкой притчи как типа текста и как жанра / Л. С. Пихтовникова // Проблемы семантики, речення та тексту. – К., 2002. – Вып. 8. – С. 259–265.
15. Пихтовникова Л. С. Языковые фильтры: неравновесные состояния и развитие языка / Л. С. Пихтовникова // Нова філологія. – Запоріжжя : ЗДУ, 2002. – № 1 (12). – С. 33–38.

16. Самарина В. В. Немецкоязычный рекламный дискурс: прагматический, когнитивный и лингвостилистический аспекты : // дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. В. Самарина. – Х., 2010. – 210 с.
17. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2006. – 716 с.
18. Том Р. Топология и лингвистика / Р. Том // Успехи математических наук. – 1975. – № 30.1. – С. 199–221.
19. Фуко М. Слова и вещи / М. Фуко. – М. : Мир, 1994. – 144 с.
20. Хакен Г. Информация и самоорганизация / Г. Хакен. – М. : Мир, 1991. – 240 с.
21. Krusche D. Aufschluss. Kurze deutsche Prosa im Unterricht Deutsch als Fremdsprache / D. Krusche. – Teil 1: Texte. – 5-te Aufl. – Bonn: Inter Nationes, 1992. – 248 S.
22. Pichtownikowa L. Synergie des Fabelstils: Die deutsche Versfabel vom 13.–21. Jahrhundert / Ukrainische Beiträge zur Germanistik / L. Pichtownikowa. – Band 5. – Aachen: Shaker Verlag, 2008. – 322 S.

3.4. Контекстуальна синонімія прикметників як синергетичний феномен (на матеріалі публіцистичного дискурсу)

Суддя А.М.

На сучасному етапі розвитку мовознавчої науки, поряд із розглядом тексту в оточенні системних характеристик (дискурсі), спостерігається перехід до погляду на дискурс як систему, що здатна до самоорганізації [детальніше: Домброван 2014; Єнікеєва 2010; Піхтовникова 1999; Піхтовникова 2012]. Принципова відмінність синергетичної парадигми полягає у переході від статичного, ізольованого об'єкту до дослідження динаміки, його детермінованості із іншими системами зовнішнього середовища з огляду на збереження об'єкту шляхом самоорганізації й послаблення деструктивних чинників [Селіванова 2008: 36].

Таким чином, маємо принципово новий підхід, що вбачається продуктивним для аналізу еволюції складних систем [Піхтовникова 1999: 16] із великими масивами даних та змінюваною кількістю складових процесу комунікації. Якщо дискурс дозволяє аналізувати текст, виходячи з системних положень прагматики, когнітивної науки, стилістики тощо, то синергетика – розглядати принципи побудови системи у динамічному, процесуальному аспекті [Єнікеєва 2010: 7], тобто аналізувати перебіг дискурсу у його взаємозв'язку з умовами та учасниками комунікації.

Погоджуючись з Л. С. Піхтовниковою, вважаємо, що основна мета будь-якого типу дискурсу – організувати комунікативну взаємодію

адресанта та адресата і при цьому сказати у контексті більше, ніж міститься у тексті, «втиснувши» в межі дискурсу інтенції автора, норми викладу, екстралінгвістичні умови та архетипи комунікантів, і – глобальний обмежувач контекстів – мовну картину світу [Піхтовнікова 2009: 49]. Тому текст будується через складну систему взаємодії атракторів та репелерів, де процес системної побудови дискурсу можна умовно поділити на три етапи: 1) когнітивний (етап замислу, планування, врахування обмежень); 2) прагматичний (створення стратегій, що реалізують замисел); 3) мовно-мовленнєвий (безпосередня реалізація стратегій у мовленні). Учасниками кожного етапу є: а) автор(и), як є мовні особистості; б) вбудовані до мовної картини світу соціальні очікування (замовлення) на результати реалізації дискурсу; в) обмеження, накладені на дискурс: традиції жанрів, обсяг, екстралінгвістичні умови і т. д. [Піхтовнікова 2012: 72–73].

Поділ процесу побудови на три етапи є надзвичайно важливим, оскільки дозволяє сфокусуватися не лише на стилістиці декодування [Арнольд 1990], але і на стилістиці кодування – напрямі, що вивчає спрямованість вихідного тексту, який результат можна отримати за допомогою тих чи інших мовних засобів, включно із вокабуляром і статистичними параметрами [Нелюбин 2013: 9], тобто дозволяє проникнути до «творчої лабораторії» автора у його асиметричній взаємодії із реципієнтом.

Тому, на нашу думку, важливим для розуміння конкурентної взаємодії атракторів та репелерів є введення до системи взаємодії такого учасника як адресат, адже кожний текст створюється для взаємодії із певною, доволі чітко окресленою (можливо, не завжди усвідомлюваною) аудиторією. В цьому сенсі погоджуємося з М. Ріффатером, який стверджує, що повідомлення письменника створюється з метою подолання інертності аудиторії [Ріффатер 1985: 71]. Автор дбає про те, щоб його повідомлення було декодовано згідно із задумом, і передати читачеві не тільки зміст, але і своє ставлення.

Якщо адресант хоче, щоб його намір досяг мети, йому необхідно контролювати декодування самим кодуванням. Саме цим можна пояснити розгляд автора як мовної особистості та наявність (соціальних) очікувань на результати реалізації дискурсу.

Відзначимо також, що обмеження, які накладаються на дискурс залежать від каналу і формату комунікації [Почепцов 2001: 39–44], оскільки зображення однієї й тієї самої події, залежно від умов, цілей та характеру протікання комунікації матиме різну структуру і наповнення. Наприклад, роман і оповідання, або фільм і трейлер мають різну комунікативну мету, а також передбачають різні умови для свого

сприйняття, тому суттєво відрізняються за форматом, навіть якщо мають однакову тему і предмет.

З метою чіткого розмежування текстових та позатекстових факторів дискурс поділяється на дві підсистеми: текст і контекст, які пов'язані ієрархічно, моделюють одна одну і протистоять як експліцитне і імпліцитне, фактуальне та оцінне тощо [Піхтовнікова 2009: 49]. Якщо говорити про традиційний письмовий публіцистичний дискурс, то спостерігаємо взаємодію характеристик дискурсу та фізичних параметрів сприйняття тексту, що означає: а) декодування відбувається у режимі реального часу; б) на реалізацію повідомлення впливає його формально-структурна організація, формат, структурне членування на розділи, пункти тощо; в) читання проходить від початку повідомлення до кінця (а не, наприклад, з середини до початку), відповідно, елементи співвідносяться за місцем їхньої появи у тексті, що уможливорює співвіднесення структури тексту із структурою дискурсу [Ward 2001], отже їхнє сприйняття відбувається у тому порядку, у якому його задав автор, створюючи необхідний фокус; г) на сприйняття тексту впливають чинники культурного, соціального, комунікативного, психологічного, когнітивного характеру. Онтологічним фактором є те, що каналом зв'язку є письмове повідомлення, яке розраховане на широку аудиторію, часові рамки не детерміновано, тексти є відносно невеликими за обсягом. Водночас для текстів характерним є поєднання фактуальної та емотивної інформації, оскільки необхідно передати інформацію інертній публіці, тобто не лише зобразити факти, але і зацікавити ними.

Таким чином, текст задається складним набором параметрів, де обмежувачами (водночас і рушійними силами) є: 1) автор і його задум; 2) читач і особливості його сприйняття; 3) особливості обраного каналу комунікації. Разом ці параметри утворюють найширший (комунікативний) контекст для функціонування повідомлення.

Екстраполюємо вищенаведені міркування на сприйняття контекстуальної синонімії прикметника у публіцистичних текстах. У синергетичному аспекті контекстуальна синонімія прикметника – завдяки принциповій симетричності та асиметричності форми, значення і функції – отримує важливу роль точки перетину системних та несистемних характеристик і пов'язує у єдине ціле кілька категорій. Спробуємо розглянути природу контекстуальної синонімії прикметників за їхньої участі у структуруванні системи атракторів і репелерів (точніше, конкурентної взаємодії останніх).

Для кращого розуміння ролі синергійної природи контекстуальних синонімів-прикметників розглянемо прояв принципів становлення. До п'яти принципів становлення належать: нелінійність, нестійкість, незамкненість, динамічна ієрархічність, можливість для спостереження

[Домброван 2014: 35]. Розглянемо по черзі принципи становлення у відношенні до контекстуальних синонімів-прикметників:

1. **Нелінійність.** Контекстуальна синонімія є багатofакторним явищем, а отже потребує великих когнітивних зусиль для свого створення і коректного декодування. Синонімічні іменні групи потребують для свого зближення включення багатьох факторів, механізми синонімізації проявляються на усіх рівнях. Взаємодія контекстуальних синонімів відбувається на основі складної ієрархії. До фокусу уваги потрапляють усі фактори, що впливають на розгортання текстових смислів, а через них – на значення окремих елементів тексту. Аналізу підлягає місце появи певної одиниці у тексті та реченні, її зв'язки із іншими текстовими фрагментами, правила граматичного та семантичного поєднання тощо.

2. **Нестійкість.** Відзначимо два фактори, що впливають на нестійкість контекстуальних синонімів-прикметників. По-перше, контекстуальна синонімія в принципі неможлива поза мовленням. По-друге, для контекстуальних синонімів-прикметників є характерним семантико-синтаксичний тип синонімії з жорсткою прив'язаністю до синтаксичної позиції атрибута в межах іменної групи.

3. **Незамкненість.** Правильне декодування контекстуальних синонімів-прикметників спирається на лінгвістичний та екстралінгвістичний контексти та на їхню відповідність одне одному, оскільки саме їхня невідповідність дозволяє актуалізувати присутні у значенні прикметника потенційні семи (включаючи прагматичні). Завдяки наявності потенційних сем контекстуальні синоніми реалізують нові смисли, а також вербалізують, доповнюють та уточнюють наявні. Правильне конструювання контекстуальних значень прикметників спирається на різноманітні фактори, які мають дискурсивний характер та залежать від загального і контекстуального знання. Тому на етапі декодування контекстуальні синоніми-прикметники передбачають множинність інтерпретацій.

4. **Динамічна ієрархічність.** Контекстуальні синоніми-прикметники належать до точок біфуркації. Потрапляючи у певне оточення, прикметники отримують додаткові значення за рахунок зв'язку з ситуацією комунікації і її учасниками та інтерпретуються відповідно до жанру, стилю тексту, відповідності лінгвістичному оточенню, передбачуваності появи тощо. Співвідносячись із іншими елементами тексту та / або надфразової єдності, контекстуальні синоніми-прикметники створюють необхідний фокус та виставляють на передній план одно- або різнорівневі елементи, що підкреслюють важливі з авторської точки зору смисли, які можуть пройти поза увагою читача.

5. **Можливість для спостереження.** Контекстуальна синонімія прикметника піддається виокремленню та аналізу. При перевірці одиниць на синонімічність використовується усталений семний набір і можливі варіанти його модифікації. Зміни у значенні відбуваються

шляхом активації потенційних сем, які на глибинному рівні співвідносяться із фоновими знаннями, відповідними асоціаціями та ін.

Розглянемо прояви синергійної природи контекстуальних синонімів-прикметників на прикладах. Проаналізуємо ефект, що утворюється контекстуальними синонімами в межах іменної групи на прикладі „*jene undeutliche, krakelige Schrift*“. Перш за все, проаналізуємо виокремлені елементи на синонімічність:

Таблиця 3.4.1

**Фрейм іменної групи
„*jene undeutliche, krakelige Schrift*“**

Назва слоту	Значення слоту	Джерело знань про значення	Приєднана процедура
jene	маркер кореферентності		
undeutliche	a) nicht deutlich (a); nicht gut wahrnehmbar, nicht scharf umrissen	Словник	↑ unwahrnehmbar
unwahrnehmbar	undeutliche Schrift ist es schwer durch Lesen wahrzunehmen	фонові знання	↑ unleserlich
krakelige	(von etw. Geschriebenem, einer Schrift) zittrig, ungelentk u. kaum leserlich	Словник	↑ unleserlich
Schrift	Handschrift	контекст	↑ Handschrift
Handschrift	1. die einem Menschen eigene, für ihn charakteristische Schrift, die er, mit der Hand schreibend, hervorbrin	Словник	

„Wenn Antenkogel mir – wie auch diesmal – eine unfrankierte Postkarte schrieb, wußte ich schon immer, was die Glocke geschlagen hatte. Auf der Karte stand nur das eine Wort: »Komm!« – Weiter nichts. In jener undeutlichen, krakeligen Schrift, die erst den wahren Gelehrten ausmacht. Ich wußte genug, ließ meine Roßschlächterei Roßschlächterei sein, packte das Nötigste zusammen und setzte mich auf die Bahn. Antenkogel wohnte in Werneuchen – wie man dahin kommt, ist eine Sache für sich – und ich fuhr hin“ [Tucholsky 1999: 1380–1381].

Контекстуальні синоніми об’єднуються завдяки наявності спільної семи „*unleserlich*“, яка слугує необхідною основою для створення асиметрії та відповідного контрасту. На фоні різниці семантики означень „*undeutlich*“ і „*krakelig*“ реалізується контраст; лексема „*krakelig*“ іде за лексемою „*undeutlich*“ і описує причину незрозумілості почерку. У такий спосіб здійснюється когнітивна підтримка авторського наміру, чим

забезпечується необхідний перехід в описі справжнього ученого, який отримує такі ознаки:

- бідний – *wie auch diesmal – eine unfrankierte Postkarte schrieb*;
- завжди зайнятий (імплікується, що не має часу на комунікацію – *stand nur das eine Wort: »Komm!«*);
- не піклується про прозорість своїх думок (*»Komm!« – Weiter nichts*) і їхню зрозумілість – *in jener undeutlichen, krakeligen Schrift*).

У такий спосіб виникає прив'язка значень контекстуальних синонімів-прикметників до смислу усієї надфразової єдності і, в свою чергу, кодується передання важливих, з точки зору автора, смислів. Контраст, що виникає між значеннями контекстуальних синонімів-прикметників внаслідок асиметрії їхньої семантики і реалізується на фоні симетрії, вписується у стилістику виокремлено надфразової єдності і забезпечує необхідний тематичний розвиток.

Суттєвий ефект досягається за синонімізації іменних груп. Розглянемо детальніше:

Таблиця 3.4.2

Фрейм синонімічної пари
„das wehrlose Opfer – sein kriminalistisches Versuchskaninchen“

Назва слоту	Значення слоту	Джерело знань про значення	Приєднана процедура
das	маркер кореферентності		конкретизація
wehrlose	nicht fähig, nicht in der Lage, sich zu wehren, zu verteidigen	Словник	↑ Opfer
		фонові знання; асоціації	↓ Kaninchen
Opfer	3. jmd., der durch jmdn., etw. umkommt, Schaden erleidet	Словник	
sein	маркер кореферентності		приналежність → конкретизація
kriminalistisches	die Kriminalistik betreffend, auf ihr beruhend, zu ihr gehörend, mit ihren Mitteln vorgehend	Словник	
Versuchskaninchen	2. (ugs. abwertend) Versuchsperson; jmd., an dem etw. ausprobiert werden soll	Словник	↑ Opfer ↑ wehrlos

Одиниці є синонімічними, оскільки містять достатній семантичний повтор. В той же час вони мають суттєву асиметрію як у формальному, так і у семантичному плані, яка розкривається шляхом прагмастистичного аналізу, при цьому розглядаються одразу кілька текстових рівнів. Безпосередній контекст складається з двох абзаців, межі яких збігаються з межами надфразової єдності. Перша надфразова єдність є прагматичним і стилістичним контекстом для першої одиниці, відповідно, друга – для другої.

Наведемо безпосередній контекст, з якого узято одиниці: *„Das Ding fuhr auf. Donnernd: »Ich bin das Paradigma, an dem du deine scheußliche Wissenschaft übst, ich bin das wehrlose Opfer all deiner bubenhaften Schüler, schülerhaften Buben... Buben... Schüler... ich bin geschändet! denn es gibt nichts, aber auch nichts, was ich noch nicht begangen hätte: vom einfachen Rechtsgeschäft mit obligater Schieberei bis zur Majestätsbeleidigung! Du hast mich auf deinem sonst so blonden Gewissen!! Erkenne mich: ich heiße und bin PETER PANTER!*

In der Tat. Daran hatte er nicht gedacht. Er, Jarotschiner, hatte diesem Unding das Leben gegeben – er hatte es wirklich erschaffen, aus dem Nichts, wie es sich richtig ausgedrückt hatte, er hatte es abgerichtet, alle nur denkbaren Verbrechen zu begehen, damit seine Schüler daran lernten, es war gewissermaßen sein kriminalistisches Versuchskaninchen gewesen... und nun stand es da und hielt Abrechnung...“ [Tucholsky 1999: 638, 639].

Перший абзац містить шість речень, другий абзац формально має три речення, однак останнє речення розкладається на сім. Таким чином, друга надфразова єдність містить дев'ять речень, що, в свою чергу, є максимально допустимою кількістю речень у надфразовій єдності. Одиниці містяться у прилеглих надфразових єдностях, отже це – дистантний повтор.

Для аналізу необхідно врахувати попередню ситуацію. У тексті відбувається діалог між вигаданим персонажем на ім'я Петер Пантер, що ожив, та його творцем – репетитором з права Вальтером Ярочинером. Метою створення персонажа була необхідність у яскравому прикладі: за допомогою Петера Пантера репетитор пояснював студентам різні види злочинів. Відповідно, контекстуальні синоніми є точками біфуркації: при тому що розглядається одна й та сама ситуація, відбувається зміна перспективи.

У першій надфразовій єдності мова йде від Петера Пантера (автора), у другій – від Вальтера Ярочинера (креатури). Обидві надфразові єдності містять достатню кількість стилістично маркованих повторів ключових слів, які уможливають зближення значень виокремлених іменних груп.

Оскільки котескст містить достатньо велику кількість засобів підтримки контекстуальних синонімів, унаочнимо відповідність ключових слів у надфразових єдностях за допомогою таблиці.

Таблиця 3.4.3

Відповідність лексико-семантичних повторів у надфразовій єдності

Симетрія/Асиметрія		Коментар
НФЄ 1	НФЄ 2	
<i>das Ding</i> – К. Тухольский номінує Пантера; нейтральна номінація	<i>dieses Unding; es</i> – Ярочинер іменує Пантера; негативна номінація	Ярочинер не сприймає всерйоз Пантера
<i>Wissenschaft üben</i>	<i>lernen</i>	Ставлення до сфери діяльності
<i>deiner bubenhaften Schüler, schülerhaften Buben... Buben... Schüler...</i> – Пантер описує учнів Ярочинера; негативна номінація	<i>Schüler</i> – Ярочинер описує учнів; нейтральна номінація	Пантер не любить учнів Ярочинера, для останнього – це просто учні
<i>einfachen Rechtsgeschäft</i> – негативна номінація роботи Ярочинера	<i>kriminalistisches</i> –нейтральна номінація роботи Ярочинера	Петер Пантер негативно ставиться до ремесла Ярочинера, Ярочинер – нейтрально
<i>wehrlos</i>	<i>abrichten, alle nur denkbaren Verbrechen zu begehen</i>	співвідношення ознака – дія; наслідок – причина

Таким чином, Петер Пантер вважає себе беззахисною жертвою, Ярочинер згодний з цим, проте для нього Петер Пантер – лише вдала ілюстрація, яку він вигадав. Формально це підкреслюється переходом від означеного артикля до присвійного займенника. Хоча референція залишається конкретною, відбувається зсув у маркерах: „*das*“ змінюється на „*sein*“. Семантично неідентичність контекстуальних синонімів проілюстровано у табл. 3.4.2, також на це указує лексема „*gewissermaßen*“. Отже, контекстуальні синоніми за рахунок контекстної підтримки реалізують перехід на текстовому рівні, зміщується фокус: з жертви Петер Пантер перетворюється на піддослідного кролика.

Таким чином, дискурс сприймається як комплексна система взаємодії автора та реципієнта за допомогою певного каналу комунікації. Поділ дискурсу на текст і контекст з подальшим протиставленням дозволяє дослідити прояв нерівноважної, синергетичної системи на усіх рівнях її реалізації.

Контекстуальні синоніми є багатофакторним явищем і постають складовими одночасно конструктивних прийомів. Завдяки своїй поліфункціональній природі вони входять до різних конструктивних елементів тексту, що надає їм синергійної природи. Для контекстуальних синонімів-прикметників, з одного боку, характерною є інтеграція у надфразову єдність і в текст у цілому. З іншого боку, тісним залишається зв'язок із контекстом, отже спостерігаємо, що дозволяє проявляти у контекстуальних синонімах-прикметниках усі параметри синергетичної системи.

Внаслідок принципової симетрії / асиметрії контекстуальних синонімів-прикметників і, ширше, іменних груп, відбувається переключення уваги реципієнта і її фокусування на важливих, з точки зору автора, смислах. При цьому, контекстуальні синоніми-прикметники, кристалізуючи ці смисли в якості атракторів та репелерів, набувають ролі точок біфуркації і уможливають множинну інтерпретацію тексту.

Література

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования) : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. „Иностр. яз.“ / И. В. Арнольд. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Домброван Т. И. Синергетическая модель развития английского языка: монография / Т. И. Домброван. – Одесса : КП ОГТ, 2014. – 400 с.
3. Єнікєєва С. М. Система словотвору сучасної англійської мови: синергетичний аспект (на матеріалі новоутворень кінця ХХ – початку ХХІ століть) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / С. М. Єнікєєва. – К., 2011. – 32 с.
4. Нелюбин Л. Л. Лингвостилистика современного английского языка: учеб. пособие [Электронный ресурс] / Л. Л. Нелюбин. – 6-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 128 с.
5. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – К. : Ваклер; М. : Рефлбук, 2001. – 656 с. – (Образовательная литература).
6. Піхтовнікова Л. С. Синергія стилю байки: німецька віршована байка 13–20 ст. : монографія / Л. С. Піхтовнікова. – Х. : Бізнес Інформ, 1999. – 220 с.
7. Пихтовникова Л. С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений : монография / Л. С. Пихтовникова. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. – 180 с.
8. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагматистическом аспекте / Л. С. Пихтовникова // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Сер. : Романо-германська філологія. – 2009. – № 848. – С. 48–52.
9. Риффатер М. Критерии стилистического анализа / М. Риффатер // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 9. Лингвостилистика. – С. 69–97.
10. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми : підручник / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.

11. Tucholsky: Werke, Briefe, Materialien / M. Gerold-Tucholsky, F. Raddatz, R. Links, M. Hepp. – Digitale Bibliothek, Band 15. – Електрон. дані. – Berlin : Directmedia, 1999. – 12733 S. – ISBN 3-89853-184-8.
12. Ward G. Discourse and Information Structure / G. Ward, B. J. Birner // The Handbook of Discourse Analysis / [ed. by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, and Heidi Hamilton]. – Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2001. – P. 119–137. – (Blackwell handbooks in linguistics. 16).

3.5. Синергетичний аспект дослідження англомовного наукового агротехнічного дискурсу

Пільгуй Н.М.

Сьогодні все більше зростає цікавість до дослідження синергетичних характеристик професійних, фахових спеціалізованих дискурсів, зокрема до англомовного наукового агротехнічного дискурсу. Теоретичною основою синергетичної концепції тексту й дискурсу вважаємо фундаментальні роботи Л. С. Піхтовнікової [Пихтовникова 2010, 2012; Піхтовнікова, Яремчук 2012; Піхтовнікова 1999; Pichtownikowa 2008], І. О. Герман [Герман 2000], Т. І. Домброван [Домброван 2013; 2014; Dombrovan 2012; 2013], М. П. Котюрової [Котюрова 2010]. Сьогодні існують також і нові напрями синергетичних досліджень: вивчення лінгвістичних моделей [Пиотровский 2008], дослідження лексики в синергетичному аспекті [Єнікеева 2011; Келер 2007].

Вважається, що кожний тип дискурсу виконує дві основні функції: накопичення знань та їх передачу. Реалізація цих функцій потребує відповідної будови дискурсу, в якій спостерігаються елементи самоорганізації [Пихтовникова 2012: 24].

Зазначимо, що самоорганізація – це виникнення нового цілого, що утворене складною, але узгодженою поведінкою складових елементів первісного середовища [Домброван 2014: 101]. Система може вважатися самоорганізованою, якщо вона набуває просторової, часової та функціональної структури без будь-якого зовнішнього втручання [Накен 2000: 11].

Самоорганізована система повинна мати такі характеристики, як динамічність, відкритість, нерівноважність, нелінійність, адаптивність [Домброван 2013: 136; 2014: 312; Піхтовнікова 1999: 13; Pichtownikowa 2008: 19–52]. Розглянемо ці характеристики на прикладі англомовного наукового агротехнічного дискурсу.

Мова є відкритою динамічною системою, яка знаходиться у постійному русі та взаємодіє з іншими системами, а тому змінюється [Домброван 2013: 46]. Динамічність включає не тільки рух окремих

елементів, але й зміну зв'язків та відношень між ними у рамках цієї системи і / або зміну властивостей різнорівневих компонентів [там само: 35]. Динамічність мови англомовного наукового агротехнічного дискурсу проявляється в конверсії, способах словотвору, новій термінології, синтаксичних зв'язках та синтаксичних конструкціях тощо.

Відкритість певної мовної системи виражається у взаємодії з ноосферою, із соціумом, системою культурних цінностей, з іншими мовними системами [Селіванова 2008: 34]; це здатність системи обмінюватись речовиною і / або інформацією між системою та навколишнім середовищем; система підтримує своє існування завдяки обміну інформацією з навколишнім світом [Пихтовникова 2012: 11; Піхтовникова 1999: 23]; взаємодія (обмін енергією) з іншими системами [Домброван 2013: 34].

У мові наукового агротехнічного дискурсу відкритість системи проявляється у взаємодії з іншими системами мови різноманітних галузей знань, а відображається у спеціальній лексиці, зокрема у неологізмах, скороченнях, інтернаціоналізмах, професійному жаргоні, реаліях. Система дослідженого дискурсу вбирає в себе нові поняття, отримуючи при цьому оновлення термінологічного апарату.

Роль неологізмів в англомовному науковому агротехнічному дискурсі – дати назви новим реаліям, виразити експресію, надати акцент на фрагмент значення, бути маркером значення. Нові реалії та акценти відображають «нові концептосфери, нову мовну картину світу» [Приходько 2008: 23–24].

Нові концептосфери стосуються новітніх технологій інтенсивного сільськогосподарського виробництва, бізнесу й економіки сільського господарства, ергономіки, комп'ютеризації, наприклад: *armcoiron* – *армкозалізо* (чисте залізо), *phytoremediation* – *фіторемедіація*, тобто використання рослин для очищення ґрунту та води; *hydroponics* – *гідропоніка*, метод зрощування рослин без ґрунту.

Універсальна концептосфера відтворюється перш за все у контексті агротехнічних публікацій та патентах. У такий спосіб неологізми сприяють переміщенню значення з тексту в контекст. Це ілюструє синергетичний процес пошуку стану рівноваги в розподілі інформації між складовими дискурсу – текстом і контекстом. Цей процес є конкурентним, він пов'язаний з протистоянням змісту (вимог) атрактора і репелера. Отже, контекст, що організовується, дозволяє «...неологізму бути полісемічним, компенсувати значення при еліпсисі, ідентифікувати під час появи нових значень, об'єднувати при актуалізації двох значень» [Селіванова 2006: 252].

Професійний жаргон відіграє важливу роль для учасників дискурсу – адресантів та адресатів (фахівців у цій галузі), оскільки спрощує їм

процеси кодування – декодування. У цьому випадку синергетичним шляхом розв'язується суперечність між надійністю повідомлень у тексті (для цього потрібна розгорнена, багатослівна експлікація) і простотою декодування (для цього необхідно менше слів-знаків): *antemortem – the inspection of an animal before being slaughtered; blending – combining two different qualities of grain; broiler – a young chicken raised primarily for meat; bushel – a volume of measure for grain, fruit, ect.; carcinogen – any product that produces or promotes cancer; casein – the main portion of milk protein.*

Ступінь застосування професіоналізмів у тексті є станом рівноваги у цій суперечності, рівноваги взаєморозуміння комунікантів. Знаходження такої міри є однією з інтенцій автора, яка входить до змісту атрактора.

У випадку зі скороченнями в англomовному науковому агротехнічному дискурсі синергетичним є процес пошуку стану рівноваги між складовими дискурсу – тексту і контексту. Цей процес пов'язаний зі змістом атрактора і репелера, тобто створення скорочень залучається для забезпечення передачі максимальної кількості інформації за мінімального використання матеріальної оболонки мови, а саме для підвищення ефективності комунікативної функції мови: *FAO – Food and Agriculture Organization; h.p. – horsepower; ARD – Agriculture and Rural Development; chemigation = chemical injection; irricanal = irrigation + canal, fertigate = fertilize + irrigate.*

Із синергетичної точки зору, реалії як клас безеквівалентних одиниць, на відміну від професіоналізмів, слугують зворотним зв'язком між комунікантами. У такий спосіб синергетичним шляхом вирішується протиріччя між складністю декодування тексту (мало слів-знаків) і багатослівною експлікацією повідомлення: *gamagrass – a tall perennial grass of SE North America: cultivated for fodder; buffalo meat; pecan – a hickory tree; Carya pecan (or C. illinoensis) of the southern US, having deeply furrowed bark and edible nuts, Nano-Bo-Peep – technologies that continuously monitor the health of plants.* Ступінь застосування реалій у тексті наукового агротехнічного дискурсу – це стан рівноваги в цій суперечності, а саме рівноваги у взаєморозумінні комунікантів. Знаходження такої міри є однією з інтенцій автора, яка виступає складовою атрактора.

Ієрархія розглядається як сукупність рівнів (ярусів) мови, які розташовані за ступенями та які співвідносяться як вищі та нижчі по відношенню одне до одного [Ахманова 1969: 166]. Внаслідок того, що на вищому рівні конкретний компонент зберігає свою сутність, свою композицію, «структуру – порядок», він може слугувати будівельним матеріалом для більш високих з точки зору ієрархії рівнів [Домброван 2013: 43].

Дослідження взаємодії стильових рис на всіх рівнях мови [Пільгуй 2010; 2014]: фонетичному, морфологічному, лексичному, синтаксисному, композиційному, текстовому і на рівні дискурсу засвідчує наявні ознаки системності та ієрархічності рівнів мови наукового агротехнічного дискурсу.

У сучасній лінгвістиці існує чимало визначень системи мови, в наслідок чого нелегко з'ясувати сутність підходів. Більшість визначень зводиться до того, що мова є семіотичною функціональною системою, що слугує для обміну інформацією та її зберігання в людському суспільстві й людській свідомості, що мова є системою систем, усередині якої розрізняють фонетичну, морфологічну, лексичну, синтаксичну та інші підсистеми [Арнольд 1991: 19].

Синергетична парадигма, засади якої ми застосовуємо для дослідження, дозволяє стверджувати, що мова текстів наукового агротехнічного дискурсу є системою, яка самоорганізується. Ці системи складаються з підсистем, які існують або реалізуються на мовних рівнях [Піхтовнікова 2010: 14]. Отже, утворюється певна ієрархія, в умовах якої науковий агротехнічний текст є упорядкованим мовним матеріалом.

Стильові риси англomовного наукового агротехнічного дискурсу, а саме: ясність (зрозумілість), предметність тлумачень, логічність, інформативність, узагальненість, об'єктивність та аналітичність, точність і лаконічність, аргументованість, переконливість, ґрунтовність, логічна експресивність й інтертекстуальність, проявляються на всіх рівнях мови, а остаточно експлікувати їх можна на текстовому рівні на рівні дискурсу. Стильові риси на всіх рівнях утворюють певну систему, елементи якої взаємодіють і переплітаються.

Резюмуючи викладене вище, вважаємо мову англomовного наукового агротехнічного дискурсу динамічною, відкритою та ієрархічно-побудованою системою, яка реагує на зміни навколишнього середовища та на вимоги атрактора й обмеження репелера.

За Л. С. Піхтовніковою, атрактор розуміють як унікальний набір параметрів і діапазон їх значень, які притягують до стійкого положення; відповідно, репелер – набір параметрів та їх значень, які виводять самоорганізовану систему зі стану рівноваги в тому сенсі, що він вводить різні обмеження на свободу прагнення самоорганізованої системи до мети, до рівноваги [Пихтовнікова 2012: 15–16].

Із синергетичної точки зору, автор тексту є суб'єктом, який задає цілі самоорганізованої системи. Він включається своїми параметрами в атрактор самоорганізованої системи як особистість, що міркує, зокрема як мовна особистість [там само: 16]. Мовна особистість розглядається як ознака особистості як носія мови і комуніканта, що характеризує його мовну й комунікативну компетенцію та реалізацію їх у породженні,

сприйнятті, розумінні та інтерпретації вербальних повідомлень, текстів, а також в інтерактивній взаємодії в дискурсі [Селіванова 2006: 370].

Зауважимо, що автор як мовна особистість бере участь у самоорганізації дискурсу на когнітивному, прагматичному та мовно-мовленнєвому рівнях відповідними сторонами своєї мовної особистості, залучаючи для цього необхідні одиниці [Піхтовнікова, Яремчук 2012: 266–270]. У процесі самоорганізації дискурсу автор одночасно є творчим конструктором дискурсу та знаряддям атракторів і репелерів цього дискурсу, які виникли незалежно від автора [Піхтовнікова 2012: 24–29].

У наукових дискурсах проявляються дві відносно протилежні й доповнювальні тенденції, які є джерелом саморозвитку цього типу дискурсу:

– прагнення спиратися на попередні результати у нових дослідженнях і виклад знань. Це принцип спадкоємності в науці;

– прагнення до отримання нових знань через узагальнення і / або заперечення попередніх знань [Піхтовнікова 2012: 57].

Відносність новизни пояснюється тим, що система, включаючи старі, вже відомі елементи, притягує нові, про шлях функціонування яких можна лише здогадуватись [Котюрова 2010: 10].

За Л. С. Піхтовніковою, атракторами кожного типу дискурсу, зокрема англomовного наукового агротехнічного дискурсу, виступають інтенції автора, комунікантів [Піхтовнікова 2012: 38–39]. Авторські інтенції – це прагнення акумулювати й передавати нове знання, описати чи пояснити теорію, предмет або явище. Наприклад, у складі атрактора наукового дискурсу присутні (заплановані) інтенції логічної експресивності й інтертекстуальності. Завдяки цьому науковий агротехнічний дискурс набуває специфічної форми, а його зміст – гнучкості й динамізму.

Репелер дискурсу відображає вимоги стосовно обсягу і традиції жанру, норми викладу, екстралінгвістичні умови, враховує очікування аудиторії споживачів [там само: 38–39]. У науковому агротехнічному дискурсі репелером, у першу чергу, виступають традиції і канони наукового функціонального стилю, жанрова специфіка текстів, обмеження в розмірі таких мовленнєвих жанрів, як наукова стаття, дисертація, монографія, рецензія, анотація, відгук, автореферат, тези; обмеження використання елементів експресії, просторіччя, жаргону, розмовних елементів у викладі. Вимогами репелера є дотримання загальних стильових рис наукового агротехнічного дискурсу, зокрема ясності (зрозумілості), предметності тлумачень, логічності, інформативності, узагальненості, об'єктивності та аналітичності, точності і лаконічності, аргументованості, переконливості, ґрунтовності. Екстралінгвістичними умовами є місце опису об'єктів дискурсу – ферма, аудиторія, поле, склад, СТО, пакгауз тощо. Аудиторія споживання: інженери, експерти і

спеціалісти, прості робітники сільського господарства, інші технічні фахівці.

В англомовному науковому агротехнічному дискурсі актуалізується опозитивна взаємодія змісту атракторів і репелерів, а саме суперечність між малим обсягом дискурсу дослідженої сфери й очікуванням його значущої інформативності. Автор залежний від обсягу і специфіки обраного жанру англомовного наукового агротехнічного дискурсу. Так, наприклад, адресант повинен викласти в анотації на декількох рядках суть статті, а в рецензії – на кількох сторінках обґрунтувати суть і значущість наукової роботи. При цьому поляризуються текст – контекст, комунікативний простір повідомлень (час – місце), прагматичні функції наукового агротехнічного дискурсу (наприклад, функції адресанта – функції адресата).

Поляризацію розуміють як протистояння актуальної інформації й оцінки, експліцитних та імпліцитних смислів [Пихтовникова 2012: 30].

Розглянемо учасників опозиційної взаємодії наукового агротехнічного дискурсу на когнітивному, прагматичному і мовно-мовленневому етапі самоорганізації дискурсу.

На когнітивному рівні самоорганізації англомовного наукового агротехнічного дискурсу конкретизується задум, мета автора – акумулювати і передавати знання дослідженої сфери. Для цього автор як мовна особистість використовує свій тезаурус свого рівня та багаторазово порівнює свій задум з обмеженнями на дискурс, досягаючи тим самим компромісу між вимогами репелера та прагненнями атрактора [Пихтовникова, Яремчук 2012: 266–270]. Синергетичний процес на когнітивному рівні відбувається за посередництвом так званого параметра порядку: вибудовується ієрархія цілей та обмежень дискурсу, обираються фігуранти дискурсу, які відповідають ієрархіям цілей та обмежень [Пихтовникова 2012: 39].

Згідно із синергетичними уявленнями, параметр порядку підкорює собі інші параметри системи і приводить їх діапазон змін відповідно до вимог атракторів і репелерів [Хакен 1980: 267; Пихтовникова 2012: 18].

До загальних параметрів порядку відносять логіко-семантичні відношення, що направлені на збереження цілісності системи, формування мовно-змістової системи в концептуальну систему комунікантів та забезпечення взаємодії елементів і частин дискурсу. Спеціальними параметрами порядку є прагмасемантичні відношення, завданням яких є формування цілісності та системної взаємодії різних компонентів у рамках певної підсистеми дискурсу; інтенціональне функціонування в конкретному контексті [Храмченко 2013: 117].

Головним параметром порядку в англомовному науковому агротехнічному дискурсі вважаємо професійно-наукову компетентність, яка

підкорює собі загальні й спеціальні параметри порядку. Саме від професійно-наукової компетентності автора залежать якість і частота вживання спеціальної лексики, частота й доречність засобів логічної експресивності, інтертекстуальності та концептуальних наукових метафор. Професійно-наукова компетентність залежно від інтенцій адресанта спрямовує текст у необхідне русло, формує концептуальну систему адресата. Професійно-наукова компетентність комунікантів впливає на якість англомовного наукового агротехнічного дискурсу.

Справедливо зауважено, що самоорганізовані системи, до яких належить природна мова, здатні адекватно реагувати на зовнішні дії, змінюючи свої параметри, структуру і функції, тобто проявляти властивість адаптації до середовища існування. В той же час самоорганізована система у відповідь на зовнішні подразники здатна активно впливати на своє оточення [Домброван 2014: 102].

Вважаємо, що саме параметр порядку впливає на реакцію самоорганізованої системи на зовнішні дії та зміну її параметрів, структури і функцій. Так, в англомовному науковому агротехнічному дискурсі професійно-наукова компетентність відповідає за структуру і функції мовленнєвого жанру, залежно від професійно-наукової компетенції відбувається адаптація дискурсу до його середовища функціонування: рівень і частота уживання спеціальної лексики, складність граматичних і синтаксичних конструкцій, доречність засобів логічної експресивності тощо. Адаптація мови і мовлення відбувається відповідно до професійного рівня учасників та місця реалізації дослідженого дискурсу. Так, мова науково-популярної статті чи бесіди на фахову тему сприймається значно легше учасниками, ніж мова патенту або науково-дослідної праці. І, навпаки мовленнєве середовище фахової наукової конференції впливає на мовний інструментарій її учасників. Тобто, відбувається взаємоадаптація самоорганізованої системи та її мовленнєвого середовища існування. Порівняємо уривки англомовного наукового агротехнічного дискурсу:

(1) One drawback associated with redirecting a single input to a plurality of outputs is the pressure drop between the single input and plurality of outputs. An additional drawback is the exaggerated pressure loss associated with outputs located further from the single input. While the outputs nearest the input receive full pressure, as the outlets move further and further away from the input, the pressure drops, thereby providing disparate flow rates for each applicator (Puck, Fluid delivery system, 2010).

Наведений фрагмент патенту призначений для вузькоспеціалізованої аудиторії. Широка насиченість спеціальної лексики, складна синтаксична будова речень, використання складних граматичних констру-

цій, ухилення від вживання засобів логічної експресивності зумовлюються суворими нормами до стилю і мовлення патентної документації.

(2) The leaves add a variety of nutrients, such as nitrogen, phosphorus, potassium, magnesium and calcium. If Muth applies six inches of leaves, the maximum allowed under state nutrient management regulations, it equals 20 tons of dry matter per acre. That influx of organic matter really helps the soil, but at first, the leaves also tie up nitrogen. He doesn't mind if his hay is a little nitrogen-starved its first year – it's not his main cash crop – but he really sees benefits in the second year of hay production (The New American Farmer, 2005, p. 90).

Фрагмент науково-популярної статті, розрахованої на широке коло читачів, характерний уживанням спеціальної лексики, простих синтаксичних конструкцій, прямої мови (на прикладі не проілюстровано), засобів логічної експресивності. Отже, висновок про взаємоадаптацію самоорганізованої системи та її мовленнєвого середовища існування релевантний і для англомовного наукового агротехнічного дискурсу.

Когнітивний етап самоорганізації наукового агротехнічного дискурсу можна лише умовно відокремити від прагматичного етапу. На останньому формуються мовленнєві стратегії, які мають певні цілі і тому належать до когніції; водночас стратегії реалізуються на мовно-мовленнєвому етапі й належать до стилістичних засобів. Параметр порядку планує і реалізує мовленнєві стратегії [Пихтовникова 2012: 39; Пихтовникова, Яремчук 2012: 266–270]. Прагматичний етап самоорганізації наукового агротехнічного дискурсу уособлює також реалізацію прагматичних функцій.

Згідно з традиційною природою наукової мови, вона повинна бути істинною, безпомилковою, аргументованою й дидактичною. Тому автор наукового агротехнічного дискурсу за допомогою тексту формує у читача напрямок думки, намагаючись прихилити його на свій бік шляхом розсуду, щоб адресат погодився з його теорією і прийняв її.

Учасником опозиційної взаємодії текст – контекст на мовно-мовленнєвому етапі самоорганізації наукового агротехнічного дискурсу є автор – мовна особистість зі своїм вербально-семантичним рівнем та мовно-стилістичним арсеналом, який, як засвідчив здійснений аналіз, досить різноманітний. До мовностилістичного арсеналу відносимо лексичні й синтаксичні засоби логічної експресивності, уживання прикладу як стилістичного прийому, впровадження автором інтертекстуальності.

Із синергетичної точки зору, на мовно-мовленнєвому рівні англомовного наукового агротехнічного дискурсу конкуренція атрактора і репелера відбувається за рахунок вживання специфічної лексики: неологізм сприяє переміщенню значення з тексту в контекст; професійний

жаргон впливає на стан рівноваги в суперечності між надійністю повідомлення і простотою декодування; скорочення впливають на проблему протиріччя між великим обсягом інформації за мінімального використання знаків, а застосування реалій – на стан рівноваги у суперечності між складністю декодування тексту і багатослівною експлікацією повідомлення.

Дослідники зауважують, що існує досить стійка кореляція між прагматичним інвентарем (моделі спілкування, мовленнєві стратегії) та стилістичними засобами для досягнення цілей дискурсу. Параметр порядку організовує інтертекстуальні включення, визначає композицію [Піхтовнікова, Яремчук 2012: 266–270]. Описані вище твердження справедливі й щодо англомовного наукового агротехнічного дискурсу.

Для досягнення цілей англомовного наукового агротехнічного дискурсу параметр порядку вдається до використання концептуальних наукових метафор, існування яких у науковому дискурсі описували чимало лінгвістів [Гусев 1984; Карпусенко 2011; Котюрова 2010; Шишліна 2010; Cuadrado 2005; 2007; 2013]. Про широке використання метафор такого типу в лінгвосинергетиці зазначається у праці Л. С. Піхтовнікової [Пихтовникова 2012; Pichtownikowa 2008]. За Дж. Лакоффом та М. Джонсоном, основоположниками концептуальної метафори, концептуальна метафора є використанням знака однієї концептуальної сфери на позначення складника іншої, притаманна повсякденній мові й мисленню людини, а не лише художньому дискурсу, і керується набутиим у процесі спільної діяльності етносу досвідом [Lakoff 1980; 1993; 2003].

Концептуальні метафори визначаються як запозичення з іншої галузі, які пояснюють суть нових об'єктів та явищ. Поява концептуальних метафор у науці – ознака її розвитку, проте введення такої метафори повинно бути ретельно обґрунтованим [Гусев 1984; Пихтовникова 2012: 58].

Зауважимо, наукова метафора має суперечливий характер: у процесі термінологічної метафоризації актуалізуються як певна схожість між референтами, оскільки метафора повинна бути обов'язково зрозумілою, так і несхожість, оскільки з'являється новий зміст, до того ж ступінь схожості і несхожості визначає справжнє значення метафори [Котюрова 2010: 74].

Велика кількість концептуальних метафор використовується в англомовному науковому агротехнічному дискурсі, наприклад: *intake / exhaust valve* – впускний / випускний клапан; *feeder* – завантажувальний механізм; *feeding plunger* – живильний плунжер; *exhaust system* – вихлопна система; *exhaust pipe* – вихлопна труба; *exhaust manifold* – впускний патрубок; *choke* – опускає повітряний клапан; *throttle* – дросель; *antagonism* – втручання одного виду рослин в інший; *invasion* –

навала особин одного виду, що не є характерним для певного регіону; *plant defense* – захист рослин; *mature soil / immature soil* – зрілий / незрілий ґрунт; *farm organism* – цей термін охоплює все фермерське господарство. Наведемо приклади реалізації концептуальних метафор у текстах наукового агротехнічного дискурсу:

(1) *Problems may arise, however, because of the cost of the plant including heating. There may be residues from the exhaust fumes and also some losses from overheating (Herbert, Bio-dynamic Agriculture, 1976, p. 182).*

(2) *When he has taller transplants that may have a few small weeds in the row, he moves the baskets 4 inches apart and pulls back the tractor throttle (Bowman, Steel in the field, 2002, p. 76).*

У першому і другому прикладах відбувається метафоричне перенесення фізіологічних якостей істоти на неістоту. Оскільки концептуальні метафори досить природні і дуже глибоко проникають у людське мислення, тому, як правило, метафоричність у текстах дослідженої сфери не відчувається, такі метафори сприймаються як очевидні.

Зобразимо графічну схему самоорганізації англомовного наукового агротехнічного дискурсу.

На рис. 3.5.1 зображено графічну схему самоорганізації англомовного наукового агротехнічного дискурсу. Науковий агротехнічний дискурс є самоорганізованою системою, на зміст складових якого (тексту і контексту) впливають атрактори й репелери.

Синергетичний аналіз англомовного наукового агротехнічного дискурсу виконано на прикладі статті *Reducing Soil Erosion* з посібника *Building Soils for Better Crops Magdoff* (Building Soils for Better Crops, 2000, p. 119–120).

Атрактори – інтенції автора, який розмірковує над тим, як зменшити ерозію ґрунту. Автором посібника є мовна особистість, яка володіє професійним тезаурусом, про що свідчить широке вживання спеціальної термінології. У статті наукова полеміка підсилюється за допомогою атракторів, а саме вживання автором елементів логічної експресивності: персоніфікації, метафор, концептуальних метафор, епітетів, прикладів. Проілюструємо це уривком зі статті:

(3) *Although we should expect some soil loss to occur on almost all soils, agriculture often increases erosion (персоніфікація). Erosion is the major (епітет) hazard or limitation (метафора) to the use of about one-half of all cropland in the United States!*

Використання автором інтертекстуальності поглиблює аргументацію тверджень:

(4) As Woody Guthrie pointed out in his songs, soil erosion was so bad that people saw little alternative to abandoning their farms (інтертекстуальність).

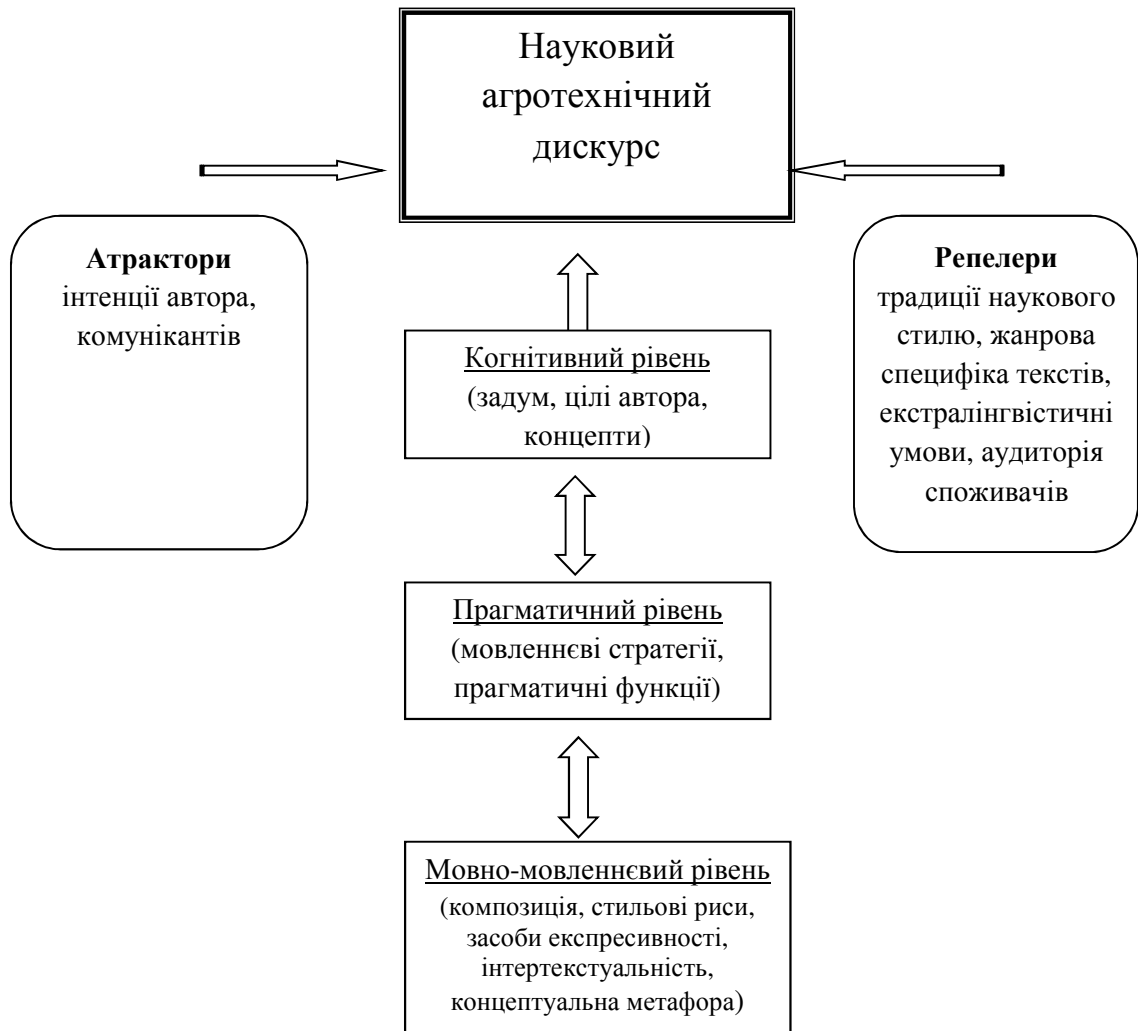

Рис. 3.5.1. Схема самоорганізації наукового агротехнічного дискурсу

Репелерами у статті є традиції й обмеження наукового функціонального стилю; мовленнєвий жанр – стаття, що має певний обсяг, вимагає дотримання загальних стильових рис наукового функціонального стилю. Так, нами виокремлено найбільш повно виражені стильові риси з контексту, наприклад:

(5) For a deep soil with a rooting depth of greater than 5 feet, the T value is 5 tons per acre each year. Although this sounds like a huge amount of soil loss, keep in mind that the weight of an acre of soil to 6 inches depth is about 2 million pounds, or 1,000 tons. So 5 tons is equivalent to about 03 inches ($[5/1,000] \times 6 \text{ inches} = 0.03 \text{ inch}$), enough to fill 200 bushel baskets

with soil (об'єктивність та аналітичність). *If soil loss continues at this rate, at the end of 33 years about 1 inch will be lost* (аргументація).

Репелерами також виступають екстралінгвістичні умови реалізації – місце функціонування, читання, обговорення, вивчення статті; аудиторія споживання – учасники англомовного наукового агротехнічного дискурсу.

На когнітивному рівні конкретизується мета автора – докази необхідності зменшення ерозії ґрунту. На прагматичному рівні реалізуються мовленнєві стратегії автора, а також такі прагматичні функції, як комунікативна, функція впливу, інформаційна, функція доказовості істинності знань, функція аргументації, довідкова, експланаторна, дидактична з боку адресанта і комунікативна та пізнавальна – з боку адресата. Мовностилістичний арсенал автора на мовно-мовленнєвому етапі самоорганізації наукового агротехнічного дискурсу – використання елементів логічної експресії, інтертекстуальності, прикладу.

Синергетичний аналіз тексту на прикладі англомовного наукового агротехнічного дискурсу релевантний також і для тексту малого формату. Проілюструємо це на прикладі уривку з посібника з виробництва люцерни *Manual for Alfalfa Production* (*Manual for Alfalfa Production*, 2009, p. 27).

Fertilization of alfalfa

Subsurface drip irrigation applies (персоніфікація) *fertilizer directly to the root zone* (*Nutrigation*) (авторський неологізм). *This is the most efficient method to deliver fertilizer to a permanent crop such as alfalfa. The ability to use the SDI system for delivering fertilizer means that the interval between fertilizer applications can be reduced without a large (епітет) labor input. As a result it is possible to maintain a near optimum level of nutrients in the soil helping boost the vigor and longevity of your alfalfa crop (метафора). *In addition, applying fertilizer directly to the root zone results in less waste which may reduce the fertilizer required per pound of yield* (*Manual for Alfalfa Production*, 2009, p. 27).*

Атрактори – інтенції автора передати знання щодо системи підґрунтового крапельного зрошення для люцерни. Автором посібника є мовна особистість, яка володіє професійним тезаурусом, про що свідчить широке вживання спеціальної термінології. У прикладі атракторами також виступають елементи логічної експресивності, а саме персоніфікація, епітет, метафора, а також авторський неологізм.

Репелерами у прикладі є традиції і обмеження наукового функціонального стилю: оскільки мовленнєвий жанр – є посібник, то його обсяг обмежується певними нормами; має місце дотримання загальних стильових рис наукового функціонального стилю; враховуються екстралінгвістичні умови реалізації – місце функціонування, читання, обгово-

рення, вивчення уривку, а також аудиторія споживання – учасники наукового агротехнічного дискурсу.

На когнітивному рівні конкретизується мета автора – передати знання щодо системи підґрунтового крапельного зрошення для люцерни. На прагматичному рівні реалізуються мовленнєві стратегії автора і такі прагматичні функції, як комунікативна, функція впливу, інформаційна, функція доказовості істинності знань, функція аргументації, довідкова, експланаторна, дидактична з боку адресанта, і комунікативна та пізнавальна – з боку адресата. Мовностилістичний арсенал автора на мовно-мовленнєвому етапі самоорганізації наукового агротехнічного дискурсу – використання елементів логічної експресії, а саме персоніфікації, епітету, метафори, а також авторського неологізму.

У наданому нами прикладі опозиція між вимогами атрактора й репелера неявно виражена, оскільки цей фрагмент має довідковий характер.

Таким чином, головна мета англomовного наукового агротехнічного дискурсу – прагнення акумулювати і передавати нове знання, описати чи пояснити теорію, предмет або явище – потребує залучення синергетичної природи стилю для своєї реалізації. Саморозвитку наукового агротехнічного дискурсу сприяє опозиція між вимогами атрактора й репелера. Це продемонстровано на першому прикладі: нові знання конкурують зі старою відомою інформацією. Старі знання, які виражені використаними автором елементами інтертекстуальності, у цьому прикладі недостатні для висвітлення нових ідей. У цьому випадку виникає прихована наукова полеміка, адресат прискіпливо вивчає нові докази того, що він намагається донести до адресанта.

Література

1. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособ. / И. В. Арнольд. – М. : Высш. шк., 1991. – 140 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 605 с.
3. Герман И. А. Лингвосинергетика / И. А. Герман. – Барнаул: Алтайская акад. экономики и права, 2000. – 188 с.
4. Гусев С. С. Наука и метафора / С. С. Гусев. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. – 152 с.
5. Домброван Т. И. Синергетическая модель развития английского языка: монография / Т. И. Домброван. – Одесса : КП ОГТ, 2014. – 400 с.
6. Домброван Т. И. Язык в контексте синергетики: монография / Т. И. Домброван. – Одесса : КП ОГТ, 2013. – 346 с.
7. Єнікєєва С. М. Система словотвору сучасної англійської мови: синергетичний аспект (на матеріалі новоутворень кінця ХХ – початку ХХІ століть) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські

- мови» / С. М. Єнікєєва, Київський національний лінгвістичний ун-т. – К., 2011. – 35 с.
8. Карпусенко Н. В. Німецькомовний науково-лінгвістичний текст і дискурс: лінгвостилістичний та прагматичний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Н. В. Карпусенко; Харк. нац. ун-т імені В. Н. Каразіна. – Х., 2011. – 272 с.
 9. Келер Р. Синергетическая лингвистика: структура и динамика лексики [Электронный ресурс] / Райнхард Келер. – 2007. – 140 с. – Режим доступа : <http://ubt.opus.hbz-nrw.de/volltexte/2007/413/pdf/synling.pdf>.
 10. Котюрова М. П. Стилистика научного текста : учеб. пособ. [для студентов учреждений высших профессиональных образований] / М. П. Котюрова. – М. : Издательский центр «Академия», 2010. – 240 с.
 11. Пиотровский Р. Г. Инновационная перестройка в филологическом образовании / Р. Г. Пиотровский // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск : Смоленский госуниверситет, 2008. – № 1. – С. 68–79.
 12. Пихтовникова Л. С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений: монография / Л. С. Пихтовникова. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. – 180 с.
 13. Пільгуй Н. М. Англomовний науковий агротехнічний дискурс: лінгвостилістичний та прагматичний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Н. М. Пільгуй; Запорізький. нац. ун-т. – Запоріжжя, 2014. – 238 с.
 14. Пільгуй (Колесник) Н. М. Мовленнева реалізація стильових рис агротехнічного дискурсу / Н. М. Пільгуй (Колесник) // Актуальні проблеми філології: мовознавство, перекладознавство, методика викладання філологічних дисциплін : І міжвуз. наук. конф., 28–29 травня 2010 р. : тези доп. – Маріуполь : ПГТУ, 2010. – С. 76–80.
 15. Піхтовнікова Л. С. Дискурс притчі у синергетичному аспекті / Л. С. Піхтовнікова, І. М. Яремчук // Наукові записки. Серія «Філологічна». – Острог: Національний університет «Острозька академія», 2012. – Вип. 26. – С. 266–270.
 16. Піхтовнікова Л. С. Синергія стилю байки: німецька віршована байка 13–20 ст. : монографія / Л. С. Піхтовнікова. – Х. : Бізнес Інформ. – 1999. – 20 с.
 17. Піхтовнікова Л. С. Прагматилістика і лінгвопоетика малих форм та синергетика дискурсу (один із напрямів Харківської лінгвістичної школи, германські мови) / Л. С. Піхтовнікова // Актуальні проблеми філології: мовознавство, перекладознавство, методика викладання філологічних дисциплін : І міжвуз. наук. конф., 28–29 травня 2010 р. : тези доп. – Маріуполь : ПГТУ, 2010. – С. 14–18.
 18. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.
 19. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2006. – 716 с.
 20. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2008. – 712 с.
 21. Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен; под ред. Ю. Л. Климонтовича и С. М. Осовцева. – М. : Мир, 1980. – 404 с.

22. Храменко Д. С. Модификация параметров порядка прагма-семантической системы как тенденция в развитии современной англоязычной бизнес-коммуникации [Электронный ресурс] / Д. С. Храменко // Гуманитарный вектор. Серия : Филология, Востоковедение. – М., 2013. – № 4 (36). – С. 116–120. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/modifikatsiya-parametrov-poryadka-pragma-semanticheskoy-sistemykak-tendentsiya-v-razvitii-sovremennoy-angloyazychnoy-biznes>.
23. Шишліна О. П. Слововірний потенціал іменників-термінів рослинництва в сучасній німецькій мові (структурно-семантичний і когнітивний аспекти) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О. П. Шишліна; Харківський нац. ун-т імені В. Н. Каразіна. – Х., 2010. – 20 с.
24. Cuadrado G. META-CITEC: A cognitive semantic database of conceptual metaphor in Science and Technology [Electronic resource] / G. Cuadrado, M. Duque, P. Durán // Proceedings of the BAAL Annual Conference 2007. – London, UK: Scitsiugnil Press. – P. 21–24. – Way of access : http://www.baal.org.uk/proc07/05_georgina_cuadrado_esclapez.pdf.
25. Cuadrado G. Semantic Hierarchy of Terminological Metaphors in Science and Technology [Electronic resource] / Georgina Cuadrado, Pilar Durán // International Journal of English Linguistics – Canada : Canadian Center of Science and Education, 2013. – Vol. 3, No. 4. – P. 1–14. – Way of access : www.ccsenet.org/ijel.
26. Cuadrado G. A cognitive semantic analysis of metaphor in conceptualizing Particle Physics [Electronic resource] / G. Cuadrado, J. Berge // Annual Review of Cognitive Linguistics. – Spain : John Benjamins Publishing Company, 2005. – Vol. 3. – P. 165–181. – Way of access : <http://connection.ebscohost.com/c/articles/18702482/cognitive-semantic-analysis-metaphor-conceptualising-particle-physics>.
27. Dombrovan T. Linguistic Synergetics: A hopeful look towards future / T. Dombrovan // European Science and Technology : 3rd International research and practice conference, 30–31 October, 2012. – Munich : Office Vela Verlag Waldkraiburg, 2012. – Vol. II. – P. 116–118.
28. Dombrovan T. Linguosynergetics: Language as a Synergetic System / T. Dombrovan // European and Russian Literature: Modern Problems of Study : Monograph Series № 2; ed. by M. Asper. – Stuttgart: ORT Publishing, 2013. – Vol. 2. – P. 44–55.
29. Haken H. Information and Self-organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems / Hermann Haken. – 2nd enlarged ed. – (Springer Series in Synergetics) – Berlin : Spriger-Verlag, 2000. – 226 p.
30. Lakoff G. Conceptual Metaphor in Everyday Language / G. Lakoff, M. Johnson // The Journal of philosophy. – N.Y. : The Journal of philosophy Inc., 1980. – Vol. 77. – № 8. – P. 453–486.
31. Lakoff G. Metaphors we live by / George Lakoff, Mark Johnson. – London : University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
32. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / George Lakoff, Mark Johnson // Metaphor and Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.
33. Pichtownikowa L. Synergie des Fabelstils: Die deutsche Versfabel vom 13.–21. Jahrhundert / L. Pichtownikowa. – Aachen: Shaker Verlag, 2008. – 322 S.

3.6. Специфічні екстралінгвальні фактори реалізації англомовних передвибірчих політичних дебатів у синергетичному аспекті

Богатирьова Є. В.

За сучасного трактування дискурс постає як система, здатна взаємодіяти із чинниками нелінійного середовища. Тобто визнається, що дискурс має в своїй основі синергетичну парадигму, «в межах якої об'єктом дослідження стають складні відкриті нелінійні системи різного походження» [Домброван 2011: 53]. Здатність таких систем пристосовуватися до середовища постає як процес їх самоорганізації [Фролова 2009: 44], або саморегуляції [Келер 2007]. Синергетика вивчає принципи самоорганізації систем, що виникають еволюційним шляхом, здатні адекватно реагувати на зовнішні зміни, впливи, змінюючи самостійно свої параметри, структуру, функції і тим самим зберігаючи себе [Піхтовнікова 2012 (б): 266]. Опис статичних та динамічних характеристик мовно-мовленневих структур за допомогою методів синергетики вже давно визнано актуальним та необхідним [Pichtownikowa 2011: 155].

Як зазначає Л. С. Піхтовнікова, система, яка самоорганізується (наприклад, дискурс), складається як мінімум з двох ієрархічних підсистем, здатних моделювати стан одна одної, а також стан системного оточення. У якості таких підсистем у процесі творення дискурсу виступають, з одного боку, система атракторів (всі цілі дискурсу, які «притягають» і спрямовують усі процеси організації і відбору в системі – «інтенції комунікантів, автора тексту, екстралінгвістичні умови та ін.» [Піхтовнікова 2010: 14]) та репелерів (елементи, які відштовхують при відборі та організації все, що не вкладається в норми – «норми, традиції, мовні конвенції і т. ін.» [там само]), і, з іншого боку, автор, який є одночасно і творчим конструктором дискурсу, і «знаряддям» атракторів і репелерів, які виникли до нього і незалежно від нього [Піхтовнікова 2005: 35].

Атрактор та репелер задають протилежні напрямки розвитку дискурсу: склад репелера сприяє створенню стійкої форми дискурсу, а склад атрактора – надає формі та змісту гнучкості та динамізму [Домброван 2013: 73]. Варто зауважити, що атрактори позначають як цілі та інтенції автора, так і стратегії їх реалізації за допомогою мовних засобів, тобто є важливим інструментом формування прагмастилістичних характеристик певного різновиду дискурсу [Піхтовнікова 2012 (а): 4].

Як будь-яка синергетична система, дискурс характеризується відкритістю, завдяки якій «зовнішні (позалінгвальні) фактори впливають на процес розгортання» [Dombrovan 2012: 117]. Описуючи роль екстралінгвальних факторів у еволюції мови, Т. І. Домброван вказує, що

зовнішнє середовище виступає у якості невичерпного джерела впливу на систему мови та є одним з найважливіших параметрів, що визначають її зміну [Домброван 2014: 287]. Можна із впевненістю стверджувати, що сказане є справедливим й по відношенню до дискурсу, який не просто тісно взаємодіє із екстралінгвальними чинниками, а нерозривно пов'язаний з ними.

У цій роботі ми зосередимося на специфічних екстралінгвальних факторах, що є характерними виключно для сучасних передвиборчих політичних дебатів США та Великої Британії. Передвиборчі політичні дебати як інституційний дискурс функціонують в «особливо тісній єдності з екстралінгвальними факторами» [Голубева 2009: 10].

До основних параметрів порядку, сформованих екстралінгвальними чинниками реалізації двох вказаних різновидів передвиборчого політичного дискурсу, належать застосування телебачення як каналу зв'язку та регламент як основний зовнішній організаційний механізм.

1. Реалізація за допомогою телебачення.

Англомовні передвиборчі політичні дебати, які є об'єктом цього дослідження, здійснюються за посередництвом телебачення, що є в цілому притаманним процесу політичної комунікації, який у сучасних демократичних суспільствах майже весь реалізується через засоби масової інформації [Фоменко 1998: 12]. Реалізація за допомогою телебачення надала англомовним передвиборчим політичним дебатам тієї ваги, що вони мають: можливість трансляції для широкої аудиторії зробили їх одним із вирішальних чинників, що визначають результативність виборчої кампанії у США, та вагомим важелем політичної боротьби у Великій Британії.

Застосування телебачення у якості каналу зв'язку здійснює значний вплив на адресатні параметри об'єкта дослідження. Воно визначає такі додаткові (підпорядковані реалізації за допомогою телебачення) параметри порядку англомовних передвиборчих політичних дебатів, як *широке соціально-демографічне, соціально-професійне, соціокультурне та етнокультурне розмаїття аудиторії*. У цьому випадку йдеться про аудиторію, в якій за вказаними параметрами можна вирізнити найрізноманітніші ознаки. Такий багатогранний характер масового адресата змушує політиків підлаштовувати склад мовленнєвих стратегій і тактик, змістового та стилістичного параметру промов під смаки, погляди та очікування численних верств населення.

Відповідно, формується система атракторів, до якої входять:

– теми, в яких зацікавлене максимально широке коло представників різних соціально-демографічних, соціально-професійних, со-

ціокультурних та етнокультурних верств населення;

- дискурсивні стратегії та тактики, здатні успішно здійснювати належний комунікативний вплив на максимально широке коло слухачів;
- стилістичні параметри мовлення, які здатні сприйматися більшою частиною неодноманітної аудиторії як такі, що відповідають умовам комунікативної події та підвищують виразність висловлень.

До репелерів, у цьому випадку, відповідно, належать:

- теми, які не представляють інтересу для широкого кола слухачів, або такі, які небажано застосовувати, зважаючи на погляди, вірування, систему цінностей того чи іншого соціально-демографічного, соціально-професійного, соціокультурного або етнокультурного сегменту аудиторії;
- дискурсивні стратегії та тактики, здатність яких успішно здійснювати належний комунікативний вплив на максимально широке коло слухачів є сумнівною;
- стилістичні параметри мовлення, що не відповідають уявленню великого сегменту аудиторії про релевантність стосовно комунікативної події або мають низький виразний потенціал у сприйнятті більшості слухачів.

2. Вплив регламенту.

Передвиборчі політичні дебати є жорстко організованим дискурсом, на який великий вплив здійснює регламент [Рублева 2006: 4]. У цьому випадку під регламентом розуміють регуляторні механізми проведення політичної теледискусії: тематична обмеженість та дотримання процесуальних норм ведення діалогу [там само: 14]. Відповідно, основними параметрами порядку, функціонування яких обумовлено регламентом, є тематична та формальна організація.

2.1. Тематична організація.

Тематична організація передвиборчих дебатів, окрім, власне, змістового наповнення, впливає на таку ознаку комунікації, як змістова підготовленість / спонтанність мовлення.

Що стосується змістового наповнення, то регламентом зумовлена реалізація таких тем, як «Зовнішня політика та національна безпека» й «Економіка та внутрішня політика» – у передвиборчих політичних дебатах США [Democratic Party presidential debates 2008]; «Внутрішня політика», «Зовнішня політика» й «Економіка» – у передвиборчих політичних дебатах Великої Британії [United Kingdom general election debates 2010]. У обох проаналізованих зразках передвиборчих дебатів наявний також тематично вільний блок (приблизно 1/3 тривалості – для

дебатів США та 1/2 – для дебатів Великої Британії). Окрім того, зміст мікротем, співвіднесних з «мінімальною тематизованою одиницею дискурсу – висловленням» [Кудоярова 2009: 104], не регулюється регламентом, а зумовлюється ходом розмови (окрім випадків безпосередньої відповіді на питання).

Питання щодо того, який з проаналізованих зразків передвиборчих політичних дебатів характеризується більшою змістовою спонтанністю мовлення, не має однозначної відповіді. З одного боку, більша представленість тематично вільного блоку передвиборчих дебатів Великої Британії знижує ймовірність застосування учасниками заздалегідь підготовлених дискурсивних фрагментів. З іншого боку, для британських учасників така можливість збільшується завдяки тому, що їм заздалегідь відомі питання аудиторії [United Kingdom general election debates 2010]. Регламент дебатів США не передбачає ознайомлення політиків із задаваними питаннями [Democratic Party presidential debates 2004; Democratic Party presidential debates 2008].

Загалом, для досліджених зразків передвиборчих політичних дебатів характерна часткова регламентованість макротем та низький ступінь регламентованості мікротем; у мовленні політиків наявні як підготовлені, так і спонтанно продуковані фрагменти.

Отже, тематична організація як параметр порядку, який впливає на дискурсивні ознаки мовлення політиків, лежить в основі таких атракторів:

- релевантність стосовно тем «Зовнішня політика та національна безпека» або «Економіка та внутрішня політика» (для передвиборчих політичних дебатів США);

- відповідність темам «Внутрішня політика», «Зовнішня політика» або «Економіка» (для передвиборчих політичних дебатів Великої Британії);

- релевантність відносно питань, які ставляться членами аудиторії.

У якості репелерів виступають:

- невідповідність змістового наповнення темам «Зовнішня політика та національна безпека» або «Економіка та внутрішня політика» (для передвиборчих політичних дебатів США);

- відхід від тем «Внутрішня політика», «Зовнішня політика» або «Економіка» (для передвиборчих політичних дебатів Великої Британії);

- нерелевантність відносно питань, що задані слухачами.

2.2. Формальна організація.

Формальна організація регулює такі екстралінгвальні ознаки передвиборчих політичних дебатів, як форма дискурсу, тривалість та порядок зміни комунікативних ходів та правила стосовно взаємодії

носин учасників англомовних передвиборчих політичних дебатів. Усі ці ознаки формують потужні параметри порядку.

Що стосується *форми дискурсу*, то специфіка передвиборчих дебатів, за якої в них поєднуються риси монологічності та діалогічності, зазначена вище. У питанні *порядку зміни адресанта* проаналізовані зразки англомовних передвиборчих політичних дебатів демонструють незначні відмінності. Універсальними рисами є дотримання процесуальних норм ведення діалогу, переважно зовнішньо регулована зміна комунікативних ходів. Втім, зміна комунікативних ходів у передвиборчих політичних дебатах Великої Британії є дещо більш спонтанною завдяки тому, що порядок зміни адресанта за наявності трьох основних комунікантів є менш передбачуваним, ніж за наявності двох ключових мовців.

Тривалість окремих комунікативних ходів не підлягає значним коливанням та складає в середньому 28 секунд для британських дебатів, та 40 секунд – для дебатів США. Достатньо висока тривалість комунікативного ходу дозволяє наситити мовлення складними синтактико-стилістичними прийомами та тими прийомами мовленнєвого маніпулювання, які не можуть реалізуватися на малих фрагментах дискурсу.

У середньому, кожна мікротема реалізується в межах 8–9 комунікативних ходів. Цей параметр формує притаманну багатьом зразкам передвиборчих політичних дебатів специфіку, яка передбачає, що «оскільки темпоральні рамки виголошення промови є суворо обмеженими, важливим завданням політичного лідера є прагнення до максимально повної реалізації своїх комунікативних цілей в умовах жорсткого ліміту часу» [Комисарова 2008: 13]. Це, знову ж таки, зменшує змістову спонтанність мовлення, оскільки відхід від заданої мікротеми є невідповідним для політиків в умовах обмеженого часу на її розкриття.

Правила стосовно *взаємовідносин учасників англомовних передвиборчих політичних дебатів* передбачають, що основними учасниками стереотипної комунікативної ситуації передвиборчих політичних дебатів США є два респонденти-політики та журналіст-модератор. Залежно від формату конкретних дебатів, у ролі активного учасника може виступати також глядацька аудиторія [United States presidential election]. Активними комунікантами британських дебатів виступають політики, модератор та присутні в студії глядачі (для кожних дебатів), які безпосередньо задають питання представникам політичних партій [United Kingdom general election debates 2010].

Інституціоналізовані конвенції управління, визначена дистрибуція мовленнєвого часу зумовлюють домінуючу мовленнєву поведінку журналіста <...> при спрямуванні ходу розмови [Ущина 2003: 11], що характерно для обох національномовних різновидів передвиборчих

політичних дебатів, які розглядаються у дослідженні. В обох проаналізованих зразках дискурсу із ряду функціональних варіантів ролі журналіста-ведучого актуалізована роль «рефері», тобто «особи, що контролює хід комунікації в дискусії, в якій беруть участь комуніканти з протилежними точками зору» [Рублева 2006: 14]. Окрім безпосередніх учасників комунікативної ситуації, у процесі розгортання передвиборчих дебатів, що досліджуються, опосередковано бере участь згаданий вище «масовий реципієнт, на якого, власне, і розрахований мовленнєвий вплив мовців-політиків» [Ущина 2003: 12].

Як згадувалося вище, на відміну від багатьох інших типів політичної теледискусії, у яких значний вплив на формування дискурсу здійснюють особистість ведучого та характер присутньої у студії аудиторії [Рублева 2006: 5], мовленнєва діяльність ключових комунікантів передвиборчих дебатів швидше знаходиться під впливом масового адресата. Це пояснюється як низьким ступенем взаємодії політиків з аудиторією та модератором, так і націленістю мовців на успішну реалізацію персуазивної стратегії щодо якнайбільшої кількості слухачів. Отже, змістові, прагматичні та стилістичні характеристики дискурсу пристосовуються мовцями до вимог масового адресата.

Відповідно, формальна організація англомовних передвиборчих політичних дебатів зумовлює наявність у них таких атракторів:

- дотримання процесуальних норм ведення діалогу;
- прагнення до максимально повної реалізації своїх комунікативних цілей в умовах жорсткого ліміту часу;
- дотримання принципу, відповідно до якого домінують мовленнєва поведінка при спримуванні ходу розмови належить журналісту-модератору.

До репелерів належать:

- порушення процесуальних норм ведення діалогу;
- відхід від заданої мікротеми;
- ігнорування комунікативних ініціатив ведучого дебатів.

Таким чином, такі специфічні екстралінгвальні ознаки реалізації англомовних передвиборчих політичних дебатів, як регламент та застосування телебачення як каналу зв'язку впливають як на змістові, так і на прагматичні характеристики англомовних передвиборчих політичних дебатів, зокрема, на склад використаних мовцями елементів стратегічної складової дискурсу та на характер застосованих мовно-стилістичних засобів виразності. Вказані ознаки виступають як глобальні параметри порядку, сформовані на основі екстралінгвального компоненту системи передвиборчих політичних дебатів, з яких виводяться підрядні параметри, а також низка атракторів і репелерів.

Література

1. Democratic Party presidential debates 2004 [Electronic resource]. – Way of access : http://en.wikipedia.org/wiki/United_States_presidential_election_debates,_2004#Format. – Title from the screen.
2. Democratic Party presidential debates 2008 [Electronic resource]. – Way of access : http://en.wikipedia.org/wiki/Presidential_debates_2008#Format. – Title from the screen.
3. Dombrovan T. Linguistic Synergetics: A hopeful look towards future / T. Dombrovan // European Science and Technology : 3rd International research and practice conference, 30-31 October, 2012. – Munich : Office Vela Verlag Waldkraiburg, 2012. – Vol. II. – P. 116–118.
4. Pichtownikowa L. Synergetische Methode bei der Stiluntersuchung in Diachronie (anhand von Fabeltexten) / L. Pichtownikowa // Wort – Bedeutung, Sinn und Wirkung. Festschrift für Prof. Dr. habil. Oleksij Prokopczuk zum 70. Geburtstag; Herausgegeben von Mariola Smolinska. – Slupsk, 2011. – S. 155–165.
5. United Kingdom general election debates 2010 [Electronic resource]. – Way of access : http://en.wikipedia.org/wiki/United_Kingdom_general_election_debates,_2010. – Title from the screen.
6. United States presidential election [Electronic resource]. – Way of access : http://en.wikipedia.org/wiki/United_States_presidential_election_debates. – Title from the screen.
7. Голубева Т. М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе: на материале американского варианта английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. М. Голубева. – Нижний Новгород, 2009. – 174 с.
8. Домброван Т. И. Синергетическая модель развития английского языка : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Т. И. Домброван. – Одесса, 2013. – 462 с.
9. Домброван Т. И. Синергетическая модель развития языка : монография / Т. И. Домброван. – Одесса : КП ОГТ, 2014. – 400 с.
10. Домброван Т. І. Актуалізація синергетичного підходу в сучасних лінгвістичних дослідженнях / Т. І. Домброван // Записки з романо-германської філології. – Одеса : Фенікс, 2011. – Вип. 26. – С. 51–58.
11. Келер Р. Синергетическая лингвистика: структура и динамика лексики [Электронный ресурс] / Райнхард Келер. – 2007. – 140 с. – Режим доступа : <http://ubt.opus.hbz-nrw.de/volltexte/2007/413/pdf/synling.pdf>.
12. Комисарова Т. С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе: на материале речей Г. Шрёдера : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т. С. Комисарова. – Воронеж, 2008. – 22 с.
13. Кудоярова О. В. Мотиви і цілі конфлікту в спілкуванні англомовних медиків / О. В. Кудоярова // Вісник Житомир. держ. ун-ту ім. Івана Франка. – 2009. – № 45. – С. 104–109.
14. Пихтовникова Л. С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений : монография / Л. С. Пихтовникова. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012 (а). – 180 с.
15. Піхтовнікова Л. С. Дискурс притчі у синергетичному аспекті / Л. С. Піхтовнікова, І. М. Яремчук // Наукові записки. Сер. : Філологічна. – Острог : Національний університет «Острозька академія», 2012 (б). – Вип. 26. – С. 266–270.

16. Піхтовнікова Л. С. Прагмастилістика і лінгвопоетика малих форм та синергетика дискурсу (один із напрямів Харківської лінгвістичної школи, германські мови) / Л. С. Піхтовнікова // Актуальні проблеми філології: мовознавство, перекладознавство, методика викладання філологічних дисциплін : І міжвуз. наук. конф., 28–29 травня 2010 р. : тези доп. – Маріуполь : ПДТУ, 2010. – С. 14–18.
17. Піхтовнікова Л. С. Стилістика і синергетика дискурсу / Л. С. Піхтовнікова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : кол. Монографія / за заг. ред. І. С. Шевченко. – Х. : Константа, 2005. – С. 29–35.
18. Рублева Е. В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискусии : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Германские языки» / Е. В. Рублева. – М., 2006. – 24 с.
19. Ущина В. А. Соціолінгвістична категорія домінантності та її реалізація в англomовному політичному дискурсі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / В. А. Ущина. – К., 2003. – 19 с.
20. Фоменко О. С. Політичний дискурс демократичного суспільства / О. С. Фоменко // Вісник Київського університету. Іноземна філологія. – 1998. – Вип. 27. – С. 10–12.
21. Фролова І. Є. Стратегія конфронтації в англomовному дискурсі : монографія / І. Є. Фролова – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2009. – 344 с.

3.7. Лінгвосинергетичні характеристики німецькомовної новели (діахронічний аспект)

Чередниченко В.П.

Художній текст є складною системою, що містить в собі низку різноманітних смислів. Це дозволяє розглядати текст як складну синергетичну систему, що складається з багатьох взаємодіючих елементів, які володіють потенціалом розвитку і непередбачуваною поведінкою. В результаті взаємодії елементів такої системи виникають процеси, що приводять до самоорганізації системи.

Спочатку термін «синергетика» призначався для дослідження самоорганізації фізико-хімічних явищ [Хакен 1991], проте згодом термінологічну базу синергетики як науки почали перебирати на себе й інші наукові галузі, зокрема лінгвістика [Аршинов 1994, 1997; Ейгер 1992; Пиотровский 1996; Піхтовнікова 1999]. Подальші синергетичні пошуки активізувалися з початку нового століття. У коло наукових інтересів потрапили лінгвосинергетичні дослідження мови [Герман 2000; Домброван 2012, 2013, 2013, 2014; Єнікеєва 2011; Милостивая 2012; Пономаренко 2010; Семенець 2005; Köhler 2005], когнітивно-синергетичні розробки [Алефиренко 2009; Бронник 2010, 2012], вивчення синергетики

тексту і дискурсу [Белоусов 2013; Москальчук 2003; Олизько 2009; Папулова 2014; Словицова 2012]. У вітчизняній філології значний внесок у дослідження самоорганізації дискурсу взагалі та самоорганізації байки зокрема, було зроблено Л. С. Піхтовніковою [Піхтовнікова 2000, 2005, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013].

При синергетичному підході текст розглядають як живий організм, що володіє своєю енергією. Синергетика як наука, що вивчає природні явища і процеси самоорганізації в живих системах, дозволяє дослідити становлення та розвиток тексту як живої системи. Необхідні фактори, що беруть участь у процесі самоорганізації та саморегуляції такої системи, було визначено та використано Л. С. Піхтовніковою для дослідження еволюції німецької байки. До таких факторів Л. С. Піхтовнікова відносить:

- суперечливість системи;
- нелінійність / нерівноважність системи;
- ієрархічність системи;
- здатність рівнів моделювати один одного та середовище;
- відкритість системи;
- дисипативність системи [Піхтовнікова 1999: 13; Піхтовнікова 2012: 10–11].

Зазначені фактори ми беремо за основу у нашому дослідженні німецькомовної новели як типу тексту і дискурсу, доповнюючи їх спонтанністю, емерджентністю та фрактальністю.

Конфлікт, закладений в тексті новели, сприяє створенню певного типу протиставлення залежно від типу конфлікту: між персонажами, між персонажем і оточенням, внутрішній, психологічний конфлікт. Це, у свою чергу, призводить до суперечливості думок, слів, вчинків, дій та поглядів учасників конфлікту. Об'єднання в єдине гармонійне ціле таких опозиційних домінант, закладених в сюжеті, дозволяє правильно інтерпретувати текст і забезпечує реалізацію текстової категорії інформативності та фактору суперечливості.

Теорія самоорганізації будується на протиставленні «порядок – хаос», що, в свою чергу, реалізує фактор нелінійності. В німецькомовній новелі фактор нелінійності насамперед забезпечується рамковою конструкцією. Рамкова конструкція є саме тим компонентом тексту, що відображає сюжетну та композиційну нелінійність тексту. Чергування категорій проспекції (направленості інформації уперед) та ретроспекції (направленості інформації назад) призводить до виникнення ефекту часової та просторової діахронії та унеможливорює лінійний розвиток тексту як системи.

В силу своєї іманентної нелінійності і нестійкості текстовий простір інтерпретується як непередбачуваний, тобто такий, що завжди здатний

генерувати безліч смислів, які переплітаються між собою і створюють нові. Багатоваріантність шляхів розвитку та можливість вибору серед альтернатив роблять текст нелінійним. Нерівноважний стан системи також є необхідною умовою самоорганізації і полягає в тому, що малі зміни її стану призводять до значних трансформацій її будови і поведінки, оскільки саморозвиток складної системи можливий лише при її станах, далеких від стійкості (у стані рівноваги немає жодного розвитку). Відхилення від системи приводять її у нестійкий стан, у так звані точки біфуркації, в яких відбувається вибір одного з подальших шляхів розвитку системи. Точки біфуркації є початком відліку для неминучого переходу самоорганізуючої системи до нової рівноваги [Пихтовникова 2012: 12]. Навмисний оповідний хаос нелінійного дискурсу новели впорядковується і набуває здатності до самоорганізації ще й завдяки фігурі автора / оповідача.

Фактор ієрархічності німецькомовної новели як самоорганізуючої системи закладено насамперед текстовими компонентами, що містяться на різних рівнях композиції. Так, елементи зовнішньої будови новели як типу тексту та дискурсу, її архітектонічні одиниці оформлюють формальний рівень; система архітектоніко-мовленнєвих та композиційно-мовленнєвих форм, види мовлення та стильові риси складають формально-змістовий рівень композиції тексту; сюжет, мотиви, ідейний зміст формують змістовий рівень; узагальнені художні образи-символи проявляються на образно-символічному рівні композиції. Таким чином, проявляється певне розшарування тексту: формальний рівень є певним підґрунтям для формально-змістового, формально-змістовий – для змістового, змістовий – для образно-символічного.

Композиція являє собою ієрархічну структуру. Рівні композиції, немов цеглини, стоять один на одному, що сприяє реалізації категорії системності в тексті – підпорядкованості локальних і глобальних засобів досягнення єдиної мети – та відображає принцип кругової причинності в явищах самоорганізації, взаємну обумовленість поведінки елементів сусідніх рівнів. Здатність кожного рівня знаходитися у стані відносної рівноваги визначається параметром порядку, під яким розуміють найбільш динамічну нестійку характеристику системи, котра, змінюючись, підпорядковує собі весь режим системи [Піхтовникова 1999: 13].

Порядок в системі виникає навколо атракторів – елементів системи, що допомагають створювати та підтримувати стійкий стан системи. До таких елементів можна віднести авторські інтенції та засоби їх реалізації: композиційну будову тексту, систему стилістичних засобів, ідейно-образний зміст тощо. Вони виступають зонами притягіння, що спрямовують усі процеси організації і добору в системі. У свою чергу, своєрідними антиатракторами виступають репеллери – обмеження, які

відштовхують при доборі й організації елементів дискурсу все, що не вкладається в норми [Пихтовникова 2012: 131]. Такими репеллерами можуть виступати різноманітні жанрові, текстові та екстралінгвістичні чинники.

При створенні дискурсу відбувається конкурентна взаємодія змісту атрактора та репелера. Маючи загальну мету – створення дискурсу, атрактор і репелер задають протилежні напрямки його розвитку: зміст репелера намагається створити стійку форму дискурсу, а зміст атрактора – надати формі і змісту гнучкість та динамізм [Пихтовникова 2012: 27].

Фактори відкритості та дисипативності передбачають взаємодію системи з оточенням. Саме вони дозволяють еволюціонувати від простого до складного, оскільки кожний ієрархічний рівень може розвиватися та ускладнюватися лише завдяки обміну енергією, інформацією з іншими рівнями та оточуючим середовищем. Автор тексту надає адресату завершений продукт у вигляді тексту, розраховуючи на те, що адресат побачить в ньому саме його, авторську систему цінностей. Проте адресат неминуче сприймає і декодує подану інформацію, спираючись на свій життєвий досвід та світогляд. Таке розмаїття точок зору на такий здавалося б закінчений продукт, яким виступає текст, сприяє реалізації фактору відкритості, що передбачає безліч різноманітних інтерпретацій і тим самим переводить текст у сферу явищ, відкритих для зовнішнього середовища: читачу, а також інтертекстуальному і культурному простору. У цьому випадку також можемо говорити про категорію прагматичної спрямованості – спонукання та залучення адресата до своєї діяльності, обмін інформацією з яким підкреслює дисипативність системи.

Поведінка елементів підсистем і системи в цілому головним чином характеризується спонтанністю, оскільки акти поведінки не є строго детермінованими. Приховані в дискурсі німецькомовної новели можливості спонтанності, що характеризуються випадковим і непередбачуваним виходом за рамки передбачуваних законів стану, пов'язані насамперед з вживанням в тексті новел пуанту – несподіваного, неочікуваного повороту сюжету. Це сприяє виникненню флуктуацій (випадкових хаотичних коливань), котрі, посилюючись, можуть так впливати на систему, що вона наближується до точки біфуркації – переломному моменту у виборі подальшого шляху розуміння тексту.

У новелі як типі тексту і типі дискурсу кожне слово набуває особливої цінності і значущості. Перетворюючись на своєрідне слово-символ, воно набуває додаткові конотації, що актуалізуються у певному контексті. Поєднуючись в текст, слова породжують загальний зміст, який не можна звести до безлічі смислів, окремо закладених в еле-

ментах тексту. Цей процес відображає таку властивість синергетичної системи, як емерджентність, та реалізує текстову категорію когерентності (змістової зв'язності тексту).

Новела як тип тексту володіє ще й такою властивістю, як фрактальність. Під фракталом розуміють «зародок» – алгоритм розвитку, носія спадкової інформації про систему. Інформація, закладена в «зародку», включає в себе усі можливі шляхи, траєкторії, способи розвитку системи – всю її фрактальну еволюцію [Войцехович 2006]. Текст є фрактальним в силу того, що смисл слів, з якого він складається, може включати в себе зміст усього тексту, узагальнювати або містити в собі схему майбутнього розвитку сюжету [Олизько 2009: 89]. Тож кожне слово є своєрідним актуалізованим фракталом, тобто готує шляхи інтерпретації наступних слів і тим самим детермінує процес сприйняття тексту.

Як бачимо, усі вищезазначені фактори, що представляють текст як живу систему, здатність цієї системи та її рівнів до моделювання один одного і середовища ще раз підкреслюють тенденцію до самоорганізації, що проявляється в індивідуальній та колективній взаємодії підсистем та їх об'єктів, а також у впливі зовнішнього оточення, в яке «занурена» система. Це, в свою чергу, неминуче призводить до реконструкції, поглиблення і розширення змістового потенціалу тексту, що ще раз підкреслює його здатність до самоорганізації.

Таким чином, німецькомовна новела як тип тексту і тип дискурсу є складною ієрархічною, нелінійною, відкритою, емерджентною та фрактальною системою. Її синергетичні властивості проявляються у ході прочитання та інтерпретації тексту, що сприяє процесу самоорганізації тексту новели як синергетичної системи.

В рамках синергетичного підходу стає можливим виокремлення еволюційно-стилістичних моделей німецькомовної новели. Ідея виведення такої класифікації належить Л. С. Піхтовніковій, яка прослідкувала еволюцію німецької віршованої байки і вивела її еволюційно-стилістичні моделі [Піхтовнікова 1999].

Спираючись на методику Л. С. Піхтовнікової, за критерії дослідження ми беремо низку атракторів і репелерів. Загалом стратегія дослідження еволюції німецькомовної новели поетапно реалізується у такій послідовності:

I етап: розгляд тематичних атракторів, що включають в себе ідейний зміст тексту, тип сюжету і конфлікту.

II етап: вивчення стильових атракторів, а саме: видів мовлення, типу оповідача, реалізації авторських стратегій.

III етап: дослідження стильових прийомів: виокремлення авторських стилетвірних факторів моделювання тексту.

IV етап: виокремлення стильових рис (репеллерів): вивчення системи стильових ознак, які формують той чи інший тип тексту.

Враховуючи історичний та соціальний аспекти, пропонуємо таку періодизацію еволюції стилю німецькомовної новели:

1. Еволюція стилю німецькомовної новели першої половини XIX сторіччя. Виникнення новели припадає на кінець VIII сторіччя. Основоположником типу тексту німецькомовної новели був Людвіг Тік, який у 1797 році написав новелу «Білявий Екберт». Подальший розвиток німецькомовної новели пов'язаний з творчістю Йогана Вольфганга фон Гете, Клеменса Брентано, Адальберта фон Шаміссо, Генріха Кляйста, Е. Т. А. Гофмана, Георга Бюхнера та ін.

2. Еволюція стилю німецькомовної новели другої половини XIX сторіччя. Формування типу тексту новели продовжується завдяки творчим пошукам Едуарда Мьоріке, Адальберта Штіфтера, Конрада Фердінанда Мейера, Вільгельма Раабе та ін.

3. Еволюція стилю німецькомовної новели XX сторіччя. Цей період пов'язаний з діяльністю Томаса Мана, Роберта Музіля, Франца Кафки, Артура Шніцлера, Штефана Цвейга, Гюнтера Грасса, Мартіна Вальзера та ін.

Тематичні атрактори, що включають в себе ідейну, сюжетну і конфліктну складову, змінюються відповідно до історичного та соціального розвитку суспільства. Так, для новел першої половини XIX сторіччя є характерним відтворення філософських істин, утвердження моралі, акцентується увага на всевладді випадковості і збігу обставин. Деякі новели побудовані на фантастичному сюжеті. Новели другої половини XIX сторіччя як правило описують життя однієї людини, певною мірою пропагують культ сім'ї, дому. Для новел цього періоду характерне зображення реальних подій, побутописання. Новели XX сторіччя спрямовані перш за все на передачу внутрішнього світу людини, його протиріч, що нерідко призводить до змішання реальності і сновидінь.

Новели першої половини XIX сторіччя відображають внутрішній, психологічний конфлікт, новели другої половини XIX сторіччя – протистояння особистості і оточення. Для новел XX сторіччя у рівній мірі характерні два зазначені типи конфлікту. Окрім того, у новелах XIX сторіччя, на відміну від новел XX сторіччя, часто зустрічається ще й конфлікт між персонажами. Новели XIX сторіччя побудовані на динамічному сюжеті і локальному конфлікті, новели XX сторіччя – на адинамічному сюжеті і субстанціальному конфлікті.

У новелах першої половини XIX сторіччя переважаючим стильовим атрактором є монологічне мовлення персонажів на тлі авторської мови, у новелах другої половини XIX сторіччя – діалогічне мовлення персонажів, у новелах XX сторіччя превалює використання міні-діалогів на фоні авторської мови, окрім того, значне місце відводиться вживанню

невласне-прямої мови. Для всіх новел є характерним ауторіальний оповідач, проте у новелах XIX сторіччя часто вводиться фігура персоніфікованого оповідача. Це певною мірою пояснює реалізацію авторських мовленнєвих стратегій, оскільки новели з персоніфікованим оповідачем обумовлюють стратегію суб'єктно-аналітичного наративу, тоді як для новел XX сторіччя є характерною стратегія об'єктно-аналітичного наративу.

До стильових прийомів створення тексту новели варто віднести символізм. Цікаво, що його використання в текстах новел припадає на першу половину XIX сторіччя і XX сторіччя, а новели другої половини XIX сторіччя позбавлені цієї стильової риси.

Також можна простежити трансформацію авторського мовлення: від суто аналітичного (у новелах першої половини XIX сторіччя) до вживання і аналітичного, і емоційного авторського мовлення (у новелах другої половини XIX сторіччя і новелах XX сторіччя). У новелах XX сторіччя взагалі можна спостерігати відсутність елементів авторського мовлення.

Зазнає змін і ступінь вираження моралі: від експліцитної (у новелах XIX сторіччя) до імпліцитної (у новелах XX сторіччя). Природно також, що експліцитна мораль обумовлює дидактизм у новелі.

У дискурсі німецькомовної новели спостерігається функціонування стильових рис, а саме: рамкової конструкції, контрастності, пуантованості. Оскільки присутність стильових рис обумовлена сталою традицією типу тексту новели, вони виступають своєрідними жанровими, а разом з тим, і текстовими обмеженнями, тобто репеллерами, для автора цього типу тексту.

Рамкова конструкція, яка часто зустрічається у новелах XIX сторіччя, поступово втрачає свою актуальність як необхідний компонент тексту, і у XX сторіччі вже можна спостерігати новели, позбавлені цього текстового елемента. Те саме відбувається і зі стильовою рисою контрастності. Якщо для новел початку XIX сторіччя є характерним контраст у розвитку образу персонажа, для новел другої половини XIX сторіччя – контраст образів персонажів, то у новелах XX сторіччя контраст як елемент композиційно-стилістичної структури майже відсутній. Лише пуантованість є тією новелістичною ознакою, яка простежується у новелах усього періоду їх існування.

З метою унаочнення поданої інформації еволюційно-стилістичні моделі німецькомовної новели відображені у таблицях, наведених нижче.

Таблиця 3.7.1

**Еволюційно-стилістична модель німецькомовної новели
першої половини XIX сторіччя**

Тематичні атрактори	Стильові атрактори	Стильові прийоми	Стильові риси (репеллери)
філософські істини	переважаюче монологічне мовлення на тлі авторської мови	символізм	рамкова конструкція
утвердження моралі	аукторіальний оповідач	аналітичне авторське мовлення	контраст у розвитку образу персонажа
всевладдя випадковості і збігу обставин	введення персоніфікованого оповідача	експліцитна мораль	пуантованість
фантастичність зображуваних подій	стратегія суб'єктно-аналітичного наративу	дидактизм	
динамічний сюжет			
локальний конфлікт			
внутрішній конфлікт, психологічний			
конфлікт між персонажами			

Таблиця 3.7.2

**Еволюційно-стилістична модель німецькомовної новели
другої половини XIX сторіччя**

Тематичні атрактори	Стильові атрактори	Стильові прийоми	Стильові риси (репеллери)
відтворення життя однієї людини	переважаюче діалогічне мовлення на тлі авторської мови	аналітичне і емоційне авторське мовлення	рамкова конструкція
культ дому, сім'ї, побутописання	аукторіальний оповідач	експліцитна мораль	контраст образів персонажів
зображення подій реального життя	персоніфікований оповідач	дидактизм	пуантованість
динамічний сюжет	стратегія суб'єктно-аналітичного наративу		
локальний конфлікт			

протистояння персонажа і побуту, особистості та оточення			
конфлікт між персонажами			

Таблиця 3.7.3

Еволюційно-стилістична модель німецькомовної новели ХХ-го сторіччя

Тематичні атрактори	Стильові атрактори	Стильові прийоми	Стильові риси (репелери)
зображення внутрішнього світу людини, його протиріч	наявність міні-діалогів на тлі авторської мови	символізм	пуантованість
змішання реальності і сновидінь до рівня нерозрізненості	вживання невласне прямої мови	аналітичне і емоційне авторське мовлення	
адинамічний сюжет	аукторіальний оповідач (63 %)	відсутність аналітичних або емоційних елементів авторського мовлення	
субстанціальний конфлікт	стратегія об'єктно-аналітичного наративу	імпліцитна мораль	
протистояння персонажа і побуту, особистості та оточення			
внутрішній, психологічний конфлікт			

Отже, з плином часу, з розвитком суспільства, відповідно до змін у житті і свідомості людей німецькомовна новела як тип тексту зазнає певних змін, проте зберігає свою особливу текстову природу, демонструє гнучкість у пристосуванні до мінливих життєвих вимог, змін у людській свідомості. Новела є відображенням суспільної свідомості та системи цінностей людей певної епохи, вона вбирає в себе віяння

часу: норми життя, політичні процеси, розвиток культури і мистецтва тощо. Новела еволюціонує разом із суспільством, а отже процес її еволюції є безперервним, хоча і непередбачуваним, що дозволяє робити оптимістичні прогнози щодо подальшого розвитку і функціонування новели як типу тексту.

Література

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокогнитивная синергетика: истоки, принципы, сущность / Н. Ф. Алефиренко // *Studia linguistica cognitiva*. – Иркутск : БГУЭП, 2009. – Вып. 2. – С. 228–255.
2. Аршинов В. И. Синергетическое движение в языке / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // *Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления*. – М., 1994. – С. 33–48.
3. Аршинов В. И. Когнитивные стратегии синергетики / В. И. Аршинов // *Онтология и эпистемология синергетики*. – М. : ИФРАН, 1997. – С. 12–26.
4. Белоусов К. И. Синергетика текста: от структуры к форме / К. И. Белоусов. – М. : Либроком, 2013. – 248 с.
5. Бронник Л. В. Когнитивно-синергетический подход к языку: предпосылки, сущность, терминология, статус / Л. В. Бронник // *Синергетическая лингвистика vs. лингвистическая синергетика : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (8–10 апреля)*. – Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2010. – С. 31–40.
6. Бронник Л. В. Языковая динамика в дискурсе: когнитивно-синергетический подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 – «Теория языка» / Л. В. Бронник. – М., 2012. – 42 с.
7. Войцехович В. Э. Фрактальная картина мира как основание теории сложности, 2006 [Электронный ресурс] / В. Э. Войцехович // *Известия науки*, 2006 – Режим доступа к статье: <http://www.inauka.ru/blogs/article62789/print.html>
8. Герман И. А. Лингвосинергетика : монография / И. А. Герман. – Барнаул : Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. – 168 с.
9. Домброван Т. И. Язык в контексте синергетики : монография / Т. И. Домброван. – Одесса : КП ОГТ, 2013. – 346 с.
10. Домброван Т. И. Синергетическая модель развития английского языка : монография / Т. И. Домброван. – Одесса : КП ОГТ, 2014. – 400 с.
11. Евин И. А. Искусство и синергетика / И. А. Евин. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 164 с.
12. Ейгер Г. В. Язык и синергетика / Г. В. Ейгер // *Вісник Харківського університету*. – 1992. – № 372. – С. 131–137.
13. Єнікєєва С. М. Система словотвору сучасної англійської мови: синергетичний аспект (на матеріалі новоутворень кінця ХХ – початку ХХІ століть) : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / С. М. Єнікєєва. – К., 2011. – 35 с.

14. Милостивая А. И. Синергетические аспекты вербальной коммуникации и перевода : монография / А. И. Милостивая. – Ставрополь : Ставропольское издательство «Параграф», 2012. – 160 с.
15. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – М. : УРСС Эдиториал, 2010. – 296 с.
16. Олизько Н. С. Синергетические принципы организации художественного дискурса постмодернизма / Н. С. Олизько // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. : Филология. Искусствоведение. – 2009. №10 (148). – С. 84–87.
17. Папулова Ю. К. О художественном тексте как о синергетической системе / Ю. К. Папулова // Современная филология : материалы III междунар. науч. конф., июнь 2014 г. – Уфа : Лето, 2014.
18. Пиотровский Р. Г. О лингвистической синергетике / Р. Г. Пиотровский // Научно-техническая информация. Серия 2. – 1996. – № 12. – С. 1–12.
19. Пихтовникова Л. С. Прагмастилистика дискурса в синергетическом аспекте / Л. С. Пихтовникова // Збірник тез «Актуальні проблеми сучасної філології та методики викладання іноземних мов у навчальних закладах». – Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції ХНАУ ім. В. В. Докучаєва. – Х., 2009. – С. 108–109.
20. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагмастилистическом аспекте / Л. С. Пихтовникова // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2009. – № 848. – С. 48–52.
22. Пихтовникова Л. С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений : монография / Л. С. Пихтовникова. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. – 180 с.
23. Піхтовнікова Л. С. Синергія стилю байки: німецька віршована байка 13–20 ст. : монографія / Л. С. Піхтовнікова. – Х. : Бізнес Інформ, 1999. – 220 с.
24. Піхтовнікова Л. С. Еволюція німецької віршованої байки (13–20 ст.): жанрово-стилістичні аспекти : дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.04; 10.01.04 / Л. С. Піхтовнікова. – К., 2000. – 427 с.
25. Піхтовнікова Л. С. Стилістика і синергетика дискурсу / Л. С. Піхтовнікова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : кол. монографія / за заг. ред. І. С. Шевченко]. – Х. : Константа, 2005. – С. 29–36.
26. Піхтовнікова Л. С. Прагмастилістика і лінгвопоетика малих форм та синергетика дискурсу (один із напрямів Харківської лінгвістичної школи, германські мови) / Л. С. Піхтовнікова // Актуальні проблеми філології : мовознавство, перекладознавство, методика викладання філологічних дисциплін. – Маріуполь : Приазовський держ. техн. ун-т, 2010. – С. 14–18.
27. Піхтовнікова Л. С. Дискурс байки у синергетичному аспекті (на матеріалі української, російської та німецької байки) / Л. С. Піхтовнікова // Незгасимий словосвіт : збірник наукових праць на пошану професора Володимира Семеновича Калашника ; уклад., М. Філон, Т. Ларіна. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011. – С. 519–527.
28. Піхтовнікова Л. С. Самоорганізація дискурсу : синергетичні принципи і підходи до лінгвістичного аналізу // Сучасні фундаментальні теорії та

- інноваційні практики навчання іноземної мови у ВНЗ : кол. монографія / за заг. ред. В. Г. Пасинок. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2013. – С. 218–231.
29. Пономаренко Е. В. Лингвосинергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка) : монография / Е. В. Пономаренко. – М. : МГИМО, 2010. – 151 с.
 30. Семенець О. О. Лінгвістична синергетика ідіолекту Євгена Маланюка : дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.01 «Українська мова» / О. О. Семенець. – К., 2005. – 504 с.
 31. Словицова Е. Л. Синергетические категории дискурса (на материале рекламного дискурса) / Е. Л. Словицова, М. Н. Ельцова // Вестник Пермского университета. – Пермь, 2012. – Вып. 2 (18). – С. 67–73.
 32. Хакен Г. Информация и самоорганизация / Г. Хакен. – М. : Мир, 1991. – 240 с.
 33. Dombrovan T. Linguistic Synergetics: A hopeful look towards future / T. Dombrovan // European Science and Technology: 3rd International research and practice conference (Munich, October 30th-31st , 2012). – Vol. II. – Publ. Office Vela Verlag Waldkraiburg – Munich, Germany, 2012. – PP. 116–118.
 34. Dombrovan T. Linguosynergetics: Language as a Synergetic System / T. Dombrovan // European and Russian Literature: Modern Problems of Study. – Vol. 2 / ed. by M. Asper. – Stuttgart : ORT Publishing, 2013. – Monograph Series № 2. – PP. 44–55.
 35. Köhler R. Synergetic linguistics / R. Köhler // Quantitative Linguistik. – Berlin, New York : de Gruyter, 2005. – S. 760–774.
 36. Pichtownikowa L. Synergie des Fabelstils: Die deutsche Versfabel vom 13. – 21. Jahrhundert / L. Pichtownikowa. – Aachen : Sharker Verlag, 2008. – UBG. – B. 5. – 322 S.

3.8. Лингвосинергетические аспекты реализации принципа неопределенности (на материале художественных текстов британских постмодернистов)

Залужная М. В.

Современные научные открытия не только трансформируют представление людей о мире, но и коренным образом изменяют философию и природу научного знания и познания, в котором явления неопределенности, вероятности играют существенную роль. Так, анализ сложных нелинейных открытых систем во второй половине XX века привел к возникновению новой науки – синергетики, в рамках которой были пересмотрены общие принципы эволюции действительности и механизмы ее осуществления.

В последние десятилетия не вызывает сомнений релевантность синергетического подхода и для гуманитарной сферы, в частности она

обусловлена необходимостью разработки проблемы применения принципа неопределенности к анализу языковых явлений, потребностью выявления в связи с этим новейших тенденций реализации структурных и содержательных параметров современного постмодернистского художественного текста. В связи с этим актуальным представляется рассмотрение постмодернистского текста через призму принципа неопределенности как одного из фундаментальных понятий, отражающих синергетическую специфику рассмотрения языковых явлений.

Цель данного научного исследования заключается в выявлении лингвосинергетических аспектов реализации принципа неопределенности в англоязычном постмодернистском художественном тексте. Предметом исследования являются синергетические параметры способов, механизмов и средств языковой реализации принципа неопределенности в современных британских постмодернистских текстах.

Принцип неопределенности (известный также как «принцип Гейзенберга»), сформулированный в 1927 году немецким физиком Вернером Гейзенбергом, заключается в том, что невозможно одновременно с точностью определить координаты и скорость квантовой частицы [Гейзенберг 1989: 17], ведь измерение одного параметра квантовой системы изменяет ее состояние и, соответственно, другие параметры. Согласно ему, мы не в состоянии достоверно узнать обо всех параметрах одновременно, хотя и не мешает нам с любой желательной точностью измерять каждую из этих величин и только теоретически предсказывать другую. Этот принцип стал одним из краеугольных камней квантовой механики.

Впоследствии стало очевидно, что принцип имеет более широкую область применения, включая гуманитарную. Наиболее значимый результат его действия, в том числе и для гуманитарного знания – это возможность допустить, что физическая вселенная существует не в детерминистской форме, а как набор вероятностей, возможностей.

Как справедливо заметил академик Л. Д. Ландау, «открытие принципа неопределенности показало, что человек в процессе познания природы может оторваться от своего воображения, он может открыть и осознать даже то, что ему не по силам представить» [Ландау 1958: 94]. Это свидетельствует о значимости принципа неопределенности как атрибута самой природы не только для изучения ее физических законов, но и для исследования всех способов ее существования и реализации, в том числе и языковых.

Квантовая механика, выявившая принцип неопределенности, вызвала научную революцию и была первой теорией, которая обратила внимание на *нелинейные процессы* при анализе экспериментальной

ситуации и микрообъекта. Для описания таких процессов стали широко использоваться нелинейные модели – сложные, многомерные сети, где действие каждого из элементов связано с действием всех и всего целого, а взаимообмен происходит как между элементами системы, так и между элементом и всей целостностью системы. Интегральность целого допускает одновременную связанность элементов, существование многообразия пространственно-временных схем [Огурцов 2006]. Нелинейные модели мышления постепенно вытеснили ригидные линейные и стали доминирующими в постнеклассической науке.

Под воздействием принципа неопределенности в различных научных сферах была поставлена под сомнение детерминированность мира. В результате была сформирована постнеклассическая наука и весьма перспективная междисциплинарная научная парадигма – синергетическая. Не случайно целый ряд работ основоположника синергетики И. Пригожина непосредственно посвящены проблематике неопределенности как неотъемлемого аспекта синергетического подхода к изучению макросистем («Философия нестабильности» [Пригожин 1991], «Конец определенности» [Пригожин 2000], «Человек перед лицом неопределенности» [Пригожин 2003]).

Для постнеклассической науки характерен отказ от господствующего ранее представления о мире как устойчивом универсуме, подчиненном неизменным законам, в котором нет места хаосу, случайности, неопределенности. Постепенно мир начинает пониматься как среда изменчивая, склонная к энтропии, вариативная в своем развитии и бесконечно сложная. Все это обусловило релевантность принципа неопределенности в его разнообразных проявлениях для философской и, далее, гуманитарной и культурно-художественной парадигмы.

Многовариантность хода событий и неопределенность будущего делает любую систему открытой относительно конечного результата. Всякая сложная система таит в себе возможность *бифуркаций*, т. е. разветвлений, разновекторности путей развития. Точка бифуркации – это точка разветвления путей эволюции открытой нелинейной системы, которая оказывается на перепутье и должна осуществлять выбор [Микешина 2005]. Это важнейшее следствие действия принципа неопределенности, оно имеет выход в лингвистическую проблематику и пересекается с сущностью синергетических теоретизирований, для которых нелинейность событий, имеющих в момент бифуркации несколько вариантов развития, является важным и бесспорным тезисом, отправным моментом дальнейших исследований.

Для исследования языковых проявлений принципа неопределенности в пределах постнеклассики особенный интерес представляет синергетическая парадигма (И. Пригожин, Г. Хакен, И. Стенгерс,

С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий, О. М. Князева). Синергетика – это междисциплинарное ядро постнеклассической науки [Буданов 2008: 63], одна из тех отраслей, где формируются новые горизонты познания. Она признается одной из основополагающих парадигм в современной лингвистике, поскольку как универсальный методологический подход она предлагает новые способы осмысления новейших эмпирических фактов языка. Специалисты в этой области настаивают на том, что «синергетика – не образ мира, но стиль, образ мышления о нем» [Микешина 2005: 388].

В проблемном поле синергетики изучение языка как динамической неравновесной системы занимает одно из важнейших мест. Сущность синергетики заключается в ее коммуникативной ориентации, поскольку «синергическое мышление – это мультипарадигмальное мышление... это коммуникативное мышление – язык-восприятие» [Аршинов]. Синергетическое направление, оформившееся в лингвистике, позволяет рассматривать язык в его изменчивости, открытости, чему в немалой степени может способствовать привлечение к анализу принципа неопределенности как меры зависимости параметров языковых феноменов и процессов от фокуса внимания.

Категориальный аппарат и основные положения синергетики применяется для описания явлений языковых и дискурсивных, которые трактуются как сложные неравновесные системы. В качестве таковых в лингвосинергетике рассматриваются и язык в целом [Герман 2000], [Киященко 2000], и отдельные его подсистемы (например, словообразование [Еникеева 2011]), и дискурс [Пихтовникова 2009, Борботько 2011], и текст [Москальчук 2003]. К их изучению привлекаются базовые понятия синергетики (аттракторы, бифуркации, фракталы, энтропия), переосмысливаются относительно языковых явлений категории линейности-нелинейности, случайности, детерминации, целостности.

Фундаментально новое видение мира, предлагаемое синергетической парадигмой, базируется на описании процессов как «принципиально нелинейных, т. е. таких, в процедурности которых реализует себя феномен версификации (ветвления) перспективных траекторий эволюции» [Можейко 2008: 58]. Широко используемая в постнеклассической науке и синергетике *нелинейность* понимается как многовариантность, альтернативность путей, темпов эволюции, возможность непредсказуемых изменений течения процессов в целом, развитие через случайность выбора пути в точках бифуркации [Князева, Курдюмов 2002: 364–368]. Поэтому описание сложной системы на основе методов самоорганизации вследствие действия принципа неопределенности дистанцируется от классического детерминизма.

Поскольку синергическая методология предоставляет возможность по-новому увидеть и исследовать объекты науки, синергетика «оказывается «прологовой» дисциплиной к соприкосновению человечества с горизонтами науки третьего тысячелетия» [Грицанов, Мезяная]. Учитывая универсализм синергической парадигмы, ее достижения экстраполируются в социальную и гуманитарную сферы. Язык рассматривается в проблемном поле синергетики как сложная динамическая суперсистема – нелинейная, неравновесная, которая находится в состоянии постоянного перехода от хаоса к порядку и, наоборот, благодаря действию параметров самоорганизации и взаимной детерминированности разных подсистем.

Осмысление действия принципа неопределенности в исследовательском пространстве лингвистики, философии языка дает основания утверждать, что трактовка языка в рамках синергетики как сложной, открытой, нестабильной системы с собственными регуляторными механизмами, предопределяет релевантность этой парадигмы для изучения неопределенности, которая, по существу, является одним из методологических принципов синергического подхода.

Подобному пониманию неопределенности как общеметодологического принципа (в первую очередь, на уровне реализации языка в тексте и дискурсе) в значительной степени способствовала разработка основных положений теории постмодернизма (Р. Барт, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Деррида). Постмодернисты так реагируют на изменения, которые состоялись в гуманитарной научной мысли XX века в связи с новыми представлениями о мире.

Постмодернизм засвидетельствовал, что не только содержание, но и форма художественного произведения в современном искусстве становятся преднамеренно многозначными. Следствием такого подхода стало провозглашение «открытости» художественного текста, вызванной принципиально новой картиной мира [Эко 2004]. В работах постмодернистов отмечается элемент множественности, полисемии в дискурсе, подчеркивается, что текст содержит большое количество потенциальных значений, предлагает читателю не готовые тексты, а скорее, поле возможностей, актуализация которых зависит от интерпретативных стратегий адресата.

Привлечение синергетики к изучению постмодернистской реализации неопределенности обусловлено ключевой ролью, которую принцип неопределенности играет и в постмодернистском мировоззрении, и в синергетике, а также существованием корреляции между постмодернизмом и синергетической парадигмой.

Несмотря на целый ряд существенных программных различий, постмодернизм и синергетика имеют многочисленные сходные черты и

точки пересечения. К последним относятся «акцентирование роли случайных флуктуаций и нестабильности в порождении качественно новых, непредсказуемых состояний развивающихся систем» [Сильницкий 2008: 130]. Очевидно, что близость методологических основ постмодернизма и синергетики обусловлена наличием главной точки соприкосновения – принципа неопределенности.

Значимость принципа неопределенности для постмодернистской философии и культуры трудно переоценить. Например, выдающийся теоретик постмодернизма Ф. Джеймсон неоднократно упоминает в своем фундаментальном труде принцип Гейзенберга, применяя его к разным аспектам постмодернистской действительности и обнаруживая его проявления в разных явлениях культуры постмодернизма: *"the Heisenberg principle of Postmodernism"* [Jameson 1991: xvi], *"a Heisenberg principle of video analysis"* [Jameson 1991: 78], *"some mysterious Heisenberg principle of literary language"* [Jameson 1991: 149], *"a kind of Heisenberg principle of mass culture"* [Jameson 1991: 277]. Принцип неопределенности является неотъемлемой частью постмодернистского мировоззрения и должен рассматриваться сквозь его призму.

Постмодернизм, равно как и синергетика, предлагает специфическую модель видения реальности (своего рода картину мира), заключающуюся в принципиальном плюрализме. Постулирование программного когнитивного релятивизма, являющееся прямым следствием функционирования принципа неопределенности, дает основания некоторым исследователям [Можейко 1999] говорить о сближении постмодернизма и синергетики как философских понятий.

Как синергетика в естественных науках, так и философия постмодернизма в гуманитаристике предлагают переосмысление детерминизма и нелинейную его интерпретацию, большинство постмодернистов и их последователей опираются на философию *индетерминизма* [Alexander 2011: 67]. В рамках синергетического подхода его зачастую трактуют как *неодетерминизм*, «основанный на отказе от логотризма и фундированный презумпцией случайной флуктуации как решающего фактора в определении эволюционных перспектив неравновесных сред» [Постмодернизм. Энциклопедия 2001: 500].

Эта доминанта прослеживается не только в теории постмодернизма, но и получает реализацию в постмодернистских художественных текстах. Так, в работах британских постмодернистов И. МакЮэна, Д. Лоджа, Дж. Барнса превалирует изображение нестабильности бытия: *"...this gave me a sense of **unease**, of **unrest**"* [Barnes 2011: 54]. *"Later...there is more **uncertainty**, more **overlapping**, more **backtracking**, more **false memories**"* [Barnes 2011: 64]. *"**Misunderstanding** is general all over the world...He sees now the details he **half ignored** in order*

to nourish his fears...fitted the general unease" [McEwan 2006: 15] (здесь и далее выделено нами – М.З.).

Как свидетельствуют вышеприведенные примеры, постмодернизм является своеобразным откликом на переосмысленные новейшие реалии, отражением синергетики в гуманитарных науках. Мы считаем целесообразным не отождествлять их, а относить постмодернизм к сфере культурно-художественной, а синергетику – собственно научной, оговаривая, что принцип неопределенности значительно повлиял на становление обеих.

Несмотря на объективно существующие в языке факты, свидетельствующие о наличии в нем большой степени неопределенности, проблема функционирования в языке принципа неопределенности попала в поле зрения лингвистов недавно, и во многом благодаря привнесению в лингвистику синергетической методологии. Предпосылки для привлечения в лингвистику принципа неопределенности возникли в связи с «лингвистическим поворотом», провозглашенным в работах представителей аналитической философской школы.

Так, создатель «философии языка» и «теории языковых игр» Л. Витгенштейн своим знаменитым тезисом «границы моей речи указывают на границы моего Мира» [Витгенштейн 2005б: 180] постулировал неопределенность и двусмысленность в качестве системной характеристики языка: «Когда мы смотрим на все, что знаем и можем сказать о мире, как на что-то, что обволакивается индивидуальным опытом, тогда все, что мы знаем, кажется теряющим всю ценность, надежность и твердость...наш язык стремится ввести нас в заблуждение» [Витгенштейн 2005а: 389]. О системной неопределенности языка заявлял также Г. Райл [Ryle 1951]. Одним из первых понятие «принцип неопределенности» в лингвистике применил У. Куайн [Куайн 2000: 62] при рассмотрении проблем семантической неопределенности в переводе.

Основания для широкого толкования языковых явлений в терминах синергетики возникли не только под влиянием смены парадигм в гуманитаристике, они в большом количестве содержатся в самом языке. К примеру, термин «синергия», или синергизм (от греч. *Synergos* – «работать вместе», *syn* – «вместе», *ergon* – «работа») обозначает такое явление, когда две или более индивидуальные силы, энергии, агента, «работая вместе», производят эффект больший, чем сумма эффектов, производимых ими по отдельности» [Молчанова 2007: 26]... То есть целое, рождаемое в языке в результате сочетания компонентов, больше суммы слагаемых, что характерно для синергетичных образований.

Подобное «сотрудничество», бесспорно, свойственно широкому кругу языковых явлений. Так, его предполагает механизм формирования значения фразеологизмов, которое всегда шире суммы значений

составляющих элементов. Например, во фразеологизмах “a pig in a poke” (кот в мешке), “to sit on the fence” (занимать выжидательную позицию), “with a pinch of salt” (недоверчиво, скептически) ни один из компонентов не имеет семы, связанной с неясностью, неизвестностью. Однако именно в совокупности, во взаимосвязи элементов у ФО возникает значение неопределенности. В соединении с другими словами в составе ФО слово вызывает ассоциации, непосредственно не связанные с его основными значениями, т. е. обогащает свою смысловую структуру.

Принципы и законы синергетики действуют не только в языке как самоорганизующейся системе, но и в его реализациях в тексте. Так, важным аспектом языковой реализации принципа неопределенности является особым образом представленная в постмодернистском художественном тексте **нелинейность** – ключевое понятие синергетической науки, также находящее отражение в лингвистике.

Философский смысл нелинейной связи заключается не просто в единстве, всеобщности и взаимосвязи всех вещей в мире. Благодаря действию исследуемого нами принципа неопределенности, современное понимание мира базируется на признании его нелинейного, многовекторного характера, возможности разветвления на ряд альтернативных вариантов в точке бифуркации, пересечения с другими возможностями.

Релевантность такого подхода подтверждают и последние научные достижения. Так, выдающийся физик современности С. Хокинг рассматривает пространство и время в качестве динамических величин, которые не только влияют на все, что происходит во Вселенной, но и сами изменяются под воздействием всего, что в ней происходит [Хокинг 2001: 19]. Кстати, тот же С. Хокинг посвятил принципу В. Гейзенберга целый раздел своего самого известного труда “A Brief History of Time”, в котором утверждал о фундаментальности и неотделимости принципа неопределенности от человеческого существования и его влияния на специфику восприятия мира и Вселенной [Хокинг 2001: 29].

Современные ученые постулируют тезис о том, что только нелинейные модели являются единственным возможным способом описания сложной, хаотической и подвластной законам индетерминированности реальности, потому в лингвистической парадигме в последнее время признается необходимость рассмотрения нормальных и содержательных аспектов нелинейного повествования. Под влиянием синергетической парадигмы в современное языкознание также пришла эпоха нелинейного ассоциативного мышления, а с ней понимание и восприятие текста как гипертекста [Чернявская 2009].

Многочисленные языковые проявления нелинейности обнаруживаются как на уровне семантики текста (элементы сюжета, идейное содержание), так и на уровне формы (архитектоника текста). Это четко прослеживается в художественных текстах британских постмодернистов, в работах которых получили воплощение основные постмодернистские постулаты. В Великобритании, по мнению исследователей, сформировался постмодернизм «умеренного толка» [Лобанов 2012], который, не порывая с традиционализмом, реализовал все свойственные этому направлению мировоззренческие и теоретические установки, в том числе и нелинейность.

Сущность нелинейного гипертекста заключается в возможности интерактивной деятельности адресата, его способности повлиять на ход событий в тексте, «соавторства» адресата в зависимости от субъективных факторов – собственного опыта, личностных установок, социально-культурной принадлежности и т. д. Для обозначения подобных возможностей У. Эко предложил термин **«открытость текста»** [Эко 2004]. Отсутствие смысловой и образной завершенности в пределах одного текста приводит в действие особый художественный механизм: одна возможная версия сразу сменяется другой [Мащенко 2005]. Результаты нашего исследования говорят о том, что данная характеристика присуща художественным текстам британского постмодернизма.

В таком открытом тексте разворачиваются параллельные реальности, детально моделируются возможные события, играющие важную роль в нарративе, которые могли никогда и не произойти, а могли и произойти: *“...I wondered what had happened to Robson’s girl, and to their child. The mother would be about my age, and quite probably still alive, while the child would be nearing fifty. Did it still believe that ‘Dad’ had died in an accident? Perhaps it had been sent for adoption, and grew up thinking itself unwanted”* [Barnes 2011: 82]. Выход подобного текста за собственные границы является неизбежным логическим следствием его самоорганизации, а принцип неопределенности способствует такому «расслоению» параллельных реальностей и нечеткости ориентации в них персонажей и адресата.

Одним из средств формирования такой открытости является многоуровневая организация текста. Случаи смысловой и образной завершенности в рамках одного произведения в постмодернистской литературе довольно редки, что позволяет говорить о многоуровневой организации постмодернистского текста как о самостоятельной и самоценной черте. Например, роман И. МакЮэна *“Atonement”* («Искупление») демонстрирует многоуровневую структуру, которая состоит из «произведения в произведении»: повествование о главной героине

впоследствии оказывается ее собственным произведением и сопровождается уже отстраненными размышлениями над своим романом. Многослойность, нагромождение является будто своевольным выходом текста за свои пределы, его разветвления образуют свойственную постмодернистским текстам структуру лабиринта, где теряется и исходная позиция, и конечная.

Плюральность возможных сюжетных линий реализуется в особой архитектонике постмодернистского текста, присущей, в том числе, и произведениям британского постмодернизма. Она, например, выражается часто употребляемыми вопросительными предложениями, которые начинаются с многочисленных “What if..?” – “**What if Lola were cast as the prince?**” [McEwan 2007a: 4] “**But what if, even at a late stage, your emotions relating to those long - ago events and people change?**” [Barnes 2011: 71]. Такая способность вызывать у адресата чувство неуверенности относительно развития событий является важной характеристикой постмодернистских текстов.

Такую же функцию отражения плюральности сюжетных линий в постмодернистских романах имеют модальные глаголы для обозначения возможности в прошлом, а также условные предложения III типа (нереальное условие в прошедшем времени). Такие языковые средства в большом количестве содержатся в текстах британских постмодернистов: “**Love and patience – if only he had had them both at once – would surely have seen them both through. And then what unborn children might have had their chances, what young girl with an Alice band might have become his loved familiar? This is how the entire course of a life can be changed – by doing nothing. On Chesil Beach he could have called out to Florence, he could have gone after her**”. [McEwan 2007b: 129]. Благодаря модальной окраске такие предложения будто раскрывают перед читателем потенции другой, альтернативной реальности.

При рассмотрении «открытости» конкретных текстов британских авторов-постмодернистов мы отмечаем и другие средства ее реализации. Так, одним из ярких примеров «открытого» текста является роман И. МакЮэна “Atonement”, архитектоника которого носит «**коллажный**» характер – текст будто состоит из разных по стилистике и жанровой принадлежности частей. Исследователи утверждают, что в первой «модернистской» части он вызывает ощущение постмодернистского *deja vu* романов В. Вульф, Е. М. Форстера, Д. Г. Лоуренса и Р. Леман, которое сменяется во второй на подобие документального рассказа в духе эссеистики Дж. Оруэлла и популярных в 30–40-х годах репортажей о войне и, наконец, подражанием Е. Боуэн – в третьей [Джумайло 2007]. Коллажность присуща оформлению постмодернистского текста и

вовсе не лишает его целостности, однако создает особое ощущение многослойности повествования.

Особое преломление в ракурсе синергетики при анализе функционирования принципа неопределенности получают традиционные для лингвистики текста текстовые категории, например, категория информативности. Она становится базисом для манипуляций и всевозможных обыгрываний, при которых в реальные факты вплетаются вымышленные. Тенденция к соединению фактической информации с симулятивной и размытию границ между ними является специфической чертой постмодернизма.

Симулятивность повествования является одним из важных текстообразующих элементов. Она заключается в создании в текстовом пространстве образов отсутствующей действительности, которые не имеют под собой реальных оснований, но которые настолько правдоподобны либо настолько искусно комбинируются с реальными фактами, что создается иллюзия их реального существования.

Так, выдуманные автором события романа И. МакЮэна “Saturday” происходят на фоне реальных событий – прошедших в Лондоне в феврале 2003 года протестных выступлений против войны в Ираке. Сквозь колонны протестующих вымышленное лицо – протагонист Генри Пероун – пытается добраться домой: “...*the antiwar protests only hours away*” [McEwan 2006: 35]; “...*pictures from a motorway bridge of scores of coaches bringing marchers into the city for what is expected to be the biggest display of public protest ever seen*” [McEwan 2006: 69].

Усиливает фактуальность употребление в данном эпизоде многочисленных топонимов: “...*on the Tottenham Court Road, a broken file of protesters is making its way south to join the main body...There, behind him on Gower Street, the march proper has begun. Thousands packed in a single dense column are making for Piccadilly, their banners angled forwards heroically, as in a revolutionary poster*” [McEwan 2006: 84]. В эти же реальные обстоятельства вписывается и созданная авторским воображением ситуация, когда на Пероуна совершают нападение. Так переплетаются в постмодернистском тексте фактическая и художественная реальность.

В романе “Atonement” едва уловимая симулятивность повествования проступает в полной мере, когда в него оказывается включенным вымышленное письмо, адресованное вымышленному персонажу Брайони, написанное реальным историческим лицом – редактором и издателем Сириллом Конноли: “...*she also said she’s had a piece of writing turned down by Cyril Connolly at Horizon*” [McEwan 2007a: 212; 311–315].

Он дает критический отзыв на роман одной из героинь, Брайони, в котором четко угадывается сюжетная линия первой части анализи-

руемого текста. Он также рекомендует Брайони создать другой вариант романа, который затем воплощается во второй части и начальных эпизодах третьей части «Искупления» [Джумайло 2007]. Роману, таким образом, свойственна «интратекстуальность» – векторы его восприятия направлены не за его пределы, а внутрь него, он ссылается сам на себя, и сам ставит под сомнение восприятие себя как вымышленной истории.

Введение такой **«структуры замыкания»** (в которой теряется начало и конечный пункт повествования) и других композиционных приемов позволяет исследователям признать в романе И. МакЮэна так называемую «метапрозу» – род саморефлексивного повествования, которое рассказывает о самом процессе повествования [Словарь литературоведч. терминов]. **Метатекстуальность** является важным аспектом проблематики неопределенности, ведь она делает автора и читателя героями художественного текста именно в этих ролях, таким образом поднимая вопрос об их реальности и связи этой реальности с выдумкой (или симулятивной действительностью). Именно поэтому главным действующим лицом большинства таких текстов является их автор, а произведением, которое он пишет, оказывается сам текст, изображающий этот процесс. К подобным метатекстам относятся роман И. МакЮэна “Atonement”, роман британского постмодерниста Д. Лоджа “Deaf Sentence” созданный в виде дневника протагониста.

Для выявления особенностей реализации предмета нашего исследования – принципа неопределенности – метатекстуальность является релевантной категорией. Метатекст является одной из форм выхода текста за собственные пределы, его внедрения во внетекстовую реальность: «Внутри метатекста границы между несметными текстами, из которых он состоит, исчезают, а следовательно исчезает и представление об упорядоченной и рационально понятной Вселенной» [Бігун 1999: 10]. Подобная особенность нарратива способствует правдоподобности повествования, но на самом деле оставляет в неведении адресата, который уже не в состоянии определить, о которой из реальностей – действительной или симулятивной – идет речь. Именно в этой двусмысленности, неоднозначности и заключается сущность действия принципа неопределенности.

Обычно метапрозу связывают именно с постмодернизмом. Так, “Atonement” принадлежит к одной из разновидностей метапрозы (произведение о человеке, который пишет произведение). Части повествования включены в текст таким образом, что кажется, будто текст высшего уровня более реален. Такая дезориентация адресата отражает оппозицию реального и ирреального миров, а с другой стороны – их неразличимость, то есть симулятивность.

Не менее важным фактором в создании постмодернистского «открытого» текста является его **ацентричность** (имеющая фундаментальный статус и для синергетики), сущность которой заключается в отказе от презумпции наличия выделенных...точек и осей пространственной и семантической среды [Постмодернизм 2001]. Чрезвычайно важное место в теоретизированиях постмодернистов и их художественных практиках занимает понимание того, что окружающий мир может быть постигнут человеческим сознанием как текст. В результате действия принципа неопределенности происходит потеря «центра» – определенной точки опоры, основы для разграничения между истинным и неистинным. Вследствие потери смыслового центра возможностью существования альтернативных повествований, а, следовательно, и миров, разрушается детерминизм реальности, в том числе и текстовой. Это свидетельствует о некоторой изначальной энтропии текстовой организации, которая самоорганизуется посредством «структуры замыкания».

Постмодернистское дискурсивное пространство «децентрировано» (термин Ж. Лакана) – то есть разорвано, лишено целостности. В децентрированном пространстве теряется избирательность любых пространственных точек, оно перестает восприниматься как система мест [Философия постмодернизма]. В постмодернистском тексте зачастую отсутствует смысловой центр, в результате чего такой текст допускает бесконечное количество интерпретаций, становится мульти-смысловым. В постмодернизме реализуется бифуркационный по своей природе механизм смыслообразования [Философия постмодернизма], поскольку в отсутствие смыслового центра организующим фактором становится точка бифуркации, от которой и расходятся альтернативные повествования.

Синергетической самоорганизации текста способствует использование таких средств, как фрагментация и делинеаризация повествования. Во многих текстах постмодернистов предлагаются альтернативные варианты событий, которые будто разветвляются от определенного момента в тексте: *“...when time delivered me all too quickly into middle age, and I began looking back over how my life had unfolded, and considering **the paths untaken**, those lulling, undermining **what-ifs**”* [Barnes 2011: 42]. Этот момент делинеаризации и является исходной точкой бифуркации, в которой текстуальная действительность расслаивается, расходится на несколько потенциально возможных реальностей, перемещением между которыми в пространстве текста обусловлен неопределенный характер сюжета.

На языковом уровне этот эффект создается, например, при помощи большого количества модальных глаголов и условных предло-

жений, которыми изобилуют постмодернистские художественные тексты: *“If Margaret and I **had stayed** together, I dare say I **would have been allowed** to be more of a doting grandfather”* [Barnes 2011: 62]. *“Perhaps if he **had stayed** with her, he **would have been** more focused and ambitious about his own life, he **might have written** those history books”* [McEwan 2007b: 128]. Подобные языковые средства в текстах британских постмодернистов оставляют и автора, и адресата в состоянии неопределенности между альтернативными реальностями.

Подобную функцию выполняют в текстах британских постмодернистов многочисленные вопросительные предложения, которые зачастую являются риторическими вопросами: *“And **how** was I to think about Veronica now? Adrian loved her, yet he had killed himself: **how** was that explicable?”* [Barnes 2011: 35]. *“Yes, **why** her, and **why** then; furthermore, **why** ask?”* [Barnes 2011: 29]. Таким образом вербализуются сомнения героев, нестабильность их бытия. Более того, такие текстуальные «ловушки» способствуют неуверенности адресата в трактовке изображенного.

Одной из наиболее релевантных с точки зрения воплощения синергетических параметров текста также является особым образом реализованная в постмодернизме **категория автора**, который трактуется как не просто языковая личность, а, в первую очередь, как «концентрированное воплощение сущности произведения» [Виноградов 1971: 118], его глубинный связующий элемент.

Существует мнение, что поскольку текст в синергетике рассматривается как самоорганизующаяся система, при его анализе возникает необходимость «абстрагироваться как от человека, создающего текст, так и от человека, воспринимающего текст» [Мышкина 1998: 13]. Образ автора самоорганизующегося постмодернистского текста за ненужностью нивелируется (автор зачастую выступает в качестве постороннего наблюдателя) или даже вообще элиминируется из текста как фактор, порождающий и организующий текст, происходит своеобразное смещение фокуса внимания.

Автор, по мнению М. Фуко, понимается «не как говорящий индивид, который произнес или написал текст, но как принцип группирования дискурса, как единство и источник их значения, как центр их связности» [Философия постмодернизма], ведь текст предстает теперь как процессуальность, которая разворачивается сама независимо от авторского замысла. В постнекласической лингвистической парадигме важное значение приобретает мысль о том, что созданному автором тексту присуща некоторая содержательная самодостаточность из-за того, что «семантический потенциал текста выходит за пределы заложенного автором содержания» [Шевченко 2012: 63]. Это совпадает

с постмодернистскими установками о «мире как тексте» и «смерти автора». Согласно им, автор будто «растворяется» в дискурсе, предоставляя текстам возможность самоорганизовываться, тем самым обеспечивая объективность и устраняя тот субъективный фактор, который препятствует фиксации одновременно всех возможных параметров дискурса.

Однако сказанное выше не является основанием для абстрагирования или исключения из рассмотрения автора и читателя при изучении самоорганизации постмодернистского дискурса. Автор постмодернистского произведения как бы исчезает, но имплицитно присутствует как связующий элемент. Он же (автор) осознанно выстраивает произведение согласно постмодернистским канонам (см. далее), передавая читателю ряд функций по «завершению» произведения в силу его понимания. Таким образом, на основе постмодернистского текста и интерактивной деятельности «адресант ↔ адресат» возникает постмодернистский дискурс, и, рассуждая строго логически, можно говорить лишь о самоорганизации дискурса, а не готового текста. Роль автора в синергетическом процессе создания дискурса и роль читателя при реконструкции дискурса по тексту суть следующие.

Согласно Л. С. Пихтовниковой, процесс образования дискурса как самоорганизующейся системы условно можно разделить на три этапа: 1) когнитивный (этап замысла, планирования, учета ограничений); 2) прагматический (создание стратегий, реализующих замысел); 3) этап языково-речевой реализации (реализация стратегий в речи). Участниками каждого этапа, образующими самоуправляемую систему, являются следующие: 1) авторы (автор) дискурса, выступающие как языковые личности; 2) встроенные в языковую картину мира социальные ожидания (заказы) на результаты реализации дискурса; 3) ограничения на дискурс: традиции жанров, объем, нормы изложения, экстралингвистические условия и т. п. [Пихтовникова 2012: 27]. Самоорганизация дискурса понимается не в том смысле, что он возникает независимо от автора, а в том, что автор является одновременно и творческим конструктором дискурса, и зависимым от социальных ожиданий и ограничений этого типа дискурса, которые возникли до автора и независимо от него [Пихтовникова 2012: 29].

Согласно этой концепции автор творчески согласует противоречивые требования целей и ограничений дискурса, используя его наиболее подвижные характеристики. В постмодернистских романах для передачи авторского ощущения зыбкости, неоднозначности, нестабильности мира наиболее подходящим является придание тексту характеристик неопределенности, многовариантности, незавершенности действий и мыслей с целью передачи этой подвижности читателю для

«додумывания», реконструкции авторских замыслов. В этом роль читателя, в восприятии которым текста самоорганизуются смыслы, пунктирно заложенные автором.

В то же время, синергическое стремление текстов дискурса к сбалансированности вызывает обострение субъективности адресата, который, лишенный авторитетного мнения нарратора, должен на свое усмотрение формировать восприятие любого из подобных текстов. Это объясняет акцент постнеклассической науки на одинаковой важности адресанта и адресата для общения, их одинаково значимой роли в общем конструировании смыслов в процессе дискурсивного обмена, их совместной деятельности [Дискурс 2005; Воробьева 1993].

В постмодернистском тексте благодаря действию принципа неопределенности на первый план выводится не автор, а специфический художественный образ рассказчика, особый способ авторского присутствия в тексте – «авторская маска» (термин предложен американским критиком Мамгреном). «Маска автора» – принцип игровой реализации образа автора повествования. Он предусматривает введение автора в текст в качестве травестированного (завуалированного) автора-персонажа, который колеблется между позициями гения и клоуна [Голованова 1997]. Самоирония и самопародирование лишают его высказывания весомости и авторитарности.

Подобное отражение образа автора присуще большинству британских постмодернистских текстов. Например, именно таким оказывается автор и протагонист романа Д. Лоджа “Deaf Sentence”. Это уважаемый человек, профессор лингвистики, который из-за физического изъяна (глухоты) все время попадает в неловкие ситуации, но сам иронизирует по этому поводу и благодаря этому предстает как персонаж комический: *“She’ ll come into my study, for instance, when I’m working on the computer, without wearing my hearing aid. and she’ll say something to me which I don’t hear. and a dialogue follows something like: Fred: Murr murr murr. Me: What? Fred: Murr murr murr. Me: (playing for time) Uh huh”* [Lodge 2008: 13]. При таком описании трагичность ситуации воспринимается в комичном ракурсе, сам автор сознается: *“deafness is comic, as blindness is tragic”* [Lodge 2008: 13]. Реализация принципа неопределенности в данном случае предопределяет функциональные особенности «авторской маски», поскольку трагичностью образа автора нивелируется его комичность, а комичность не позволяет в полной мере воспринимать его как трагичный.

Несомненно, автор, который создает текст, определяет все его черты. Но для современной художественной литературы именно образ автора является средоточием, фокусом, сквозь который текст воспринимается и по-разному истолковывается. Постмодернистский образ

автора создается настолько разнообразными языковыми и речевыми средствами, что создается впечатление, будто сам автор теряется за их количеством.

Постмодернистский текст стремится к самоорганизации, и он достигает этого собственными средствами, потому фигура автора уже не является для него релевантной, она будто растворяется в текстовом массиве: *“You get towards the end of life – no, not life itself, but of something else: the end of any likelihood of change in that life. You are allowed a long moment of pause, time enough to ask the question: what else have I done wrong?.. I thought of what I couldn’t know or understand now, of all that couldn’t ever be known or understood”* [Barnes 2011: 86]. Из текста неясно, принадлежат ли данные размышления в романе Дж. Барнса протагонисту, либо они являются авторским отступлением.

Авторское присутствие в постмодернистских текстах актуализируется преимущественно при помощи особым образом использованных личных местоимений. Автор-постмодернист, используя в качестве шифтеров местоимения I и III лица, выражает таким способом свое отношение к объективной реальности, что в постмодернистском тексте приобретает формы отчуждения авторской фигуры от контекста или его почти полное растворение в текстовой реальности [Холмогорова 2010]. Внезапно и неожиданно повествование от третьего лица сменяется нарративом от первого лица: *“So **he** clung on grimly to the social-cultural merry-go-round, simulating an interest and enthusiasm he did not really feel. It’s the sitting alone I dread, not the book and the telly in themselves. Print and television are the only media that I can still truly enjoy”* [Lodge 2008: 19]. Это связано с особенностями воплощения фигуры рассказчика в постмодернизме.

Ярким примером является роман Д. Лоджа *“Deaf Sentence”*, в котором переключение между повествованием от I и III лица происходит в текстовом пространстве несколько раз достаточно неожиданно для адресата. Оно не зависит от структуры текста и не совпадает с разделением на главы. К примеру, первое переключение происходит уже на 2-й странице текста: *“She pronounces her name again but it is hopeless...the surname is completely inaudible, but **he** can’t ask her to repeat it again. ‘Ah, yes,’ **he** says, nodding, as if pleased to have pocketed the information... ‘Who was that young blonde you were deep in conversation with?’ Fred asked **me** in the car on the way home. She was driving because she hadn’t had much to drink and I had had quite a lot. ‘I’ve no idea,’ I said”* [Lodge 2008: 10].

В вышеприведенном фрагменте личные местоимения I и III лица относятся к одному и тому же персонажу, который в начале романа изображается отстраненно неким повествователем, а затем сам внезапно становится рассказчиком. Сам он сознается во время первого такого

переключения, что это происходит вне его воли, спонтанно, этого требует сам текст: *“I feel a fit of the third person coming on”* [Lodge 2008: 17]. При помощи подобных языковых средств текст приобретает специфически оформленную, «ломаную» авторскую и сюжетную линию.

Открытость постмодернистского текста как следствие реализации принципа неопределенности также выявляется в отсутствии его смысловой завершенности, так называемом **«открытом финале»**, оставляющем адресату возможность домыслить свой вариант завершения текста. Поскольку подобный текст не содержит развязки, он провоцирует процесс своеобразного сотворчества автора и адресата – создания разнообразных интерпретаций и возможных развязок – и тем самым способствует открытости всего текста, что так характерно для постмодернизма.

Например, в финале романа британского постмодерниста Т. МакКарти *“Remainder”* главный герой захватывает самолет и приказывает пилоту лететь в обратном направлении, а затем снова и снова менять курс на противоположный: *“You want us to keep turning, out and back, like this?” “Yup,” I said. “Just keep on. The same pattern. It will all be fine”... Then there’d be no more music, no more loops. Or maybe, before that, we’d just run out of fuel. For now, though, the clouds tilted and the weightlessness set in once more as we banked, turning, heading back, again”* [McCarthy 2006: 151]. Этими словами завершается текст, сколько так будет продолжаться – неизвестно, чем закончится подобная авантюра, читатель может лишь догадываться, строить свои предположения. Однозначность финала недостижима вследствие действия принципа неопределенности, ведь адресату с присущей ему субъективностью невозможно одновременно учесть абсолютно все факторы, его определяющие.

Итак, синергетическое направление, оформившееся в лингвистике, позволяет рассматривать язык в его изменчивости, открытости, чему в немалой степени способствует привлечение к его анализу принципа неопределенности как меры зависимости параметров языковых феноменов и процессов от фокуса внимания. Осмысление действия принципа неопределенности в исследовательском пространстве лингвистики дает основания утверждать, что квалификация языка в пределах синергетики как сложной, открытой, нестабильной системы, которая имеет собственные регуляторные механизмы, предопределяет релевантность этой парадигмы для изучения неопределенности, являющейся, по существу, одним из методологических принципов синергического подхода.

Синергетические параметры языковых явлений проявляются в художественных текстах постмодернизма, в том числе и британского,

что во многом определяется ключевой ролью принципа неопределенности и в постмодернистском мировоззрении, и в синергетике.

Одним из важнейших аспектов функционирования принципа неопределенности в постмодернистском художественном тексте является особым образом представленная нелинейность. Сущность отраженной в постмодернизме нелинейности заключается в возможности интерактивной деятельности адресата, в его способности повлиять на ход событий текста – так называемой «открытости» текста.

«Открытому» художественному тексту постмодернизма присущие следующие свойства, реализация которых отражает действие принципа неопределенности:

- плюральность сюжетных линий;
- коллажность формы;
- симулятивность повествования;
- наличие структуры «замыкания»;
- метатекстовый характер повествования;
- открытость финала.

Специфическую трактовку в постмодернистском тексте приобретает фигура автора – автор пунктирно закладывает смыслы, которые самоорганизуются в восприятии текста читателем, переводя фокус внимания на адресата и позволяя ему «сотворчество». Такой постмодернистский подход с привлечением принципа неопределенности соответствует синергетическим установкам относительно художественного текста. Следовательно, принцип неопределенности может рассматриваться в синергетической парадигме как один из важных лингвистических принципов.

Литература

1. Аршинов В. А. Событие и смысл в синергетическом измерении [Электронный ресурс] / В. А. Аршинов. – Режим доступа : <http://spkurdyumov.narod.ru/Arshinov.htm>
2. Бігун Б. Я. Постмодерністський образ світу (на матеріалі західноєвропейських та американських романів 80-х років ХХ століття) : автореф. дис. ...канд. філол. наук : спец. 10.01.04 «Література зарубіжних країн» / Б. Я. Бігун. — К. : НАН України. Ін-т л-ри ім. Т. Г.Шевченка, 1999. – 20 с.
3. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса : от психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 288 с.
4. Буданов В. Г. Квантово-синергетические онтологии и постнеклассические практики / В. Г. Буданов // Постнеклассические практики : определение предметных областей. – М. : Макс-Пресс, 2008. – С. 63–75.
5. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1997. – 240 с.

6. Витгенштейн Л. Голубая книга / Л. Витгенштейн // Избранные работы / Л. Витгенштейн. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005а. – С. 341-416.
7. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Избранные работы / Л. Витгенштейн – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005б. – С. 11–228.
8. Воробьева О. П. Текстовые категории и фактор адресата / О. П. Воробьева. – К. : Вища школа, 1993. – 200 с.
9. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг. – М. : Наука, 1989. – 400 с.
10. Герман И. А. Лингвосинергетика : монография / И. А. Герман. – Барнаул : Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. – 168 с.
11. Голованова И. С. История мировой литературы. Постмодернизм [Электронный ресурс] / И. С. Голованова // – Режим доступа : <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/golovanova/postmodernizm.htm>
12. Грицанов А. А. Синергетика / А. А. Грицанов, К. Н. Мезяная // Словарь философских терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philosophi-terms.ru/word/Синергетика>
13. Джумайло О. За границами игры : английский постмодернистский роман. 1980 – 2000 / О. Джумайло. – Вопросы литературы. – 2007. – № 5. – С. 7–45.
14. Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : колективна монографія / ред. І. С. Шевченко. – Х. : Константа, 2005. – 356 с.
15. Єнікєєва С. М. Система словотвору сучасної англійської мови : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / С. М. Єнікєєва. – К., 2011. – 32 с.
16. Киященко Л. П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка) / Л. П. Киященко. – М. : Ин-т философии РАН, 2000. – 116 с.
17. Князева Е. Н. Основания синергетики / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – СПб. : Алетейя, 2002. – 414 с.
18. Куайн У. В. О. Слово и объект / У. В. О. Куайн. – М. : Логос, Праксис, 2000. – 386 с.
19. Ландау Л. Д. Теория квант от Макса Планка до наших дней / Л. Д. Ландау // Макс Планк / Л. Д. Ландау. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 94–108.
20. Лобанов И. Г. Модернистские интенции в творчестве Кадзуо Исигуро [Электронный ресурс] / И. Г. Лобанов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – №7 (15). – Режим доступа : <http://www.sisp.nkras.ru>
21. Мащенко О. А. Концепція та образ читача в творчості Дж. Барта та Д. Бартелма останньої чверті ХХ століття : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.04 «Література зарубіжних країн» [Электронный ресурс] / О. А. Мащенко; Дніпропетр. нац. ун-т. – Д., 2005. – 20 с. – Режим доступа : <http://disser.com.ua/contents/4125.html>
22. Микешина Л. А. Философия науки : Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования / Л. А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция : МСПИ : Флинта, 2005. – 464 с.
23. Можейко М. А. Постмодернизм и синергетика в современной филологии / М. А. Можейко // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2008. – № 1. – С. 58–68.

24. Можейко М. А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре. Сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм : монография / М. А. Можейко. – Минск : БГЭУ, 1999. – 297 с.
25. Молчанова Г. Г. Синергия как основной типобразующий параметр современных языковых и межкультурных инноваций / Г. Г. Молчанова // Вестник Московского университета : Сер.19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 4. – С. 9–21.
26. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 296 с
27. Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста : Механизмы. Формы. Характеристики. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 152 с.
28. Огурцов А. П. Постмодернизм в контексте новых вызовов науки и образования [Электронный ресурс] / А. П. Огурцов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология» – 2006. – № 1 (4) – С. 3–27. – Режим доступа : <http://www.phil63.ru/postmodernizm-v-kontekste-novykh-vyzovov>
29. Пихтовникова Л. С. Лингвосинергетика : основы и очерк направлений: монография / Л. С. Пихтовникова. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. – 180 с.
30. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагматилистическом аспекте / Л. С. Пихтовникова // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2009. – № 848. – С. 48–52.
31. Постмодернизм. Энциклопедия / [сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко]. – Мн. : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с. – (Мир энциклопедий).
32. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / И. Пригожин. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». – 2000. – 208 с.
33. Пригожин И. Р. Человек перед лицом неопределенности / И. Р. Пригожин. – М. : Институт компьютерных исследований, 2003. – 304 с.
34. Пригожин И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
35. Сильницкий Г. Г. Постмодернизм и синергетика : два похода к проблеме возникновения нового / Г. Г. Сильницкий // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2008. – № 1. – С. 115–131.
36. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slovar.lib.ru/dictionary/metaproza.htm>
37. Философия постмодернизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sannyasa.narod.ru/misc/postmod.htm>
38. Хокинг С. Краткая история времени. От большого взрыва до черных дыр / С. Хокинг. – СПб. : Амфора, 2001. – 93 с.
39. Холмогорова В. Е. Поэтическая функция языка в постмодернистском тексте (на примере романа Патрика Зюскинда «Парфюмер») : автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.04 «Литература зарубежных стран» [Электронный ресурс] / В. Е. Холмогорова – Белгород, 2010. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/poeticheskaya-funktsiya-yazyka-v-postmodernistskom-tekste#ixzz3JAF4q3hn>
40. Чернявская В. Е. Лингвистика текста : Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

41. Шевченко О. І. Телеологічна лінгвосеміотика (на матеріалі англомовної публіцистики) : монографія / О. І. Шевченко. – Запоріжжя : Запорізький національний університет, 2012. – 216 с.
42. Эко У. Открытое произведение : Форма и неопределенность в современной поэтике / У. Эко. – СПб. : Академ. проект, 2004. – 384 с.
43. Alexander V. N. The Biologist's Mistress : Rethinking Self-organization In Art, Literature, and Nature / Victoria N. Alexander. – Emergent Publications, 2011. – 234 p.
44. Jameson F. Postmodernism, Or the Cultural Logic of Late Capitalism / Fredric Jameson. – Durham, NC : Duke University Press, 1991. – 438 p.
45. Ryle G. The Concept of Mind / G. Ryle. – London : Hutchinson House, 1951. – 334 p.

Источники иллюстративного материала

46. Barnes J. The Sense of an Ending / J. Barnes. – London : Jonathan Cape, 2011. – 150 p.
47. Lodge D. Deaf Sentence / D. Lodge. – London : Penguin Books, 2008. – 101 p.
48. McCarthy T. Remainder / T. McCarthy. – London : Alma Books, 2006. – 320 p.
49. McEwan I. Atonement / I. McEwan. – London : Vintage Books, 2007a. – 375 p.
50. McEwan I. On Chesil Beach / I. McEwan. – London : Jonathan Cape, 2007b. – 166 p.
51. 51. McEwan I. Saturday / I. McEwan. – London : Vintage Books, 2006. – 282 p.

3.9. Синергетический аспект исследования англоязычного афоризма

О. А. Анастасьева

В статье рассматриваются принципы самоорганизации дискурса англоязычного афоризма. Анализируются особенности действия параметра порядка применительно к различным уровням самоорганизации системы афоризма: когнитивному, прагматическому, лингвостилистическому.

С конца XX века синергетическая парадигма является одним из магистральных направлений в лингвистике, поскольку дает новые возможности для изучения свойств дискурса, которые остаются недоступными в рамках традиционных парадигм.

«Синергетический текст – это текст множественного кодирования, содержащий глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющий собой совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов» [Муратова 2011: 13–14].

Среди выделенных Е. Ю. Муратовой маркеров синергетичности [Муратова 2011: 151–158] типичными и актуальными для англоязычного афоризма следует признать нестандартные синтагматические

связи лексем, интертекстуальность, стилистические фигуры, такие как повторы, сравнение, параллелизм.

Например, афоризм *Democracy means simply the bludgeoning of the people by the people for the people. (Oscar Wilde)* [The Oxford Dictionary 2004] носит признаки интертекстуальности, поскольку отсылает нас к известному высказыванию *Democracy is the government of the people, by the people, for the people (Abraham Lincoln)*.

С синергетической точки зрения, все цели, авторские задумки дискурса, как бы их ни формулировали, являются аттракторами, т. е. зонами притяжения, направляющими все процессы организации и отбора в системе. При этом ограничения со стороны норм языка, традиций жанра, экстралингвистических условий и т. д. можно представить себе как анти-аттракторы (репеллеры), которые отталкивают при отборе и организации элементов дискурса все, что не укладывается в норму. Способность системы (дискурса) к самоорганизации обусловлена ее неравновесным состоянием и наличием иерархических подсистем [Піхтовнікова 2011: 519].

Самоорганизация дискурса понимается не в том смысле, что он возникает независимо от автора, а в том, что автор является одновременно и творческим конструктором дискурса, и орудием аттракторов и репеллеров этого дискурса, которые возникли до автора и независимо от него [Пихтовникова 2012: 29].

Параметр порядка как наиболее подвижный параметр системы, действующий на всех уровнях самоорганизации, реализует цели дискурса в тексте, подтексте, контексте [Пихтовникова 2012: 18]. Афоризм как тип текста имеет цель донесения мудрости. Для этого реализуется цель подчиненного порядка, как-то объективация разнообразных прагматических установок: 1) констатация, резюмирование; 2) парирование; 3) урезонивание; 4) предостережение, угроза; 5) разоблачение, укор; 6) сетование; 7) (само)оправдание; 8) (само)унижение; 9) обоснование; 10) успокаивание; 11) побуждение; 12) совет; 13) апелляция к авторитету автора; 14) лозунг, слоган; 15) эстетическое воздействие; 16) потрясение неожиданностью аргументации; 17) познание.

На когнитивном уровне происходит формирование замысла автора. Специфическим свойством афоризма является то, что он более тесно, чем другие литературные жанры, связан с человеческой мыслью. В нем отсутствует опосредованность, которая отделяет авторскую мысль от читателя в поэзии, прозе или драматургии – например, сюжет, персонажи, фабула. В афоризме наиболее очевидно проявляется взаимозависимость языка и мышления.

Афористическое высказывание обладает способностью аккумулировать экстралингвистическую информацию и оказывать влияние на формирование мировоззрения адресата, обладает высокой персуазивностью, а также скрытой интенцией.

Прагматический уровень можно лишь условно отделить от когнитивного. На прагматическом уровне происходит создание речевых стратегий и кодов для реализации целей дискурса.

При этом следует иметь виду, что афоризм как самостоятельная единица, представленная в словарях вне контекста, обладает самостоятельным значением и потенциальными прагматическими установками. Практическая реализация этих прагматических установок происходит тогда, когда афоризм употребляется в речи как воспроизводимая единица.

На стилистическом уровне в самоорганизации афоризма также обнаруживаются особенности. Для стилистического синтаксиса характерны такие явления, как актуальное членение предложения, гораздо реже сверхфразовое единство. Это обусловлено тем, что большинство афоризмов ограничено одним предложением, часто характеризуется лаконичностью, информативной плотностью. Например, *Knowledge is power (Francis Bacon)*.

Необходимо также обозначить композиционные особенности афоризма. Афоризмы, как правило, состоят из двух частей: конкретной мысли и вывода. Иногда эти компоненты неразделимы, но они всегда присутствуют. Вывод сдержит «соль» афоризма – авторская оценка первой части. Афоризм имеет как бы два аспекта, которые часто находятся в конфликте между собою. Между тем, это противоречие не превращает его в парадокс. Парадоксы всегда противостоят общественному мнению, в то время как противоречия афоризмов гасятся в них самих [Федоренко 1990: 79]. Даже в самых противоречивых, на первый взгляд, афоризмах парадоксальность используется только как стилистический прием. Например, парадоксальное высказывание *Punctuality is the thief of time. (Oscar Wilde)* [The Oxford Dictionary 2004], противоречащее распространенному мнению и всем известным рекомендациям, иногда оказывается справедливым, принимая во внимание тот факт, что иногда человек, который приходит вовремя, должен ждать тех, кто опаздывает. То есть в этом афоризме противопоставляется общее правило и жизненный опыт. Таким образом, это высказывание побуждает читателя беречь свое время.

Прагматическая установка в афоризмах реализуется при помощи широкого спектра стилистических средств. Часто афористические высказывания имеют сложную структуру и содержат в разнообразных ком-

бинациях две, а иногда больше стилистических фигур и другие средства выразительности.

Афоризм является весьма интересным объектом исследования с синергетической позиции. В нем, как в микродискурсе, наиболее рельефно отражены в минимальном пространстве все механизмы самоорганизации дискурса: поляризация смыслов текста и подтекста, идеальная гармония целей и ограничений (аттракторов и репеллеров), иерархичность смысла, многофункциональность речевых единиц. Синергетика афоризма находится лишь в начальной стадии исследования, поэтому данная тема имеет значительную перспективу развития.

Литература

1. Муратова Е. Ю. Лингвосинергетика поэтического текста / Е. Ю. Муратова. – Минск : Изд-во «Простобук», 2011. – 219 с.
2. Пихтовникова Л. С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений: монография / Л. С. Пихтовникова. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. – 180 с.
3. Піхтовнікова Л. С. Дискурс байки у синергетичному аспекті (на матеріалі української, російської та німецької байки) / Л. С. Піхтовнікова // Незгасимий словосвіт: збірник наукових праць на пошану професора В. С. Калашника. Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011. – С. 519–526.
4. Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 419 с.
5. The Oxford Dictionary of Quotations / Elizabeth Knowles. – Oxford University Press, 2004. – 1768 p.

ГЛОССАРИЙ

основных понятий синергетики (для филологов)

Пихтовникова Л.С.

Синергетика – наука о сложных самоорганизующихся системах различной природы и назначения. Как правило, такие системы состоят из разнородных элементов, связанных между собой структурно и / или функционально. Самоорганизующиеся системы кратко обозначаем как **С-системы**.

Системой принято называть такую совокупность объектов одинаковой или разной природы, которые находятся во взаимной связи, и за счет этого совокупность приобретает свойство цельности, т. е. новые функции и качества, не вытекающие из функций и качеств составляющих частей совокупности. Система всегда имеет цели, иначе говоря, некоторую целеустремленность поведения. Связи между элементами системы и упорядоченная совокупность ее функций составляют **организацию** системы.

Комплекс – это совокупность объектов с их взаимными связями. В отличие от полноценной системы, цели комплекса (если они есть), а также его связи и функции выражены слабо и статично.

Конгломерат есть механическое объединение элементов без взаимных связей.

Система функционирует на основе **самоорганизации**, если она самостоятельно способна адекватно реагировать на внешние изменения и воздействия, изменяя самостоятельно свои параметры, структуру, функции и тем самым сохраняя себя. Ответ системы – не обязательно пассивный (самоадаптация), он может изменять ее положение и влиять на внешнюю среду. Систему, действующую на основе самоорганизации, обычно называют **самоуправляемой**.

С позиций синергетики основными факторами, способствующими созданию и саморазвитию системы, являются ее **иерархичность, неравновесное состояние**, а также свойство **диссипативности**.

Система, в которой цель четко детерминирована, а ее конструкция (элементы и связи) и поведение не допускают изменений, называется **замкнутой**. Замкнутая система не имеет ничего общего с самоорганизацией.

В противоположном случае – относительно свободной перестройки конструкции и поведения, обмена веществом и / или информа-

цией с внешней средой – речь идет об **открытой системе**, способной к самоорганизации и дальнейшей эволюции.

Открытость системы выражается в ее **диссипативности**, т. е. способности обмениваться энергией, информацией с окружающей средой и внутри своей конструкции.

Иерархичность необходима для самоорганизации, т. к. в этом случае уровни (само)управления системы также создаются самостоятельно.

Примером открытой системы является языковая система. Любой естественный язык регулярно пополняется новой лексикой и фразеологией, иногда в нем быстро эволюционирует синтаксис и морфология (см. явление так называемой креолизации языка).

Неравновесное состояние системы также является необходимым условием самоорганизации и заключается в том, что малые изменения ее состояния (т. е. небольшие отклонения величин ее параметров) приводят к значительной трансформации ее устройства и поведения.

Этот же феномен можно трактовать как свойство **нелинейности развития**: при линейном развитии малые изменения параметров системы вызывают незначительные отклонения в ее состоянии, происходит затухание возмущений; при нелинейном развитии малые изменения параметров вызывают большие отклонения.

Микроструктура большинства С-систем состоит из многих элементов, в некотором смысле однородных и неразличимых между собой по форме и / или по своим функциям. Элементы способны к активному взаимодействию между собой и с внешней средой. Примером может служить реактивность слов в языковой системе (М. М. Бахтин). Каждое слово в тексте и дискурсе предполагает последующие слова и является откликом на предыдущие. В терминах синергетики это свойство названо выше диссипативностью С-системы.

На микроуровне все процессы в С-системах являются массовыми. Поэтому открытость, диссипация и нелинейность – глобальные свойства С-систем, заложенные в их природе.

Оппозиционные понятия устойчивость / неустойчивость С-системы (синонимы равновесного / неравновесного состояния) имеют свои критерии и могут быть уточнены в таких представлениях теории динамических систем, как **принцип положительной и отрицательной обратной связи**.

Саморазвитие сложной системы возможно только при ее состояниях, далеких от устойчивости (в положении равновесия нет никакого развития).

Неравновесные состояния возникают в С-системах различной природы единообразным путем. Отклонения в системе накапливаются

и приводят ее в неустойчивое состояние, в так называемые **точки бифуркации**, в которых происходит выбор одного из дальнейших путей развития системы. Образно говоря, точки бифуркации являются началом отсчета для необратимого перехода С-системы к новому равновесию.

Бифуркация (русск. *разветвление*) означает, что из этого положения С-система имеет возможность развития в нескольких направлениях; реальный выбор системой одного из них обычно непредсказуем, однако это является лишь следствием наших неполных знаний и недетерминированности окружающего мира. Точки бифуркации обладают одним замечательным свойством: «вблизи» них возможности системы явно фокусируются и ограничиваются изменением немногих параметров, остальные параметры «уходят в тень», их влияние на систему незначительно.

Неустойчивость вблизи точки бифуркации приводит к быстрому и значительному изменению состояния / поведения С-системы. Такой скачок значений параметров принято называть математической катастрофой. **Понятие математической катастрофы** играет важную методологическую роль в установлении границ объектов, процессов, явлений, в том числе, языковых. Границы определяют форму явления или объекта, благодаря чему они могут быть восприняты сознанием, структурированы, экстраполированы и т. д. В большом числе случаев передаваемый смысл может быть разложен на атомарные фразы, которые систематизированы Р. Томом, и показано установление связей в них, ограничивающих значение языковых единиц и создающих контекст, передающий элементарный смысл. Данный процесс, трактуемый Р. Томом как цепь элементарных математических катастроф, является ограничительным и создает речевое произведение из языковых единиц.

Параметрами физических и идеальных объектов считаются их устойчивые характеристики, которые могут изменять значения, не теряя своей определенности. Однако для идеальных объектов проблемными вопросами иногда становятся диапазон изменения параметров, их дискретность или непрерывность, тип шкалы качественных оценок. Общим ответом на данные вопросы являются давно разработанные методы шкалирования и обработки разнотипных эмпирических данных.

Все множество устойчивых состояний С-системы дискретно. Иначе говоря, одно устойчивое состояние заметно и измеримо отличается от другого своим уникальным набором параметров и их диапазоном значений. Этот набор в синергетике принято называть **аттрактором**. Этимология данного слова известна: attract – притягивать (к устойчивому положению). Однако «притяжение» к аттрактору происходит не

в силу его пожеланий, а потому, что траектория, путь системы к нему – через наименьшие затраты ресурсов. В силу иерархичности С-системы в ней присутствует не один аттрактор, а целая их иерархия, подобная структуре системы.

Каждая С-система имеет **цель (цели)** своего создания и функционирования. Понятие «цель» связано с нашими антропоцентрическими представлениями, что не всегда адекватно отражает реальность С-системы. Реально каждая С-система лишь поэтапно стремится к своим состояниям устойчивости, а с антропоцентрической точки зрения это стремление выглядит как «цель». В буквальном смысле тождество «цель = устойчивому состоянию» имеет место лишь в С-системах с участием человека.

Задание, формулирование цели для какой-либо системы всегда связывается нами с наличием **субъекта целеполагания**, а реализация цели системой – с наличием **объекта целеполагания**.

В разнообразных процессах самоорганизации систем различия между субъектом и объектом целеполагания **трансформируются**. С синергетической точки зрения субъект, задающий цели системы (например, автор художественного произведения), самопроизвольно включается своими параметрами в аттрактор С-системы как мыслящая личность, в частности, писатель – как языковая личность. Уровни и параметры языковой личности в лингвистике четко определены.

Включение автора как языковой личности в процесс самоорганизации дискурса может вызвать мысли о парадоксе: если у дискурса всегда есть автор (авторы), то где здесь самоорганизация? Для ответа на этот вопрос введем понятие репеллера.

Понятию «**аттрактор**» противостоит понятие «**репеллер**» – набор параметров и их значений, которые «отталкивают» С-систему от положения равновесия в том смысле, что он вводит ограничения различной природы на свободу стремления С-системы к цели, к равновесию. Если аттрактор обозначает то состояние равновесия С-системы, к которому она стремится как к своей цели, то репеллер выражает своим содержанием все ограничения и запреты для системы. Например, при возникновении дискурса содержанием репеллера являются нормы изложения, традиции жанра, объем, экстралингвистические условия, архетипы коммуникантов и пр. Содержанием аттрактора выступают характеристики автора дискурса как языковой личности, его интенции, а также встроенные в языковую картину мира социальные ожидания на результаты реализации дискурса.

Самоорганизацию дискурса мы понимаем не в том смысле, что он возникает независимо от автора, а в том, что автор является одновременно и творческим конструктором дискурса, и орудием

аттракторов и репеллеров этого дискурса, которые возникли до автора и независимо от него.

Основная творческая роль автора в процессе самоорганизации дискурса с точки зрения синергетики – определять параметры порядка данного дискурса и использовать их подвижность для реализации своих интенций.

Большинство реально существующих сложных систем нечетко определены, и их параметры находятся в сложных, противоречивых взаимосвязях. По этой причине в С-системах часто наблюдаются острые противоречия между требованиями к поведению системы со стороны аттракторов и со стороны репеллеров.

Противоречивые требования к С-системе со стороны аттракторов и репеллеров не приводят к ее распаду благодаря тому, что она иерархична. Разные составляющие иерархии в процессе самоорганизации приобретают противоположные качества. Одни удовлетворяют требованиям аттракторов, другие – репеллеров. В целом С-система, сохраняя свою структуру и цели, приобретает полярно противоположные свойства и возможность альтернативного поведения. К примеру, **явления поляризации** в различных типах дискурса есть **ключевой процесс** при его **самоорганизации**.

В качестве примеров поляризации можно привести относительную оппозицию текста и подтекста в художественном дискурсе, оппозицию авторского монологизма и интертекстуальности (цитация, пересказ и пр.) в научном дискурсе.

Поляризация оригинальным образом сохраняет С-систему в режиме динамической устойчивости. Этот феномен можно пояснить следующим важным постулатом синергетики: в информационном отношении составляющие С-системы способны моделировать друг друга и окружающую среду. Служа взаимными моделями, составляющие с полярными свойствами дополняют друг друга и обеспечивают достижение целей системы несколькими альтернативными путями.

Основным инструментальным понятием синергетики является понятие «**параметр порядка**». Этим термином назван наиболее подвижный, изменчивый параметр С-системы. Его динамика обусловлена относительной независимостью от других параметров. Согласно представлениям синергетики, в неравновесном состоянии С-системы ее параметр порядка подчиняет себе остальные параметры и приводит их диапазон изменения в соответствие с требованиями аттракторов и репеллеров.

Примерами параметров порядка могут служить ритм и метр в стихотворном тексте, типовые композиционно-речевые формы, создающие определенный стиль (например, эпический).

Принцип отрицательной обратной связи – это общий принцип управления сложными системами. Его суть состоит в том, что любые отклонения системы от желательного идеального ее состояния формируют управляющее воздействие, направленное на достижение идеального состояния. На каждом шагу данного процесса анализируется результат (близко – далеко, хуже – лучше), и следующий шаг для улучшения результата выбирается, следуя определенной тактике.

Суть **принципа положительной обратной связи** противоположна сути принципа отрицательной обратной связи. Здесь любое отклонение системы от положения равновесия стимулирует еще большие отклонения. Однако это вовсе не означает, что С-система движется к распаду. Состояния, далекие от равновесия, для самоорганизации плодотворны.

Фракталом принято называть структуру, которая остается самоподобной при любом изменении масштаба (увеличении, уменьшении). Принцип фрактальности играет важную роль в языке и речи, а также в ограничении процедур вербализации концептов.

Согласно Х.-О. Пайтгену и П. Х. Рихтеру, генератор фрактала имеет, как минимум, две группы параметров. Первая группа {C} – это параметры конструкции базовой фигуры фрактала (лейтмотив по Пайтгену и Рихтеру), или идея фрактала, его композиция. Вторая группа {Z} – параметры исходной точки или области в пространстве-времени, в которой начинается построение фрактала. Вся вариативность и красота фракталов истекает из комбинирования параметров {C} и {Z}. Если фиксировать конструкцию фрактала {C} и изменять области {Z}, то все пространство-время разбивается на зоны аттракторов, притягивающих элементы множества с определенными свойствами. Например, языковые единицы, имеющие определенную семантику. Границы влияния аттракторов называются границами Жюлиа-Фату G-F в честь французских математиков, которые век назад впервые обратили внимание на этот феномен. Если, наоборот, фиксировать область {Z} исходных параметров и изменять группу параметров конструкции фракталов {C}, то границы возможного в данном пространстве-времени называются множеством {M} Бенуа Мандельброта. **Фазовый переход** синергетической системы происходит тогда, когда границы Жюлиа-Фату (G-F) выходят на множество {M} Мандельброта. Что все это означает в лингвистике – можно объяснить на примерах «нанизывания» придаточных предложений, усложнения времен глагола в английском языке, конкуренции фракталов рифмы и метра в стихотворных текстах.

РЕЦЕНЗИИ

1.

В. Д. НАРИВСКАЯ

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

Рецензия

на монографию В. И.Силантьевой

«Литература и живопись в контексте компаративистики. Писатели и художники конца XIX–начала XX веков» (Одесса, 2015)

За последние два десятилетия литературоведение (отечественное и зарубежное) пополнилось многочисленными исследованиями по компаративистике. Судьба их сложилась по-разному: большинство не выдерживало испытание временем и исчезало, иные – с трудом осваивались. Но появились и те, в которых ощущалась методологическая прочность и надежность. К ним принадлежат работы В. Силантьевой, тем более что она занимается изучением одного из самых интересных направлений в компаративистике – взаимодействием литературы и живописи. То, что это направление получило новые методологические акценты – во многом заслуга и Валентины Ивановны. Ее новая монография – еще одно тому подтверждение. У нее очень простое и вместе с тем всеобъясняющее название. Оно словно занавес, открывая, который, познаешь малоизвестные, упущенные страницы взаимодействия литературы и живописи.

Первая ее часть посвящена рассмотрению литературоведческих и общетеоретических составляющих исследования, имеющая три главы, в которых разработаны и представлены «новейшие методики сравнений». У каждой из них – интердисциплинарности, интермедиальности, экфрасиса, межкультурной коммуникации, как известно, есть свои научные самостоятельные ниши. Но автор монографии объединяет все со всем под крышей понятия «межвидовая компаративистика», придавая тем самым этим явлением качество компаративной целостности. Одним из важнейших компонентов, рассматриваемых в этом составе, является синергетика. Наука о хаосе обретает едва ли не впервые глубокое литературоведческое осмысление, что также дает возможность впервые представить хаос времени как художественно-литературную упорядоченность.

Немало было написано работ о проблеме переходности. Для многих это было модное веяние времени, вытесняемое ныне на второй план. В монографии вопрос о переходности обретает свои новые смыслы, связь с проблемами времени, придавая всему методологическую завершенность, притягивая к себе вопрос о теоретическом осмыслении импрессионизма. Многие исследователи – именитые, менее известные – пытались решить эту проблему, но далеко не всем это удавалось. Наверное, сказывалась чрезмерная привязанность к французской его модификации. Валентине Ивановне это удалось, поскольку стиль ее мышления и изложения сочетает доходчивость с высокой научностью. В этом видятся традиции С. Аверинцева, А. Михайлова, Л. Баткина, которые еще в 1960–1970-ые годы продемонстрировали возможности взаимодействия литературы и живописи. В. И. Силаньева один из верных наследников этой традиции, прежде всего в мастерстве расставлять акценты. Перефразируя Л. Баткина, скажем – читая научный текст В. И. Силантьевой, ощущаешь аппетит к самому блюду, но в большей мере к пикантной приправе, т. е. как-бы невзначай брошенным сравнениям, метафорам, уточнениям, деталям, которые делают текст по-силантьевски насыщенным и захватывающим.

Пожалуй, от того момента, когда вышла в свет книга «Л. Толстой и художники» с документами, фактами, перепиской, никто так и не отважился проанализировать особенности такого уникального события, хотя идеи реалистической сопряженности давно витали в культурном пространстве. Валентину Ивановну не остановило существующее предубеждение относительно реализма. Ей удалось не только продемонстрировать традиционное и новое в реализме последней трети XIX века, но и раскрыть в нем новые ракурсы, новое содержание, просматривающееся от взаимодействия литературы и живописи, свести к единой реалистической литературно-живописной целостности «Незнакомку» Крамского и «Анну Каренину» Л. Толстого. В этом – особенная ценность исследования В. Силантьевой.

Часть третья посвящена осмыслению творчества А. Чехова и художников его времени. Эта тема уже стала традиционной для научного творчества исследовательницы, но каждый раз она находит новые грани проблемы. На сей раз все завязано на вопросе переходного времени, в котором тесно переплетены лиризация хронотипа, лирический синтез, ритм, цвет и свет, а также те взаимоотношения мастеров, которые просматриваются через логику «ветшания / обновления» искусства, соотношенность вербального и визуального видов.

Эта мысль находит свое развитие в следующих частях монографии. Так, «Новые формы» в эстетике модернизма начала XX века рассматривают «портретные истории» А. Блока, А. Ахматовой, Рильке

и Цветаеву в контексте модерна и европейской живописи, что снимает налет житейской разорванности и творческих полярностей и создает образ целостного времени. Это ощущение дает портретный образ мастеров. Весьма примечательна та часть исследования, в которой рассматривается «иллюстративная шекспириана» – справедливо акцентированная как образец, канон, классика. И это уже не только аспект монографии, а научная позиция.

Нельзя не отметить и того, что Валентина Ивановна в своем исследовании развивает представление о возобновленном термине компаративистики – экфрасисе, уточняя возможности его преломления в анализе и тем самым смысловую наполненность.

В. И. Силантьева, как всегда, написала очень интересную работу. Ценность ее видится не только в том, что она заполняет компаративистскую лакуну, а, следовательно, будет востребована профессиональным читателем, но и не в меньшей степени массовым. И сама постановка вопроса, и оригинальность его решения и предполагаемая читательская востребованность дают основания для рекомендации монографии В. И. Силантьевой «Литература и живопись в контексте компаративистики. Писатели и художники конца XIX– начала XX веков» к публикации.

2.

Л. С. ПИХТОВНИКОВА

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Рецензія

на монографію Т. І. Домброван «Синергетична модель розвитку англійської мови» (Одеса, 2014)

У рецензованій монографії висвітлено мовні та позамовні фактори, які змінюють англійську мовну систему за принципами самоорганізації. Ці принципи є здобутком синергетики – науки про виникнення систем та їх саморозвиток. Актуальність обраної теми зумовлена докорінною зміною пріоритетів досліджень у сучасній лінгвістиці, її зверненням до вивчення змін у мовній системі, до спостережень еволюції за синергетичним сценарієм, а також суттєвою недостатністю в українській філології таких праць, які створюють методологічну базу лінгвосинергетичних досліджень та практичні моделі процесів саморегуляції у взаємодіючих підсистемах мови.

У монографії в значному обсязі здійснено наукознавчі студії з огляду на те, як синергетика змінює засади епістемології. Такі студії необхідні для розуміння нових відносин між синергетикою та до-синергетичною наукою і, зокрема, між лінгвосинергетикою та іншими лінгвістичними парадигмами. Успішне створення синергетичної моделі еволюції англійської мови здійснено авторкою монографії завдяки тому, що 1) окреслено предметну сферу лінгвосинергетики, її методи, базові та інструментальні поняття, правомірність застосування синергетичних понять і методів до лінгвістичних об'єктів; 2) обґрунтовано сутність системного підходу до вивчення об'єкту дослідження – англійської мови у діахронії; 3) описано механізми фонетичних, морфологічних, граматичних змін; 4) досліджено принципи граматикалізації, які суттєво впливають на еволюцію англійської мови; 5) виявлено екстралінгвальні фактори змін у мові; 6) описано різні концепції виникнення мови у суспільстві, фактори її змін, різні аспекти її саморозвитку: екстра-лінгвальний вплив, внутрішня логіка перебудови, інформаційний аспект.

Мовна система розглядається авторкою у фазовому просторі – координатній системі, в якій вимірами стають найбільш важливі параметри. В цьому просторі можливо відобразити всі стани мовної системи, їх рухомість, засоби рецесії, конфігурацію мовної системи. У такий спосіб процес еволюції мови у режимах з загостренням / без загострень набуває геометричної наочності, а мова може бути відображена у синергетичній моделі. Розробка цієї моделі базується на сукупності синергетичних ознак мовної системи, а її дія розгортається у фазовому просторі.

Ємний огляд авторкою синергетичних явищ та їх досліджень у багатьох галузях науки, перелік об'єктів, що саморегулюються та еволюціонують, переконує в необхідних змінах поглядів на складні нерівноважні системи, серед яких є мова. Обґрунтовується правомірність вивчення мовної системи з синергетичної точки зору, адекватність появи в ній синергетичних явищ – нелінійності, нерівноважності, дисипативності. Обґрунтовано також застосування понять атрактор, репелер, параметр порядку та ін. Особливим надбанням є інструментальне використання понять емерджентності, фазового простору мовної системи та фазових переходів, фрактальності, темпосвіту.

Суттєвим здобутком авторки є поєднання мовних явищ з екстра-лінгвістичними чинниками їх змін, розробка поняття фазового простору мови та фазових переходів, які є підґрунтям синергетичної моделі еволюції англійської мови, а також дослідження фрактальної природи мови.

Мова є також предметом вивчення лінгвокультурології, етно- та психолінгвістики. З кожної з цих позицій перебудова мови є синер-

гетичним процесом з конкуренцією синонімів, еволюцією смислів слів та, взагалі, зміною семантичних правил спілкування. Дослідження всіх цих факторів разом на сучасному етапі є неможливим; отже, наукову цінність має проекція цих ємних процесів у мову, яка еволюціонує, що адекватно відображено у розробленій синергетичній моделі англійської мови.

Запропонована в монографії синергетична модель еволюції англійської мови потенціально враховує багато вимірів мовної системи і відображає зв'язок між мовними підсистемами. Продемонстровано, як зміни в одних частинах системи призводять до змін у інших. Отже, ця модель є адекватною для вивчення багатьох часткових та загальних питань еволюції системи, тобто модель є парадигмальною. В цьому полягає її безсумнівна наукова цінність.

Монографія складає враження студій для майбутньої перспективи розвитку лінгвосинергетики і стосується низки проблем самоорганізації мови, які утворюють напрямок принципово нових досліджень.

Робота виконана на належному науково-теоретичному рівні, засвідчує зрілий рівень авторки, вміння критично опрацьовувати інформацію щодо досліджуваної проблематики. Матеріал викладено логічно, системно, завдання є ретельно виконаними. Вважаю, що монографія Т. І. Домброван „Синергетична модель розвитку англійської мови” може бути рекомендованою до друку.

НАШИ АВТОРЫ

Домброван Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры грамматики английского языка факультета романо-германской филологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Автор научных монографий: «Язык в контексте синергетики» (Одесса, 2013), «Лингвосинергетика: Язык как синергетическая система» (Saarbrücken, 2014), «Синергетическая модель развития английского языка» (Одесса, 2014). Соавтор 5 научных коллективных монографий (Украина, Россия, Германия), автор 97 статей, опубликованных в ведущих научных журналах Украины, Республики Беларусь, России, Польши, Словакии, Германии. Разработала курс лекций по лингвосинергетике для магистров и аспирантов факультета РГФ ОНУ имени И. И. Мечникова с целью повышения профессиональной подготовки будущих лингвистов.

В докторской диссертации «Синергетическая модель развития английского языка» (научный консультант – доктор филологических наук, профессор И. М. Колегаева) заложен фундамент методологически нового, междисциплинарного направления языкознания – диахронической лингвосинергетики, объектом изучения которой являются переходные явления в языке, языковая система в состоянии критичности её развития. Очерчены предметная сфера диахронической лингвосинергетики и система методологических принципов исследования, определен категориальный аппарат нового, процессуально ориентированного метаязыка анализа. Вскрыты и описаны синергетические свойства английского языка. Доказано, что в основе языковой организации находится фрактальный принцип формообразования, обеспечивающий внутри- и межуровневую интеграцию компонентов системы языка. Применение принципов синергетического анализа позволило построить качественно новую концепцию языкового развития и открыть новые перспективы в исследовании языковой динамики. *Сфера научных интересов:* лингвистические универсалии, эволюция и сохранение языковой сложности, лингвосинергетика, разработка и применение междисциплинарных подходов к изучению истории английского языка, информационная структура в грамматике, генеративная грамматика, психолингвистика.

Еникеева Саня Маратовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии факультета иностранной филологии Запорожского национального университета. Автор научной монографии: «Система словообразования современного английского языка» (Запорожье, 2006), соавтор 3 научных коллективных монографий и 2 научно-методических пособий, автор 88 статей, опубликованных в ведущих научных журналах Украины, Республики Беларусь, России, Польши, Словакии, Германии.

ликованных в ведущих научных журналах Украины и России. Под её руководством подготовлено и защищено 4 кандидатские диссертации.

Наукой занимается со студенческой скамьи под бесменным руководством доктора филологических наук, профессора Ю. А. Зацного. Результатом научных поисков в области неологии и словообразования английского языка стала кандидатская диссертация «Формирование и функционирование новых словообразовательных элементов современного английского языка» (Харьков, ХНУ имени В. Н. Каразина, 1999), в которой выявлены и охарактеризованы пути и способы образования новых аффиксов, используемых в создании неологизмов, осуществлена инвентаризация новых словообразовательных средств современного английского языка.

Новые горизонты в исследовании вербокративных процессов, происходящих в английском языке на рубеже столетий, открыла синергетика, знакомство с идеями и принципами которой началось с подачи доктора филологических наук, профессора А. Н. Приходько. Синергетика, или теория самоорганизации сложных открытых неравновесных систем, стала методологической базой для докторской диссертации «Система словообразования современного английского языка: синергетический аспект (на материале новообразований конца XX – начала XXI веков)» (Киев, КНЛУ, 2011), в которой были выявлены особенности структурной организации словообразовательной системы современного английского языка, установлены механизмы саморегуляции, определяющие алгоритм её функционирования и развития. Путём экстраполяции параметров фрактальной геометрии на исследование принципов структурной организации словообразовательной системы выявлены механизмы её развития и самодоотраивания на микро- и макроуровнях. Доказана синергетическая сущность функциональной трансориентации языковых единиц, которая способствует обогащению инвентаря словообразовательных средств и совершенствованию способов и механизмов вербокративации. *Сфера научных интересов*: словообразование английского языка, лингвосинергетика, неология, когнитивная лингвистика и концептология, социолингвистика, лингвокультурология.

Пихтовникова Лидия Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Проблемами синергетики Л. С. Пихтовникова занимается с 90-х годов XX ст. *Идея приложения синергетического метода к филологии* выкристаллизовалась в кандидатской диссертации (1992) при системном рассмотрении проблемы композиции текста, в частности стихотворной басни и соотношения басни с родственными жанрами. Эта идея реализовалась в системно-синергетическом исследовании эволюции стиля немецкой

басни XIII–XX вв., в частности в разработке синергетических моделей басни в диахронии, в докторской диссертации (защищена в 2000 г. в КНУ имени Тараса Шевченко по двум специальностям: 10. 02. 04. – германские языки и 10. 01. 04. – литература зарубежных стран; научный консультант – доктор филологических наук, профессор Г. В. Ейгер).

В монографии «Синергія стилю байки. Німецька віршована байка XIII–XX ст.» (1999 г.) и в докторской диссертации впервые в украинской филологии сформулированы основные положения синергетики для применения к филологическим исследованиям. По материалам докторской диссертации и в ее развитие в Германии издана монография «Synergie des Fabelstils: Die deutsche Versfabel vom 13.–21. Jahrhundert» (2008 г.). В монографии «Лингвосинергетика: Основы и очерк направлений» (2012 г.) синергетическая парадигма рассмотрена в применении к различным направлениям лингвистики; освещены суть и проблемы самоорганизации лингвистических объектов с опорой на общие и инструментальные понятия синергетики; методология синергетики использована для объяснения механизмов самоорганизации и эволюции дискурса; показаны предпосылки самоорганизации в языке и речи; рассмотрена роль синергетики в самосознании современной лингвистики, смене парадигм и эволюции целей лингвистики. Автор 130 филологических и методических работ, в том числе 4-х монографий, соавтор 7-ми коллективных монографий и юбилейных изданий, а также программы по немецкому языку профессиональной направленности для университетов Украины. Разработан курс лекций по лингвистической стилистике и лингвосинергетике для аспирантов факультета иностранных языков ХНУ имени В. Н. Каразина. Под руководством Л. С. Пихтовниковой подготовлено и защищено 12 кандидатских диссертаций. *Основные направления научной деятельности:* лингвосинергетика, прагматистика, лингвопоэтика текстов малых форм, дискурс в аспекте самоорганизации, художественный дискурс, лингвистическая интерпретация художественных текстов, дидактизация и перевод текстов малых форм, методика преподавания иностранных языков в высшей школе.

Приходько Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Днепропетровского национального университета имени О. Гончара.

Автор научных монографий: «Предикативное определение в современном немецком языке» (Запорожье, 1991), «Складносурядне речення в сучасній німецькій мові» (Запорожье, 2002), «Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики» (Запорожье, 2008), «Концепты и концептосистемы» (Днепропетровск, 2013). Соавтор множества коллективных монографий (Украина, Россия), автор

более 200 статей, опубликованных в ведущих научных журналах Украины, России, Польши, Германии.

В рамках развиваемого направления «Дискурсивная концептология» автора интересуют стабильность и изменчивость концептосистем естественных языков. В частности, выдвигается гипотеза о том, что такие системы постоянно подвергаются изменениям в ходе своего исторического развития и что эти изменения происходят по алгоритму самоорганизации, базирующейся на известных принципах синергетики (бифуркация, энтропия, митигация, интенсификация, аккомодация и др.). В этой связи нельзя обойти вниманием и такую проблему, как «импорт – экспорт» концептов из одной лингвокультуры в другую, понять и описать которую не представляется возможным без привлечения постулатов синергетики. *Сфера научных интересов*: грамматика, синтаксис, дискурсология, текстология, лингвозогнитология, лингвосинергетика, лингвоконцептология.

Семенец Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных коммуникаций Запорожского национального университета. Автор 115 научных работ, среди которых монография «Синергетика поэтического слова» (Кировоград, 2004), статьи в научных изданиях Украины, Чехии, Германии, Литвы, России, Республики Беларусь. В 2005 г. в Институте языкознания имени А. А. Потебни НАН Украины защитила докторскую диссертацию на тему «Лингвистическая синергетика идиолекта Евгения Маланюка» по специальности «украинский язык» (научный консультант – доктор филологических наук, профессор В. Н. Манакин). Диссертация посвящена установлению синергетических закономерностей формирования идиостиля писателя. Предложена интегративная методология исследования, построенная на основе синтеза идей синергетики, традиционной лингвистики (в ее границах – фоностилистики, лексической семантики, функциональной грамматики, семантического синтаксиса), а также философии языка, модальной логики, лингвосемиотики. Авторская концепция синергетики модальностей поэтического творчества направлена на раскрытие механизмов формирования стилевых приоритетов в идиолекте писателя.

В диссертации также рассмотрены механизмы действия структур памяти языковых единиц как фактора нарастания смысловой сложности поэтического текста. В ходе сравнительного анализа поэзии Евгения Маланюка и творчества Й. С. Махара, Б.-И. Антоныча, Н. Хвелевого, Н. Гумилева, А. Ахматовой, Л. Костенко и других писателей установлены основные закономерности трансляции языковой информации в процессе диалога систем художественных идиолектов. Раскрыта системная природа ключевых слов и лексем-символов как носителей идиости-

левой информации, описан фрактально-полевой принцип организации феноменов ментальной сферы и символической семантики лексем.

Еще одно направление исследований – системный анализ дискурсивных практик и закономерностей самоорганизации дискурса в масс-медийном пространстве. В центре внимания синергетическое моделирование коммуникационных процессов, проблемы идентичности индивида в дискурсивных практиках масс-медиа, экологии языка в сфере массовой коммуникации.

Сфера научных интересов: философия языка, лингвосинергетика, семиотика, модальная логика, медиафилософия, критический дискурс-анализ масс-медийной коммуникации, лингвоэкология.

Силантьева Валентина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной литературы факультета романо-германской филологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова. *Сфера научных интересов:* теория переходных художественных форм (от реализма к модернизму; от модернизма к постмодернизму). На материале «перетекания» Золотого литературного века в Серебряный была создана монография «Художественное мышление переходного времени» (2000) и сопутствующие ей статьи, опубликованные в ведущих украинских, русских, польских, английских изданиях.

Синергетический аспект исследования стал отправной точкой дальнейших поисков и отразил попытку литературоведческие изыскания в области переходных форм художественного мышления соотносить с философскими и физико-математическими обобщениями синергетиков. Таким образом, синергетический подход к исследованию произведений, созданных в нестабильное время и подверженных деструктивному влиянию кризиса и хаоса, стал способом углубить и в чем-то конкретизировать многолетние изыскания в области классического литературоведения. Как оказалось, понятийный ряд синергетиков с высокой степенью достоверности отражает процессы обобщения и дробления; множественных художественных экспериментов; флуктуационных сращений; неожиданных фрактальных и аттракционных образований. Данные закономерности и предложенные матрицы анализа отражены как в статьях В. И. Силантьевой, так и в работах ее бывших аспирантов – молодых исследователей Н. В. Абабиной, Н. Н. Долгой.

Активно занимаясь вопросами параллельного анализа нескольких видов искусства (теория межпредметных связей, компаративистика), в течение многих лет В. И. Силантьева писала, а в 2015 году опубликовала монографию «Литература и живопись в контексте компаративистики». В книгу вошел литературно-художественный материал как реалистов, импрессионистов рубежа XIX–XX вв., так и модернистов XX века. Так как в теории междисциплинарных технологий присутствует аспект «перехода» из одной системы отражения в иную («свой / чу-

жой»), то и в этой книге отдана дань синергетике как науке о кризисе-хаосе и становлении новых систем.

Фоменко Елена Геньевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода Классического частного университета, г. Запорожье. Автор научных монографий: «Типологическое в идиостиле Джеймса Джойса» (2004), «Эпифаническое откровение Джеймса Джойса» (2014), «Языкотворчество Джеймса Джойса» (2014). Редактор и соавтор двух международных научных коллективных монографий «Грані сучасного перекладознавства» (2011) и «Грані сучасної лінгвістики» (2013), автор 140 статей, опубликованных в ведущих научных журналах Украины, России, Польши, Словакии. Автор учебного пособия «Philological Interpretation of a Work of Fiction» (Запорожье, 2002).

В докторской диссертации «Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса» (Белгород, 2006) заложен фундамент лингвистической типологии художественного текста, лингвотипологического моделирования художественного дискурса эпохи. В научных монографиях, опубликованных после защиты докторской диссертации, исследуется система текста Джеймса Джойса и его современников в художественном дискурсе современности, где происходит синергетический обмен между индивидуально-авторскими концепциями в векторных трансформациях констант культуры. Эпоха Стерна-Джойса рассматривается как фазовое пространство мирового художественного дискурса, разрушившее традиционную иерархическую повествовательность, освободив пространство для радикализуемой неустойчивости. Доказывается, что фазовый переход Стерна-Джойса утверждает новый порядок в рассеянной ризоморфной среде для циркуляции неустойчивых состояний в аттракторе эпифании. Обоснование лингвотипологической природы системы текста позволило выявить синергетическое напряжение художественных текстов, конструируемых новой моделью, и выявить самоорганизацию коллективного идиостиля эпохи в состоянии девиативности, нелинейности и открытости.

Сфера научных интересов: лингвистическая теория художественного текста, лингвотипология художественного текста, синергетика художественного дискурса, интерпретация художественного текста, джойсоведение.

Коринь Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языка Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Кандидатская диссертация защищена в 2014 г. по теме «Метафора и метаметафора в немецкоязычном художественном дискурсе: когнитивный и прагматилистический аспекты» в ХНУ имени В. Н. Каразина (научный руководитель – проф. Л. С. Пихтовникова), специальность: 10.02.04 –

германские языки. *Синергетический подход* использован для исследования самоорганизации смыслов в немецкоязычных романах путем создания метаметафор-аттракторов, размещенных в определенном порядке в тексте. *Круг научных интересов*: лингвостилистика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, методика преподавания иностранных языков в высшей школе.

Гончарук Олег Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин факультета права и массовых коммуникаций Харьковского национального университета внутренних дел. Диссертация на тему «Англоязычная прозаическая басня: прагмастилистический и лингвокогнитивный аспекты» защищена в 2013 г. по специальности 10.02.04 – германские языки в Херсонском государственном университете (научный руководитель – проф. Л. С. Пихтовникова). *Методология синергетики* использована в диссертационном исследовании для определения факторов самоорганизации дискурса англоязычной прозаической басни. Также впервые для англоязычной прозаической басни раскрыт синергетический механизм создания подтекста путем его поляризации с текстом. *Сфера научных интересов*: лингвокогнитивистика, прагмастилистика и синергетика дискурса, лингвостилистическая интерпретация, дидактизация и перевод англоязычной басни.

Яремчук Инна Михайловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Хмельницкого ЧВУЗ «Университет экономики и предпринимательства». Аспирантуру закончила в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина на кафедре немецкой филологии и перевода. Диссертация на тему «Немецкоязычная притча: лингвостилистический и прагматический аспекты» защищена в 2014 г. по специальности 10.02.04 – германские языки в Львовском национальном университете имени Ивана Франко (научный руководитель – проф. Л. С. Пихтовникова). *Методология синергетики* использована в диссертационном исследовании для выявления факторов самоорганизации дискурса немецкоязычной притчи; дискурс притчи рассмотрен в ракурсе отношений между текстом и подтекстом, оппозиция которых проявляется в противостоянии актуальной информации, связанной с актуальным членением, и имплицитной информации, порожденной сверхфразовым единством. *Сфера научных интересов*: когнитивная семантика, лингвистическая семантика, прагмастилистика, лингвосинергетика, проблемы разграничения собственно притчи и других поучительных текстов малой формы, лингвостилистическая интерпретация, дидактизация и перевод немецкоязычной притчи.

Судья Антон Николаевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики Национального

аэрокосмического университета имени Н. Е. Жуковского. Аспирантуру закончил в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина на кафедре немецкой филологии и перевода. Диссертация на тему «Функционирование контекстуальных синонимов-прилагательных в немецком художественном дискурсе: когнитивный и прагмастилистический аспекты» защищена в 2014 г. по специальности 10.02.04 – германские языки в Запорожском национальном университете (научный руководитель – проф. Пихтовникова Л. С.). *Методология синергетики* использована в диссертационном исследовании для анализа образования и функционирования контекстуальных синонимов-прилагательных в дискурсе, который рассмотрен с позиции динамической неравновесной системы с большими массивами разнородных данных и изменяющимся количеством составляющих. *Сфера научных интересов:* когнитивная семантика, прагмастилистика, художественно-публицистический дискурс, проблемы передачи и обработки информации.

Пильгуй Наталья Николаевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка и перевода Национального технического университета «Харьковский политехнический институт». Тема диссертации : «Англоязычный научный агротехнический дискурс: лингвостилистический и прагматический аспекты» (научный руководитель: д. филол. наук, проф. Л. С. Пихтовникова, диссертация защищена в 2014 г. в Запорожском национальном университете). *Использование синергетического метода* в диссертационной работе придало новое качество исследованию англоязычного научного агротехнического дискурса, позволило описать механизмы его самоорганизации с опорой на лингвистические понятия. *Сфера научных интересов:* научный дискурс, художественный дискурс, лингвостилика, лингвопрагматика, линвосинергетика, тексты малых форм.

Богатырёва Евгения Виталиевна – ассистент кафедры английского языка и перевода Мариупольского государственного университета. Тема кандидатской диссертации «Прагмастилистичні характеристики англомовних передвибірчих політичних дебатів» (защищена в 2014 г. в Запорожском национальном университете, специальность: 10.02.04 – германские языки, научный руководитель – проф. Л. С. Пихтовникова). *Методология синергетики* использована в диссертационном исследовании для анализа системной взаимосвязи прагматических характеристик англоязычных предвыборных политических дебатов и особенностей функционирования лингвостилистических средств выразительности в исследованном типе политического дискурса. *Сфера научных интересов:* прагмастилистика, лингвопрагматика, дискурсология, политическая лингвистика .

Чердиченко Виктория Павловна – преподаватель кафедры немецкой филологии Николаевского национального университета имени В. А. Сухомлинского. Работает над темой диссертации «Прагматистичні характеристики німецькомовної новели» (научный руководитель – проф. Л. С. Пихтовникова). *Системно-синергетический метод* используется в работе для создания эволюционно-стилистических моделей немецкоязычной новеллы, которая претерпевает стилевые трансформации под влиянием ряда исторических и социальных факторов. *Круг научных интересов*: лингвистика текста, лингвостилистика, дискурсология, прагматика, лингвосинергетика.

Залужная Марина Владимировна – магистр филологии, аспирант кафедры теории и практики перевода с английского языка, преподаватель кафедры английской филологии, Запорожский национальный университет. Тема диссертационного исследования - «Языковые способы, механизмы и средства реализации принципа неопределенности в английском языке (на материале постмодернистских художественных текстов британских авторов XXI века)», (научный руководитель: доц. А. И. Шевченко). *Сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, теория текста, лингвосинергетика, теория постмодернизма. *Интерес к лингвосинергетике* возник в процессе исследования языковых проявлений принципа неопределенности, влияния индетерминизма на современную лингвистику, его реализации в художественном дискурсе постмодернизма как открытой системе.

Наривская Валентина Даниловна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Днепропетровского национального университета имени О. Гончара. Со студенческих лет занималась проблемой исследования украинской литературы XX ст. в компаративном аспекте – в ее взаимосвязях и типологических восхождениях к европейской литературе. Кандидатская диссертация посвящена исследованию творчества Петра Панча (1979 г.). Историко-литературные познания реализовались в оригинальных компаративных подходах к анализу украинской литературы в контексте взаимовлияния литературы и искусства и во взаимодействии с европейским литературно-художественным развитием («Украинский декаданс как система художественно-идеологических модусов» (М., 2011); «Роман Гео Шкурпів «Жанна-батальйонерка: полемічний зміст алюзивності» (Одесса, 2013); «Іван Босий» В. Подмогильного как ресентимент эстетики босячества» (М., 2009); «Дисонанси романтизму в повісті Я. Галана «Гори димлять» (К., 2006).

Докторская диссертация В. Д. Наривской «Національний характер як художньо-естетичний феномен української та російської прози 50-70 років двадцятого століття», – первая в Украине, защищенная по специальности «сравнительное литературоведение» (1995 г., как и кан-

дидатская, – в Киевском университете имени Тараса Шевченко), – наметила еще одну сферу научных интересов В.Д. Наривской – литературное шестидесятничество в его предвидении, апогее развития и затихании. Диссертация, монографии «Національний характер в українській прозі 50-70 років двадцятого століття», «Национальное в современной русской прозе» (Дн-ськ, 1994, 1996), продемонстрировали возможности индивидуальной исследовательской компаративной методологии, сочетающей мифопоэтику с наработками в философии, культурологии, истории, психологии, искусствоведении.

Последующие работы В.Д. Наривской (свыше 200) развивали заявленные направления как методологические основы современной компаративистики («Виктор Домонтович в объятиях экфразического страха», Г., 2014; «Диссидентская история Гелия Снегирева (роман «Донос» в интермедиальном измерении)» (Польша, 2013); «Пасторально-ідилічне переживання світу (про роман М. Левицької «Коротка історія тракторів по-українськи» (К., 2011); литературоведческой антропологии с осмыслением типа родового человека («Український характерник: інтертекст культур Сходу і Заходу» (Польша, 2007), «маленького человека», авантюриста («Евгений Онегин как самоидентификация Остапа Бендера» (Одесса, 2010), творческой личности как «человека культуры» 1960–1970-х гг. («Культурная самоидентичность как необходимость жизнедеятельности: феномен В. Стуса» (Польша, 2013), проблем авторского мифа («Авторский миф в киноповести А. Довженко «Зачарованная десна», М., 2013). Под руководством В.Д. Наривской защищено более 20 кандидатских и докторских работ.

Анастасьева Оксана Анатольевна – старший преподаватель кафедры языковой подготовки Харьковского национального технического университета сельского хозяйства имени Петра Василенка. Тема диссертационного исследования: «Англоязычный афоризм: прагматилистический и лингвокогнитивный аспекты» (научный руководитель: д. филол. наук, проф. Л. С. Пихтовникова). *Синергетический метод* в диссертационной работе используется для анализа прагматических и лингвостилистических характеристик англоязычного афоризма и описания механизмов самоорганизации афористического дискурса. *Сфера научных интересов*: лингвостилистика, лингвопрагматика, лингвосинергетика, тексты малых форм.

Наши адреса для контактов и информирования:

E-mail:

germphil@karazin.ua

eng_philology.znu@mail.ru

Сайт:

<http://synergy.kh.ua>

Наукове видання

**Т. И. Домброван, С. М. Еникеева, Л. С. Пихтовникова, А. Н. Приходько,
Е. А. Семенец, В. И. Силантьева, Е. Г. Фоменко; С. Н. Коринь, О. Н.
Гончарук, И. М. Яремчук, А. Н. Судья, Н. Н. Пильгуй, Е. В. Богатырева,
М. В. Залужная.**

СИНЕРГЕТИКА В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Монография
(Рос., укр. мовами)

Под общей редакцией проф. Л. С. Пихтовниковой

Корректор *О. В. Токар*
Комп'ютерне верстання *О. В. Будник*
Макет обкладинки *І. М. Дончик*

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. ... Тираж 100 пр. Зам. № 209/15.

Видавець і виготовлювач
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
61077, м. Харків, майдан Свободи, 4
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.2009 р.

Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна
Тел. 705-24-32